

В городе давно настал транспортный коллапс, а автомобилисты стали маргинальным меньшинством вроде банд байкеров. Но в небоскребах Верхнего города живет мальчик, бредящий мощными машинами и путешествиями...

— А все-таки круто, наверное, ездить на машине! — задумчиво произнес Вадик, глядя в окно. Брат пожал плечами:

— Ага, крутизны не оберешься — пробки, выхлопы, обслуживание... Сел на монорельс да поехал, чего еще надо?

— А за город?

— И чего ты там забыл? Отравы давно не нюхал? Когда-то, говорят, клей в пакеты наливали, сейчас, конечно, проще — выйди в Нижний город да вдохни поглубже.

— Да ну тебя. Самому вести — это же кайф!

— А то ты пробовал. Уроки сделал?

— Ага, как аргументы закончились, так ты про уроки. Топик по английскому остался.

— Вот и не грузи.

Никитос демонстративно надел наушники и погрузился в экран, где какой-то очередной тип в пиджаке воодушевленно тыкал указкой в какую-то очередную презентацию. Вадик скорчил типу рожу, поскольку брат все равно не видел, и ушел к себе.

Разумеется, никакой топик он готовить не собирался. Тема была тупее некуда — «Моя профессия». Каждый год одно и то же. Ну перескажет он им «Гонку» еще раз, как будто это хоть кого-то интересует. А главное, как будто это на что-то влияет. Брат все уши прожужжал, что у него скоро заканчивается контракт и можно будет ехать к родителям в эту дурацкую Болгарию. Вот и ехал бы сам, а Вадика оставил в покое. Он как-то за эти два года ничуть не соскучился. И вообще, ему почти четырнадцать, паспорт получать скоро, пожил бы и один прекрасно. Но Никита, понятное дело, ничего и слушать не хочет. Один раз Вадик на эту тему заикнулся, брат разорался про права и обязанности и обозвал нахлебником. Еще и отцу обещал пожаловаться, как будто тот что-то сделает или хотя бы что-то новое скажет. «Нафиг было меня рожать, раз Никитос у вас такой замечательный?» — зло буркнул Вадик куда-то в сторону Болгарии. Интересно, а там тоже жилые комплексы и машин нет? Или все-таки есть? Тогда и уезжать было бы не обидно.

Он взглянул в окно. Тоска зеленая. Улицы терялись далеко внизу, и есть ли там хоть какое-то движение — не разобрать. Вот просвистел монорельс, навстречу еще один. Было бы на что смотреть. Опустить штору да включить ту же «Гонку», так ведь опять Никитос придет нудеть. Телепатически он, что ли, улавливает? Естественно, Вадик смотрел кино только в наушниках, но и то не помогало. Ну и ладно. Он все равно помнил все любимые фильмы покадрово. Он взял блокнот и быстрыми штрихами стал рисовать. Огромный капот, фары, обтекаемые линии кузова и, конечно, неизменные две полосы по центру. «Шевроле Камаро». Сейчас их на улицах уже не увидишь. Вадик плюнул на всех Никитосов на свете и запустил видео. Просто какой-то старый обзор автомобиля, но как же здорово! Вот бы однажды и правда оказаться за рулем...

— Это так ты топик готовишь? — ну вот вечно ему больше всех надо!

— Да готово уже все.

— Спать иди, завтра в школу не встанешь.

Вадик проглотил комментарий, где и как он видел эту школу. Ладно-ладно, Никитос всегда быстро засыпает. Так что, когда из-за стенки раздалось похрапывание, Вадик нырнул обратно в наушники и досмотрел обзор.

Назавтра в школу идти не хотелось совершенно. Прогулять, в общем-то, не проблема — Никитос может сколько угодно изображать, какой он весь из себя строгий и внимательный, но Вадик прекрасно знал, что ни за трекером, ни за электронным дневником брат не следит. Плевать он на все это, по большому счету, хотел. Вот прямо с их семидесятого этажа. Потому что в этой тупой Болгарии, считай, все по новой учить. Так что, получается, Вадик ходил в школу чисто для приличия. Типа положено так. Ну и еще с Максом можно про «Форсаж» на перемене поболтать. А, точно, еще ж Валерка обещал фотками ретроавтомобилей поделиться. Вадик со вздохом проводил взглядом лифт, уезжающий к зимнему саду на верхних уровнях, и направился к крытой галерее.

Галереей этот переход называл в основном Никитос и те, кто еще старше. Для детей, всю жизнь проживших в этом комплексе, это была «улица». Ну и что, что проходит высоко над землей? На «настоящей» улице они все равно бывали разве что в редких выездах в Старый город. Вадик ездил почти всегда, хотя Никитос и вздыхал, что денег на все экскурсии не напасешься. Ага, на вебинары-то у него всегда деньги есть... Хотя до музеев и особняков Вадику было мало дела. Его завораживал настоящий город вокруг. Когда из дома выходишь прямо наружу, над головой небо, пусть хоть какого серо-желтого цвета — несколько раз было даже настоящее голубое! — а по улицам, настоящим, а не галереям, ездят машины. Вадик, кстати, не мог понять, чего все так ужасаются их количеству. Во-первых, много машин — это гораздо интереснее, а во-вторых, ну реально, не так уж их много. Никитоса послушать, так от угла до угла с утра до вечера ехать надо. Впрочем, с ним спорить все равно без толку. Одноклассники тоже в основном крутили пальцем у виска, что Вадик забыл в Старом городе. Вон, иди после уроков да отправляйся в виртуальный тур, все покажут в лучшем виде и дышать легко. О том, что ему нравится этот воздух, Вадик вообще предпочитал не упоминать — точно токсикоманом обзовут. Хотя можно было бы и догадаться, что в дни, когда совсем все плохо, никаких экскурсий не бывает. Карта ветра и концентрации всякой дряни не зря в каждом уютге есть. Так что пусть не выдумывают.

На следующей «улице» его догнал Валерка.

— Принес? — полупшепотом спросил Вадик.

— Ага, — в тон ему ответил Валерка, и оба фыркнули. Как будто наркдилеры какие. С другой стороны, именно так они себя порой и чувствовали. Макс — тот свой парень, а увидит кто другой, как они обсуждают двигатели и гонки — потом неделю весь класс дразниться будет. Вадик, конечно, дрался неплохо, а Макс еще и на голову его выше, так что совсем уж борзеть не рисковали, но все равно надоели. А еще хуже — если услышит Верка. Тут же встрянет и будет хлопать глазами и восхищаться: «Вадик, ты столько знаешь!». Дура.

Историю Вадик терпеть не мог, а уж когда она первым уроком — вдвойне. Было бы в учебниках что-нибудь про Генри Форда или Ники Лауду, он бы все это учил, а на всех на свете турок, чехов и китайцев ему было плевать даже не с семидесятого, а с девяностого этажа, на котором находилась школа. Ну Возрождение еще ладно, там про художников интересно, а все эти войны, революции и восстания — тоска зеленая. Хорошо, Валерка рядом сидит. Некоторое время они молча листали фотки под партой, потом Вадик, делая вид, что конспектирует, написал в блокноте, лежащем поверх тетради:

«Интересно, такие машины вообще еще где-нибудь есть?»

«У Внешних разве что», — написал в ответ Валерка. Иногда удобно, что он левша — блокнот можно не двигать, и так достанет. А вот на контрольных они вечно локтями толкались. Но на постоянные призывы поменяться местами синхронно мотали головой —

так же удобнее переписываться на уроке!

«Это ж сказки!» — усомнился Вадик.

«Может, сказки, а может, и нет. Давай вместо физры в парк сляжем, расскажу».

До настоящих парков Старого города этому зимнему саду, конечно, было далеко, но зато это был полноценный зеленый парк под стеклянной крышей, куда можно было добраться всего за пару минут, и здесь было все, что полагается в парке — скамеечки, детские площадки, фонтан, а еще целый лабиринт из кустов, куда так удобно забираться и секретничать. Хотя под кустами пусть девчонки шепчутся, а Вадик с Валеркой забрались на любимую кривую яблоню и угнездились в самой удобной развилке — двум мальчишкам как раз хватало места, как в широком кресле. И Валерка, раздуваясь от гордости, что накопал хоть что-то, чего не знает Вадик, начал рассказывать.

Строго говоря, Внешними называли всех, кто по той или иной причине жил не в Верхнем городе, а за его пределами. Но, конечно, Валерка имел в виду не старушек, доживающих свой век в историческом центре, из-за которых Старый город еще не стал одним большим музеем, хотя многие, в том числе Никитос, поговаривали, что давно пора перестать считаться с этими упертыми бабками, отселить их и законсервировать здания. И точно не шпану из Нижнего города, живущую там потому, что на нормальное жилье денег нет и не будет — «нижних» побаивались, если доводилось покидать пределы комплекса, но ничего таинственного в них не было, не считая вопроса, как они в таком воздухе еще не вымерли — у бабок хоть окна надежные. Нет, когда мальчишки уважительным шепотом произносили «Внешние» — они говорили о взрослых парнях (и девушках, но это не так интересно), которые сознательно отказались от жизни в благоустроенных комплексах и поселились где-то за городом, где никто и ничто не мешает их любимому занятию — гонкам на старых мощных машинах, которым давно запрещен въезд в город.

— А гонки, говорят, насмерть, — рассказывал Валерка. — Так положено. А погибших сжигают, и никаких следов потом не найти.

— Да уж прямо и насмерть, — опять усомнился Вадик. — Машины-то жалко. Разве что ствол брать и прицельно по водителю...

— Ну так стволы там точно у всех есть! Думаешь, почему к ним полиция не суется? Там порядки — ух! А самое страшное преступление знаешь какое? Взять к себе в машину постороннего!

— И что будет?

— Что будет, что будет... — Валерка выразительно чиркнул себя по горлу. — Вот что будет! И если за деньги кого подвез — тем более. У них машина — это святое. Они и себя-то не по именам, а по маркам машин зовут. Лансер, там, Форестер, такое все.

— А если совпадут? — недоверчиво хмыкнул Вадик.

— А не бывает такого. Пришел кто с такой же машиной — значит, останется только один. Да, Внешних всегда одинаковое количество. Хочешь стать одним из них — убей предшественника. Сам. Один на один, без оружия. Потому что ствол еще заслужить надо. Ну, мне так рассказывали, — быстро поправился Валерка.

— А хотел бы я посмотреть, как оно у них, — произнес Вадик скорее в пространство. Валерка покрутил пальцем у виска:

— Ну ты псих! Не, ты не думай, я сам не то чтобы в это все верю, но как-то, знаешь, проверять не тянет. Они, говорят, и на органы людей разбирают, но вот в это я уже и сам не верю.

— Ну так и я прямо завтра к ним не собираюсь, — фыркнул Вадик. — А вот вырасту...

Он замолчал и с тоской подумал, что вырастет он уже в этой дурацкой Болгарии, где, скорее всего, никаких Внешних с мощными машинами и страшноватыми порядками нет и не будет. А жаль.

Никитос сегодня собирался на какой-то гламурный корпоратив, который должен был затянуться до поздней ночи, и Вадик предвкушал свободу. В кои веки спокойно поиграть или посмотреть кино! Но едва Вадик успел закончить первый заезд на симуляторе, как в двери повернулся ключ. Выругавшись, он быстро свернул игру. Вот же незадача — брат, похоже, решил заскочить переодеться. Остается надеяться, что быстро свалит... Но Никитос направился прямо в комнату Вадика.

— Не соизволишь ли ты объяснить, что все это значит?

Надо же, Никитос чуть ли не впервые за все время их жизни вдвоем решил поинтересоваться электронным дневником. Разумеется, ничего хорошего он там не увидел. Можно подумать, это кого-то удивляет.

— Спыхватился, — буркнул Вадик, не отрываясь от блокнота с рисунками. — Я и при родичах на уроки забивал.

— И что, это повод для гордости? — Никитос так и сочился ядом. — В Болгарии ты, видимо, планируешь улицы подметать?

— А я уже говорил, меня с собой тащить не обязательно.

— О да, идеальный план — жить за чужой счет в родительской квартире, в которую ты ни рубля не вложил. Совсем свихнулся со своими киношками? — Никитос повысил голос. — Думаешь, тебя всю жизнь терпеть будут?

— Ну и выкинул бы меня на улицу, делов-то, — Вадик знал, что его скучающий тон еще больше бесит брата, но отмалчиваться ему надоело. — Лишний багаж везти не придется.

«Все равно я тебе как чемодан — захотелось и повез», — добавил он про себя.

— Вот бредятину твою я точно выкину! — взорвался Никитос, протянув руку к внешнему харду, где Вадик хранил коллекцию фильмов. Но дотронуться не успел.

— А ну убрал руки! — Вадик сам от себя не ожидал, что способен так орать. Он взлетел из кресла, как ужаленный, и кинулся на брата с кулаками. Роста он был небольшого, в классе так из самых мелких, но Никитосу потребовалось немало усилий, чтобы оторвать от себя Вадика.

— Точно свихнулся! — бросил он, кривясь и потирая скулу. «Вот хорош будешь с фингалом на тусовке», — злорадно подумал Вадик.

— Так, все, — ледяным голосом проговорил Никитос, немного успокоившись. — Я это больше терпеть не намерен. Завтра ты ближайшим рейсом отправляешься к дяде, оттуда, как будет готова виза — к родителям. Твои документы у меня, так что твоего бесценного мнения никто не спрашивает. С меня хватит.

Вадик как будто издали слышал, как брат умывается — по носу ему тоже прилетело — влезает в свой пафосный костюм и уходит. Конечно, там, небось, какие-нибудь важные деловые партнеры, даже с набитой мордой нельзя пропустить мероприятие. Главное, чтоб его морду теперь на фейс-контроле узнали. Ехидничать было проще всего — так можно не думать о своих перспективах. Дядьку Серегу Вадик видел всего пару раз в жизни и совершенно не горел желанием видеть еще — хуже занудства Никитоса было только дядькино чувство юмора. Которого у Сереги, строго говоря, не было, но ему об этом сказать забыли. И вообще, тупая эта Болгария маячила на горизонте уже давно, но одно дело —

через два года, а другое — вот прямо сейчас. Это что, уже не сбежишь в парк с Валеркой? И не поболтаешь с Максом? И даже Верки, хоть она и дура, вдруг резко стало не хватать. Уж лучше бы и правда на улицу выкинули.

Вадик сжал кулаки, чувствуя, как подступают злые слезы. Нет уж. На улицу, к Внешним, да хоть куда, но чтоб никакого дядьки и никакой Болгарии. Никитос может сколько угодно строить из себя домашнего тирана и прятать документы — да гори они синим пламенем! Зато ключи и даже немного денег у Вадика были. И проходы вниз он знал. Что дальше — его сейчас волновало меньше всего на свете.

Он быстро оделся и спрятал драгоценный хард во внутренний карман флиски. Конечно, без компа от него толку мало, но Вадика аж трести начинало при мысли, что Никитос опять потянет к нему лапы. В другой карман отправился блокнот и набор маркеров. Может, и не пригодится, мрачно думал Вадик, но ничего ценного оставлять он не собирался. А то будет потом Никитос кому-нибудь показывать рисунки и нести всякий бред про воспитание творческой личности. Ага, навоспитывал он, аж в лепешку разбился. Носом.

На прощание Вадик нашел самый жирный и самый ядовито-розовый маркер и размашисто написал поперек Никитосова монитора: «Отдыхай, твой чемодан без ручки свалил на хрен». Добавил изображение того, куда, собственно, свалил, и выскользнул за дверь, на ходу накидывая куртку.

Конечно, проходы вниз всегда были закрыты — никому не нужно, чтобы дети или пьяные терялись и сворачивали себе шею. И тем более никому не нужно, чтобы в комплекс попал кто-нибудь из Нижнего города. Но Вадик с Валеркой давно облазили все закоулки и знали, где расстояние между прутьями решетки чуть пошире, а где и вовсе один выломан. Вадика раздражал его маленький рост и худоба, но сейчас онигодились — даже в куртке он легко шмыгнул в дыру и осторожно, но быстро стал спускаться. Шуметь нельзя — прибежит еще охрана и водворит домой. Вадик вспомнил про трекер, со злостью содрал его с руки, бросил на лестничную площадку и от души попрыгал сверху, а потом спихнул ногой в пролет. Снизу донеслось бульканье — видимо, трекер финишировал в какой-нибудь луже. Туда и дорога. Следом полетела выдранная из телефона сим-карта. Пускай теперь хоть обзвонятся.

Снизу потянуло холодом. Вадик застегнул флиску и куртку по самый нос. «Улицы» комплекса не отапливались, но все равно там было куда теплее, чем снаружи. А по календарю был уже ноябрь. Зимы со снегом Вадик помнил от силы пару раз, но по нижним лестничным пролетам гулял ветер и пахло сыростью. Значит, снаружи холодно. Впрочем, неважно. Льда быть не должно, а значит, он без проблем выберется наружу. Внизу ступеньки пропадали, их заменяла шаткая пожарная лестница, не доходившая до земли. Но Вадик не зря лазил в школе по канату. Он ловко спустился, спрыгнул и решительным шагом направился прочь от комплекса. Куда глаза глядят. Сейчас Вадиду не было дела ни до чего. Только обратиться куда-нибудь от брата с его наравоучениями, дядей и Болгарией. От всех.

Сколько Вадик себя помнил, Никита был Умным Старшим Братом. Родители очень хотели, чтобы он «подавал пример» и «был наставником», попросту говоря — нянькой вместо них самих. Сам Никитос в гробу видал возиться с мелким — разница в возрасте в четырнадцать лет не оставляла им шансов на общие интересы. Но кто ж его когда спрашивал. Вадика не спрашивали тем более — вот тебе старший брат, слушайся и будь таким же. Ага, таким же занудным и озабоченным только деньгами и карьерой. Конечно, а то жизнь в комплексе не потянешь. Никитос родился еще в Старом городе и проел Вадиду

все мозги, как им невероятно повезло с переселением в Верхний, а он, балбес этакий, не ценит. А Вадик, проживший в комплексе всю жизнь, каждого выхода наружу ждал как глотка свежего воздуха, даром что в Верхнем городе воздух был на порядок лучше. Но сейчас, чувствуя под подошвами кроссовок разбитый асфальт, хлюпая по лужам и вдыхая настоящий ветер, а не невнятные шевеления климатической системы, Вадик был счастлив.

К ночи становилось холоднее, и радость начала сменяться тревогой. Вадик понятия не имел, где находится — в Нижнем городе было плохо с указателями, да и чем бы они ему помогли? Тем более что возвращаться он в любом случае не собирался. Но надо было думать, что делать дальше. Одет он не то чтобы по сезону, документов нет, деньги есть, но не такие уж большие — что, собственно, теперь? Не придумывалось ничего умнее, кроме как спрятаться в какой-нибудь подвал, переждать ночь, а завтра уже что-нибудь решить. А если найдет полиция и вернет домой? Вместо тревоги снова нахлынула злость. Нет уж, лучше он тут и замерзнет, чем еще раз видеть насмешливую улыбочку Никитоса. Тот ведь еще спросит что-нибудь типа «что, кушать захотел, а готовенького не принесли?». Да пошел он со своим готовеньким! Вадик натянул шапку по самые глаза и ускорил шаг — так теплее. Ему попался покосившийся указатель в сторону центра. Вот бы добраться до Старого города — Вадик давно мечтал побывать там один, без хихикающих одноклассников и нудящей учительницы. А дальше — дальше видно будет.

Время было позднее, но по улице — наконец-то настоящей улице! — то и дело шуршали машины. Прохожих почти не было, а кто и был — не обращал внимания на одинокого подростка. У «нижних», небось, не обвешивают трекерами чуть не с рождения. Вадик смотрел на облупившиеся дома с дешевыми стеклопакетами и остатками чахлой зелени во дворах и в чем-то завидовал их обитателям. Никитос, конечно, расписывал, как все в Нижнем городе заживо гниют от скопившейся у земли дряни — но те, кого Вадик успел увидеть, на чумных зомби как-то не походили. Интересно, рассказы про Внешних и их жуткие порядки — такая же туфта? Вадик вдохнул полной грудью запах бензина — на пути попала заправка. А может, попроситься переночевать, а там и на работу устроиться? И пропади пропадом та школа!

Откуда-то слева послышался свист. Вадик непроизвольно обернулся на звук — и удар сзади сбил его с ног. Оглушенный, он попытался встать — в лицо прилетел тяжелый ботинок, потом еще и еще раз. Залившая глаза кровь не позволяла понять, сколько было нападавших. Вадик был достаточно силен для своей комплекции, но не когда перед глазами все плывет, а сыплющиеся удары не оставляют шанса опомниться. Дыхания не хватало даже вскрикнуть от боли. Он все же ухитрился перекатиться и встать на ноги — только для того, чтобы его, как мяч, швырнули соседнему противнику, и на него обрушился новый град ударов. О том, чтобы дать сдачи, можно было даже не думать — нападавшие были старше, быстрее и сильнее. И они развлекались. В глаза сверкнула вспышка мобильного — точно в момент особо мощного пинка, заставившего Вадика согнуться пополам. Он сжался, пытаясь защитить и без того разбитое лицо и хард в кармане. Вот обидно будет, если отберут... Но никто даже не поинтересовался содержимым его карманов, хотя сопротивляться Вадик был уже не способен. Очередной удар снова свалил его на землю, и встать он не пытался. Но его опять подняли, в лицо впечатался чей-то кулак, и снова его, как тряпичную куклу, швырнули дальше... Новых ударов он уже не чувствовал — наверное, всему есть предел. Тусклый свет фонарей начал меркнуть, и Вадик понял, что здесь его побег и закончится. Его не пытаются ограбить. Его убивают.

Нет. Ну как же так. Он ведь так и не дошел до Старого города... Нет...

Свет почти совсем погас, когда избиение внезапно прекратилось. Вадик не решался пошевелиться. Откуда-то издалека он услышал спокойный низкий голос:

— Так, ютуберы хреновы, а ну пошли отсюда!

Ему ответили потоком брани. Затем послышался удар, невнятный вскрик и звук падения. Что-то хрустнуло.

— Еще вопросы есть? — проговорил тот же голос. — Если нет — свободны!

Вадик смутно видел рослую фигуру, прошедшую сквозь нападавших, словно их тут не было. Впрочем, вскоре их действительно не стало — матерясь себе под нос, они исчезли так же быстро, как и возникли. И тут свет погас окончательно.

— Нет, так дело не пойдет. Вставай давай.

Вадик хотел было возразить, что у него после такого точно все кости переломаны. Потом подумал, что говорить он тоже не сможет — губы разбиты в хлам. Странно, что он не чувствует боли — может, он вообще уже умер и все это ему мерещится? Но его просто подняли и усадили — и, к своему удивлению, он смог сидеть прямо.

— Так, уже прогресс. Глазки открываем, не стесняемся, я вроде не такой уж страшный.

Глаза открыть тоже удалось. Перед ним сидел на корточках незнакомый парень, на вид чуть постарше Никитоса. Широкоплечий, крупный, но не толстый, светлые волосы подстрижены почти под ноль, над ухом виден старый шрам. Несмотря на холодную погоду, куртки на нем не было — только стеганый жилет поверх клетчатой рубашки. Выходит, это он в одиночку разогнал всех? Но парень улыбался вполне доброжелательно, и Вадик рискнул заговорить:

— Спасибо.

Вот говорить все-таки было больно. И получалось не очень. Но вроде его поняли.

— Нельзя ж это так оставлять. Давно я сюда не заглядывал, совсем страх потеряли. Хорошо, успел вовремя.

Вадик поежился, вспомнив медленно гаснущий свет. Но сейчас он даже сумел подняться на ноги.

— Я думал, вообще насмерть забьют...

Парень ответил не сразу.

— Человек, знаешь ли, прочнее, чем кажется. Но на сегодня с проверками на прочность точно надо завязывать. Пойдем отсюда.

Вадика немного пошатывало — отчасти от неожиданности, но и избили его действительно сильно. Парень молча поддержал его под локоть. От самого этого прикосновения идти как будто стало легче. Ветер колыхнул волосы, и Вадик понял, что потерял шапку. Он обернулся — действительно, она так и валялась на месте драки рядом с кучей еще какого-то хлама. На секунду возникло странное чувство, что это он сам каким-то образом все еще лежит там, неловко скорчившись под стеной. Вадик помотал головой, отгоняя наваждение, и в кои веки помянул недобрым словом свои способности к рисованию — оно, конечно, здорово, когда в игре теней можешь увидеть всякое интересное, но не собственный же труп. Шли бы такие картинки куда подальше.

— Ты откуда взялся, чудо? — нарушил молчание парень.

— Сверху, — надо же, уже и разговаривать получается нормально. На «чудо» Вадик решил не обижаться — сам понимал, что выглядит сейчас на редкость невразумительно. Да и вообще человек, который ему жизнь спас, может называть его как угодно.

— Это ж как тебя сюда-то принесло? Обрато дорогу, поди, не найдешь?

— А я и не собираюсь, — зло ответил Вадик. — Пропади оно пропадом.

— Даже так?

— Угу.

И Вадик, уже полностью забыв про боль, выложил все — и про Никитоса, и про эту дурацкую Болгарию, и про свое увлечение машинами, и про побег из дома. Когда он остановился перевести дыхание, парень положил ему руку на плечо:

— Так. Во-первых, сразу скажу: шляться по Нижнему городу — это очень долгий и болезненный способ самоубийства. Да ты сам только что убедился. У вас, может, про «нижних» и много врут, но это, на самом деле, цветочки. Тут все намного хуже. Я бы даже сказал — не то диво, что тебя отметелили, а то диво, что так далеко успел уйти. Тут есть места, куда и наши-то не заходят.

— А ты сам откуда?

Парень ответил не сразу, а когда заговорил — его ухмылка годилась на постер боевика:

— Вы нас называете Внешними.

Вадик не знал, то ли шарахнуться — он все-таки помнил рассказы Валерки — то ли заорать «Вау!». В итоге сделал что-то среднее — чуть отстранился и тихо сказал «Вау». Парень хмыкнул:

— Надо же, «верхний» в кои веки не падает в обморок.

— Да я ж тебе говорю, я обожаю машины и вот это все! — пылко воскликнул Вадик. — Я вообще думал к вам сбежать! Хотя боялся.

— Шляется по Нижнему городу и еще говорит, что чего-то боится. Чего боялся-то?

Вадик смутился. Рассказы Валерки вдруг показались чем-то ужасно детским, вроде страшилок из летнего лагеря в соседнем комплексе. Но парень явно ждал ответа.

— Ну это... что вы так просто к себе не принимаете и надо пройти проверку, типа даже убить кого-нибудь...

— Ага, ритуально принести в жертву и выпить на могилке стакан бензина, — фыркнул парень. Вадик почувствовал, что краснеет. — Знаю я эти сказки, могу еще с полсотни рассказать, если интересно. На самом деле, единственное, что в этом всем правда — так просто мы действительно к себе не принимаем. Если ты к нам — то это с концами.

— У нас говорят, что вы все чуть ли не бессмертные, потому что вроде как отдали душу дороге, — сказал Вадик и смутился окончательно. Но на этот раз парень смеяться не стал, а задумчиво проговорил:

— Хм, а вот такой сказки я не слышал, и она мне нравится. В чем-то так оно и есть, пожалуй. Жить лично я планирую вечно, и пока все идет хорошо. А душу в пятом классе Сатане на резинку променял, — снова фыркнул он. Вадик тоже рассмеялся. Но парень уже снова посерьезнел:

— Ладно, шутки шутками, а у нас дорога и правда в один конец. Если ты реально хочешь к нам — из города ты исчезнешь. Вообще. Насовсем. Старых знакомых ты больше не увидишь, а если однажды и встретишь — они сами тебя не узнают. Ты готов к такому? Если нет — ничего тебе не будет, я провожу тебя до безопасного места и исчезну. Подумай.

Вадик задумался. Это что же, все равно больше не будет посиделок в парке с ребятами, болтовни о машинах и баек про ужасы за пределами Верхнего города? Не будет Валерки и Макса? И дуры Верки? И помешанного на девчонках Руслана? Вообще-то они прикольные ребята, и что — их уже не будет? И они никогда не узнают, что он встретил настоящего Внешнего? Но ведь сам-то этот Внешний — будет! И настоящие машины! И может быть, даже он сам однажды сядет за руль! И никакого Никитоса и Болгарии!

— Я готов, — решительно сказал Вадик. — Я не хочу возвращаться.

— Значит, так тому и быть, — кивнул парень. — Как тебя зовут-то, чудо?

— Вадим. Можно просто Вадик.

— А я Леха. Но чаще меня зовут Птаха.

Вадик невольно хрюкнул — уж очень не вязалось прозвище Птаха с парнем выше него

на две головы и шире в плечах раза в три. Но как же Валерка говорил, что у всех Внешних прозвища по маркам машин?

— На самом деле, так зовут мою машину, а по ней уже меня, — словно прочитав его мысли, сказал Птаха. — «Шевроле Тахо» — знаешь такую? Хотя откуда...

— Вот еще! — обиделся Вадик. — Я кучу моделей знаю! «Тахо» крутая, хотя я больше «Камаро» люблю.

— Тот «Камаро» у нас не везде проедет, хотя машина отличная, кто бы спорил, — хмыкнул Птаха. — Так вот, где «Тахо» — там и Птаха. А я с ней уже много лет, вот и прилипло. Кстати, вот и она.

Они повернули за угол, и Вадик ахнул от восторга — на обочине стоял огромный белоснежный внедорожник со знакомым ему широким крестом на решетке радиатора. Птаха чуть погладил капот и мягко улыбнулся. Вадик шагнул было к машине, но Птаха остановил его:

— Подожди. Еще не все. Чтобы попасть ко мне в машину, ты должен признать себя моим Пассажем. Никого другого я взять не имею права.

— Что надо сделать? — быстро спросил Вадик.

— Ничего из того, что в Верхнем городе рассказывают, — усмехнулся Птаха. — Я протяну руку и скажу «Будь моим Пассажем», а ты ответишь «Будь моим Водителем». Если, конечно, ты все еще намерен идти со мной. С концами, помнишь?

— Конечно, намерен!

— Ну что ж... — Птаха опустился на одно колено, чтобы быть с Вадиком на одном уровне, и с расстановкой произнес: — Будь моим Пассажем.

— Будь моим Водителем, — срывающимся от волнения голосом ответил Вадик и стиснул протянутую руку.

— Слово сказано, — кивнул Птаха и встал. — Теперь нам друг от друга никуда не деться. Пассажир — это у нас вроде названного брата и ученика одновременно. А я, значит, типа наставник получаюсь.

— «Двое их — учитель и его ученик», — вспомнил Вадик. Птаха рассмеялся:

— Иди ты в задницу, Энакин хренов! Даром что похож.

— Сам туда иди! — отозвался Вадик. Теперь смущаться было незачем и вообще казалось, что они с Птахой давным-давно знакомы. А драка с братом и нападение в Нижнем городе были и вовсе с кем-то другим и в другой галактике.

Вадик осторожно тронул белоснежный борт «Тахо». Среди слякоти Нижнего города она выглядела почти нереальной. Но под рукой был вполне твердый металл, еще теплый — машина простояла не очень долго. И что, сейчас вот прямо можно открыть дверь и попасть внутрь?

— Хочешь, залезай, Пассажир, — нет, Птаха определенно читал мысли. — Или посадить?

— Ну уж не такой я мелкий! — возмутился Вадик. — Просто... до сих пор не верится. Чтоб вот так шел человек — и мало того что отбил, так еще и с собой взял.

— А я и не человек, — усмехнулся Птаха. — Я пес.

Вадик молча уставился на него.

— Гав, — с абсолютно невозмутимым видом сказал Птаха.

— Да ну тебя! Я серьезно!

— Я тоже. Знаешь, зачем в городе собаки нужны? Потому что без них будут крысы.

Вроде той гоп-компании. А я крыс, знаешь ли, не люблю. И гоняю. И уж точно не собираюсь допускать, чтобы они кого-то загрызли.

Он хищно оскалился и действительно стал невероятно похож на огромного бойцового пса. Только сейчас Вадик осознал, что Птаха, по сути, разогнал тех отморожков один. Безо всяких там стволов, про которые так упоенно рассказывал Валерка. Вспомнился тот звук удара и хруст, и Вадик поежился. Он не хотел знать, что тогда хрустнуло под Птахиным армейским ботинком.

— До сих пор боишься меня, что ли? — хмыкнул Птаха. — Не могу сказать, чтобы было не за что, но не тебе.

— Ну просто... — Вадик снова замялся. — Не могу понять, я-то тебе зачем? Сам же говорил — мог бы проводить и исчезнуть... Я не передумал и не передумаю, — поспешно добавил он, — но просто...

— А вот, допустим, захотелось мне так. Не волнуйся, я в любом случае рискую больше.

— В смысле?

— Я отвечаю за тебя жизнью, — коротко ответил Птаха. — У тебя, если что, еще есть вероятность смыться. У меня — нет.

— Тогда я тем более не понимаю...

— А мне, может, нравится рисковать, — Птаха снова широко ухмыльнулся. — И вообще, ты — отчаянный. Как я. Как мы все. Обычный домашний мальчик из Верхнего города не ушел бы из дома. А если бы и психанул временно, не забрался бы так далеко в Нижний. И от меня свалил бы впереди собственного визга, потому что я же страшный-ужасный Внешний, мы людей заживо на запчасти разбираем, — он состроил гримасу и сам расхохотался.

— И в жертву приносите, ага, — теперь Вадик самому стало смешно от всех этих рассказней и от его опасений. Но Птаха уже не смеялся.

— Вообще, про дорогу в один конец я не зря говорил. К нам не должны попадать посторонние, ни сами по себе, ни в поисках кого-то пропавшего. И если я тебя привел — то я за тебя ручаюсь. По тому, что ты рассказал, я достаточно о тебе знаю, чтобы рискнуть. Поэтому и предложил стать Пассажиром. Ну и я же тебе уже сказал: я пес. У меня чутье. И это чутье мне говорит, что с тобой выйдет толк.

— «Я уличный пес, подвал, в котором я рос...» — вспомнил Вадик старую песню.

— «Бывал со мною часто жесток», — тут же подхватил Птаха. — «Учил быть первым всегда, от ушей до хвоста, и ненавидеть хозяйский свисток...».

Со стороны, наверное, они выглядели полными психами, но смотреть было некому. Поэтому они так и стояли у машины и горланили песню, и Вадик казалось, что и сам он уже все про Птаху знает, и конечно же, пойти с ним было единственным возможным решением, потому что он и есть тот самый «первый педагог» и герой уличных драк.

— «Удача за нас, мы уберем их на раз...» — выводил Вадик.

— «И это, без сомнения, так!» — соглашался Птаха.

— «Нам дышится в такт, и ускоряет наш шаг блюз бродячих собак!» — финал припева превратился в настоящий собачий концерт. Даже, кажется, отозвалась пара настоящих псов. Вадик был готов продолжать, но Птаха жестом остановил его:

— Успеем еще наораться. Не забывай, мы не так далеко ушли. Этих я шуганул, но они тут не одни такие. Да и еще кое-что надо сделать.

Вадик недоуменно взглянул на него.

— Ты должен исчезнуть, — отчеканил Птаха. — Никакой Вадим... как тебя там по фамилии?

— Комаров, — мрачно сказал Вадик. Свою фамилию он терпеть не мог.

— Так вот, никакой Вадим Комаров меня не встречал и со мной не уходил. Думаю, не надо объяснять, почему.

— Да уж, брательник ту еще панику разведет. А у него связи, — Вадик помрачнел, но тут же вскинулся: — А может, я помер! Может, меня те уроды совсем запинали!

— Верно мыслишь, — кивнул Птаха. — Крови там осталось полно, еще и шапка валяется, но этого мало. Вот если бы у тебя нашлось что-то такое, что точно указывало бы на тебя...

Вадик задумался. Коллекции фильмов было невероятно жаль. Сколько собирал, сколько прятался от брата! Но ведь теперь уже не нужно прятаться. Птаха, поди, слова не скажет, если Вадик будет смотреть «Безумного Макса» хоть пятьсот раз подряд. Да вообще нафиг то кино, тут же рядом стоит настоящая «Тахо», и они на ней сейчас уедут! И Вадик решительно распахнул куртку и флиску и вытащил хард.

— Вот. Корпус я сам разрисовал. И если Никитос это найдет, он точно будет уверен, что я помер, потому что при жизни я бы с этим хардом не расстался. Я ему физиономию за то и разбил, что он к нему лапы потянул.

— Не жалко? — прищурился Птаха.

— Физиономию? Точно нет. Хард — жалко, но ты же сам говоришь — надо исчезнуть. Я и так все фильмы там наизусть знаю.

— Это по-нашему, — улыбнулся Птаха. — Ну что ж, пойдем тебя зверски убивать.

На мгновение Вадик почувствовал неприятный холодок. Опять всплыли в памяти все Валеркины рассказы. Но Птаха улыбнулся еще шире и положил ему руку на плечо, и Вадик посмеялся над собой. Птаха ведь сам сказал...

— Вернемся немного. Машину гонять не буду, хорошо стоит.

— А куда мы, собственно, идем? — впервые спросил Вадик.

— Своевременный вопрос, — хмыкнул Птаха. — Тут есть станция электрички. А еще тут ходит экспресс. Скорость у него бешеная, станция заброшена... понимаешь, к чему я?

— Типа свалился?

— Свалился, скинули, сам спрыгнул, это уже никому не важно. А тушку собаки съели, — Птаха кивнул на белого пса, бредущего чуть впереди. Пес был и правда весьма упитанным. И как раз в этот момент решил, что у начала бетонной лестницы, ведущей на платформу, может быть что-то съедобное, и принялся рыть лапами землю.

— Да-да, псина, именно на тебя и будем все валить, — сказал Птаха. — Правда, мы моральные уроды? Но я надеюсь, что ты нас простишь.

Пес невозмутимо продолжал свое занятие. Похоже, он и правда что-то нашел и начал есть. Вадик поежился. Еще недавно он был готов насмерть замерзнуть в Нижнем городе, только бы не возвращаться домой, но теперь, когда появился Птаха, даже такие разговоры его пугали. Конечно, это все понарошку и ничего не будет, но эта платформа была просто создана для того, чтобы сигануть с нее под скоростной поезд. Вадик никогда таких не видел — платформы монорельса всегда были отделены от путей, и двери открывались, только когда на станции стоял состав. Здесь — ничего подобного. Только бетонный перрон, давно сломанный турникет, тусклые фонари и тронутый ржавчиной предупреждающий знак, на котором силуэт подростка в ужасе замер перед приближающимся поездом.

— Никитос, наверное, подумает, что это я сам, — проговорил Вадик и сам не узнал внезапно севший голос. — Я ему записку написал. Маркером на мониторе.

— Сейчас мы такой цирк разводить не будем, — деловито ответил Птаха. — Пусть себе думают, что хотят. А чтобы лучше думалось — вот.

В его руке шелкнул складной нож. Вадик невольно отступил. Птаха все еще улыбался, но как-то совсем недобро.

— У вас, кажется, рассказывают, что дороге надо отдать немного своей крови, — проговорил он. — Можешь считать, что это сейчас и произойдет. Сам справишься или мне сделать?

— Да я ж вроде и так... — Вадик провел рукой по лицу, только сейчас вспомнив, что его, вообще-то, били ногами, расквасив нос и губы в полное непотребство. Странно даже, что он может нормально говорить. Но на пальцах следов крови не было. Вадик ошарашенно заморгал.

— Что было, то давно засохло, — сказал Птаха. — По новой портить тебе физиономику я точно не буду. Руку давай.

Набравшись решимости, Вадик оттянул рукав флиски. Коротким движением Птаха полоснул его по руке. Боли почти не было, но порез сразу наполнился кровью. Вадик сжал кулак — кровь пошла сильнее и капнула на хард. Птаха удовлетворенно кивнул.

— Смотри, ты сам перемазался, — сказал Вадик. — Почти что, этот, ритуал побратимства.

— А что, это мысль, — хмыкнул Птаха. Чиркнув себя по руке, он коснулся пореза и шепотом повторил «будь моим Пассажиром». Вадик так же шепотом произнес положенный ответ.

Внезапно ожил болтающийся на столбе динамик и забубнил о приближении скоростного поезда и о необходимости отойти от края платформы. Но Вадик, разумеется, пошел вперед. Он заворожено следил, как приближалась ослепительная фара в голове состава — казалось, он движется очень медленно, об огромной скорости говорил только стук колес. «Давай!» — крикнул от лестницы Птаха, и Вадик, уже без тени сожаления, швырнул заляпанный кровью хард на пути. Экспресс несся мимо, и от мелькания огней у Вадика закружилась голова. Казалось, этот вихрь сейчас захватит и его и унесет с собой... Он почувствовал, что ноги подкашиваются. Про край платформы говорили не зря...

— Нет, тебя точно надо отсюда забирать. Убьешься на раз. Разбаловались вы там наверху с вашими монорельсами.

Птаха крепко держал его за плечо, не давая упасть. Наконец в глазах перестали кружиться цветные огни, и Вадик выдохнул. Стук колес экспресса затихал вдаль, а брошенный на рельсы хард словно растворился. Вадика пробрала крупная дрожь — он так и ходил в расстегнутой куртке. А может, холод был совсем ни при чем.

— Это нормально, не каждый день умираешь аж по два раза, — усмехнулся Птаха. — Пошли в машину, будем тебя в чувство приводить.

Они спустились по лестнице, где все тот же белый пес до сих пор что-то жевал, и на последней ступеньке Птаха внезапно пошатнулся. Он упал бы, если бы не схватился за столб.

— Ты в порядке? — спросил Вадик, холодея от страха — неужели с Птахой что-то случилось? Он ведь не знал, что там произошло... У тех уродов могли быть и ножи... В голове замелькали ужасы про внутренние кровотечения и все такое — Вадик любил читать статьи, разбиравшие, почему средний герой боевика в реальности не прожил бы и пяти минут. Начитался на свою голову... Но Птаха уже снова твердо стоял на ногах.

— Нормально все, голова закружилась. Не рассчитал сил, пока тебя вытаскивал.

— Ничего не понимаю! — зажмурился Вадик. Но, не успев договорить эту фразу, он вспомнил, что Птаха с самого начала почти все время держал его за локоть или за плечо. И вспомнил, как на глазах возвращались силы, хотя он был уверен, что не сможет даже встать. Так что же получается...

— Ой, — сказал Вадик. — Так бывает вообще?

— Все бывает, медведь летает, — привычно ухмыльнулся Птаха. И помахал руками, изображая того самого медведя, благо комплекция более чем позволяла. Вадик сложился пополам от смеха и с трудом проговорил:

— Ну что, полетели отсюда, что ли?

— Угу, — теперь это был все тот же Птаха, и уверенным широким шагом он двинулся по улице. Вадик поспешил за ним, продолжая удивляться, что без труда успевает. Или просто дело в том, что, как говорил тот же Птаха, человек прочнее, чем кажется? А голова у него закружилась просто от резкого рывка, Вадик ведь и правда не знал, что нельзя стоять так близко к поезду? Да какая, в конце концов, разница! Они оба живы и в порядке, и вот из-за угла опять возникла белоснежная «Тахо». Птаха распахнул пассажирскую дверь:

— Располагайся, Пассажир.

Вадик забрался на высокий порог и со счастливой улыбкой плюхнулся в огромное кресло. Тем временем Птаха порылся в багажнике и извлек бутылку воды и пачку влажных салфеток. Вадик набрался смелости и взглянул на себя в боковое зеркало.

— Красавец? — хмыкнул Птаха, устраиваясь на водительском сиденье.

— Н-ну, бывало лучше, — честно ответил Вадик. — Но думал, будет хуже.

После того, как он умылся, изведя почти всю бутылку воды и полпачки салфеток, о нападении напоминали только несколько ссадин и рассеченная бровь, немного мешавшая смотреть вверх и вправо. Понятно, откуда столько кровищи — Макс вон как-то об угол парты так приложился, так на полу, натурально, лужа была. Отмыв все это безобразие, Вадик стал выглядеть уже вполне прилично. А порез на руке и вовсе закрылся как будто сам

собой.

— Есть хочешь? — спросил Птаха.

Вадик задумался. Когда он, собственно, последний раз что-то ел? Вроде еще дома съел жареных пельменей... Неужели это было сегодня? Нет, наверное, уже вчера... А который час, вообще? Спихнув трекер с лестничной площадки, Вадик вообще потерялся во времени. Ему уже казалось, что по Нижнему городу он бродил не один день. Так, стоп, есть же телефон. Даром что без симки, время-то он покажет... Телефон показал только растрескавшийся экран. Черт, обидно. Ладно, инфу ведь можно вытащить. Наверное, Вадик совсем завис, потому что Птаха махнул рукой:

— Ладно, если так долго думаешь, то за час-другой ты с голоду не умрешь. Все, поехали отсюда. Пристегнись.

Птаха повернул ключ, и мощный мотор заурчал, как огромный довольный кот. Вспыхнула огоньками приборная панель. Свет фар прорезал темноту. И все это было настоящим, не в кино и не в игре. Вадик почувствовал, что сейчас позорно разревется. На плечо снова легла рука Птахи:

— Все нормально, первый выход на дорогу — дело такое. Бывает.

И Вадик все-таки разревелся, как маленький — от грусти, что ему уже не сидеть с Валеркой на дереве и не получать от Верки дурацких записочек, от облегчения, что про эту тупую Болгарию можно забыть, и от счастья, что он здесь, на пассажирском сиденье самой настоящей машины, а за рулем — самый настоящий Внешний, который навсегда увезет его отсюда. Да, наверное, плакал он от этого слова «навсегда» — потому что все будет, конечно же, круто, но совершенно по-другому.

Тем временем Птаха вывел машину из переулка и прибавил газу. Мотор набрал обороты, и Вадик улыбнулся сквозь слезы — вот теперь все было правильно. По бокам дороги замелькали фонари, и хотелось, чтобы так всегда и было. Никуда не сворачивать, только ехать дальше сквозь ночь. Птаха расслабленно откинулся на водительском сиденье, управляя одной рукой — но вот дорога заложила вираж, и он мгновенно и жестко стиснул руль, изменяя курс. Вадик давно перестал плакать и только замороженно наблюдал за его точными экономными движениями. Неужели когда-нибудь он сам сможет так же?

— И ты так сможешь, — Птаха снова отвечал на его мысли. — На то и Пассажир, чтоб однажды стать Водителем.

— А это... говорят еще, что только на чье-то место...

— Говорят, что кур доят, — назидательно произнес Птаха, — а к нам привезут, они только яйца несут. Это Пассажир у каждого может быть только один, а Водителей много. Сам все увидишь. Смотри, уже светает.

Действительно, впереди занимался рассвет — не то непонятное желто-бурое марево, которое Вадик видел сквозь стекла галерей, а настоящий алый рассвет. Вадик рассмеялся от радости, уже не помня, что недавно плакал. Птаха лишь чуть улыбнулся и кивнул каким-то своим мыслям.

— Не знаю, как ты, а я хочу есть. И бензина мало. Останавливаемся.

Вадику не хотелось останавливаться — так бы и ехал хоть год. Но Птаха открыл дверь, и с заправки принесло запах пончиков. Только сейчас Вадик понял, что невероятно голоден. Неужели он действительно ел всего лишь вчера? И они ехали всего пару часов? В глазах все еще мелькала летящая под колеса дорога.

Птаха без слов понял, что к осмысленным действиям Вадик пока не способен, махнул

рукой и пошел возиться со шлангом. Вадик слушал, как топливо льется в бак, вдыхал запах бензина и до сих пор не мог до конца поверить, что все это происходит на самом деле. Может, поэтому и не решался даже шевельнуться в кресле. А когда решился, Птахи рядом не было. На секунду Вадик даже запаниковал, но Птаха уже появился снова. В руках он держал большой бумажный пакет и картонную подставку с двумя стаканами.

— Не исчезну я никуда, не бойся, — Вадик, кажется, уже начинал привыкать, что Птаха отвечает на его мысли. — Подержи, я машину отгоню. Ближе к себе, а то зеркало мне закрываешь.

Вадик виновато потупился.

— Спокойно, — усмехнулся Птаха, — всему еще научишься. А теперь давай завтракать. Не знаю, что ты любишь, взял тебе какао.

Вадик уже успел запихать в рот целый пончик и потому только радостно кивнул. Птаха совершенно искренне просиял:

— Говорю же, у меня чутье. И да, если ты не будешь сметать весь пакет, я буду тебе весьма благодарен.

— Я постараюсь, — с набитым ртом проговорил Вадик. Конечно, слопать это все в одиночку было нереально, но пончики действительно были необыкновенно вкусные. Совсем не такие, как в кафешке рядом со школой, куда Руслан вечно водил девчонок, с которыми гулял, а те хихикали и боялись растолстеть. Дуры. Там пончики были в блестящей разноцветной глазури и со всякими украшениями, а эти — просто обжаренные колечки теста, посыпанные сахарной пудрой. Никитос как-то говорил, что такие пончики были, когда он был маленьким, Вадик их не застал. А зря, они гораздо вкуснее!

— Доел? Ну поехали тогда. Кстати, чего мы в тишине сидим, а? — Птаха нажал на кнопку магнитолы. Как по заказу, из динамиков раздалось: «Я не считал своих врагов, я не боялся их клыков, я не умел ходить с поджатым хвостом...».

— «Из всего, что в жизни есть, ценилась верность и честь, а все остальное — потом...» — негромко подпевал Птаха. Вадик, конечно же, подхватил:

— «И в каждом новом бою, в борьбе за шкуру свою, со мною были друзья, это факт!»

Птаха одобрительно кивнул, выводя машину на трассу, и прибавил громкость:

— «Мы свято верили в то, что не забудет никто...»

— «Блюз бродячих собак!» — проорали оба уже во все горло. Птаха резко надавил на газ, и «Тахо», взревев почти на инфразвуке, рванулась вперед. Вадика вжало в сиденье, и он не сдержал восторженного вопля. Птаха с улыбкой чуть обернулся к нему:

— Мы еще и не так можем! Не боишься?

Вадик только замотал головой. Еще один легкий толчок из-под днища — и «Тахо» словно полетела над дорогой. Вадик, кажется, забыл даже дышать. Да что там — он боялся моргнуть лишний раз, чтобы не упустить ни секунды. Потому что — а вдруг это закончится?

И это закончилось. Но никто никуда не исчез — просто «Тахо» плавно затормозила перед небольшим деревянным домом. Вадик даже протер глаза — он такие видел разве что на картинках, Серега и тот, на что консерватор, давно жил в многоэтажке. Но ведь действительно — сейчас все по-другому.

— Сиди пока, загоню машину и вылезешь.

Гараж казался совсем маленьким, но огромная «Тахо» плавно вписалась туда, и вполне осталось место открыть двери. Но на то, чтобы вылезти, Вадика уже не хватило. Только сейчас он осознал, что на ногах уже больше суток, а по собственным ощущениям — так с

неделю. Глаза закрывались. Засыпать не хотелось — то ли чтобы не пропустить ничего интересного, то ли чтобы все это не пропало — но не засыпать уже не получалось.

— Сам дойдешь или отнести? — поинтересовался Птаха. — Меня, в общем, не напряжет.

— Да вот еще! — от возмущения Вадик даже ненадолго проснулся. Совсем ненадолго, потому что на дорожке от гаража его стало клонить в сон прямо стоя. Птаха подхватил его под локоть, подбадривая, как маленького: «Так, давай, шаг, еще шаг, теперь по ступенькам, вот, отлично...». И от него почему-то это совсем не было стыдно. Или это было уже во сне? Из куртки Вадик еще кое-как вывернулся — точнее, его вытряхнул Птаха, вместе с флиской. Снимая кроссовки, Вадик клюнул носом и чуть не упал. Тогда Птаха все-таки подхватил его на руки и без малейшего усилия отнес на второй этаж. Надо же, а с виду дом совсем небольшой... Это было последнее, что Вадик успел подумать. Он смутно ощутил, как его чем-то накрыли, и окончательно провалился в сон.

Вадик открыл глаза и некоторое время не мог понять, как оказался лежащим на диване. Была же «Тахо» и трасса, и скорость, и свет фар... или нет? От мысли, что все это могло ему просто присниться, слетели остатки дремоты. Он резко сел и огляделся.

Нет, он был определенно не дома. И не у Сереги. И, к счастью, точно не в какой-нибудь дурацкой Болгарии. Потому что фотографии родительской обстановки он видел, и это была не она. Деревянные стены и потолок, чуть потертый бежевый диван, на котором он, собственно, сейчас и сидел, озираясь, плотные рулонные шторы... Какое сейчас, вообще, время суток? Он привычно взглянул на левую руку, но трекера, естественно, не увидел. Зато увидел тонкий, но заметный шрам. Память вернулась так резко, что захотелось заорать на весь дом, но Вадик сдержался — вдруг сейчас все-таки ночь и Птаха еще или уже спит? Но от души замолотить кулаками по дивану ему точно ничто не мешало.

Вадик был одет все в те же джинсы и футболку, в которых ушел из дома. Джинсы были невероятно грязные, и он, устыдившись, что валялся на диване в таком безобразии, поспешно их снял. И только тогда задумался, что переодеться-то, собственно, не во что — Птаха слишком namного его крупнее. Ну ладно, наверное, тут постирать есть где... Вообще, конечно, он совсем не так представлял себе жилище Внешнего. Если верить Валерке, так они живут не то в бункерах, прячась от непригодного для дыхания воздуха, то ли вообще в гаражах, чтобы с любимым авто не расставаться. Но как минимум Птаха обитал во вполне благоустроенном доме.

На подлокотнике дивана оказался ворох одежды. Сверху лежал листок с запиской: «Нашел в залежах на чердаке, покопайся, может, что пригодится. Если проснешься и меня не застанешь, не пугайся, скоро вернусь. Ванная за стенкой. Внизу кухня, пользуйся». Голодным Вадик себя не ощущал. Он изучил «залежи» и выкопал даже пару комплектов одежды примерно своего размера. Ну велико, конечно, но не до такой степени, чтобы штаны поддерживать приходилось. Вещи были старые, но в неплохом состоянии. Еще с Птахиного детства, наверное, завалялись. Но представить Птаху в возрасте Вадика или младше не получалось. Он как будто всегда был таким, каким появился перед ним в Нижнем городе.

На стене Вадик обнаружил зеркало и не без опаски подошел и заглянул в него. Но ничего страшнее нескольких синяков и рассеченной брови не обнаружил. Они с Русом однажды еще похуже друг друга отделали, когда тот его достал своим трепом про свидания, и ничего, в тот же день вместе тусовались в парке. А тут — говорить не о чем. Особенно если вспомнить, что вчера Вадик вообще не был уверен, что жив останется. Так, стоп, «вчера»? Вадик чувствовал себя прекрасно выспавшимся, но, когда он поднял одну из рулонных штор, оказалось, что за окном день. Нет, за пару часов он бы так не отдохнул. Это что — он сутки проспал? Такого с ним не бывало, даже когда он болел. Но организм подтвердил его догадки, резко сообщив, что умрет с голоду, если в него немедленно не положат что-нибудь съедобное. Хотя только что Вадика совершенно не хотелось есть. Значит, надо воспользоваться любезным предложением Птахи. Хотя лучше всего, конечно, если он сам дома. Так оно как-то... больше верилось, что это по-настоящему.

Вадик еще раз оглядел перепачканные грязью, кровью и черт знает чем еще джинсы и брезгливо отпихнул их в сторону. И как он в этом спал? Футболка была немногим лучше. Вадик выбрал из «залежей» камуфляжные штаны с кучей карманов и футболку с

изображением бультерьера в каске. Вот в этом он и нынешнего Птаху легко мог бы себе представить. Вадик оглядел себя в зеркале, остался доволен и отправился умываться.

Птаху сидел внизу у камина. Вадик даже протер глаза. Настоящий камин! Не какой-то там экран с анимацией, не инфракрасный обогреватель, вяло изображающий тлеющие угли — самый настоящий огонь! А рядом, словно Птаху заранее знал, что Вадик придет именно сейчас, стоял столик с бутербродами, вареными яйцами и большим пузатым чайником.

— О. Восстал, — прокомментировал Птаху, увидев Вадика на лестнице. — Присоединяйся, сам как раз завтракать собирался.

— Не понял! — Вадик завертел головой в поисках хоть чего-нибудь, указывающего на время.

— Сутки ты продрых. Даже немного больше. Это нормально, после города здесь вырубают. Как там было — «выезжали на природу, еле отдышался под выхлопной трубой». Да-да, радиоактивных пустошей тут не водится. Пустыри есть, но вроде нормальные. Покажу потом, как освоишься. Сегодня я точно с места не сдвинусь, и так вчера весь день мотался. Сам понимаешь, ты здесь появился несколько незапланированно, что там у меня на чердаке валяется — я уже сам не помню, да и в любом случае ты мельче и не такой квадратный. Так что вот.

Он кивнул на лежащую в углу кучу пакетов. Вадик даже протер глаза. Все это как-то совершенно не вязалось с обстоятельствами... выходит, уже позавчерашней встречи. Птаху усмехнулся:

— Что, за пределами Верхнего города жизни нет, только пустоши и убежища с довоенными просроченными консервами? Нет уж, тушенку предпочитаю качественную.

— А что, правда есть?

— Полный подвал. Небольшой апокалипсис точно пересидим. Ешь уже давай.

Вадик охотно вгрызся в бутерброд с колбасой, а Птаху тем временем продолжал:

— Нет, народ у нас всякий, сам увидишь, но лично я даже апокалипсис пересидивать предпочитаю с комфортом. И уж точно не рыться по чьим-то нычкам в поисках полезного. Это веселое занятие оставлю крысам из Нижнего города, — он хищно оскалился.

Вадик глубоко задумался. Птаху, в общем-то, опять угадал его предположения. Пока Внешние были исключительно персонажами историй, которые рассказывал на переменах и в парке их «Клуб городских легенд», как обозвал их Миха, Вадик, естественно, никогда не задавался вопросом, откуда у Внешних, собственно, машины и все прочее. Как будто, действительно, произошел какой-то катаклизм, и они ездят на том, что после него осталось. Но ведь и старую машину надо как-то обслуживать, ремонтировать... В сказках этому всему не место, но он-то не в сказке! Хотя на этот счет у Вадика были сомнения.

— Не знаю, разочарую я тебя или обрадую, — сказал Птаху, дожевывая очередной бутерброд, — но интернет здесь тоже есть. Сигнал бывает так себе, но усилитель вроде работает. Вот усилитель по всем законам жанра, из консервной банки. Из-под ананасов.

Вадик фыркнул:

— Ну слушай, я все-таки не совсем придурок. Понятно, что если вы тут действительно живете, то это все не так, как у нас рассказывают, и вы тоже живые люди и вообще. А что, правда из-под ананасов?

— А вот, в окно выгляни, — Птаху подвел Вадика к окну и показал наверх. Там действительно торчала хитрая конструкция, включавшая в себя большую консервную банку. — Все, что сети касается — это мы с Прокси. Познакомишься еще, эпический

персонаж. Прокси больше по софту, я по железу, вместе всех наших и всю округу интернетом обеспечили. Не смотри так, я не всю жизнь провожу за рулем, жрать мне и этому рулю тоже что-то надо. И да, не вздумай заморачиваться, что чем-то обязан и все такое. Я взял тебя Пассажиром, и я за тебя отвечаю, пока сам на ноги не встанешь. А я помогу.

Вадик только сжал его руку. А Птаха продолжал:

— И да, если интересно, у меня есть бесхозный нетбук. Пока, за неимением лучшего, забирай себе и пользуйся. Но только, сам понимаешь, никаких прежних своих учеток. Вадима Комарова больше нет.

— Туда и дорога, — буркнул Вадик. — Но я бы действительно посмотрел, что там творится.

— Понимаю. Когда еще на собственную посмертную судьбу посмотришь.

Вадика опять слегка передернуло. Да, пока он шагал по Нижнему городу, он не раз подумал «а вот пропаду тут с концами, вот они все забегают!». Но сейчас быть живым ему нравилось гораздо больше. И неприятно было даже думать на эту тему. Но все же его разбирало любопытство: знают уже в Верхнем городе, что он пропал? Все-таки уже больше суток прошло. Никитос, наверное, только порадовался. Вадик недобро ухмыльнулся, вспомнив свое послание. Тем временем Птаха принес выдавший виды бордовый нетбук, и Вадик не без некоторой опаски полез в сеть.

Что логиниться под своей учеткой нельзя — это он и сам понимал, Птаха мог бы и не говорить. Ровно на такие случаи у Вадика давно водился виртуал под гордым именем Макс Рокатански. Администрация, что характерно, это пропустила. На аватарке красовался кадр из фильма, профиль был заполнен в соответствующем духе. Макс был немногословен — и для соответствия характеру, и чтобы не палиться. В основном он репостил живописные фото старых автомобилей и постапокалиптических пейзажей, иногда добавляя лаконичные комментарии вроде «увидел вот». Он был подписан на нескольких одноклассников Вадика, и Валерка даже рекомендовал самому Вадика крутой аккаунт с красивыми фото. Вадик покивал и аккуратно перевел разговор на еще один паблик, в котором его виртуал, собственно, и пасся. Вообще Рокатански завелся, чтобы можно было спокойно коллекционировать материалы на любимую тему и не выслушивать от поглядывающего в основной аккаунт Никитоса про «эту твою фигню». Вот, пригодился с неожиданной стороны.

Первым делом Вадик (временно Макс) полез на свою страницу. Последний выход в сеть — позавчера вечером, как раз, видимо, перед явлением Никитоса. Стена Вадима Комарова была завалена картинками со свечами и облаками, печальными мелодиями или просто сообщениями из сплошных рыдающих смайликов и возгласов «Как так?», «Зачем?» и «Прощай!». Причем половину авторов Вадик с трудом мог вспомнить. Разумеется, какой-то остряк с нейтральным ником не мог не отметить запись «Помер Вадим, да и хрен с ним», с иллюстрацией, изображающей примерно то же, что Вадик нарисовал Никитосу на мониторе. И, разумеется, под записью было уже с полсотни негодующих комментариев. В том числе от совершенно незнакомых людей.

Рядом с остряком отметилась Танька, которая, как всегда, была уверена, что она тут самая умная. «Ой, да ладно, что вы, Вадика не знаете? — писала она. — Небось специально нас разыграл и сейчас сидит где-нибудь, читает все это и ржет! Вадим, если ты думал, что так сможешь привлечь к себе побольше внимания — знай, что план не сработал! Больше

надо работать над собой и своим отношением к людям, а не устраивать дурацкий трагический цирк!». Таньку в комментариях вообще только что на части не порвали. Так ей и надо. Ее послушать, так все вокруг только и делают, что пытаются привлечь к себе внимание. Кроме нее самой, разумеется. Не может же человек так просто интересоваться машинами, аниме или, там, испанским языком, все только выпендриваются. А когда Вадик сказал «по себе людей не судят», так Танька в драку полезла. Он с девчонками обычно не связывался, но тут треснул пару раз. Сама напросилась.

«Совсем дура, что ли? — писал под Танькиным постом кто-то незнакомый. — Сюда ходи и полюбуйся, чем такой «цирк» заканчивается!». Ссылка вела на сайт новостного агентства. Когда страница загрузилась, Вадика пробрала дрожь, даром что столик, за которым он устроился, стоял недалеко от камина. Размытый снимок то ли с камеры наблюдения, то ли с чьего-то телефона, к тому же издали и в темноте. Но лежащая в неестественной изломанной позе фигура, определенно, принадлежала невысокому худощавому подростку. Цвет залитой кровью одежды определить было невозможно, но пряди светлых волос еще угадывались.

Вадика стало нехорошо. Понятно, что такие новости благополучно забиваются стоковыми фото — вон, под фотографией уже пошел спор, сток или не сток, фотошоп или не фотошоп. Кто-то энергично доказывал, что явно видна халтурная склейка из разных мест, потому что эта станция выглядит совсем не так, кто-то ехидно отвечал «ага, все сразу такие знатоки и каждый день по Нижнему городу шляются, сталкеры диванные!», дальше дискуссия неизбежно скатилась в мат, и Вадик вернулся к репортажу. Сам не понимая, зачем, он нажал на воспроизведение видео, и ему поплохело окончательно. Текст он почти не слушал — обычный бубнеж хроники происшествий. Обнаружено тело подростка... пропавший сутки назад семиклассник... личность установлена... воспитывался старшим братом... Мелькнул Никитос, с растерянным видом что-то плетущий про подростковый кризис и несовершенство систем геолокации. Ага, ухмыльнулся Вадик, против лужи никакая геолокация не устоит. Но по спине пополз холодок — послушать Никитоса, так за Вадиком практически по следам шли. Хотя Никитос и не такое расскажет, чтобы в новостях выглядеть серьезным ответственным человеком. А через секунду Вадик забыл про всех Никитосов на свете, потому что видео вернулось к месту происшествия. Снова измятый и искореженный силуэт у насыпи... яркое пятно — осколок корпуса харда, и на нем и вокруг него крови гораздо больше, чем помнил Вадик... Крупный план неловко отброшенной в сторону руки, вообще не факт, что все еще соединенной с телом... Нет, понятно, это просто так совпало или и вовсе нарисовано, но как же похоже, черт... По счастью, на экране появился какой-то тип в погонах и забубнил про безопасность, и Вадик с облегчением промотал ниже. Там, разумеется, тоже всю шла дискуссия. Судя по аватаркам — не обошлось без коллег Никитоса. Вадик кое-кого из них знал. Они-то что тут забыли?

«Слушайте, ну не бывает так, чтоб парень из хорошей семьи так просто взял и бросился под поезд. Я его старшего брата знаю, нормальный же совершенно... И кстати, как он вообще в Нижнем городе-то оказался?»

«Угу, вот вам и ваша хваленая личная безопасность. А я всегда говорил, трекеры эти — полная фигня! взял человек и исчез среди бела дня, и что, помогло делу это отслеживание?»

«Мне кажется, это убийство. Тщательно спланированное и замаскированное под суицид».

«Ага, полгода вынашивали, не меньше. Запланированное убийство семиклассника,

прямо-таки мировой заговор. Да кому он вообще нужен был, водила недоделанный? Таких комнатных романтиков на каждом углу — пятачок за пучок», — судя по стилю — сам Никитос. Как и следовало ожидать, все сожаления у него только на камеру.

«Вы звери, господа. И думаете не о том. Никто не задумался над тем, что это могло быть несчастным случаем? Там ведь даже минимального ограждения нет! Не знаю, как у вас, а у меня теперь серьезные вопросы к руководству этой станции».

«Какая станция, чувак? Там только платформа, да и та раздолбанная. На ней руководство появлялось один раз — когда ленточку разрезало на ее открытии!»

«Кончайте трепаться, тут человек умер вообще-то», — а это Рус пришел здравым смыслом выступить.

«Между прочим, еще не факт».

«Какое там «не факт», ты это видел? Там все рельсы в крови!»

«Угу, прямо до самого Верхнего города. Аж под ногами хлюпает».

«Черт, бедные родители. Вот уж кому действительно не позавидуешь. Я считаю, что это слабость и позерство — так поступать, не думая о близких».

«Ты про позерство воздушному потоку от проходящего поезда расскажи, ага?» — не сдавался Рус. Вадика снова передернуло — слишком ясно вспомнились бешено завертевшиеся огни и уходящая из-под ног платформа. Он поспешно закрыл вкладку новостного сайта и вернулся к своей странице. Таньку там уже практически доели — ну и поделом.

В сообществе класса обсуждали все то же самое. Разумеется, и там нашлись любители состричь про неотданный долг и нежелание писать контрольную, но их съели еще быстрее, чем Таньку. Вадик криво ухмыльнулся, читая тему — прямо-таки весь класс состоял из его фанатов. Девчонки слали разбитые сердца, парни признавались, что «нормальным чуваком был, и как так-то?». Данька и тот написал что-то возвышенное, хотя они с Вадиком даже в коридоре встретиться не могли, чтобы не передрачиться или не обозвать друг друга пообиднее. Но тут Вадик дошел до постов от друзей, и ему стало совсем не смешно. Это вам не Никитос с его показной скорбью — ребята грустили о нем совершенно искренне. Нет, он помнил предупреждение Птахи, но...

«Смерть всегда забирает лучших, — писал Макс. — Именно тогда, когда мы меньше всего этого ждем. Но если где-то есть иная реальность — мир свободы, скорости и беспредельного драйва, то Вадим сейчас именно там. Не надо печали, лучше пожелаем ему счастья в новой жизни — лучшей, чем эта. Счастливого пути, друг мой. Попутного ветра!»

Макс — он понимает. Он же на самом деле и не Макс никакой, а вовсе даже Гена, но свое имя он терпеть не может. Максом он стал в честь того же персонажа, в честь которого Вадик завел виртуала. Ну и типа сокращение от фамилии — Максименко. Максуду отвечали целой колонной плюсов и плачущих смайликов, и в кои веки ехидничать над этим совершенно не хотелось.

«Я не возьмусь судить, был ли это несчастный случай или что-то иное... но в любом случае, мы потеряли хорошего человека, талантливого, умного, одаренного. И теперь можем только гадать, какой могла быть его несчастная жизнь. Кем бы он стал в будущем? Какую профессию бы выбрал, каких женщин любил, какую семью мог бы создать? Кем выросли бы его дети? Увы, история не знает сослагательного наклонения. Все эти вопросы теперь так и останутся без ответа», — Рус, как всегда, не мог не вывернуть на любимую тему. Впрочем, Вадик в кои веки был ему за это признателен — Макс задал уж слишком

трагический настрой.

«Вы! Это все вы виноваты!» — высказалась Верка с диким количеством восклицательных знаков. Ей напомнили, что это несчастный случай, она гордо ответила, что с идиотами не спорит. Из интереса Вадик заглянул к ней на страницу — скорее всего, все равно продолжит там. Так и оказалось.

«Тем, кому. Сами догадаетесь, о ком я. Чего вы еще ожидали, с таким отношением к людям? Вы всегда проходите мимо тех, кто больше всех нуждается в помощи! Да, они могут выглядеть сильными, они улыбаются, но загляните в их глаза — и вы увидите призыв о помощи... Правда, чтобы понять это — надо хоть на секунду перестать думать о себе, а вы на это не способны! Проклятый, жестокий, равнодушный мир, полный людей, которые разучились видеть...» — дальнейший текст утонул в многоточиях и очередных рыдающих смайликах. Дура.

Последнее сообщение в группе было от Валерки.

«Нет, я не верю... этого не может быть! Кто угодно, только не Вадька. Он так любил жизнь. Наверное, больше всех, кого я знал... Это не может быть правдой, это чья-то глупая шутка! Я отказываюсь в это верить!».

Комментарии Вадик читать уже не стал. Вот к такому он готов не был. Да что там, и не задумывался на эту тему. Уходил он от Никитоса и его Болгарии, и представлять, как брат взбесится, было приятно и весело. Остальные, в общем, тоже — в классе Вадик не был ни изгоем, ни всеобщим любимцем, так, серединка на половинку, и без большинства одноклассников вполне мог прожить. Макс и Рус отличные ребята, их жалко, да, но Валерка — это же совсем особый случай. Валерка — это друг. Это куча исписанных блокнотов и терабайты фотографий, это болтовня на дереве и костры в парке. Одно название, конечно, на самом деле это декоративные светильники — да какая разница! Вадик почувствовал, как опять наворачиваются слезы. Даже от поста Макса его не так пробрало, как от сбивчивых строчек Валерки. Макс — он сам скоро поверит, что с Вадиком так и произошло, как он писал, и успокоится, он же по жизни веселый парень. Но вот Валеркины большущие печальные глаза Вадик так и видел перед собой, и от этого было так тоскливо, что хоть волком вой. Может, хоть от Макса Рокатански написать ему что-нибудь ободряющее? Он, конечно, никак не свяжет это с Вадиком, но вдруг ему станет лучше? Вадик даже потянулся к клавиатуре, но тут кулак Птахи резко припечатал его ладонь к столешнице.

Вадик виновато поднял глаза.

— Да знаю я, знаю, — вздохнул он. — В один конец и все такое. Просто Валерка мне все-таки друг... был.

— Именно, — кивнул Птаха. — Был. Потому что тебя самого уже нет. Все, для твоего Верхнего города ты труп. Мертвяк. Покойник. Называй как хочешь.

— Еще скажи «привидение», — Вадик невольно улыбнулся.

— Са-амое ужа-асное привиде-ение в ми-ире! — провыл Птаха, делая страшную рожу.

— Бу-у-у! — отозвался Вадик, которого начал разбирать смех. Птаха сдернул с дивана плед:

— У-у-у! Я Черный Плащ, я десница судьбы, не помню уже, кто там, готовьте гробы!

Вадик схватил еще что-то — кажется, это было большое полотенце — и с хохотом накинул на плечи:

— Я привиде-е-ение!

— У-у-у!

— Бу-у-у!

Они носились по комнате и завывали, как два психа — впрочем, даже и не «как». В конце концов Вадик, задыхаясь, рухнул на диван — столько смеяться он уже не мог. Птаха приземлился рядом. Удивительно, но Вадику и правда полегчало.

— Ну что, привидение, — сказал Птаха, переводя дыхание, — давай думать, как звать тебя будем. В принципе, можешь хоть Максом Рокатански стать, — он кивнул на экран, — дело хозяйское.

— Не, — замотал головой Вадик, — это уже наглость. Виртуал — это одно, а по жизни так зваться — я все-таки не такой крутой. Так-то мне мое имя нравится, это фамилию я не люблю.

— А до фамилий тут никому дела нет, — успокоил его Птаха. — А точнее, надо будет — нарисуем. Для внешнего мира можешь быть моим братом... да в некотором роде так и есть, — он чуть помолчал. — А там посмотрим. Прозвища, сам знаешь, прилипают очень странными путями. А к кому-то не прилипают вообще. Вот есть у нас Анна — не припоминаю, чтобы ее хоть когда-то звали как-то еще. Впрочем, ее не зовут, она сама приезжает. Жаль, редко.

— Анна? — несколько озадаченно переспросил Вадик. Птаха пожал плечами:

— Ну да. А ты чего ожидал — суровое постапокалиптическое мужское общество? Женщины, знаешь ли, тоже водят машины и тоже уходят из городов. Анна так вообще дальнобойщик.

Вадик промолчал, решив про себя, что фразу «а у нас говорят...» он больше произносить не будет. А Птаха продолжал, словно просто размышляя вслух:

— Нет, тут как посмотреть. Парней у нас, пожалуй, действительно больше, но за всю страну я тебе не поручусь. Может, где-нибудь вообще племя амазонок образовалось, только я не знаю. Да мне как-то и неважно. Я, как видишь, один. Теперь вот еще ты завелся, — он тепло улыбнулся. И Вадику окончательно стало глубоко наплевать, сколько было правды в том, что он слышал про Внешних. Потому что теперь все было именно так, как должно было быть.

— Обедать будем? — спросил Птаха. — Или сначала показ мод будем устраивать? — он кивнул на пакеты, про которые Вадик уже почти забыл.

Вадик хотел ответить, что вроде бы только что завтракали, но увидел, что за окном начинает смеркаться. Это что, он столько времени ленту читал? Впрочем, есть пока не хотелось, так что Вадик зарылся в пакеты. Не то чтобы его так уж интересовали тряпки — это вон Рус вечно прихорашивался. Вадику снова немного взгрустнулось. Но он перевел взгляд на сумерки за окном, на гараж, видневшийся в том же окне, на Птаху, который что-то быстро набирал на своем ноутбуке — и грусть ушла. Он же дома. По-настоящему дома.

— Я прикинул, должно подойти, — не отрываясь от ноутбука, сказал Птаха. — К тому же ты же еще вырастешь.

Глазомер у Птахи оказался идеальным — джинсы, футболки и рубашки оказались как по Вадику сшиты. Как и армейские ботинки, вроде его собственных. Несколько вещей были действительно велики — но и правда, не всегда же Вадик будет таким мелким. Еще в пакетах оказалась всякая полезная мелочь и — Вадик издал радостный вопль — еще один блокнот для рисования.

— У тебя в кармане был такой. Уцелел, не волнуйся, маркеры тоже.

— А... тебя нарисовать можно?

Птаха пожал плечами:

— А что ж нельзя-то. Но, с твоего позволения, после обеда. Кстати, был тут разговор о тушенке — сейчас я тебя буду гнусно эксплуатировать.

— В смысле?

— В подвал полезешь. Я там прохожу в три погребели, а ты пока еще в рост пройдешь. Так что держи фонарь и ищи банки со свиньей. По штуке на брата.

Вадик чувствовал себя персонажем компьютерной игры — нацепив налобный фонарь, он спускался по деревянной лестнице в полутемный подвал, который, такое ощущение, тянулся куда-то бесконечно далеко. Даже жалко было, что банки со свиньей обнаружались уже на втором стеллаже. Интерес ради он прошел чуть дальше, нашел сгущенку и решил принести и ее тоже. Когда Вадик выставил банки на пол и вылез сам, Птаха показал одобрителный жест и продолжил чистить картошку. Вадик мысленно вздохнул с облегчением — сам он это занятие терпеть не мог. Никитос пытался учить его готовить, но обычно все кончалось воплем «да кто так делает, уйди нафиг, я лучше сам». Ну сам так сам, еще проще. Вадику вполне хватало школьных обедов и бутербродов. Но сейчас... сейчас было совсем другое дело. Под кастрюлей горел синий газовый огонек — настоящий. Никакой умной панели, которая еще пять раз подумает, какую кастрюлю согласится греть. Кастрюля с погнутой ручкой. Тарелки с простым геометрическим узором по краю. Снова тот же пузатый чайник. А еще Птаха открыл шкафчик с кучей разных кружек и предложил выбрать, и там была кружка с «Камаро». А на Птахиной кружке был такой же бультерьер, как на футболке Вадика. А тем временем картошка сварилась, и Птаха вывалил туда содержимое банок. Кажется, ничего вкуснее Вадик в жизни не ел.

После чая (и почти целой банки сгущенки) Вадик взялся за блокнот и маркеры. Людей он рисовал нечасто, но Птаха с кружкой в руке вышел вполне похожим. Правда, Вадик сделал лишь общий набросок и почувствовал, что опять начинает клевать носом. Да что за дела?

— Слушай, ты будешь смеяться, но меня опять вырубают.

— Не буду. Пошли гнездо тебе вить, пока на ногах еще стоишь.

Вадик вспомнил, как Птаха притащил его на руках, и смутился.

— Я тебя умоляю, — фыркнул Птаха. — Тоже мне проблема. Надо будет — и еще раз перетащу. Живая тушка, даже сонная, все равно делает хоть какие-то попытки сама удержаться. Да и весу-то в тебе... Но раз ты еще передвигаешься сам, забирай нетбук, и пошли.

Грязная одежда Вадика так и валялась около дивана. Птаха лишь показал, где стоит стиральная машинка — надо же, умываясь, Вадик ее не заметил. А ведь помещения-то совсем небольшие. В барабане уже лежало несколько вещей — в таких же бурых пятнах, как и у Вадика. Конечно, Птаха ведь дрался с теми типами... Смотреть на это все было неприятно, и Вадик был благодарен Птахе за то, что тот сам запустил стирку.

— Я обитаю тут, — Птаха махнул рукой на дальнюю комнату. — А это теперь будет твое гнездо. Окна на восток, но шторы плотные, так что ничего мешать не должно.

Он показал, как разложить диван, «если захочется простора». Вадику, пожалуй, хотелось. В шкафу нашлись постельные принадлежности и еще кое-что из Птахиных «залежей», но большинство полок пустовало. Надо бы разложить вещи... но не сейчас, определенно не сейчас. Вадик заснул, едва донес голову до подушки.

Без телефона и трекера было очень непривычно. Нет, трекеру в той луже было самое место, но Вадик не мог чисто машинально не смотреть на левое запястье. А взгляд наткнулся все на тот же шрам. Часов в комнате не было, так что Вадик, едва открыв глаза, потянулся к нетбуку. Он уже был морально готов увидеть, что опять прошли сутки, а может, и больше, но система сообщила, что прошла всего лишь одна ночь. И утро даже еще довольно раннее. Птахи внизу не обнаружилось — видимо, еще спал. Вадик набрался смелости и пошел хозяйничать на кухне сам.

С чаем было проще всего — чайник электрический, банки с заваркой стояли на самом видном месте. Хлеб, сыр и колбасу Вадик тоже нашел быстро. Но интересно было попробовать управиться с плитой. Спичками он пользоваться не умел, да и видел-то их только на картинках. Зато нашлась зажигалка. Немного повозившись и изрядно завоняв кухню, Вадик все-таки зажег конфорку. Яичница получилась немного подгоревшей, но получилась же! И чай тем временем заварился.

— Отлично, кухня устояла.

Вадик подпрыгнул и чуть не уронил тарелку. При своей комплекции Птаха перемещался совершенно бесшумно.

— Тут это... пригорело...

— Отмоется, — Птаха беспечно махнул рукой. — Освоишься, и все нормально будет. Форточку открой, а то газом воняет. Не настолько, чтобы это стало опасно, но зачем оно нам?

— Спасибо, — вдруг сказал Вадик.

— С чего вдруг? Тебе спасибо за чай, — Птаха принялся, — о, правильную банку нашел.

— Да просто... — Вадик смутился. — Просто тут так все... по-другому.

«По-настоящему», — добавил он про себя. И вот этот синий огонек плиты, и чай не из пакетиков, и можно просто открыть форточку, чтобы в дом проник воздух с улицы... И Птаха, который ни на что не ругается, хотя Вадик и правда накосячил, и вообще ведет себя как настоящий старший брат. У Вадика, всю жизнь прожившего на семидесятом этаже Верхнего города среди застекленных улиц и крытых парков, крепло ощущение, что вот только сейчас он оказался там, где и должен быть. А Никитос — это так, где-то что-то напутали.

— Как будто я вот только сейчас по-настоящему дома, — он все-таки решился произнести это вслух.

— Я рад, — искренне улыбнулся Птаха.

Яичница даже оказалась вполне съедобной, и Вадик с аппетитом ее умял. Птаха обошелся чаем с бутербродами, сказав «неохота возиться». А после завтрака он предложил:

— Ну что — пора уже и с нашими знакомиться?

Вадик чуть не спросил «с какими нашими?». За эти два дня мир словно свернулся до дома Птахи, и как будто никого, кроме них, и не было. А если кто и был, то давно. Но ведь правда, не один же он тут Внешний.

— Нас, вообще, не так много, — нет, это определенно уже тенденция. — Таких утырков, которые и город бросят, лишь бы покататься вволю, по определению меньшинство,

а уж чтоб в один конец — тем более. Впрочем, нам и так неплохо. Насмотрелся уже, когда с бухты-барухты берут Пассажира, а нам разбираться с разъяренными родственниками или, хуже того, с полицией.

— А что, и такое было? — не без некоторой тревоги спросил Вадик.

— Было, всякое было, сам я не влипал, но помогал разгребаться. Ты не беспокойся, — Птаха махнул рукой, — с тобой все сказано и сделано. Мое решение, моя ответственность. Ну и, сам видел, для своего Верхнего города ты мертв.

Вадик вспомнил тот репортаж и снова ощутил неприятный холодок. Оно понятно, что вот он здесь, живой, чай пьет, но от тех кадров становилось не по себе. Воображение опять любезно дорисовало к размытому силуэту все детали, тем более что и правда же к тому было близко... Спасибо, Птаха среагировал. Вадик поежился.

— В общем, — продолжал Птаха, — на твой счет ни у кого вопросов быть не должно, а и будут, так я отвечу, — он характерным движением размял пальцы. — Пойдем, что ли? Машину гонять смысла нет, тут все недалеко.

У Вадика все же на долю секунды мелькнуло сожаление — он очень хотел еще раз оказаться в огромном салоне «Тахо». «Накатаешься еще», — улыбнулся Птаха, шнуруя ботинки. Вадик тоже решил выгулять обновку, в итоге, когда они с Птахой вышли во двор, одеты они были почти одинаково: джинсы, берцы, клетчатая рубашка и стеганая жилетка сверху. Вадик запоздало вспомнил, что в Нижнем городе было холодновато даже в куртке и флиске, но день выдался гораздо теплее, чем тогда. Он взглянул наверх — небо было голубым, и в нем светило солнце. Вадик почувствовал, что улыбается до ушей.

На плечо легла тяжелая рука Птахи:

— Говорю же, стоит того, чтобы пройтись. Да тут и идти-то... Главное, не отставай, народ бывает всякий. Меня знают и не связываются, а тебе и так хватило.

Дом Птахи, в воспоминаниях Вадика выросший из ниоткуда, оказался частью то ли поселка, то ли частного сектора, состоящего из таких же небольших отдельных домов, разбросанных по высокому берегу реки. Но многие выглядели давно нежилимыми — слепые окна, покосившиеся стены. Впрочем, из одного такого дома, когда Птаха и Вадик проходили мимо, вывалился обитатель — неопрятный заросший тип. Окинул их мутным взглядом, буркнул «а я что, я ничего...» и снова исчез за дверью. Птаха многозначительно кивнул Вадиду.

Часть домов была и вовсе разрушена — один наполовину ушел в землю, второй выгорел изнутри, остались только стены. Около него Птаха свернул, как показалось Вадиду, просто в кусты — но среди веток обнаружился проход, вполне достаточный даже для Птахи, а о Вадике и говорить нечего. Дорожка пошла вверх, повернула, снова нырнула вниз — и они оказались на пустыре у той же реки. А может, и не той же — направление Вадик давно потерял. По правую руку тянулся старый гаражный комплекс.

— Судя по звукам, Некромант здесь, — хмыкнул Птаха.

Действительно, ближайший к ним гараж почти явственно сотрясался от диких гитарных запилов и грохота ударных. Странно, что это не на весь поселок разносится. Низкий хриплый рык, под стать музыке, посекундно поминал смерть, ад и Сатану. Вадик невольно несколько раз тряхнул головой под бешеный ритм — сам он такое слушал редко, но композиция уж очень располагала. Тем временем Птаха шагнул к гаражу и крикнул:

— Кир!

Ответом был лишь очередной протяжный рев. Птаха повысил голос, сопровождая

каждый слог ударом в металлические ворота гаража:

— Нек-ро-мант!

Казалось, одного такого удара хватило бы, чтобы высадить эти ворота к чертям, но они устояли. Из гаража, опять же, никаких признаков жизни не поступило, кроме взвизга электрогитары. Птаха треснул по воротам еще сильнее и заорал во все горло:

— Заткни шарманку, черт драный!

На этот раз подействовало — музыка смолкла. Послышался металлический лязг, и хриплый голос — то ли навечно простуженный, то ли навечно прокуренный — поинтересовался:

— Кто ко мне взывал?

Не дожидаясь ответа, говоривший распахнул дверцу в воротах гаража. Это, надо полагать, и был тот самый Некромант, и лучшего прозвища придумать было трудно. Ростом еще выше Птахи, невероятно худой, всклокоченные волосы, выбившиеся из-под линялой банданы, не то обильно тронуты сединой, не то всегда были невнятного пепельного оттенка. Лицо, руки и одежда напрочь перепачканы маслом. Он смерил мрачным взглядом Птаху и Вадика.

— Привет, псина, — оказалось, улыбаться Некромант тоже умеет. Так он выглядел даже приятно. — Вылез из берлоги? Извини, руки не подам, сам видишь.

— Кого поднимаешь? — поинтересовался Птаха.

— Да «Кадиллак» подогнали. Покажу потом. Ты мне лучше скажи, где ты этого Энакина Скайуокера нашел?

— А где их таких берут? — в тон ему ответил Птаха. — На Татуине, ясное дело.

И добавил гораздо серьезнее:

— Его убивали в Нижнем городе. Вытащил.

— Не боишься? — вдруг спросил Некромант. Вадик хотел было сказать, что он вообще таких слов не знает, но понял, что обращаются не к нему — Некромант смотрел намного выше его головы. И еще удивительнее было, что Птаха ответил не сразу.

— Боюсь, — отозвался он чуть севшим голосом, которого Вадик еще никогда у него не слышал. — Но больше не могу один.

— Ясно... — задумчиво проговорил Некромант. — Ты мне вот что скажи: с твоим Энакином все чисто?

— Чище некуда. Вчера весь день некрологами любовались, — Птаха говорил беспечно, но Вадика снова пробрал озноб. — Про Лансера сам знаю.

— А что Лансер? — тихо спросил Вадик. Некромант услышал:

— Нет Лансера, — жестко проговорил он. — Есть правило: следов не оставлять. А когда оставляют — ну, у меня работа такая: или поднять, или упокоить. Только вот его Пассажир все-таки смылся.

— Разберемся, — Птаха все тем же движением размял пальцы. Некромант кивнул:

— В тебя я верю.

Вадик вспомнил слова Птахи: «Я отвечаю за тебя жизнью. У тебя, если что, еще есть вероятность смыться. У меня — нет». Ему захотелось прямо сейчас поклясться чем угодно, что он никогда не подведет своего Водителя, потому что нельзя же допустить, чтобы Птаха разделил судьбу этого Лансера, кто бы он там ни был. Кажется, все это было написано у него на лице, потому что Некромант улыбнулся почти дружелюбно:

— Умеешь ты, псина, нужных людей чуют. А тебе, мелкий, чертовски повезло.

— Да не то слово! — воскликнул Вадик. Но Некромант лишь приложил палец к губам и снова исчез за дверью, откуда вскоре снова загрохотал блэк-метал. Видимо, это означало, что продолжать разговор он не намерен.

Вадик ошарашенно помотал головой. С одной стороны, его разбирало любопытство, что же это за Лансер, что он такое натворил и что в итоге с ним случилось. С другой стороны, он совершенно не был уверен, что хочет это знать. И совершенно точно он не хотел знать, что стояло за словами Некроманта «в тебя я верю». Вадик прекрасно отдавал себе отчет, что добродушие Птахи — это с ним и дома. В конце концов, этот самый Птаха, не особо напрягаясь, раскидал толпу отморожков из Нижнего города. У Вадика боевой опыт ограничивался школьными драками и недолгими походами в секцию за компанию с Максом, но он и так видел, что Птаха может быть очень грозной силой. И не хотел думать, каким образом он «разберется» с кем бы то ни было. А точнее, и так это помнил лучше, чем хотелось бы. Но все-таки, что там вышло? И почему Некромант спрашивал «не боишься»? И вообще, как Птаха может хоть чего-то бояться? Вадик уже открыл было рот, чтобы все-таки задать вопрос, но тут из-за ржавого металлического гаража показалось такое, что все вопросы вылетели у него из головы.

При жизни это был микроавтобус. На капоте все еще блестела эмблема «Фольксвагена». Но от его расцветки Вадик моментально поверил в лавкрафтовский «цвет из иных миров», сводящий с ума самым своим существованием. Все доступные поверхности были расписаны психоделическими узорами самых кислотных оттенков. Спирали, волны и завитки переходили друг в друга, пульсируя и искажая очертания. Казалось, сам микроавтобус то теряет, то снова обретает форму. Среди узоров восседали забавные зверушки, чья мультяшная внешность в таком окружении уничтожала остатки мозга. На переднем крыле расположилась панда с листом конопли в лапе, эмблему «Фольксвагена» поддерживала на манер геральдического зверя овца в круглых очках, как у Джона Леннона. И, как будто всего этого было мало, по кузову были разбросаны всевозможные эмблемы и символы. Пацифики благополучно соседствовали с черепами и пентаграммами, языки пламени — с цветочками, а у толстого котенка в углу капота ошейник был украшен знаком Бафомета. Вадик протер глаза. Кажется, если он посмотрит на это еще минуту, он рехнется. Или уже рехнулся, и ему это все мерещится. Но как бы то ни было, нарисовано это безумие было реально круто.

— А это гнездо Прокси, — улыбнулся Птаха. — Да-да, это не глюк. У всех мозги взрываются, мы просто уже привыкли.

Он подошел к двери и окликнул:

— Прокси, ты тут?

— Обнаружена попытка контакта, — произнес механический голос изнутри. — Назовите код доступа.

— Сорок тысяч обезьян передрались за банан!

— Код устаревший. В доступе отказано. Активирую систему защиты периметра, — за дверью что-то запищало.

— Прокси, тебе еще не надоело?

— Запрос не распознан. До активации системы защиты пять... четыре... три...

— В дебрях тундры выдры в гетрах тибрят в ведра ядра кедра! — выпалил Птаха. К этому моменту Вадик окончательно уверился, что рехнулся, ибо происходящее не лезло ни в какие ворота.

— Авторизация пройдена, — отозвался механический голос. — Периметр

разблокирован.

За дверью опять что-то пискнуло, зажужжало, и на пороге микроавтобуса возникло создание полностью ему под стать. Вадик с минуту пытался понять, какого это пола, но в конце концов оставил попытки — обитатель «Фольксвагена» мог с равным успехом быть как невысоким парнем с мягкими чертами лица, так и крепко сложенной девушкой. Штаны с кучей карманов и мешковатая толстовка с капюшоном были заляпаны всеми цветами радуги, и Вадик был готов поклясться, что пятна тоже складываются в какой-то чокнутый узор. Из одного кармана штанов торчала отвертка, из другого — баллончик с краской, из кармана толстовки высовывался еще какой-то инструмент. Половина головы выбрита почти под ноль, оставшееся зачесано набок и выкрашено в зеленый. Один рукав толстовки задрался, открывая татуировку с каким-то угловатым вензелем.

— Регистрация нового пользователя, — надо же, до сих пор Вадик был уверен, что механический голос воспроизводится в записи или идет через какой-то эффект. Но нет, это создание и правда так разговаривало.

— Прокси, — вздохнул Птаха, — кончай выпендриваться.

— Режим имитации личности активирован, — отозвался уже нормальный голос. Для парня довольно высокий, для девушки низкий. Вадик не мог больше молчать:

— Э... ты какого пола?

— Я — Прокси, — ничуть не обидевшись, представился обитатель «Фольксвагена». — Высокотехнологичный искусственный интеллект в хрупкой биологической оболочке. К сожалению, временами слишком хрупкой, но я над этим работаю. Категория пола неприменима.

Птаха беззвучно давился смехом. Вадик не мог понять, то ли над ним как-то хитро прикалываются, то ли кто-то тут и правда съехал крышей. И скорее всего — он сам. Ладно, терять уже нечего.

— В смысле, как к тебе обращаться?

— Лингвокультурная специфика данного слоя реальности...

— Прокси!!! — взвыл Птаха.

— Короче говоря, мы вроде как говорим по-русски, а нейтральным в русском языке считается мужской род. Обычно им и пользуюсь, — улыбнулся Прокси. Вадик вздохнул с облегчением — ну хоть что-то стало немного понятнее.

— Вот, — Птаха широким жестом обвел «Фольксваген» и Прокси, словно сам все это устроил. — Вот этот вот искусственный разум обеспечивает нам сеть и добывает любые сведения. И рисует еще.

— И очень круто рисует, — искренне сказал Вадик. Прокси церемонно раскланялся.

— Что нового, пока меня не было? — спросил Птаха. Стоп, он же привез Вадика всего два дня назад... Или он и до этого где-то путешествовал? Вадик сам себе удивился: по сути, он ведь почти ничего о Птахе не знает. И это не мешало ему чувствовать, что они уже сто лет знакомы.

— Загрузка информации... — с важным видом произнес Прокси. Птаха показал кулак, Прокси только рассмеялся и наконец ответил:

— Ну, про важные вещи ты и сам в курсе, Некромант вон говорил. Анна заезжала, но, как обычно, унеслась в рейс.

Вадик озадаченно моргнул. Анна — это, видимо, та самая дальнбойщица, о которой упоминал Птаха — вон он как разочарованно вздохнул, узнав, что она уехала. Но как же

тогда все рассказы о строжайшем кодексе чести у Внешних, по которому машина — символ свободы, и ее никогда нельзя использовать для заработка? На этот раз телепатом оказался Прокси:

— Что, юный падаван, тебе только что развеяли еще одну легенду?

Вадик осмелел окончательно — остатки гнетущего ощущения после разговора с Некромантом испарились.

— Вы тут все мысли читать умеете или через одного?

— Напоминаю, я — Прокси. Посредник между Инфосферой и несовершенным биологическим разумом. Я вижу информационные потоки и управляю ими, — он поводил руками в воздухе, словно что-то набирая на невидимой клавиатуре. — Твоя мимика достаточно информативна, чтобы считать запрос.

— Тьфу! — Вадик рассмеялся. — Но вообще ты прав. Я слышал всякое такое... что кого-то возить за деньги чуть не вообще самое страшное преступление...

— «Кого-то», — подчеркнул Птаха. — Анна возит исключительно «что-то». Автостопщиков и то не берет. Ну и вообще, она отдельный случай. Если угодно, Внешняя до Внешних. Потому что она старше нас всех.

Вадик ничего не понял, но решил покивать и подождать разъяснений — глядишь, Прокси из этой своей Инфосферы что-нибудь выловит. Но пока Прокси не спешил ничего разъяснять, а Вадика в который раз заморозил его микроавтобус.

— А можно я сюда порисовать приду? Очень узоры нравятся.

— Тааак... — глаза Прокси хитро блеснули. — Никак, вижу коллегу?

— Да куда там... — смутился Вадик. — Но рисовать люблю.

— А это самое главное! Скажи мне, Птаха, ты не обидишься, если я твоего падавана буду периодически похищать?

Вот заладил. Вадик чувствовал, что от «Энакина» ему здесь не отвяжаться. Вообще. Верка ему когда-то давно говорила, что похож, но Верка много что говорит. И потом, это ж когда было. Ну да, светлые полудлинные волосы, голубые глаза, но чего сразу Энакин-то? С другой стороны, почему бы и нет. Спроси кто Вадика, как он предпочел бы зваться — ведь не ответил бы. Прицепится Энакин — да и ладно.

— Конечно, не обижусь, — улыбнулся Птаха. — Сам знаешь, мотаюсь я много, так что буду только рад.

— Вот и круто! Договорились, — Прокси снова повернулся к Вадиду. — Приходи хоть завтра, а пока я снова в гнездо. Некромант задачку подкинул, очередные электронные мозги вправить надо.

Он снова исчез в недрах микроавтобуса, а Птаха и Вадик отправились дальше. Большинство гаражей, судя по всему, пустовало — замки проржавели, ворота заросли травой. Внезапно послышался низкий рокот мотора, и прямо из кустов, где с виду не было проходов шире того, по которому пришли Вадик с Птахой, появился гигантский синий пикап.

— Тундра! — радостно воскликнул Птаха. Из-за руля ему помахала невысокая девушка азиатской внешности. У Вадика в школе «тундрой» в основном обзывались, но здесь прозвище, похоже, не несло ничего обидного.

— Ага, я это, я, — весело сказала она, явно заметив замешательство Вадика. — А еще моя машина. Потому что «Тойота Тундра». Ну и, действительно, я сама оттуда.

Она спрыгнула из салона. Именно спрыгнула, а не вышла — ростом она была не выше

Вадика. Как она в этой громадине до педалей достает и как ее из-за руля видно? Выглядела Тундра, действительно, в полном соответствии с прозвищем. В черные волосы вплетено множество бусин и перышек, на шее сложное украшение из дерева, кожи и меха, на руках не менее сложные браслеты, а завершал ее облик длинный жилет, отороченный мехом. И, похоже, настоящим. Вадик с детства слышал, что экологической обстановке давно и прочно настал конец, натуральные продукты и материалы доступны только счастливицам, которым довелось жить в Верхнем городе, а лучше за границей... Ага, десять раз.

— Тундра, — еще раз представилась она, протягивая руку.

— Вадим.

— Мой Пассажир, — добавил Птаха. Тундра звонко рассмеялась:

— Ура, я теперь не самая мелкая!

Вадик попытался понять, сколько ей лет. Но по ее лицу, похожему на костяную фигурку шаманки — он видел такие в музее — возраст не читался. Она с равным успехом могла быть его ровесницей, а могла быть раза в три старше. Ну восемнадцать-то, наверное, есть — машину же водит. Хотя кто его знает, какие тут порядки. А вообще, сколько вот лет Птахе? Или Прокси? «А черт их разберет», — честно ответил Вадик сам себе. В общем-то, его это крайне мало заботило.

Тем временем Тундра извлекла из необъятного кузова своей железной тетки коробку, от которой вкусно пахло колбасой. Как она забралась наверх и как коробка не перевесила — осталось загадкой.

— Где там все? — деловито поинтересовалась она. — Опять по норам попрятались? Ладно, сейчас выманю.

Из-под вышитой туники Тундра извлекла варган. После Прокси Вадик уже не удивлялся ничему, так что просто смотрел, как она присела у колеса пикапа и заиграла. Казалось бы, в «гнездо» Прокси и тем более в мастерскую Некроманта звук проникнуть никак не мог, но Прокси вылез уже через минуту, сменив свою заляпанную краской толстовку на черную, с таким же треугольным вензелем, что и на его татуировке, а следом за ним в отдалении замаячила высокая худощавая фигура. Тундра оборвала игру и открыла коробку — там было вяленое мясо и банки с вареньем.

— Северные ягоды и прочая экзотика, — пояснила она Вадиду. — Угощайся, сейчас чай будет.

Оказалось, что прямоугольная яма в стороне от гаражей вырыта не просто так — вскоре в ней уже горел настоящий костер, а над ним, прямо как в приключенческом романе, висел закопченный чайник — кажется, его притащил из недр своего гаража Некромант. Тундра снова вспорхнула в кузов и принесла полотняный мешочек, пахнувший неизвестными Вадиду травами. Прокси тут же сострил про их психоактивный эффект, получил по лбу от Некроманта и нисколько не обиделся. Птаха тем временем успел оделить всех кружками и мисками. Вадик сидел рядом с Некромантом и уже ничуть не боялся. Мало ли что там у кого было. Он точно никогда не предаст и не подведет. Потому что как можно на что-то променять вот этот настоящий огонь, невероятно вкусное угощение, чай из сложной смеси трав, которую Тундра составляла на месте — да вообще всю эту настоящую жизнь! И конечно, он научится рисовать, как Прокси. И водить, как Птаха. И разбираться в машинах, как Некромант. И у Тундры тоже обязательно чему-нибудь научится.

— Что, юный Скайуокер, голова кругом? — усмехнулся Некромант. Вадик ответил почти теми же словами, что и Птахе утром:

— Просто тут все другое... настоящее.

— Верно говоришь, — задумчиво кивнул Некромант и вдруг чуть сжал его руку: — Запомни это. Навсегда. Я ненавижу терять наших.

Вадик снова захотел сказать, что, конечно, он никогда этого не забудет, потому что вообще по-настоящему живет только сейчас, но Некромант уже снова отвернулся к костру и застыл. Уже начинало смеркаться, и в отсветах пламени его лицо казалось еще более костлявым, чем на самом деле. Словно и правда выходец с того света. На долю секунды Вадику стало жутко, но тут Тундра достала гитару. Она не пела — просто напевным речитативом под сложный перебор рассказывала какую-то старую сказку. А может, она только что сочинила ее сама.

— ...И юные боги, склонившись перед ним, назвали его Старшим. А люди, пришедшие следом, нарекли Байкалом.

Вадик встряхнулся и обнаружил, что уже полностью стемнело. Как так? Он помнил, как Тундра начала играть... и помнил последние слова. Это что, он опять заснул? Неловко-то как... Но Тундра, мягко рассмеявшись, пододвинула ему плошку варенья. Не желированного джема или пюре, где непонятно, сколько фруктов, а сколько сиропа с ароматизаторами — настоящего варенья с ягодами. У Птахи в руках была целая банка, и он с довольным видом подмигнул Вадику — мол, это все наше.

— К себе пойдешь, псина? — поинтересовался Некромант, когда костер уже погас и все начали разбредаться. Прокси снова скрылся в своем безумном автобусе, Тундра ювелирно завела пикап в один из гаражей и тоже собиралась уходить.

— А куда ж еще. Мне здесь бояться нечего, а Вадик со мной.

— А то заходи, добычу мою посмотришь.

— От твоей добычи обычно и сесть-то негде, — рассмеялся Птаха. — Зайду обязательно, но пока я домой. Варенье-то надо отнести. И мелкий вон носом клюет.

— И то правда. — Некромант протянул Вадику руку: — До встречи, юный Скайуокер. Мы с тобой еще соберем флаер.

Вадик радостно кивнул и направился по тропинке в кустах следом за Птахой.

— Ну как тебе наша безумная команда? — спросил Птаха по дороге к дому.

— Здорово! — честно сказал Вадик. Расспрашивать больше ни о чем не хотелось.

Помолчав, он добавил:

— И вообще, здесь здорово. И Внешние, и твой дом... такое ощущение, что меня там ждали. Потому что так сразу все удобно — и комната, и даже шмотки нашлись, и нетбук...

Птаха словно споткнулся. Почти как тогда, у платформы. Он опустил на одно колено, жестом подозвал Вадика и долго смотрел ему в лицо. А когда заговорил, его голос звучал хрипло.

— Ты угадал, мелкий. Этот дом был для двоих.

Вадик молчал, пораженный не столько словами Птахи, сколько его интонацией. Почти так же он отвечал Некроманту — но даже тогда в его словах не было такой боли. А сейчас казалось, что на глазах Птахи вот-вот выступят слезы.

— Ты не первый мой Пассажир, — проговорил наконец Птаха. — Что там ваши легенды говорят о семье Внешних?

— Ну... что ее нет. Все примерно как ты тогда говорил — дорога в один конец, отречься от всего и всех...

— Верно. Я нарушил этот принцип.

— Но... — Вадик не договорил. Он чуть не спросил «как же ты все еще жив?», но вовремя сообразил, как это прозвучит. Но Птаха, кажется, и так все понял.

— Погибает тот, кто создал Внешним проблемы. Лансер поплатился за то, что он и его Пассажир продолжали общаться со старой компанией Пассажира, а те повадились устраивать беспредел и угонять машины. Я... моя расплата и так пришла.

Он долго молчал. Наступала ночь, и Вадика чуть потряхивало от ночного холода, но поторопить Птаху он не решался.

— Я забрал к себе младшего брата, — Птаха говорил с трудом, но было видно, что и не говорить он не может. — Наши родители давно расстались, он учился в школе-интернате, ему там не нравилось, но отец настаивал, что так надо, а мать о нас и вовсе забыла, у нее другая семья. Я просто приехал под окна и забрал его, он был счастлив. Тогда я как раз закончил обустраивать дом, сделал все под нас двоих. Нам было здорово вместе, — его голос чуть дрогнул. — Мы много путешествовали, я учил брата водить... А однажды нас занесло в твой Нижний город. Брат ушел гулять без меня и нарвался на местных. Я вмешался, но их было слишком много, и меня свалили. Когда я пришел в себя, мой брат был мертв.

Вадик опустил глаза. Слова утешения не шли в голову, да и что тут скажешь. Птаха еще немного помолчал и продолжил совсем другим голосом, злым и ожесточенным:

— Вот с тех пор я на этих крыс и охочусь. Каждый раз надеюсь, что там будет кто-то из тех. А когда увидел тебя... у меня просто красная пелена упала. Потому что я сам сложусь, но не дам такому повториться.

Он со злостью стукнул кулаком по земле, перевел дыхание и сказал уже спокойно:

— Я думал, что больше никогда не возьму Пассажира. Некромант прав, мне до сих пор страшно. Да что там, это всегда риск. Я знаю места, где Пассажиров вообще не берут, чтобы не нарваться — народа и так много, а кто пришел сам, никого за собой не приведет. Но, как оказалось, один я все-таки не могу. И вещи убрать рука не поднималась. А потом нашел тебя, — он улыбнулся.

— Я... ты... знаешь... — Вадик задохнулся. Он сам не понимал, что хочет сказать — и что он безмерно благодарен Птахе, и что никогда-никогда его не оставит, и что Птаха ему действительно как старший брат... Птаха приложил палец к губам:

— Ничего не говори. Не надо. Я и сам чувствую, что теперь все правильно. Пойдем домой, ты совсем замерз.

Он обнял Вадика за плечи, и уже в полной темноте они отправились к дому.

В следующие несколько дней обычно немногословного Птаху просто прорвало. Тем более что и погода настала отвратительная, даже хуже, чем в ту ночь, когда Вадик ушел из дома. В гаражи и то выбираться не хотелось, да и оттуда признаков жизни не поступало. Так что Птаху с Вадиком подолгу сидели у камина, литрами пили чай и разговаривали. Точнее, говорил Птаху, и почти все время — о своем брате. Что он любил, что они делали вместе, куда ездили, каким вообще он был. Только его имени Птаху никогда не произносил. И лишь один раз вернулся к истории о его гибели.

— Анна меня тогда спасла, — говорил он, и Вадик не спрашивал, о каком «тогда» идет речь. — У меня было одно желание — лечь и помереть рядом. Да, в общем, до того и так было недалеко, меня отделали куда хуже, чем тебя, и явно намеревались прикончить. Анна их разогнала. Внешние чуют друг друга... она была неподалеку.

— Женщина? Разогнала? — удивился Вадик.

— Я же тебе говорю — это Анна, она совсем особый случай. Как минимум, она дальнбойщик и защищаться умеет. А меня забрала к себе в машину и увезла из города. Мы чужих не берем, а я Внешний, меня можно. Всю кабину я ей кровью уделал, — Птаху криво усмехнулся. — И все твердил, чтоб оставила в покое и дала подохнуть. Ох и крыла она меня за такие разговоры. Я, говорит, если кого и могу отдать, то только дороге, а уж точно не всяким там отмороженным.

— Только дороге... — эхом повторил Вадик. Птаху кивнул.

— Поэтому Анна у нас редко появляется. Не хочет лишний раз с Некромантом сцепиться. Когда она мою «Тахо» перегнала — я за руль сесть еще не мог — она с ним реально чуть не передралась. Анна считает, что если кто пошел против наших законов — дорога его сама найдет, а Некромант не любит ждать. Я... просто не лезу. Я никогда не тронул ни одного Внешнего. У меня другая задача.

Вадик подумал, что вряд ли хочет знать об этой задаче подробнее. Но Птаху продолжал:

— Я еще тогда, пока валялся у Анны в кабине, решил: если уж не подох сейчас — значит, назло этим крысам останусь жить. И постараюсь, чтобы больше им никто не достался. Пока удастся.

А потом рассказы иссякли, и Птаху снова стал самим собой — не особенно разговорчивым, чуть ироничным и деловитым. Словно ничего и не было. А Вадик ощутил, что за это время как будто окончательно врос в этот дом — его вещи заняли место на полках и шкафах, нетбук был настроен под его предпочтения, а кружка с «Камаро» стала считаться «его» и жила обычно рядом с нетбуком. Птаху смеялся, что, если вдруг кончится чай — что было почти невозможно — в эту кружку можно будет просто налить кипятка. Вадик смущался и иногда все же собирался ее вымыть. У него были и другие «его» кружки, но это же «Камаро». Поглядев на это безобразие, Птаху однажды принес еще две таких же. Вадик уже устал удивляться.

Как-то раз из особо плотной завесы дождя возник Прокси. Когда он вошел в прихожую, вокруг него образовалось небольшое озеро. Птаху молча взялся за голову и вручил Прокси швабру.

— Куполов здесь иногда очень не хватает, — пожаловался Прокси, вытирая лужу и стряхивая воду с зеленой челки. — Не говорю уже об информационных магистралях.

— Прокладывай, кто ж тебе мешает, — хмыкнул Птаха. Прокси хитро прищурился:

— С другой стороны, биологическая форма существования мне пока что нравится больше. Окончательно я с ней примирюсь, когда вылезу из мокрой куртки!

Тут зажмурился даже ко всему привычный Птаха. Футболка Прокси, явившаяся из-под серо-зеленой куртки, была по расцветке даже еще вырвиглазнее, чем его «Фольксваген». Когда Прокси двигался, у Вадика рябило в глазах иплыли все очертания.

— Необходим внешний источник питания, — произнес Прокси, снова переходя на механический голос.

— Да не вопрос, — Птаха уже полез за чаем. — Обеспечу в любом количестве, главное, сядь уже куда-нибудь и не шевелись!

— Несовершенное человеческое зрение! — ехидно заметил Прокси, но все же уселся в кресло и демонстративно застыл, сложив руки на коленях и сделав каменное выражение лица.

— Вот так-то лучше, — проворчал Птаха. — Вадик, дуй в подвал за сгущенкой и тащи сколько унесешь. А то этот электронный разум на ней функционирует.

Уже спускаясь, Вадик слышал начало тирады Прокси про специфику биохимии, оборванное попаданием в него чего-то мягкого, но увесистого. Возможно, диванной подушки.

В подвале он уже ориентировался как у себя дома (впрочем, даже и не «как» — он и есть у себя дома!), так что вскоре вылез с целой охапкой банок. Одной из них Прокси тут же завладел и вооружился столовой ложкой. Вадик и сам всегда был сладкоежкой, но до Прокси ему определенно было далеко — банка пустела на глазах.

— На самом деле, я здесь не только затем, чтобы жрать твою сгущенку, хотя понимаю, что по мне не скажешь, — сообщил Прокси, открывая вторую банку. — Я к твоему падавану. Вот скажи мне, юный падаван, у тебя здесь какие-нибудь рисунки есть?

— Ага! — Вадик немного стеснялся показывать свои художества, Прокси ведь рисует намного круче, но тот ободряюще улыбался, так что Вадик сбегал наверх и принес блокнот. Тот самый, с которым уходил. Блокнот был помятый, местами промок и пошел разводами, но только по краям, основная часть рисунков не пострадала. Но — Вадик закусил губу от досады — на обложке оказалось здоровенное бурое пятно, и оно просочилось на первую страницу. А там был такой классный городской пейзаж.

— А что, сойдет за элемент стиля, — Прокси ткнул как раз в этот самый рисунок. — Ваш Нижний город так только украсит.

Птаха неудачно сделал вид, что поперхнулся чаем.

— А что все «ваш» да «ваш»? — поинтересовался Вадик. — Ну я понимаю, Тундра явнс издалека, но вы-то вроде местные?

Удивительно, но даже Прокси ответил не сразу. Точнее, он не ответил совсем, а вместо этого спросил Птаху:

— А вы еще не?

— Когда бы? — пожал плечами Птаха. — Не до того было, я и так парня с того света доставал.

— Могу я. Правда, на байке сейчас холодно... А вообще Фольц-то на ходу.

— Нет уж. Мой Пассажир, первый такой выезд — со мной.

— Твоя правда.

Тут уже Вадик демонстративно закашлялся с видом «если кто вдруг забыл, то я все еще

здесь и все слышу, но ничего не понимаю!». Прокси изобразил «я в домике». Птаха глубоко вздохнул и произнес:

— Короче. Ты как-то упоминал вашу легенду про «отдать душу дороге». Как я уже говорил, лично я душу еще в пятом классе Сатане на резинку променял, — Прокси поперхнулся чаем и запустил подушку обратно в Птаху, тот не глядя отбил ее на пол и продолжал: — Но, как я опять же говорил, доля правды в этом есть. И поэтому дорога может нас привести не просто в точку на навигаторе, а туда, куда надо именно нам. Мы знаем правильные маршруты, — он подчеркнул слово «правильные». — И один из них я могу показать тебе хоть завтра. Эй, там, в Инфосфере, что с погодой?

— Устанавливаю соединение... — произнес Прокси, закрыв глаза и стиснув виски, словно у него вдруг разболелась голова. Птаха уже опять потянулся за подушкой, но Прокси встряхнулся и ответил обычным голосом: — Завтра солнечно, но холодно. Может, даже снега дадут.

— Да и черт бы с ним, — махнул рукой Птаха. — Эй, сгущенки оставь хоть немного!

Остаток вечера Вадик и Прокси провели над блокнотом. Прокси хорошо отозвался о рисунках Вадика, что того не то чтобы удивило — он все-таки знал, что рисует хорошо, а брательника никто не спрашивает — но очень обрадовало. Все-таки мнение настоящего художника дорогого стоит. Некоторые рисунки Прокси дополнил парой штрихов, от чего они стали еще круче, а за руль той самой «Камаро», которую Вадик рисовал за день до ухода из дома, «посадил» щенка в кепке. Вадик хотел было надуться, но невольно расхохотался — уж очень забавно вышло. Тем временем Прокси дорисовал нотки, как бы вылетающие из магнитолы «Камаро», и подписал «Блюз бродячих собак». Вадик даже не удивился.

— А вообще, ты чего по жизни думаешь делать? — спросил Прокси. Вадик задумался. Точнее, просто наглухо завис, так как никогда толком не задавался этим вопросом. Сначала Никитос ел мозги своей дурацкой Болгарией, а Вадика даже думать в ту сторону было противно. Потому что все равно он там не нужен и никак «вписываться», «зацепляться», «продвигаться» и все такое прочее, как выражался Никитос, не собирался. А после встречи с Птахой ему просто некогда было размышлять о будущем — настоящее и так было прекрасно.

— Ты, главное, не загоняйся, — Птаха истолковал молчание Вадика по-своему. — Я уже говорил: ты мой Пассажир, а значит, я помогу тебе во всем. Как и Прокси, и мы все. Ты — наш. По документам все решим, чему надо — научим, машину со временем подберем. Это все не проблема, не я, так другие устроят. Вопрос только в том, к чему тебя, собственно, готовить. Мы же не в изоляции здесь. К Некроманту и из города обращаются, я чуть не всем местным компы собирал, Прокси рисует на заказ...

— Я бы тоже хотел рисовать, — проговорил Вадик. — Если можно.

Прокси с неожиданной силой развернул его к себе:

— Слушай сюда, юный Скайуокер, тут не орден джедаев, а значит, можно абсолютно все. Кроме того, что нельзя. Хочешь рисовать — будешь рисовать. Вон, погода выправится, и приходи ко мне хоть каждый день. Аэрограф в руках держал когда-нибудь? Хотя откуда... В общем, научу.

Вадик только энергично закивал. Тут из коридора раздался вопль Птахи:

— Прокси! Зараза! Ты когда успел?

— Мои вычислительные мощности обеспечивают достаточную скорость обработки... — Прокси изящно увернулся от очередной подушки. — А проще говоря, ты достаточно долго возился с чаем, а передвигаюсь я бесшумно.

Вадик выглянул в коридор и покати́лся со смеху — у входа в гостиную на стене красовался контурный, но очень эффектный бультерьер.

Возможно, Прокси просто паясничал, обращаясь к своей Инфосфере, но с прогнозом он попал в точку — выйдя во двор, Вадик увидел даже иней на траве. И немедленно схватился за блокнот. Снег в городе иногда бывал, но никогда не задерживался надолго, сразу же превращаясь в невнятную кашу, и уж точно не создавал таких узоров. Птаха с легкой усмешкой наблюдал с крыльца.

— Ну что, поедem кататься? — спросил он, когда Вадик уже окончательно заоченевшими пальцами убрал блокнот под флиску.

— Ты еще спрашиваешь! — Вадик уже стоял у гаража. Из вчерашнего диалога он так ничего и не понял, но главное — еще раз прокатиться на «Тахо»!

Только в салоне он осознал, насколько замерз. Птаха понимающе улыбнулся и включил обогрев почти на максимум.

— Ничего, в городе теплее, да и у нас, я думаю, это ненадолго. Что-что, а по так называемым нормальным зимам я не скучаю. Захочу снега — к Тундре в гости поеду. Но пока не захотел.

Вадик снова задумался, сколько Птахе лет. Никитос тех самых «нормальных» зим не застал и был только рад. Хотя его послушать — климат в России в принципе неправильный во всех вариантах. И вообще все неправильное. Ну кроме, может быть, Верхнего города. Ага, десять раз. Вадик пока видел не так много, но на непригодное для жизни запустение это точно не было похоже. Свою комнату у Птахи он не променял бы и на пентхаус на крыше самого роскошного небоскреба.

Так все-таки. Птаха точно старше Никитоса, но на сколько? С виду ему немного за тридцать. Что же это получается — климат окончательно перекосило как раз с рождением Никитоса? От такого зануды даже климат перекосит, это точно. Интересно, а Верхний город тогда уже был? И как он выглядел? Сам Птаха жил не в комплексе, это понятно. А где тогда? Старый город? Или он так всегда и был Внешним? Нет, он же упоминал, что ушел из семьи... Но тут «Тахо» тронулась с места, и все вопросы вылетели из головы.

Наверное, они ехали по той же трассе, что и в первый раз, но от той поездки у Вадика в памяти сохранилась только летящая под колеса дорога и руки Птахи на руле. Он не мог бы с уверенностью сказать, что было на самом деле, а что уже мерещилось ему в полудреме. Но сейчас был ясный день, Вадик уже начал привыкать к мысли, что все это по-настоящему, и поэтому радостно вертел головой — то на дорогу впереди, то на приборную панель, то по сторонам, даже заглядывал в огромное боковое зеркало. И то, что он видел, несколько не напоминало вымершие пустоши, которые, если верить Никитосу, да и не ему одному, начинались сразу же за пределами города. Леса, поля, даже какие-то поселки, обшарпанные, но вполне обжитые на вид. Небо было голубым, деревья стояли голые — зима все-таки — но не такие пожухшие и кривые, как в Нижнем городе. Даже в домах у дороги открывались окна. На одном крыльце сидела старушка с мешком сушеных яблок. Птаха остановил машину и направился к ней. Старушка не без опаски оглядела его внушительную фигуру, но он дружелюбно улыбнулся ей и достал кошелек. Вадик таращился с пассажирского сиденья во все глаза — сам он наличными, конечно, пользовался, но не припоминал ни одного взрослого, который рассчитывался бы не картой или вообще телефоном, а вот так. И так вот просто, у обочины дороги... Ну и где эта ваша экологическая катастрофа, из-за которой

Верхний город лучше не покидать больше, чем на несколько часов?

— На, отведай добычу с радиоактивных пустошей, — Птаха, как всегда, думал в том же направлении.

— Слушай, но как оно так...

— Чувак, Россия большая. Поедем с тобой путешествовать — еще не то увидишь. Мегалополисы и ближайшие окрестности, конечно, загажены, но и то, прямо скажем, ваши сильно преувеличивают. Я смылся отнюдь не потому, что в городе дышать нечем.

Птаха замолчал и резко нажал на газ. Вадик понемногу таскал из пакета вкуснейшие сушеные яблоки и смотрел в окно. По мере того, как на горизонте вырастали контуры зданий, у него росла смутная тревога. А вдруг наткнутся на кого-то, кто знает Вадика? Понятно, что после всех тех новостей, наверное, не поверят, что это он, но мало ли... Вадик помнил слова Птахи, но чувствовал себя беспокойно. Птаха за рулем тоже был мрачен.

«Тахо» влетела на высокую эстакаду, и только тогда Птаха с улыбкой повернулся к Вадиду:

— Смотри!

День был кристально ясный, видно было далеко и настолько четко, что здания казались нарисованными. Вдали виднелся вполне узнаваемый Старый город, разве что в такую погоду даже он выглядел ярче обычного. Только вот... Глазомер у Вадика всегда был неплохой. Они должны были находиться среди основной застройки Верхнего города — но ее не было. Что-то похожее на небоскребы высилось где-то далеко справа, и Вадик не мог узнать ни одного из комплексов, которые ему доводилось видеть. Эстакада вилась над какими-то гаражами — гаражи? В городе? Где ездить на машине или неудобно, или дорого, или то и другое сразу? А дома вокруг хоть и напоминали Вадиду Нижний город, но выглядели не в пример приличнее.

Пока Вадик пытался все это сформулировать, Птаха в лихом вираже слетел с эстакады и направился в сторону Старого города. Поток машин стал плотнее, временами приходилось постоять. Зато у Вадика было время убедиться, что глаза его не обманывают. Вот здесь они проезжали со школьной экскурсией, здесь даже выходили... но эти дома выглядели иначе. Никаких слепых потускневших окон, никаких защитных экранов — самые обычные жилые дома, просто очень старые. Да что там, кое-где были открыты форточки, а из окна на втором этаже вышел рыжий кот и стал прохаживаться по лепному карнизу. Или просто улица похожая? Да нет, Вадик никогда не жаловался на память — художник все-таки, пусть и начинающий. К тому же, даже если это другая улица — ну не открывают окон в Старом городе! Он вообще почти вымер! А улица определенно была та же — вот мемориальная доска на доме, вот клумба в цветах флага, только совсем не такая чахлая, как ее запомнил Вадик.

— Так, — сказал он вслух. — Кто рехнулся?

— Никто, — Птаха улыбнулся до ушей.

— И что это тогда?

— Мой город, — Птаха подчеркнул слово «мой». — Хотя, пожалуй, бывший мой.

— Ничего не понимаю! — Вадик отчаянно замотал головой.

— Я же говорил, — улыбка Птахи стала еще шире. — Наши маршруты, скажем так, не только по реальности. Точнее, по разным ее вариантам. Никогда не доводилось слышать, что все возможные расклады событий как бы сосуществуют одновременно?

— Ну... это ж фантастика, вроде? Хотя... Внешних вон тоже сказкой считают.

— Вот именно. И что бы одной сказке не путешествовать по другой, правда? У Анны в свое время это получилось случайно, она тогда и Внешней не была. Может, сама расскажет, если встретитесь. Да, на самом деле, у всех оно само собой выходит.

— Что «оно»? Птаха, кончай издеваться!

— Даже и не начинал. В общем, если коротко — дорога идет через все возможные варианты реальности. В моем городе не слишком заморачивались с небоскребами и не было такой проблемы с трафиком, в твоем настал транспортный коллапс и экологическая катастрофа, как минимум в черте города, поэтому все, кто мог, забрались повыше и закупились в жилых комплексах. У Прокси... сам покажет, если захочет. Реальности — миры, если угодно — могут быть вообще не похожи. Но всегда есть дорога и есть мы. Насколько мне известно, так перемещаться могут только Внешние, и то, похоже, не все. Тундра вот ничего такого не делает. А может, просто не хочет, ей в своей версии реальности хорошо.

— А я так тоже смогу?

— Ты — мой Пассажир. Значит, сможешь. Но только когда сам станешь Водителем. Пока что ты можешь попасть только туда, куда тебя привезут.

— А... в мой город попасть можно? — Вадик сам не вполне понимал, зачем это спросил — ведь только что он сам боялся там оказаться. Наверное, просто очень надо было убедиться, что его реальность все-таки продолжает существовать. И ребята где-то там есть, даже если он с ними больше не увидится.

— Можно, — ответил Птаха. Внезапно он на мгновение замер, и его улыбка исчезла, сменившись хищным оскалом. Сейчас он действительно был очень похож на пса, почуявшего что-то неладное. И совсем другим голосом он добавил: — Даже нужно.

Таким Вадик видел Птаху только один раз — собственно, когда они впервые встретились. И задавать дальнейшие вопросы как-то сразу расхотелось. Птаха уже не сидел в обычной небрежной позе, управляя одной рукой — он весь подобрался, крепко стиснул руль, чуть подался вперед, словно что-то высматривая впереди. Маневры «Тахо» стали резкими — даже странно было видеть, как настолько огромный внедорожник ввинчивается в поток, впрочем, мешать ей было бы себе дорожке. Наконец плотный поток рассосался, и «Тахо» рванулась вперед.

Они все так же просто ехали по городу, не было никаких внезапно расплывающихся контуров и прочих спецэффектов. Но теперь вокруг был тот Старый город, который Вадик знал и в который так рвался попасть в ту ночь. А сейчас не испытывал ни малейшего желания не то что выходить из машины, а даже открывать окно. Версия Птахи определенно нравилась ему больше. Хотя бы потому, что там Птаха улыбался.

Странное дело — весь день они проехать никак не могли, но свет стал намного тусклее. Или это просто смог? Вадик с удивлением понял, что уже начал забывать, как выглядит небо над его городом. Особенно в плохие дни, а сегодня, похоже, был как раз такой. Над домами висело невнятное серо-желтое марево, не пропускавшее солнечные лучи. В такие дни обычно все новостные каналы советовали не выходить наружу. Верхнему городу это было и не нужно, но они сейчас ехали по Нижнему. И эта его часть даже была похожа на то, что рассказывал Никитос. Выбитые окна, следы пожаров, какие-то невнятные бараки вперемешку с обычными для Нижнего города зданиями... Смотреть на все это было неприятно — сразу вспоминался побег из дома и то, чем он едва не закончился. Вадик перевел взгляд на Птаху — нет, лучше уж смотреть на город.

«Тахо» резко свернула в переулок — Вадика швырнуло вперед, даже несмотря на ремень. По его ощущениям, она никак не могла туда вписаться — но вписалась. Птаха заглушил мотор.

— Сиди здесь и не высовывайся, — приказал он. — Тебе незачем видеть то, что здесь будет. Вылезешь — я за твою жизнь не поручусь.

Вадик только молча кивнул. Под этим взглядом не хотелось не то что высовываться — он бы вообще в бардачок залез, если бы поместился. Сбросив куртку, хотя, если верить бортовому компьютеру, на улице было по-прежнему холодно, Птаха выпрыгнул из машины. Он огляделся по сторонам — на секунду позже, чем следовало бы. И Вадик не успел крикнуть, да его бы и не услышали — или, хуже того, он бы только отвлек. Застыв в кресле, он смотрел, как за спиной у Птахи из подворотни вынырнул парень — этакий белокурый красавчик с журнальной обложки. Точнее, он был бы красавчиком, если бы не перекошенное от ярости лицо. Он замахнулся ножом. Вадик зажмурился.

— Нет, парень, ножик лучше оставь, я с ним все равно лучше обращаюсь, — донесся до него спокойный голос Птахи. Вадик осторожно открыл глаза. Птаха по-прежнему стоял на ногах, а «красавчик» и его нож валялись на тротуаре отдельно друг от друга. Впрочем, парень тут же вскочил на ноги.

— Лансер был моим другом! — выкрикнул он. Так вот кто это... Вадик вспомнил разговор Птахи с Некромантом, и желание забиться в бардачок вернулось с новой силой. Да, он определенно не хотел видеть то, что здесь будет. Но не мог не слышать.

— Лансер пошел против наших законов, — с расстановкой проговорил Птаха.

— Да пошли ваши законы!

Судя по звуку удара и падения, «красавчик» снова бросился в атаку и снова безуспешно. У Птахи при этом даже дыхание не сбилось.

— У тебя был шанс. Ты им не воспользовался.

— Слушай, ты, отморозок, один звонок...

Удар, сдавленное шипение, что-то хрупкое разлетелось вдребезги.

— Да плевать! Ты понимаешь, что тебя даже не найдут?

— Не найдут, — спокойно и даже равнодушно согласился Птаха. — А тебя не опознают.

Ответом был уже какой-то невнятный рык. Вадик скорчился на сиденье, зажимая уши. Когда избивали его самого и вмешался Птаха, он был почти в отключке, и то слышал больше, чем хотелось бы. А сейчас даже через закрытые двери машины долетало практически все, а воображение у него было слишком хорошее. Хотелось куда-нибудь деться отсюда как можно дальше — но в то же время Вадик чувствовал почти непреодолимое желание выглянуть наружу. Он понимал, что ничем Птахе не поможет, да и вряд ли ему это нужно, еще лучше он понимал, что Птаха предостерегал его совершенно правильно и высовываться не надо... Он поднял голову и взглянул в окно как раз в тот момент, когда армейский ботинок Птахи с размаху опустился — похоже, не первый раз — на то, что когда-то было тонким лицом в белокурых локонах. Вадик судорожно хватал ртом воздух, чувствуя, что его сейчас вывернет.

— На, — Птаха протянул ему бутылку воды. Вадик вздрогнул — он не услышал, как открылась дверь. — И поехали отсюда.

Куртку Птаха надевать не стал. На его футболке остались следы крови, рукав был располосован ножом «красавчика». Вадик хотел что-то сказать — хотя, собственно, что? — но Птаха даже не смотрел в его сторону. Только проехав несколько кварталов, Птаха заговорил, все так же не сводя взгляда с дороги:

— Не стоило тебя во все это впутывать. В конце концов, учить тебя у нас все готовы. Тут уж или сразу, или... да что уж там. — Он остановил «Тахо» у остатков тротуара и впервые обернулся к Вадиду. — Сильно я упал в твоих глазах?

Вадик отчаянно замотал головой. Птаха продолжал, глядя сквозь него:

— Прокси тебе верно говорил — у нас можно все, кроме того, что нельзя. А нельзя ровно три вещи. Наводить на Внешних кого-то из своей прошлой жизни, вредить машинам и поднимать руку на Внешнего. Исключение — те, кто охотится на нарушителей. Вроде Некроманта... и иногда меня.

Он недобро усмехнулся.

— Слышал, наверное, всякие страшные сказки, как Внешние из-под земли достанут

того, кто хоть слово о них не так сказал, и собственные кишки сожрать заставят? Ну так они про меня. Некромант слишком редко появляется в городах и действует быстрее. К тому же городских он обычно не трогает, если только первыми не полезут.

— Так этот и к тебе сам полез! — воскликнул Вадик. Его наконец перестало мутить, и он сбивчиво заговорил: — Ну Птаха, я что, не помню, как ты меня спас? Я же даже тогда кое-что видел. И вообще, ну не ребенок же я. Я вообще тебе помочь хотел, только куда мне, я все-таки слишком мелкий...

— Что, не боишься от замороженного убийцу? — в голосе Птахи сквозило легкое удивление, но он хотя бы стал улыбаться.

— Да ну что ты! Я... вообще, мне стыдно, что я так плохо умею драться. И что меня так перекосило.

— Это поправимо, — вот теперь это был прежний Птаха. — Если ты готов — я тебя научу всему, что умею сам. Но предупреждаю — есть риск стать таким же.

— А я что, правда смогу? — Вадик, наверное, смотрел с совсем уже щенячьим восторгом, потому что Птаха картинно взялся за голову:

— Да, прав Некромант, я с тобой не промахнулся. Ну что ж, будем растить из тебя еще одну страшную сказку. Согласен? — Птаха протянул руку.

— Да-а-а! — Вадик ответил на рукопожатие со всей возможной силой. Птаха одобрительно хмыкнул.

В этот раз Птаха направился не домой, а в гаражи. Удивительно, но Некромант высунулся из своего подземелья, как только перед ним остановилась «Тахо». Хотя блэк-метал грохотал ничуть не тише. Птаха вышел из машины и поманил за собой Вадика.

— Расход что-то вверх полез, — озабоченно сказал Птаха. — Глянешь?

— Сначала я на тебя гляну, — отозвался Некромант. — Кто тебя поддрал, псина?

— Не достал. Лансер своего Пассажира ничему толком не научил.

Некромант нахмурился.

— Ты с мелким там был? Птах, я понимаю, что ты моменты не выбираешь, но рискованно.

— Он готов, — коротко ответил Птаха.

— Ты хорошо подумал? — карие глаза Некроманта казались бездонно-черными, и под их прямым взглядом было неуютно. Но Вадик решительно вскинул голову и ответил:

— Да. Я мало что видел и, честно говоря, было стремно, но... я больше не хочу бояться.

Произнеся эти слова, Вадик и сам для себя вдруг понял, что заставило его с такой радостью согласиться на предложение Птахи. Да, он был силен для своего небольшого роста, он мог постоять за себя... но Нижний город раз и навсегда показал ему, чего это стоит. А точнее, не стоит. Да, сейчас рядом с ним Птаха... но должен же он и сам справляться. Он помнил ощущение полного бессилия и не хотел, чтобы оно повторилось.

Некромант как будто уловил его размышления. Он уважительно кивнул и протянул руку:

— Слово сказано, юный Скайуокер. Я помогу тебе.

Вадик фыркнул про себя — совсем недавно он отказался зваться Максом Рокатански, потому что слишком пафосно. И тут же к нему прилип Энакин Скайуокер. Один другого краше.

— Вот это здорово, — подал голос Птаха. — Потому что я от своих слов не отказываюсь...

— Но у тебя вводные другие, — закончил за него Некромант. Он снова обратился к Вадику: — Ты вырастешь, юный Скайуокер. Но таким громилой точно не будешь. Ты станешь быстрым, вертким... и опасным. Особенно если будешь меня слушаться.

Вадик энергично закивал. Некромант чуть улыбнулся, временно став похожим на живого человека, и вдруг рубанул ладонью по воздуху:

— Так. Птичку я твою посмотрю, но не сегодня. Давайте, что ли, ко мне — Птахе точно выдохнуть надо, да и мелкому не помешает.

— Твоя правда, — согласился Птаха. — Мне точно нужен чай. И даже, наверное, в твоём исполнении.

— Всегда пожалуйста! Загоняй машину и пошли. А ты давай со мной, покажу мою берлогу.

Вадик оглянулся на Птаху — тот жестом показал, что не возражает. Некромант, пригнувшись, нырнул в очередной едва заметный проход в кустах и поманил Вадика за собой.

— Это как вообще? — Вадик даже протер глаза. За гаражом не было видно ничего, кроме кустов, но теперь они, определенно, стояли перед домом. Меньше, чем у Птахи, всего один этаж — но не настолько же, чтобы в кустах спрятаться! Хотя Вадик уже был готов поверить во что угодно. С довольной ухмылкой Некромант показал на небольшой уклон тропинки и поворот — относительно гаражей дом был в небольшой низине, потому и прятался.

— Вот тут и живу, — проговорил Некромант, открывая дверь. — Хотя про меня рассказывают, что обитаю я прямо у себя в гараже. Недалеко от истины.

И действительно, насколько Вадик мог видеть от входа, обиталище Некроманта не слишком отличалось от его гаража — те же вездесущие инструменты, запчасти и канистры, те же постеры метал-групп с нечитаемыми логотипами по стенам. Разве что места побольше и ямы в полу нет, хотя, кто его знает — может, просто искусно замаскирована. Некромант кивнул на потертый кожаный диван:

— Плюхайся. Пойду чай делать.

Вадик охотно развалился на диване, обозревая обстановку. Со стены напротив на него сурово взирал очередной темноволосый мрачный хмырь, взвешивающий в руке шипованную палицу. Уродись Некромант брюнетом — за братьев бы сошли. Рядом с хмырем была, внезапно, не очередная группа, а здоровенный филин, смотрящий мрачнее, чем все хмыри вместе взятые. Отлично вписывался в эту компанию. Вадик пожалел, что при нем нет блокнота. Но тут на пороге появился Птаха, и Вадику стало не до рисования.

Выглядел он еще хуже, чем тогда у платформы. Он старательно делал вид, что просто небрежно оперся о дверной косяк, но без него он просто не устоял бы на ногах. Вадик взвился с дивана:

— Что такое?

Черт, у того красавчика ведь точно был нож... Птаха его выбил, но мало ли... И столько времени прошло... Птаха криво улыбнулся:

— Спасибо за заботу, мелкий, но все в порядке.

— Вижу я твой порядок, — отозвался из кухонного уголка Некромант. — Помочь?

— Да нормально все, говорят вам. Несколько переходов подряд, сам знаешь, силы жрут только так. Да еще драка. Это тебе не гопоту в Нижнем городе пугать, чувак был злой и упорный. Все путем, сейчас отдышусь и приду в норму, а если ты мне еще и чаю нальешь,

будет вообще прекрасно.

И действительно, через минуту Птаха наконец отцепился от косяка и вполне уверенно дошел до того же дивана. Некромант уже нес большой чайник.

— Тортик будешь? — подмигнул он Вадику. Тот поперхнулся — Некромант и тортики не вязались настолько, насколько вообще возможно. А вот Птаха ничуть не удивился:

— Походный, что ли?

— А то! Мы тут днем с Прокси заседали, но должно было еще остаться.

То, что принес Некромант, на тортик совершенно не походило. И вообще ни на что не походило. Но Птаха с довольной улыбкой положил себе большой кусок (насколько можно говорить о «куске» бесформенной массы невнятного коричневатого цвета), и Вадик рискнул. Оказалось очень вкусно.

— А это, собственно, что? — с набитым ртом поинтересовался он. Некромант закатил глаза, и ответил Птаха:

— Походный тортик, тебе же сказали. Просто раскрошенное печенье и сгущенка. Судя по цвету этого экземпляра, добавлено немного вина. Некромант, ты нам чаю нальешь или как?

— А я уже, — ухмыльнулся Некромант, разливая по кружкам содержимое чайника. На чай оно походило примерно в той же степени, что и его «тортик» на торт. Как минимум, Вадик привык, что чай прозрачный. Птаха решительно отхлебнул чуть не полкружки этого зелья. Вадик рискнул последовать его примеру и пожалел — от несусветной горечи глаза полезли на лоб.

— Разбавить? — любезно предложил Некромант.

— Ну уж нет! — Вадик твердо решил соответствовать. Как ни странно, во втором глотке появилась какая-то непонятная сладость. Некромант пристально следил за ним.

— Прокси глумится, что Анна, когда в прошлый раз приезжала, определенно пригнала фуру с чаем и определенно для одного меня. Хотя уж кто бы говорил, он сам немногим менее крепкий пьет. Вообще, тут одни Птаха с Тундрой в чае понимают и пьют его как нормальные люди. Сам знаю, что вредно, но так уж привык. Жить вообще вредно, помереть можно, — он многозначительно ухмыльнулся.

От невероятно крепкого чая немного кружилась голова, но ощущение было скорее приятное. Все равно он так растекся на диване, что падать некуда, а вставать с него он в ближайшее время не собирался. Внезапно осмелев, Вадик попросил добавки. Некромант осклабился чуть не до ушей:

— Ага, юный Скайуокер, ты почувствовал мощь Темной стороны?

— Тоже мне Палпатин! — фыркнул Вадик. Чай ли тому причиной или что, но бояться Некроманта он перестал окончательно. Ну выглядит как с того света, ну старательно нагоняет жути, ну и что с того? Жути Вадик и так навидался, причем самой настоящей. Странное дело — его собственные слова «я больше не хочу бояться» как будто уже начали работать. Где-то на периферии сознания еще маячил разговор о Лансере и слова Птахи, что Некромант «действует быстрее», и Вадик совершенно не был уверен, что хотел бы все это видеть, но в его голове это скорее формулировалось «чего я там не видел». Потому что тот последний удар Птахи он по-прежнему помнил яснее, чем хотелось бы.

— Кстати о мощи Темной стороны, — Птаха размял пальцы. — Пойдем выйдем?

— Я не понял, псина, ты не намахался? Я-то всегда за, но ты продержишься?

— Он еще спрашивает! Твой чай, знаешь ли, мертвого поднимет!

— Работа такая — или поднять, или упокоить, — повторил Некромант. — Ну пошли. Опять же, надо молодому поколению показать, что его ждет.

Еще пару минут назад Вадик и думать не хотел о том, чтобы встать с дивана, но тут вскочил, как будто его оттуда выкинуло. Резче, чем следовало бы. С головой по-прежнему происходило что-то не то, но он бы не назвал это головокружением. Просто все стало словно не вполне реальным и чуть замедленным. Вот как тогда... тьфу, зачем только вспомнил! И Птаха снова так характерно оскалился... Да ну, что за чушь, все эти поединки насмерть существуют только в дурацких сказочках! Между своими так точно. И действительно, Некромант извлек откуда-то два тренировочных ножа из плотной резины и кинул один Птахе. Тот с довольным видом поймал его на лету.

Через минуту Вадик забыл обо всем. Он прекрасно понимал — да что там, сам видел — что настоящий бой кончается быстро и некрасиво, но сейчас мог только смотреть во все глаза и не знать, на кого ставить. Обычно те, кто вымахал очень высоким, довольно медленные — вон, на класс старше был такой Тоха, редкостная каланча, да вот только пока он свои ходули переставит, мелкий Вадик успевал ему три раза в нос дать. Это если он до тебя дошел, пиши пропало, так это ж когда будет. В общем, дылды обычно медленные. Но только не Некромант. Его атаки были настолько молниеносными, что Вадик не успевал следить. Ему почти слышалось змеиное шипение — ну натуральная же кобра! Но и Птаха был очень проворен для своей комплекции. Если Некроманта носило по всему двору, он лишь нарочито лениво перетаптывался на месте, отходя ровно на ту пару сантиметров, чтобы атака прошла мимо, и неожиданно стремительно бил сам. Вадик, кажется, самым неприличным образом разинул рот, и ведь было от чего.

— А я... тоже так смогу? — только и спросил он, когда Некромант и Птаха хлопнули друг друга по плечу и сели на крыльцо перевести дыхание.

— Еще и не так сможешь, — небрежно бросил Некромант. — Я бы хоть сегодня тебе азы показал, но ты пока не в том состоянии.

Вадик запротестовал, что с его состоянием все нормально, в конце концов, не он же дрался в Нижнем городе, но Некромант лишь поднял руку в запрещающем жесте:

— Я сказал, не в том состоянии. А еще я сказал, что все будет, если будешь меня слушаться.

Они вернулись в дом и еще долго пили чай и разговаривали. Точнее, говорили Некромант с Птахой, а Вадик слушал, чувствуя, что задремывает. Хотя, казалось бы, с такого чая неделю спать не будешь. Словно издали до него доносился хриплый голос Некроманта, рассказывающего что-то о трассе до океана и о «Кадиллаке», а еще опять о Лансере — «знаешь, псина, ты ведь единственный, у кого против меня есть шансы... хотя, если честно, очень не хочу это проверять», и Вадику опять захотелось сказать, что такого никогда не будет, потому что он никогда и ни за что... но было слишком сонно. А потом он вдруг увидел ту самую трассу и огромный серебристый «Кадиллак» на ней и подумал, как здорово было бы это нарисовать... А потом не думалось уже ничего.

Вадик встряхнулся и открыл глаза. Комнату заливал яркий утренний свет. Стоп, ведь был же вечер! И вообще, где он? Со стены уставился давешний хмырь. Вадик скорчил ему рожу. Это что, он так и заснул на диване у Некроманта? Похоже, да — из кухни появился сам Некромант.

— Привет, мелкий. Птаха тебя на мое попечение оставил — говорит, уж больно ты душевно задрых, будить жалко было. А сам в город усвистел. К вечеру должен вернуться.

— В город? Опять? Зачем? — Вадик вскочил с дивана, но тяжелая рука Некроманта легла ему на плечо и водворила обратно.

— Не суетись, мелкий. Ты тут в любом случае ничего не сделаешь... пока. Птаха, видать, опять кого-то почуял, он в этом плане и правда что твой пес. И зуб у него на тамошних ушлепков, как у саблезубого тигра.

— Но ведь только вчера... и вообще... — Вадик не договорил. Перед глазами стоял Птаха, обессиленно прислонившийся к косяку. Некромант понимающе кивнул:

— Да, мне это самому не очень нравится. Но тут ничего не попишешь. Птахе досталось чутье на такие вещи, он не может иначе. И я не могу. Хотя, веришь, нет, не то чтобы всю жизнь мечтал стать ночным кошмаром других Внешних. Знаю, что по мне не скажешь.

— Ну почему же, — возразил Вадик. — Я вот тебя не боюсь.

— А стоило бы, — усмехнулся Некромант. — В городе таких сказок не рассказывают, а вот среди Внешних есть сказка, что любой нарушитель проживет очень недолго, и будет это очень неприятно. Так вот она про меня. Не могу сказать, что мне это в радость — я реально ненавижу терять наших. Но тот, кто пошел против наших законов — уже не Внешний, не Водитель. И я это чую. Как Птаха чует любой беспредел в городе. В любом случае, дорога не спрашивает, кому что на ней делать. И тебя в свое время не спросит... хотя, кажется, ты уже ответил.

Он долго смотрел Вадика в лицо, потом резко потрянул головой:

— А, ладно, мутные мрачные телеги я могу гнать долго, а тебя, поди, кормить надо. До Птахи мне, извини, далеко, жру что попало и как попало, не обессудь. Могу вот бутербродов наделать, будешь?

Вадик охотно согласился и даже поучаствовал в нарезке. Чай Некромант все-таки разбавил, сказав «успеешь еще плохому научиться». Повторять вчерашнее Вадик был действительно не готов.

— Слушай, — вдруг осознал он, — ты сказал, Птаха в городе... а его машина как же? Он тебя просил посмотреть...

— Так я уже, пока ты спал. Точнее, я только успел нос сунуть, а Птахе приперло. Ну, пока вроде ничего катастрофического не происходит, а вернется — закопаюсь уже по-нормальному. Вернется, вернется, не беспокойся, — хмыкнул Некромант.

Вадик понял, что лучше уже попросту признать, что тут все умеют читать мысли. Ну и ладно, так в чем-то даже проще.

— А пока могу начать выполнять свои обещания, — Некромант подмигнул, отчего его физиономия стала совершенно дьявольской. — Помахаться хочешь?

— Э... с тобой? Так сразу?

— Спокойно, убиваю я редко и падаванов обычно не трогаю, тем более чужих, —

Некромант оскалился до ушей. — Пошли, посмотрю хоть на тебя. И глаза не прячь, во многом уже посмотрел, иначе не брался бы. Случайные люди сюда не попадают, а если и попадают, то ненадолго. И сам видел, чем это кончается.

Казалось бы, Некромант был просто создан, чтобы одним своим видом отпугивать все живое, но Вадик действительно напрочь перестал его бояться. И даже поймал брошенный тренировочный нож почти так же эффективно, как Птаха. Ну, по крайней мере, ему хотелось так думать. И даже мелькнуло сожаление «эх, вот такое бы, только настоящее — я бы им тогда...». Но быстро исчезло. Во-первых, Вадик все-таки отдавал себе отчет, что он все равно меньше и слабее тех своих противников, а во-вторых, тогда он, возможно, не встретил бы Птаху.

— Держать вот так, — Некромант чуть поправил его руку. — Не зажимайся, дай покажу. Бьешь так или так. Атакуй.

Он припал на одно колено и демонстративно опустил руку с ножом. Вадик шагнул вперед — и полетел на газон. Некромант жестом предложил повторить попытку. На сей раз Вадик зашел сбоку, стараясь следить за обеими его руками. Оказалось, что резина резиной, а когда по шее — это неприятно. Его начал разбирать азарт — Некромант же почти перекрыл себе возможность передвигаться, надо же его достать! Но Некромант все время ухитрялся как-то извернуться, и максимум, что удалось Вадику — в последний момент увернуться и все равно потерять равновесие и шлепнуться.

— Да что ж такое! Ничего не получается!

— Все у тебя получается, юный Скайуокер, — усмехнулся Некромант. — Для первого раза так вообще отлично. Перерыв.

Вадик хотел запротестовать, но понял, что действительно вымотался. И получил он от Некроманта не раз и не два. Так что охотно плюхнулся на крыльцо.

— Но слушай, — заговорил он, — я же вообще...

— Повторяю, для первого раза отлично. Двигаешься грамотно, реакция... ну, со мной тягаться сложно, но ты со временем сможешь. И при всех падениях, вон, ничего себе не отшиб. Кто постарше так не смог бы. Смотри-ка, а вот и Птаха вернулся, а ты беспокоился.

Действительно, из кустов появился Птаха. Шел он своей обычной твердой походкой и даже чуть улыбался. Некромант встал ему навстречу.

— Ну что там?

Птаха махнул рукой:

— Ложная тревога. Так, шуганул кое-кого, как бы даже не Вадиковых старых знакомых. Ничего, им полезно. А вы тут как?

— Замечательно, — осклабился Некромант. — Вот, молодое поколение плохому учу.

— И как поколение?

— Отлично учится.

Вадик задрал нос. Птаха подошел и шутливо толкнул его в плечо:

— Я смотрю, мы тут за тебя передеремся скоро! Прокси вон уже бухтит, что не заходишь. Конечно, Пассажиры у нас редкость. Некромант принципиально никого не берет, Прокси вообще не поймешь, что он там себе думает, Тундра сама в Водителях без году неделя.

— Все равно я только твой Пассажир, — тихо сказал Вадик.

— Конечно, — так же тихо ответил Птаха, чуть сжав его руку. — Мы же братья.

Некромант демонстративно разглядывал козырек крыльца, вертя в руках тренировочный

нож. Птаха приглушенно фыркнул и подошел к нему:

— Машину я у твоего гаража поставил. Думаю, на ближайшее время я опять дома засяду, так что копайся сколько хочешь. Твой-то линкор как?

— А ты еще не видел? Поднял, ездит. Во, пойдёмте, покажу.

Оказалось, что гараж, который видел Вадик, служит Некроманту исключительно мастерской. За домом был еще один, и в нем стоял, надо понимать, тот самый серебристый «Кадиллак», о котором Некромант рассказывал вчера — или это Вадик уже приснилось? А, ведь Некромант еще при первой встрече говорил, что возится с каким-то «Кадиллаком»... но как же тогда, Внешний и его машина, союз навсегда? Ведь действительно у многих даже имена по маркам машин... И Вадик уже не стал удивляться даже для вида, когда ответ пришел раньше, чем он задал вопрос.

— Конечно, мы к машинам привязываемся, — проговорил Некромант. — Это действительно часть нас. Но живут они, так уж получается, меньше. Хотя я и Некромант, но всему есть пределы. К тому же мне нравятся машины, которые даже по меркам моих краев уже реликты. А еще, — он хищно оскалился, — ходят слухи, что со мной ничего нельзя сделать, потому что удар примет на себя машина. Желających проверить, сам понимаешь, обычно не находится. Как бы то ни было, а аппарат, на котором я гонялся за Лансером, на том и закончился. Учитывая, что сделали его, когда меня и в проекте-то не было, в целом, неудивительно, но прискорбно. Я больше механик и мотаюсь мало, не то что, вон, псины всякие, но ты ж понимаешь — одно дело сидеть в гараже по собственному выбору, а другое — по необходимости, тут даже я на все мимо проезжающее зубами щелкать начну. Но теперь у меня линкор. Хочешь, забирайся.

Вадик с нечленораздельным восторженным воплем нырнул в гараж. Он прекрасно понимал Некроманта в его любви к старым мощным машинам. Капот «Кадиллака» терялся где-то за горизонтом — действительно, не машина, а линкор какой-то! Некромант открыл водительскую дверь, и Вадик шмякнулся на сиденье — именно что шмякнулся, а не сел, потому что кресло было расположено очень низко. Ну да, Некроманту с его ростом только вот так полулежа и ездить. И только он мог дотянуться до педалей — Вадик достал бы их, только если бы совсем сполз с сиденья. Он завертел головой, разглядывая эту ожившую декорацию из старого фильма. В глаза бросился небольшой переключатель с подписью «Twilight Sentinel».

— «Часовой сумерек», — перевел Вадик. — Это, типа, как его... датчик света? — наконец вспомнил он название, попавшееся на каком-то сайте. Некромант кивнул, и Вадик задохнулся от восторга. Надо же было такую прозаическую вещь и так назвать! Он еще долго разглядывал гигантский салон, пытаясь представить: это что, он когда-нибудь сам сядет за руль чего-то такого? Или чего-нибудь вроде «Тахо»? Или даже его любимой «Камаро»? Конечно, Птаха ведь обещал... но сейчас он чувствовал себя очень маленьким и непонятливым — в конце концов, его представление о вождении все росло из симуляторов.

— Научись всему, научись, — подал голос Птаха. — Вылезай, налюбуйся еще.

Вадик неохотно выбрался из «Кадиллака» и чуть погладил руль и огромный капот. Некромант решительно заявил, что теперь он точно пойдет разбираться с «Тахо», «и вообще, мой годовой лимит гостеприимства исчерпан». Птаха со смехом заверил, что больше не претендует.

— Да-да, — поддакнул Некромант, — мелких падаванов у меня оставлять опасно, я их плохому учу.

— Уж не хуже, чем я, — хмыкнул Птаха.

А Вадик внезапно обнаружил, что соскучился по дому. Казалось бы, всего одна ночевка в гостях, и та получилась случайно и принесла очень много всего крутого, но ему уже очень захотелось опять оказаться в обшитой деревом комнате на втором этаже. Потому что это и есть его дом, и никакого другого не надо. И они с Птахой молча шли к дому, и дорога казалась уже давно знакомой, и никаких мутных типов бояться, конечно же, незачем. Бояться вообще незачем.

Забравшись к себе, Вадик открыл нетбук. Он помнил предупреждение Птахи, но любопытство порой возвращалось. Разумеется, зашел он под Максом Рокатански. На странице ничего нового не происходило. Несколько лайков от незнакомых пользователей, в комментариях пара рекламных ботов, которых Вадик привычно прибил, пара заявок в друзья, которые Макс почти никогда не принимал. Вадик полистал ленту — там были, конечно, красивые фотографии, но перед глазами до сих пор стоял серебристый «Кадиллак» и, конечно, белоснежная «Тахо». После того, как посидел в реальной машине, рассматривать фотки стало как будто и не так интересно. Сам не очень понимая, зачем, Вадик полез на собственную страницу. «Пользователь удален». Не иначе, Никитос или кто из ребят написал администрации. И вроде бы полная чушь — ну грохнули аккаунт, ну туда, в общем, и дорога — но Вадик снова сделалось не по себе. Словно в какой-то степени он и правда перестал существовать.

— Слушай, ну тебе уже не привыкать помирать, — усмехнулся Птаха, как нельзя кстати возникая за плечом. На кого другого Вадик бы уже выверился, потому что терпеть не мог, когда ему заглядывали в монитор, но Птаха — это другое.

— Бу-у-у, — Вадик развел руками, изображая давешнее бесилово с «привидениями». Птаха понимающе кивнул. И все же Вадик поспешно закрыл вкладку. Вроде бы, и так понятно, что для Верхнего города он давно погиб под колесами электрички, но эта удаленная страница как будто еще раз в этом расписалась.

В сообществе класса не происходило ничего интересного. Трындели про перенос уроков, про нормативы по физре, про фильмы и игры, и все это казалось очень далеким и давно прошедшим. Даже имена выглядели незнакомыми. Вадик, конечно, прекрасно помнил, кто есть кто, как выглядит и чем отметился, но все это было вроде альтернативного отражения. Словно и не он учился с этими ребятами вместе. Он отмотал на несколько экранов назад — происшествие на станции давно перестали обсуждать. У Верки еще была пара мутных постов про жестокий мир и светлые души, ну да что с нее взять. К Валерке Вадик заходить не рискнул. Он вернулся в профиль Макса и решительно нажал «Удалить свою страницу».

— Вот, — он несколько нервно оглянулся на Птаху. — А если что — другой аккаунт заведу. Но их никого добавлять не буду. Ну их совсем.

— И правильно, — Птаха положил ему руку на плечо. — Как там, «мертвые не пишут писем».

То ли присутствие Птахи так успокаивало, то ли Вадик просто стал привыкать к его черному юмору, а может, удаление страницы подвело окончательную черту, но Вадик впервые просто усмехнулся в ответ.

— Кстати, — сказал Птаха, — своевременный, конечно, вопрос, но тебе ведь еще нет четырнадцати?

— В феврале будет, — кивнул Вадик. Стоп, а откуда Птаха знает? Да, он вроде еще

тогда, в Нижнем городе, назвал свой возраст, когда рассказывал о себе...

— А тебя не сильно напряжет стать на пару месяцев постарше?

— Не понял?

Птаха жестом фокусника извлек откуда-то из полок новенький паспорт. Вадик ошарашенно заморгал. Фотография была, несомненно, его. Кажется, в школьной карточке была такая. А вот фамилия и отчество — нет. Датой рождения стоял тот ноябрьский день, когда они с Птахой встретились. И да, если так, то ему было полных четырнадцать лет.

— Как по мне, события того вечера вполне потянут на второй день рождения, — ухмыльнулся Птаха. — Даже на парочку сразу. Отметить вот, правда, не получилось, ну да можно и по-старому.

— Да пошло это отмечание! — искренне сказал Вадик. Свой день рождения он не любил. Одна польза, что можно было рассчитывать на новую игру или рисовальные принадлежности, но дарили «эту твою фигню» с таким кислым видом, что никакой радости. Да еще и регулярно не то. А потом высиживать за столом и выслушивать пожелания хорошо учиться и, конечно же, брать пример со старшего брата. Спасибо еще, после эмиграции предки только коротко поздравляли и присылали денег, а Никитос в гробу видал праздники организовывать, это ж одни расходы. Понятно, что здесь такой нудятины, конечно, не будет, но если в тот вечер у Вадика был день рождения — то тот пакет пончиков был круче любого торта. А та ночная поездка — круче любых подарков. И вообще, Птаха ему уже сколько всего надарил. Да если он вообще больше не будет отмечать дни рождения, ему и так на всю жизнь подарков хватит! Если на то пошло, у него тут один сплошной подарок.

— Ладно, будем считать, что отметили в машине пончиками, — Птаха, конечно, как всегда. Вадик только радостно закивал. — А там, глядишь, с нашими что-нибудь замутим.

— Но слушай, — Вадик ткнул в паспорт, — это как вообще?

— Это Прокси. Не спрашивай меня, как наше порождение Инфосферы это делает, на те и порождение Инфосферы. Но ты ж понимаешь, что для внешнего мира никого из нас нет — во всяком случае, в том варианте, как нас знали раньше, если знали. Максимум — имена могут остаться прежними, да кто ж ими пользуется. Точнее, как — те, кому надо машину починить, знают Некроманта как Кира, кому комп собрать или спроектировать чего, знают меня как Леху, но по документам мы — совершенно не те парни, которые однажды куда-то делись из города. И ты никакой не Вадим Комаров, — Вадик скривился, — а сам по себе. Надеюсь, ты не против носить ту же фамилию, что и я?

— Да я только за! — воскликнул Вадик. — Сам же сказал, что мы братья, и я так и хочу... И вообще, тогда еще, на платформе... Конечно, я не против!

— Вот и здорово, — Птаха чуть сжал его руку. — Ну что — с прошедшим днем рождения... братец.

Вадик почувствовал, что сейчас разревется. Просто потому, что сейчас все было настолько правильно, как он даже представить себе не мог. Ведь вот же оно — настоящее, и он всегда жил здесь, и у него не могло быть другого старшего брата, кроме Птахи, потому что он — самый лучший. А что там за Вадим Комаров такой и его школьные дела — Вадик и знать не желал. И остатки неприятного чувства от вида удаленной страницы испарились.

А вскоре Вадиду и вовсе стало не до страницы и вообще не до сети. Погода окончательно исправилась, намеки на зиму почти прекратились, и большую часть времени он пропадал в гаражах. Часто даже без Птахи — тот несколько раз проводил его, а потом махнул рукой: «Ты здесь примелькался, да и держись уже иначе. Сам на неприятности не

лезь, и все будет нормально». Вадик и сам это чувствовал. Хотя, казалось бы, с чего вдруг — прошло совсем немного времени. Но в первый визит в гаражи рядом с Птахой шел как будто совсем другой мальчишка. Не говоря уже о том, который пробирался неизвестно куда по Нижнему городу.

Некромант вцепился в него мертвой хваткой — Птаха смеялся, что скоро начнет ревновать. Вадик сначала смущался и пытался что-то сбивчиво доказывать, но потом привык. Некромант брал его с собой в гараж и показывал, как ремонтирует машины. Иногда он просил Вадика что-нибудь передать, и тот, к собственному удивлению, постепенно начинал ориентироваться в его огромном арсенале. Хотя превращение груды металлолома в машину, словно выехавшую из фильма или симулятора, оставалось для Вадика чем-то из разряда черной магии. Некромант лишь усмехался и обещал: «Со временем всему научишься, юный Скайуокер». А однажды на долю Вадика выпала нестандартная задача — у клиента был пекинес, которого надо было отвлекать, чтобы он не лез под руки и в механизмы, поскольку хозяин заговорился по телефону. Впрочем, песик был очень милым. Даже уходить не хотел.

Но гораздо чаще время проходило на тренировках. Некромант, как выяснилось, любил в жизни три вещи: огромные американские машины, блэк-метал и ножевой бой. Любая из этих тем с легкостью выводила его из обычного угрюмого настроения. Ну, и еще то адское зелье, которое он считал чаем, но оно в принципе сопровождало его по жизни, хоть дома, хоть в гараже. Возясь с очередным реликтом, который, казалось, уже не должен ожить никогда и ни за что, но все-таки оживал, Некромант был серьезен и сосредоточен, как хирург на операции — да, в общем, примерно тем же и занимался. Под его руками исчезала ржавчина, тусклые фары снова начинали сиять, облезлый салон приобретал вид, словно там и муха не сидела. К городским заказам Некромант относился слегка пренебрежительно — дескать, да там и делать нечего — но работу всегда выполнял качественно: «Иначе не могу. Схалтуришь на простой задаче — сам не заметишь, как и остальное будешь делать кое-как, а нашим кое-как нельзя». Любимая музыка превращала Некроманта в подростка-фаната — он то и дело выныривал из недр очередного двигателя, чтобы крикнуть Вадика: «Нет, ты послушай, как он сейчас!..». Естественно, все составы любимых групп он знал по именам и мог рассказать историю любой песни, даже если на слух Вадика они мало отличались друг от друга. Впрочем, после многих часов у Некроманта в гараже он стал их запоминать и соотносить с хмырями на плакатах. Хотя музыкальные вкусы Птахи были ему все-таки ближе. А вот когда Некромант брал в руки тренировочный нож — он действительно преображался. А точнее, как думалось иногда Вадика, только тогда и был виден настоящий Некромант. Герой страшных сказок, которыми можно напугать даже Внешнего. Пусть это была только тренировка, пусть Некромант — ежу понятно — отчаянно поддавался, но от азарта в его глазах и интонации, с которой он цедил сквозь зубы «ну что, юный Скайуокер, сейчас я тебе устрою Мустафар!», становилось не по себе. Хотя с каждым разом все меньше.

Не реже, чем к Некроманту, Вадик навещался и к Прокси. Дикие узоры его «Фольксвагена» так и просились в блокнот, а Прокси охотно вылезал без всякого цирка с «кодами доступа» и рассказывал, как сделать такое же. Вадик только диву давался — вот только что у него получалась довольно кривая копия, а вот Прокси провел почти такую же линию — и на листке возникало точное подобие нужного орнамента. При этом рисунки самого Вадика Прокси неизменно хвалил, и в кои веки на его лице не было привычной усмешки. «Глумиться я могу над кем и чем угодно, — говорил он, — а над падаванами

нельзя, они от этого портятся». Хотя однажды, когда Вадик пришел к «Фольксвагену», его встретила запертая дверь и памятный еще с первой встречи механический голос «Обнаружена попытка контакта. Назовите код доступа». Тот пассаж про выдр в гетрах Вадик не воспроизвел бы при всем желании, но школьное «Дано: Герасименко лезет в окно» внезапно прокатило.

— Оно тебе надо? — спросил Вадик почти с Птахиной интонацией, когда Прокси «разблокировал периметр». Тот прищурился:

— А пускай народ не расслабляется. Открою тебе страшную тайну, юный Скайуокер: мне это, разумеется, не нужно, мои сенсоры и так прекрасно работают на распознавание. Но даже искусственному разуму хочется иногда подурачиться, согласен? К тому же благодаря кодам доступа мой словарь пополнился множеством интересных выражений.

На этот раз Прокси не стал выбираться наружу, а жестом пригласил Вадика в свое обиталище.

— А... можно?

— Сколько раз повторять — можно все, кроме того, что нельзя. Залезай, залезай, посмотришь на мою среду обитания. Уж если ты у Некроманта ночевал, то и у меня выживешь.

На первый взгляд было не вполне понятно, где среди этого нагромождения проводов, инструментов, рисовальных принадлежностей и банок с чаем вообще развернуться, не говоря уже о постоянном проживании. На второй обнаружилось, что на полу между кабелями как раз такое расстояние, чтобы пройти, не задев их, полка с чаями висит ровно на том уровне, чтобы невысокий Прокси поместился под ней в рост, а за мольбертом спряталось полноценное спальное место и шкафчик. На удивление, все это было очень сдержанных тонов — развлекался Прокси, видимо, только снаружи.

— Чаю хочешь? — Прокси изящным движением проскользнул между коробкой красок и бухтой кабеля и извлек чайник. — Не бойся, не по-некромантски. Он тебя, небось, своим зельем уже напоил?

Вадик кивнул.

— Ну, раз ты все еще жив, тебе уже ничего не страшно. Можно сказать, обряд инициации пройден. Ты извини, моя многозадачность пока оставляет желать лучшего. Над этим тоже работаю. Тяжело с материальной оболочкой, — Прокси картинно вздохнул и вернулся к своему графическому планшету.

Вадик присел на откидное сиденье, которое как будто по заказу выросло точно из того места стены, где он остановился, и стал замороженно следить, как под руками Прокси рождается сложный контур. При ближайшем рассмотрении это оказалась сова с распростертыми крыльями, только вот, когда Прокси перешел к покраске, у нее не было и двух перьев одинакового цвета.

— Есть такой Внешний под Питером, Форестером звать, — пояснил Прокси, не оборачиваясь. — Любит витражи и сов. Мне что, мне не жалко, хотя его готичная усадьба скоро по ночам ухатать начнет. Мало того, что по всем окнам совы, так еще целая коллекция фигурок. Обещал сам приехать и заказать мне аэрографию — угадай, с чем. Вот заодно и тебе покажу, как это делается.

Вадик чуть поперхнулся на прозвище «Форестер». Снова вспомнились рассказы Валерки. Он ведь называл, скорее всего, просто первые попавшиеся модели машин, какие знал. Лансер, как оказалось, существовал в реальности. Теперь вот Форестер. Мелькнула

дурная мысль: а может, Валерка и правда в курсе? Ведь Птаха предлагал и самому Вадику — мол, провожу и исчезну... Да нет, Валерка не тот человек. Он классный парень, но он бы точно ни во что такое не полез. От мыслей о Валерке стало грустно, но Вадика очень вовремя отвлек Прокси:

— Там вроде чай заварился. Тащи его сюда.

Откуда-то из-под столешницы он извлек две кружки. Места для них и для чайника как раз хватило. Из-за монитора возникла пачка печенья. Вадик уже начинал подозревать, что этот «Фольксваген» на самом деле раза в три больше, чем кажется.

— Эргономика! — Прокси назидательно поднял указательный палец. — Потребности моей биологической оболочки невелики, а ограниченное пространство навеивает мысли о родине — уютном системном блоке.

Вадик фыркнул, поскольку все это действительно немного походило на недра огромного системника — тут плата, тут вентилятор, там провод свисает, тут лоток дисководов выдвигается. В роли лотка дисководов — столешница, за которой работал Прокси. И сдержанная расцветка обстановки точь-в-точь подходила под описания какого-нибудь научно-фантастического рабочего модуля. Вадик по-прежнему не очень понимал, как они тут помещались вдвоем, но ведь помещались, и даже удобно!

— А знаешь, — сказал вдруг Прокси, — пожалуй, я тоже буду тебя гнусно эксплуатировать. Нарисуй мне еще сову, а? Буду на ее основе эскиз для аэрографии делать.

— Вот так сразу? — удивился Вадик. Прокси только усмехнулся:

— Как против Некроманта на ножах выходить, так пожалуйста, а как сову нарисовать, так застенялся! Сразу видно, чей ты Пассажир. Мольберт к твоим услугам, действуй.

Вадик не стал спрашивать, откуда Прокси уже знает про его тренировки с Некромантом — в конце концов, долго ли тут узнать, живут-то все рядом. Но вот так вот взять и нарисовать эскиз действительно оказалось сложнее, чем он думал. Потому что рядом был Прокси с его невероятной разноцветной совой. Но, в конце концов, Вадик же сам сказал, что хочет рисовать! И до сих пор Прокси ни разу его не критиковал. Потом он вспомнил о Некроманте, и на ум сразу пришел филин с плаката. Вадик сосредоточился, вспоминая его позу и выражение... и очнулся, только услышав за спиной аплодисменты.

— И чего было стесняться? — поинтересовался Прокси. — Шикарный филин, Форестер долго будет ржать — он нас всех знает, дома у Некроманта не был, но тут любой, кто с ним знаком, догадается, откуда ноги растут. А также крылья. Ну-ка...

По обыкновению он добавил несколько штрихов. Теперь Вадик и сам покатился со смеху — филин стал чем-то неуловимо напоминать Некроманта. А Прокси бережно снял лист и отправил в сканер, вылезший опять же откуда-то из стены. Вадик уже перестал удивляться, откуда что берется в этом безумном «Фольксвагене». Но одна давняя обмолвка Прокси не давала ему покоя.

— И что, все это действительно на ходу?

— Ага, — с довольным видом кивнул Прокси. — Но я не очень люблю старичка гонять, возможности уже не те. Это мой дом, и пусть себе будет здесь. А мне нужны совсем другие скорости. Раз эта версия реальности еще не дозрела до полноценных информационных магистралей, обхожусь слабым подобием.

— В смысле? — не понял Вадик. Прокси прищурился:

— Птаха ведь уже показал тебе?

Вадик хотел еще раз переспросить, но вспомнил совершенно другой Старый город и

только кивнул. Так что же, у Прокси тоже какая-то своя версия?

— Не то чтобы у каждого был собственный вариант реальности, — Прокси опять «считывал запрос из Инфосферы». — Внешних довольно много, а таких, как Птаха, мало. Из всех, кого мне доводилось встречать, он самый одаренный в этом плане. Листает альтернативы, как книгу.

— А что... так не все могут?

— Не все. Ты, раз связался с Птахой, сможешь точно, тут можно не беспокоиться. Но многие Внешние так и живут с полной уверенностью, что просто уехали из города и поселились среди себе подобных. Кому-то просто неохота лишний раз срываться, потому что ловить нечего. Не удивлюсь, если у Некроманта за спиной те самые радиоактивные пустоши, про которые у вас рассказывают — только они и могли породить это чудовище! Смейся, смейся, вы с Птахой — единственные, кто так запросто с ним тусит, я и то его боюсь.

— А ты... можешь?

— Бояться? — Прокси снова заговорил механическим голосом: — Моя программа имитации личности включает весь основной спектр человеческих эмоций.

— Да ну тебя! Я имел в виду... вот так, как Птаха.

— Птаха у нас один, и его более чем достаточно, — фыркнул Прокси уже нормальным голосом. — В моей прошивке слишком высоки настройки гуманности... так, теперь еще и ты в меня подушками кидаться будешь? Куда катится этот мир! Ладно, шутки в сторону, я тоже умею перемещаться по реальностям. Если хочешь покататься — как только потеплеет, я к твоим услугам.

Вадик радостно согласился. Но подушкой Прокси все-таки огрел.

Как назло, сразу же после обещания Прокси погода испортилась. Не до серьезных холодов, конечно, но противный мелкий дождь и ветер ни к каким путешествиям не располагали, так что Вадик сидел дома и рисовал или смотрел кино, благо коллекция Птахи намного превышала то, что было на принесенном в жертву харде. А еще, поскольку место позволяло, он практиковался с тренировочным ножом. Птаха охотно выступал спарринг-партнером, давал советы и от себя, но с постоянной оговоркой: «И учти, скоро мне придется заткнуться, мои навыки адаптированы именно к моим параметрам». Но с Птахой Вадик чувствовал себя несколько неловко, хотя тот и подначивал: «Бей, нечего стесняться, я сейчас не я, а груша!». Он понимал, что точно ничего Птахе не сделает, даже если вдруг и достанет, просто не ударит с такой силой... но с Некромантом было как-то проще.

— Так дело не пойдет, — нахмурился Некромант, когда в один из ясных дней Вадик все-таки выбрался к нему. — Знаешь ли, Птаха — и мой друг тоже, но ты сам видел, как мы месимся. И если будет нужно — я выйду против него по-настоящему. Другой вопрос, что именно с Птахой я не поручусь за победу.

— Никогда! — Вадик даже зажмурился. Некромант подошел к нему и запустил руку в волосы, заставляя поднять голову:

— Слушай сюда, юный Скайуокер. Никто на авторитет твоего Водителя не покушается и тем более вас не стравливает. У вас там вообще особый случай, я в курсе. Но я не могу знать, пойдешь ты Птахиным путем или моим. Он — защитник, я — ликвидатор. Хотя, как ты сам видел, случается всякое. Впрочем, это все лирика, скажу проще: когда ты чему-то учишься, нельзя выбирать обстоятельства, надо реагировать на те, которые есть. Птаха верно говорит: против тебя не он, против тебя условный амбал в три тебя размером, к которому надо найти подход. И у тебя на это, между прочим, все шансы. Понял?

После некоторой паузы Вадик кивнул. Слова Некроманта про «по-настоящему» по-прежнему вызывали резкое отторжение — в конце концов, они с Птахой вообще названные братья! Шрам на руке, что характерно, так и не думал никуда деваться. Рассеченная бровь — это понятно, его действительно сильно приложили, но тут-то был от силы порез! Впрочем, Вадика это беспокоило меньше всего на свете. Но вот от мысли, что хоть когда-то обстоятельства могут столкнуть его с Птахой по-настоящему, становилось не по себе. «Я вам все-таки не Энакин!». С другой стороны, по сути-то Некромант был прав. Никто никому по-настоящему зла не желает, а вот попрактиковаться, как действовать против оппонентов разного роста и сложения, в любом случае полезно. И после очередного «бей, не стесняйся» Вадик и правда не стал стесняться. Птаха блокировал атаку с довольной улыбкой.

Видимо, Птаха счел, что Вадик уже вполне освоился, поскольку он стал довольно часто уезжать — на этот раз по рабочим вопросам, «не беспокойся, ни во что влипнуть не должен». Вадик немного расстраивался, что не получается еще покататься, но, в конце концов, не последний же раз. А ему и так было чем заняться. Во-первых, он действительно освоился и спокойно хозяйничал по дому, «газовую атаку» при первой попытке готовить он вспоминал со смехом. Оказывается, ничего страшного и сложного во всем этом и нет, особенно когда объясняют нормально, а не хватаются за голову, как будто Вадик откуда-то из воздуха должен был нужные навыки приобрести. Картошка и та поддалась. А во-вторых, были фильмы, игры и рисование. Вадик настойчиво пытался повторить сову Прокси, и

наконец получилось что-то, по его мнению, достойное внимания. А тут и день выдался погожий, так что Вадик радостно отправился в гаражи.

Прокси на месте не оказалось. Впервые за все время. Даже никаких шуточек про «периметр», заперто и все тут. Вадик почесал в затылке — такого он не предполагал. Но тут он вспомнил — Некромант как-то упоминал, что они тусовались с Прокси, и как раз для него и был изначально «походный тортик». Может, Прокси и на этот раз там? Вадик уже привычно нырнул в кусты и двинулся к дому Некроманта.

Еще из кустов Вадик услышал знакомый рык «Ур-рою!». Стоп, Птаха же уехал... Осторожно выглянув, Вадик с удивлением обнаружил Прокси с тренировочным ножом в руке. Вот уж о ком никогда бы не подумал! Прокси выглядел довольно сильным и ловким, но где он и где ножевые тренировки... Однако же, когда Некромант ударил, Прокси как будто исчез там, где стоял, и появился сильно в стороне. Хотя, казалось бы, при его коренастости манера действий должна быть ближе к Птахе... Вадик уселся на подвернувшийся корень и стал наблюдать. Прямо скажем, любоваться, потому что было на что. Прокси откровенно глумился, принимая самые расслабленные позы, отвлекаясь на чистку своей вечной толстовки от несуществующих соринки и даже изображая, будто затягивается косяком — но при всем при том он вполне успешно уворачивался от атак Некроманта. Вот он споткнулся, мешком шлепнулся на траву, но тут же перекатился и контратаковал. Некромант только глухо рычал.

И все-таки, хотя Прокси держался против Некроманта более чем достойно, несмотря на все ужимки, он допустил ошибку. Даже Вадик, при своем небольшом пока что опыте, это заметил — Прокси слишком промедлил с переходом и оставил брешь в защите. С торжествующим блеском в глазах Некромант метнулся вперед и ударил. Прокси картинно зашатался и в эффектной позе рухнул на траву. Некромант довольно ухмыльнулся, а вот Вадику внезапно стало не до смеха. Только сейчас он заметил на толстовке Прокси аккуратно заштопанную дыру. Слева на груди, точно там, куда пришелся нож Некроманта. Понятно, что это просто дурацкое совпадение, понятно, что толстовку Прокси мог зацепить об угол системника и вообще обо что угодно, с его-то обстановкой, но призвать к порядку разгулявшееся воображение никак не получалось. Уж очень хорошо оно совпало. А Вадик уже прекрасно знал результат такого удара в реальности.

— Долго валяться будем? — поинтересовался Некромант. — Я ж подниму, мне ж не жалко!

— Не утруждайся, — Прокси вскочил на ноги. — Мне тоже не впервой, и так справлюсь. И вообще, нечего падаванов пугать.

Вот так дела! Его, оказывается, уже заметили! Прокси подмигнул:

— Некромант говорит, ты делаешь успехи, но вот незаметно подкрадываться еще не научился. Ты ко мне или к этому чудовищу?

— К тебе, — Вадик вытащил из-за спины рисунок с совой. Прокси одобрительно кивнул:

— Ты действительно делаешь успехи, и не только во всяких ужасах вроде истребления себе подобных. Чувствую, окна Форестеру тоже будем оформлять вместе.

— Тоже мне ужасы, — подал голос Некромант. — Сам-то никогда помахать не отказываешься.

— Заметим, я только защищаюсь! Что еще с тобой остается!

— Наш юный Скайуокер вот предпочитает атакующую тактику, — ухмыльнулся

Некромант.

— Ну кого еще Птаха мог подобрать! — картинно развел руками Прокси. — Между прочим, юный Скайуокер, ты очень вовремя. У меня была мысль заглянуть к тебе, ты успел раньше. Помнится, случилось мне кое-что пообещать...

Вадик издал радостный вопль. Правда, ему тут же вспомнилось, чем кончился прошлый выезд в город. Перед глазами опять замаячила прореха на толстовке Прокси...

— Не беспокойся, я не имею привычки вляпываться в сомнительные приключения, — ну что еще от Прокси было ждать. — Не та специальность, знаешь ли. Что увидим — предсказать не могу, но должно получиться весело. Идем?

Вадик охотно пошел следом за Прокси. Но на его толстовку все же старался не смотреть.

Около «Фольксвагена» Прокси дал Вадиду знак остановиться.

— Одну минуту, скин сменю. Надоедает, знаешь ли, одно и то же визуальное оформление.

Вадик фыркнул и остался ждать. В принципе, от Прокси он уже был готов к чему угодно, но то, что вскоре появилось в проеме двери, все равно застало его врасплох. Вместо прежних мешковатых одеяний Прокси был затянут в эффектную мотокуртку черно-зеленой расцветки и такие же кожаные штаны. Фигуру, впрочем, и тот и тот «скин» скрывал успешно. В руках Прокси держал два мотошлема — один кислотно-зеленый, второй, который он протянул Вадиду, черный.

— Поиграем в Терминатора? — подмигнул он. — Я типа Терминатор, а ты типа Джон Коннор. Жалко, стрелять не умею. Зато могу гордо уехать в закат от всяких злыдней, — он кивнул в сторону дома Некроманта.

— Правда, что ли, стрелять не умеешь? — скептически прищурился Вадик. Прокси поковырял землю носком байкерского сапога:

— Ну так, если только самую малость. Я, может, вообще мирный художник, которого каждый обидеть может!

— Но не каждый успеет извиниться, — вспомнил Вадик старую шутку.

— Верно! — Прокси хлопнул его по плечу. В мотоперчатках это оказалось чувствительно.

Как выяснилось, ржавый и давно заброшенный на вид гараж рядом с «Фольксвагеном» вовсе не пустует. Прокси легко открыл, казалось, вросшие в землю ворота и вывел наружу спортивный мотоцикл настолько термоядерного оттенка зеленого, что Вадик даже зажмурился, хотя вроде бы уже привык к цветовым предпочтениям Прокси.

— Что-то мне подсказывает, что на байке ты никогда не ездил, — сказал Прокси. — Правила, на самом деле, простые: не орать, держаться крепко, не хватать при этом меня за что ни попадя и не пытаться помогать мне рулить.

— Это как вообще?

— Ну типа пытаться балансировать вместе со мной. Твой вес на багажнике мне не проблема, сидишь — и сиди. Дай помогу шлем надеть.

Сначала Прокси вел мотоцикл осторожно — и дорога оставляла желать лучшего, и, видимо, давал Вадиду привыкнуть. Потом начал прибавлять скорость и, по своему обыкновению, выпендриваться — оборачиваться назад и «играть в Терминатора», изображая стрельбу одной рукой, а второй управляя мотоциклом. А потом началась трасса, и игры кончились — кислотно-зеленый байк взревел и понесся, по ощущениям Вадика, вообще не

касясь асфальта. Вадик прилип к спине Прокси. Какое там «пытаться помочь рулить», он дышать-то через раз осмеливался! И все же ему совершенно не хотелось, чтобы Прокси сбросил скорость. Это было совершенно не похоже на поездки на «Тахо», неспешные, даже если стрелка спидометра уверенно шла вправо. Это было вообще ни на что не похоже — и это было круто.

Постепенно Вадик освоился настолько, что даже начал посматривать по сторонам. По идее, дорога была той же самой, но вокруг все мелькало так, что он не мог высмотреть ничего знакомого. А впрочем, кто ее знает, эту дорогу. Во всяком случае, на горизонте уже вставали очертания Верхнего города или чего-то очень на него похожего. Стоп, вроде бы до города еще далеко... Хотя на такой скорости, может, и правда вдвое быстрее доехали, Птаха и близко так не гонял. Но если это уже пригороды, то выглядели они даже хуже, чем знакомый Вадиду Нижний город. Покосившиеся, непонятно каким образом держащиеся дома, уцелевшие окна наглухо закупорены — здесь и речи не было о садах и бабульках с яблоками. Да что там, сейчас очень хотелось, чтобы Прокси продолжал гнать на максимально возможной скорости, потому что от окрестностей так и веяло смутной угрозой. Не безобидными пьянчугами вроде того соседа Птахи, а кем-то еще похуже, чем компания, на которую наткнулся Вадик. Когда дорога резко пошла вверх и взлетела на эстакаду, Вадик перевел дыхание. И почувствовал, как Прокси сделал то же самое.

Эстакада поднялась намного выше, чем в прошлый раз — или просто была другой? Вадик попытался оглядеться, но вообще не нашел знакомых очертаний. Хотя общая картина внезапно напомнила ему о школе. Вот уж не было печали. Но почему? Да, именно с такой высоты он смотрел на город с «улицы» между комплексами. Это что же — автомобильная дорога на уровне девяностого этажа? Это технически возможно вообще? Хотя ходил же монорельс немногим ниже, он, наверное, еще тяжелее, чем поток машин... Но тут эстакада заложила не просто вираж, а спиралью обвилась вокруг одного из небоскребов, уйдя в прозрачный туннель, и ринулась вниз. У Вадика даже закружилась голова, но в то же время он не мог сдержать радостного вопля — это же круче, чем в парке аттракционов на крыше торгового комплекса! Прокси никак не мог его слышать, но, несмотря на дикую траекторию, он оторвал одну руку от руля и поднял большой палец вверх.

В следующее мгновение Вадик даже пригнулся, несмотря на все предупреждения Прокси просто сидеть и ничего не делать и на то, что и так ехал, можно сказать, полулежа. Потому что эстакада взяла и нырнула сквозь небоскреб, а когда вылетела наружу — туннель расцветился всеми цветами радуги. Вот это было здорово! Небо над городом, насколько Вадик успел увидеть, было свинцово-серым, зато теперь окрасилось в изумительные оттенки фиолетового, оранжевого, изумрудного... Такое ощущение, что к этой эстакаде приложил руку сам Прокси. Или его безумные расцветки и есть наследие этого города? Очередной проход сквозь здание, и эстакада, снова став прозрачной, опять понеслась по спирали, но в этот раз уже вверх. Странно, что они одни на дороге... Но стоило Вадиду это подумать, как навстречу просвистел еще один байк — кажется, черный, но на такой скорости Вадик ни в чем не был уверен. Видимо, они приближались к центру, и движение становилось немного интенсивнее — вот они догнали незнакомый Вадиду спортивный автомобиль, выглядевший почти плоским, такой же или похожий пронесся навстречу, а в поперечном прозрачном тоннеле — они шли на разных уровнях, не пересекаясь — мелькнуло что-то вроде лимузина. Как оно в эти повороты вписывается, интересно? Или просто по спиральям не ездит? Хотя, наверное, тут все рассчитано... Вадик вдруг представил, каково было бы проехать здесь на

«Камаро». «Если я правда стану Водителем и смогу вот так — буду сюда приезжать», — подумал он. И сам себя поправил: «Не если, а когда».

Очередная эстакада, теперь в бело-зеленую полоску, взмыла куда-то совсем под небеса и привела их на парковку. Прокси остановил мотоцикл, и Вадик скорее свалился, чем слез — ноги слушаться отказывались. Он нашел скамейку и плюхнулся на нее с чувством, что сам отсюда уже не встанет.

— Прости, — Прокси потупился. — Мне стоило учесть, что ты на байке первый раз. Не мне очень хотелось привезти тебя именно сюда. Пойдем, скоро будет лучше.

Сначала Вадик самым позорным образом повис на подставленной руке Прокси, но к выходу из парковки ноги наконец скоординировались обратно и вспомнили, как должны перемещаться. Мышцы ныли похлеще, чем от всех тренировок с Некромантом, и походка у Вадика сейчас была, наверное, в точности как у начинающего кавалериста. Но вскоре он смог даже отцепиться от Прокси. А тот широким жестом показал вперед:

— Смотри, какая красота!

Оказалось, что уже почти стемнело. Небо из свинцового окрасилось в какой-то безумный фиолетовый оттенок, а внизу весь город сиял огнями. Ничего похожего на сдержанную подсветку Верхнего города пополам с темнотой Нижнего! Точнее, Вадик помнил, что где-то там внизу есть те умирающие пригороды, но они полностью тонули в море огней. Эстакады тоже подсвечивались, и их расцветки превращали дорожные развязки в гигантские американские горки. И только далеко впереди едва угадывался Старый город, накрытый защитным куполом.

— Там никто не живет, — Прокси опять уловил мысль Вадика, а может, просто проследил за его взглядом. — Огромный музей, пускают редко, чтобы не вредить историческим зданиям. Вся жизнь здесь.

— А внизу?

— Это не жизнь, — коротко ответил Прокси. — Хочешь сока?

Прозрачный лифт привез их с парковки то ли в бизнес-центр, то ли в какой-то крутой отель. Что-то из разряда тех мест, куда Никитос ходил на свои деловые встречи и которые маячили на всех его вебинарах. Все донельзя строгое и прилизанное, бродят какие-то типы в костюмах, не менее прилизанные... Вадик скривился, да и вообще почувствовал себя не в своей тарелке — прямо скажем, они с Прокси выглядели тут совершенно чужеродными элементами. Но Прокси хитро подмигнул, не без усилия выковырял из-под рукава своей мотокуртки силиконовый браслет и сделал сложный жест перед ближайшей дверью. Та отъехала в сторону, открыв куда менее официозный интерьер с яркими постерами на стенах и здоровенным кактусом в горшке. От стены отделился еще один тип в костюме, но он лишь без тени удивления принял мотокуртку Прокси и жилетку Вадика и унес в гардероб.

— Тут все просто, — еще раз подмигнул Прокси. — Если ты сюда прошел — значит, имеешь на это право. Народ дрессированный и не удивляется. А я могу пройти почти везде, — он поднял руку с браслетом. — А где не могу — туда и не хочу.

Они вошли в небольшой зал кафе с панорамными окнами от пола до потолка. Бармена тоже, судя по всему, нимало не смущала ни зеленая челка и тагуировка Прокси, ни шрам через бровь у Вадика, ни в целом совсем не деловой вид их обоих. Раз они здесь — значит, так надо. Прокси плюхнулся нога на ногу в одно из кресел у ближайшего к окну столика, Вадик последовал его примеру. От высоты немного кружилась голова. Кажется, в Верхнем городе таких уровней просто не было, школа на девяностом этаже была одним из самых

высоких мест, где Вадику доводилось бывать. И в то же время совершенно невозможно было оторвать взгляд от перемигивающихся огней и глухой темноты далеко внизу. Ему бы очень не хотелось оказаться там без Прокси и его стремительного мотоцикла. И даже с ним, честно говоря, не хотелось.

— Насмотришься еще с верхотуры, — Прокси очень вовремя отвлек его от размышлений. — Сюда лучше смотри.

Перед ними уже успело появиться меню, открытое на странице безалкогольных коктейлей. Прокси решительно ткнул в нечто слоистое самой кислотной расцветки, какая только нашлась (и, видимо, этим и руководствовался). Вадик попробовал изучить состав, напрочь запутался в экзотических ингредиентах и выбрал тоже нечто полосатое с ананасовым соком — ананасы он любил во всех видах. Прокси заказал еще тарелку канапе и рассчитался с помощью все того же браслета.

— Это у тебя что? — любопытствовал Вадик. Прокси пожал плечами:

— Интересное цветовое впечатление. Что до вкусового... искусственный интеллект мыслит в категориях питательных веществ, а не вкуса. Но моя прошивка все же позволяет насладиться тропическими фруктами, из которых это и состоит.

— Да ну тебя совсем! — Вадик внаглую стащил бокал Прокси и попробовал. «Интересное цветовое впечатление» было действительно вкусным, но для него, пожалуй, слишком приторным.

— Работа процессоров требует глюкозы! — наставительно произнес Прокси и поймал на лету кинутый в него зонтик из коктейля.

Вадик внезапно осознал, что очень проголодался — ну правильно, пока рисовал, пока любовался поединком Прокси и Некроманта, да еще все эти гонки... «Питайся, растущий организм», — ухмыльнулся Прокси, пододвигая канапе ближе к нему. Впрочем, они и так исчезали на глазах.

— Ты, может, нормальной еды хочешь? — осведомился Прокси. — Это я на глюкозе функционирую... Тут, на самом деле, много всего есть!

— А это... — Вадик замялся, оглядывая интерьер кафе. — А не круто оно будет?

— Скажи мне, юный Скайуокер, — ухмылка Прокси стала совершенно дьявольской, — меня можно принять за обитателя этой лавочки?

— Нет, — честно признался Вадик.

— Вот-вот. За сотрудника всяких там органов, предполагаю, тоже. Но паспорт у тебя есть. А как дорастешь — и права будут. А здесь нам будет проход куда захотим и ужин, какой захотим. Потому что я — Прокси, то есть такое специальное промежуточное звено, чтобы попасть туда, куда нельзя, но очень хочется. Так что я здесь, можно сказать, работаю по прямому назначению.

Пока Вадик озадаченно хлопал глазами, Прокси опять изобразил «подключение к Инфосфере» и забубнил: «Биологический возраст, тип телосложения, суточная потребность в калориях, специфика метаболизма...». Вадик уже начал складывать из салфетки самолетик, но тут Прокси вышел из транса, подозвал официанта и ткнул в яичницу с жареными колбасками. Что тут говорить — Инфосфера подсказала ровно то, что нужно.

— А теперь пора исчезать, — ухмыльнулся Прокси. — Все коды доступа временные, так что если и развлекаться дальше, то где-нибудь еще.

Еще недавно Вадику казалось, что еще раз сесть на мотоцикл в обозримом будущем — выше его сил, но теперь он вполне ловко угнездился позади Прокси, как будто уже давно так

ездил. И даже успевал рассматривать мелькающие вокруг цветные эстакады и небоскребы головокружительной высоты. И думать о том, что и как стоило бы зарисовать. Этот город словно вышел из его любимых фильмов. И — Вадик помнил указание Прокси «не орать», но не орать было просто нельзя — навстречу просвистел самый настоящий «Камаро»! И Вадику даже показалось, что он разглядел лицо парня в кожаной куртке за рулем. Вот бы однажды стать таким, как он... Хотя уж это точно разыгравшаяся фантазия — на такой скорости даже марку машины оставалось угадывать по общим обводам. Потому что теперь Прокси окончательно дал себе волю, благо еще и эстакада пошла вниз, и они неслись, как на крутейшем в мире аттракционе — нет, лучше, потому что все было настоящим.

— А ограничения скорости ты тоже... эээ... обходишь? — поинтересовался Вадик, когда они остановились на смотровой площадке с видом на Старый город. Она была намного ниже, чем парковка, и не так засвечена, так что Вадик мог узнать многие здания. Похоже, памятные ему защитные ограждения разрослись до единого купола — отдельные дома не были никак огорожены. И тут уже точно никакой кот из окна не выйдет — окна были слепыми и темными. Но внезапно один из домов ожил, в окнах задвигались силуэты... Нет, это всего лишь проекция. Вадик махнул рукой и повернулся к Прокси в ожидании ответа.

— Ограничений скорости здесь нет, — ухмыльнулся Прокси. — Не знаю, видел ты или нет, но у эстакад нет тротуаров. Гоняй как хочешь, никого не спибишь.

— Блин, если б у нас так, я бы вообще никуда не ушел! Ну если только от Никитоса смыться. А потом точно бы тут жить остался.

— Я бы тоже, — с неожиданной грустью произнес Прокси. — Но не могу.

— Стоп, ты же Внешний! Которые... это... все послали к чертям?

— Или у которых все пошло к чертям само. Мне было хорошо здесь. Но моя изначальная физическая оболочка мертва, и в городе мне больше нет места.

— Так это... я вроде тоже типа помер, — Вадик говорил беспечно, но отвязаться от воспоминаний о фото из репортажа и о пробитой толстовке Прокси уже не получалось. Чувшь, конечно, вот же они оба, живее некуда, ходят и даже гоняют на байке, разговаривают и пьют коктейли! Но как-то от всего этого было не по себе. А от грустной улыбки Прокси — тем более.

— Ты к тому моменту уже сделал свой выбор, юный Скайуокер. А я — нет. Точнее, мне не дали такой возможности. Кому-то очень помешало, до какой степени я могу проникнуть в самые разнообразные системы и сколько запретов могу обойти. Кому — я уже не узнаю. Но последний взлом системы позволил мне создать цифровую копию личности и найти способ загрузить ее в новый биологический носитель. И вот я перед тобой. Моя оболочка еще требует усовершенствований, и все же благодаря ей я веду полноценную жизнь. Но в городе появляюсь только выборочно и с временными кодами. Такова цена.

Вадик молчал, не зная, что ответить. Его-то «самоубийство» все-таки было просто спектаклем, другой вопрос, что, видимо, где-то в то же время реально случилось что-то похожее... А тут все серьезно. Но как это все вообще возможно? Такого Вадик даже в фантастике не читал. Чертово воображение опять разыгралось, подсунув сегодняшнюю сцену с Прокси, валяющимся на траве — только вот удар был совсем не тренировочный...

— Бууу, — произнес Прокси, не сводя с Вадика внимательного взгляда.

— Да иди ты к черту! — выдохнул Вадик и от души двинул Прокси в плечо. Тот дал сдачи — аккуратно, но чувствительно. Они сцепились в шуточной потасовке, Прокси корчил страшные рожи, Вадик уже сквозь смех слал его ко всем чертям. Ну конечно, Прокси опять

вошел в образ. В конце концов, любит же Птаха строить из себя героя старых боевиков, а Некромант — злобного маньяка. А Прокси, вот, киборга изображает, ну и что? Не мешает же это всем троим быть классными парнями. А как Прокси любит выпендриваться и умеет работать с техникой — с него и правда станется собственное же убийство подстроить так, что не подкопаешься. Еще и прямую трансляцию провести, ага. Вадик представил и развеселился окончательно.

Они еще долго катались по городу. Заглянули поесть пончиков в кафе при заправке — кажется, том же самом, где Вадик с Птахой остановились в то первое утро, а может, просто похожем, ведь тогда Вадик внутрь не заходил. Посмотрели световое шоу на стене небоскреба. Словом, когда они вернулись, уже под утро, Вадик четко понимал, что еще сотня метров — и он заснет и свалится с мотоцикла. Прокси и так почти отнес его в свой «Фольксваген», сказав «Домой ты сейчас не дойдешь, а моя потребность в сне минимальна». И даже во сне Вадик продолжал видеть цветные эстакады и мчащиеся автомобили.

Прежде чем Вадик отправился домой, Прокси вручил ему целую пачку бумаги для рисования, сказав «Твой блокнот, кажется, маловат». Более своевременного подарка и придумать было нельзя — Вадик пропал в рисовании с головой, вылезая только есть, и то не всегда. Порой Птаха со смехом просто ставил перед ним кружку чая и пару бутербродов. Вадик боялся, что со временем этот красочный город померкнет в памяти, и хотел зарисовать как можно больше. Но вместе с переливами огней и переплетениями дорожных развязок на рисунки так и просилась глухая темнота нижних ярусов и смутные угрожающие силуэты в свете редких фонарей. Зашедший в гости Прокси только кивнул: «Все так». И снова Вадик долго не мог отвести взгляд от его пробитой толстовки. И в одной из городских зарисовок возникла неловко опустившаяся на землю фигура с характерной челкой на одну сторону. Этот рисунок Вадик показывать не хотел, но он как будто сам выскользнул из папки. И Прокси, конечно, его увидел. И только еще раз тихо произнес: «Все так».

А еще на рисунках раз за разом возникала та промчавшаяся мимо «Камаро». Вадик был полностью убежден, что лицо водителя — плод его фантазии, но оно стояло перед глазами так же ясно, как подошедший с чаем Птаха. Ну и ладно, в конце концов, какая разница, померещилось или нет, если он ясно это помнит и может нарисовать? Он и так далеко не все рисовал с натуры. А в портретах надо бы попрактиковаться, и почему бы не начать с этого парня, кем бы он там ни был? Уверенно лежащая на руле рука, расстегнутая кожаная куртка, светлые волосы до плеч... Вадик остался доволен. Как раз тогда Прокси в очередной раз пришел в гости, и они все втроем пили чай. Птаха рассмеялся и спросил, не слишком ли Прокси гоняет, тот начал длинную тираду про релятивистские скорости и еще что-то столь же заумное, которую ему традиционно не дали закончить, а Вадик не менее традиционно заявил «Ничего не понимаю!».

— Да так, — усмехнулся Птаха, — мне почему-то кажется, что из тебя вырастет что-то в этом роде. Вот и думаю, не устроили ли вы с вашими гонками временную петлю. Прокси, разумеется, все отрицает.

Прокси тем временем добрался до рисунка и добавил на дверь «аэрографию» — того же щенка в кепке, которого когда-то пририсовал к «Камаро» в исполнении Вадика. Вадик принял вызов и повторил щенка в блокноте. Прокси «выдал» ему домик, Вадик — сад, и вскоре возник целый щенячий городок. Птаха сказал, что уже не может отличить, где тут кто. Вадик задрал нос.

— Тут, кстати, Форестер проявился, — Прокси поднял руку с уже знакомым Вадиду браслетом. — Завтра стартует к нам, так что вечером встречаем. Остановится у Тундры, она мне ключи оставила.

— А сама опять на исторической родине? — спросил Птаха.

— Угу, два дня как рванула.

— Тундра постоянно живет на два региона, — пояснил Птаха. — То на Байкале, то у нас, поэтому и все время в разъездах. Звала и нас к себе.

— На Байкал? — удивился Вадик. Географию он учил не то чтобы очень хорошо (как и все остальное), но что Байкал очень далеко, вполне понимал. Птаха пожал плечами:

— Ну да. Я как раз скоро разгребусь с большим проектом, так что можно будет отправиться путешествовать. Засиделся на одном месте, нельзя так. И вообще, — Птаха

хитро подмигнул, — кто-то всю зиму страдал, что редко получается покататься. Недели дороги в один конец тебе хватит? Может, и больше, если особо не топить, благо торопиться некуда. Да и там расстояния везде такие, что без машины никуда.

Вадик издал вопль и кинулся Птахе на шею. Тот лишь мягко улыбнулся.

На следующий день Вадик направился в гаражи с самого утра. По своим, конечно, меркам, благо тут никто слова не скажет по поводу того, во сколько он встает. Разве что иногда Некромант просил зайти пораньше, чтобы успеть потренироваться до приезда клиента. Или Птаха выгонял во двор размяться, пока не отправился по делам. В остальном же никого не парило, если Вадик засиживался за игрой, фильмом или рисованием глубоко за полночь, а потом спал до обеда. Хотя, к его собственному удивлению, это стало случаться реже — слишком много интересного происходило днем. Вот и сейчас он шел уже привычным маршрутом, щурясь от неожиданно яркого утреннего солнца и думая, не зря ли оставил дома флиску. Но возвращаться Вадик крайне не любил. А потом он дошел до Некроманта, и тут уже о холоде речи не было — футболку можно было выжимать.

Вадик плюхнулся на крыльцо, с благодарностью принял от Некроманта кружку чая — для Вадика «зелье» обычно было более гуманной концентрации, хотя все равно зверски крепким — и залюбовался окрестностями. Он до сих пор не мог привыкнуть, что небо каждый день будет голубым, а если и в облаках — то белых или серых, а не желтых, что в нем светит солнце, а не непонятное пятно... Вот интересно, про лето тоже вранье? Что, дескать, солнце стало таким агрессивным, что в жаркие дни вообще нельзя из дома выходить? В Верхнем городе он и не выходил — экскурсий не было, а летний лагерь точно так же располагался внутри комплекса. А на самом деле?

— Летом, говорят, солнце на открытой местности заживо испепеляет, — эхом его мыслей усмехнулся Некромант. — Говорят. На моей исторической родине это, пожалуй, даже правда. Показать не проси — сам не поеду и никого другого не возьму. Тебе еще жить, да и я бы не отказался.

Его усмешка стала откровенно дьявольской.

— Птаха рассказывал, в твоих краях тоже не сахар, но у вас больше сами боятся из уютного комплекса вылезти, а если приходится — через пять минут орут, что попали в ад.

Вадик фыркнул — Никитос таким и был. Его послушать, так за пределами комплекса дольше тех самых пяти минут выжить невозможно. Хотя, прямо скажем, сам Вадик без Птахи продержался не то чтобы много дольше. Он не помнил, сколько шел до заправки, по ощущениям — несколько часов, но на самом деле, конечно, меньше. Впрочем, его чуть не убил точно не отравленный воздух.

— Но я сильно подозреваю, — продолжал Некромант все с той же усмешкой, не сводя взгляда с Вадика, — что байки о непригодном для жизни мире к вам занесло из моих краев. Мне никогда никакой Верхний город не светил, да и вообще ничего не светило, потому что через смог хрен что пробьется, а если пробивается — лучше наружу не высываться. Перспективы у меня были самые простые — сдохнуть от рака или в поножовщине. И то и то у нас не редкость, я еще неплохо продержался.

Он смахнул со лба мешающую прядь волос. Вадик вспомнил, как при первой встрече обратил внимание на голос Некроманта — хриплый, словно у заядлого курильщика. И его невероятная худоба... Но при этом — Вадик неоднократно мог убедиться — Некромант был невероятно вынослив. Вон, в поединке с Птахой у него даже дыхание не сбилось.

— Чтоб ты знал, я не курю, — все как всегда. — Если ты про мой голос, так сорвал я его

давно и с концами. От подробностей воздержусь. Я уже говорил, что мутные мрачные телеги могут гнать долго, но сейчас вот не хочу. Я родом из очень хреновых краев. И ушел, в общем-то, подыхать, чтоб от всех подальше. Дорога решила иначе. И хватит об этом на сегодня. Продолжаем.

Если Вадик еще какое-то время и пытался представить, что же такое Некромант оставил в прошлом, вскоре тренировка набрала такой темп, что все мысли благополучно вылетели у него из головы. Он даже не сразу заметил, что за ними наблюдает Птаха. Когда Вадик ушел, Птаха еще спал — он вернулся из города поздно ночью, так что утром лишь приоткрыл один глаз, сказал: «Задержался. Все оказалось сложнее, чем я думал. Я тебе там пиццу оставил», — и закрыл глаз обратно. Вадик несколько перепугался, но Птаха спал спокойно и крепко, так что, наверное, с ним все было в порядке. Но окончательно Вадик успокоился только сейчас.

— Дай, что ли, чаю, никак не проснись до конца, — попросил Птаха. — Ох и пакостно же в нижних районах ночью...

— Ты, по-моему, единственный, кто в такое время добровольно туда полезет, — хмыкнул Некромант.

— Ну почему, еще вот он, — Птаха кивнул на Вадика. — Я ж рассказывал, как его нашел.

— Да вы в принципе нашли друг друга. Хотя, знаешь, я рад. А то на тебя, псина, смотреть было стремно.

— Если бы не он, — тихо проговорил Птаха, — я бы, наверное, уже к тебе пришел.

— Я тебе приду! — Некромант показал кулак. Вадик переводил взгляд с него на Птаху и обратно, надеясь, что кто-нибудь что-нибудь разъяснит. Хотя, кажется, он понимал и сам... но очень не хотел углубляться в эту мысль. Некромант назвал себя ликвидатором... нет, определенно, даже думать про такое не хотелось. Хорошо, что они с Птахой все-таки встретились.

— Тут, говорят, наш лесной сыч сегодня приезжает, — обронил Некромант как будто в пространство. — Эх, есть же люди, у которых все просто и спокойно, ушли себе на дорогу и живут в свое удовольствие. Интересно, он хоть догадывается?

— Вряд ли, — усмехнулся Птаха. — Форестер — товарищ мирный, и даже если он в курсе того шухера, со своим уходом он это не свяжет никогда. Со мной — тем более.

— А, так это все-таки был ты? Честно говоря, я думал, враки. На тебя же половину всего беспредела по стране валят. Вторую — на меня.

— На этот раз и правда я. Если что, я не специально — башни у меня нет, но не настолько, чтобы за семь сотен кэмэ приключения искать. Сами меня нашли.

Вадик почувствовал, что сейчас просто лопнет от любопытства. Или от возмущения, что его не достаивают вниманием. Видимо, Птаха наконец это заметил.

— С точки зрения Форестера, — пояснил он, — никаких драматических переломов в его судьбе не было. Просто ему надоел город с его ограничениями, про Внешних он был наслышан, ну и срулил в туман. А что для своих знакомых он как в воду канул — ну так дело известное, в наш информационный век неделю на связь не выйдешь — и о тебе уже все забыли.

Он нехорошо усмехнулся. Вадик чуть-чуть поежился, вспомнив сообщество класса. Реально ведь, словно и не было там никогда никакого Вадика.

— Но примерно в ту же пору, — продолжал Птаха, — в тех краях случился я. Никакого

Форестера я тогда знать не знал, приехал развеяться. Но ты уже сам видел, как оно со мной бывает — нашлись, в общем, желающие что-то мне предъявить. Я, как видишь, все еще здесь, чего о них не скажешь. Хотя мне тогда плохо пришлось, сам отхватил, и серьезно. В общем, сразу за руль было нельзя, задержался у питерских Внешних. Пока приходил в норму, узнал, что то безобразие у всех намертво связалось с исчезновением Форестера. Как бы даже не на меня его смерть вешают. Ну, не он первый, не он последний, — вот теперь Птаху точно можно было хоть сейчас фотографировать на постер кино про крутых плохих парней.

— В общем, так, юный Скайуокер, — Некромант перехватил инициативу. — Ты связался, пожалуй, с самыми стремными ребятами из Внешних. Мы не все такие.

— Да хоть бы и все, — хмыкнул Вадик. — Все равно не боюсь.

— Это похвально, юный Скайуокер. Ты на правильном пути. Но стоит иногда и на нормальных людей посмотреть. Вот сегодня и увидишь.

Вадику уже становилось интересно, что же за Форестер такой и что в нем более «нормального», чем в том же Птахе и Некроманте. Потому что с его точки зрения, тот и другой были нормальнее некуда. Прокси — тот да, особый случай, хотя тоже, в общем-то, классный парень (Вадик привык думать о нем в мужском роде, а уж кто там этот «искусственный разум» — черт его разберет, да и ладно). А тут... Ну болтают про них всякие ужасы, так про Внешних в принципе невесть что болтают, он в этом уже убедился. Ну да, был тот белокурый красавчик из Нижнего города — но сам же первый полез, и Птаху вообще крут, что при такой внезапности сумел отбиться. Вадик мысленно задрал нос: сегодня на тренировке ему таки удалось коснуться Некроманта. Да, вскользь, по плечу, и понятно, что Некромант поддается, но до сих пор ведь и этого не получалось! Повторить успех, правда, не вышло, но сам факт! Он еще всему научится. Как Птаху. Чтоб никто и никогда больше к нему вот так не подобрался. «А из путешествия вернемся — я тебя еще и в тир загашу», — шепнул ему Птаху. И да, то, что ему постоянно отвечают на то, что он еще не успел сказать, тоже совершенно нормально. Ведь здесь все свои. А Птаху так и вообще его брат.

Они посидели у Некроманта, обсудили, что нужно проверить в «Тахо», чтобы в дальней дороге не вышло никаких сюрпризов. Потом Птаху и Некромант опять вышли во двор помериться силами. На этот раз любоваться немного мешала засевшая в памяти фраза Некроманта «если будет нужно — я выйду против него по-настоящему». Тем более что сегодня — Вадик уже умел это замечать — преимущество было явно на стороне Некроманта. И так же, как с Прокси — брешь в защите, едва уловимая торжествующая улыбка, молниеносный бросок и удар. Птаху не стал ломать комедию — лишь так же спокойно опустился на одно колено и чуть склонил голову, признавая поражение. Вадик отвернулся.

— Реванш? — предложил Некромант. Птаху покачал головой:

— Я не в форме. Опять уделаешь.

— Работа такая, — ухмыльнулся Некромант. И Вадик был очень признателен за то, что он не стал договаривать свою любимую присказку.

— Ты точно в порядке? — тихо спросил Вадик у Птаху, когда они вернулись в дом.

— В полнейшем. Просто, действительно, идти сейчас махаться было не лучшей идеей. После лансеровского Пассажира я успел отдохнуть, да и он был один. В этот раз... было сложнее.

Вадик подумал, что вряд ли хочет знать подробности. Впрочем, Птаху выглядел усталым, но хотя бы нормально держался на ногах. А потом и вовсе выгнал Некроманта из

кухни и пошел заниматься обедом сам. Некромант в то утро сказал чистую правду — питался он действительно чем попало, хотя Вадик, пожалуй, разделял его вкусы. Но Птаха накопил каких-то замороженных овощей, неизменную тушенку и даже приправы и вскоре предъявил невнятное на вид, но вкусно пахнущее варево. Некромант одобрительно присвистнул и накинулся на еду не хуже Вадика.

— Люблю тебя в гости звать, — усмехнулся он, отодвигая пустую тарелку.

— Ага, только я в этом доме и замораживаюсь нормальной едой! — в тон ему ответил Птаха. — Ты на одном своем чае существуешь?

— Ну почему, еще на душах тех, кто мне под нож попался, — Некромант хищно оскалился. — А то сам не знаешь. По некоторым версиям, ты сам такой.

— Предпочитаю тушенку! — с набитым ртом парировал Птаха. Вадик прыснул со смеху, но Некромант не смеялся. Впрочем, насколько Вадик успел его узнать, не смеялся он почти никогда.

Они как раз допивали чай (от чайника Птаха Некроманта тоже отогнал, так что это было даже похоже на чай), когда чей-то телефон вдруг заиграл «Металлику». Вадик даже рефлекторно схватился за карман, хотя у него всегда на звонке стояла совсем другая мелодия, да и телефон давно нашел безвременный конец в Нижнем городе. Звонило, как оказалось, у Птахи.

— На связи. Привет-привет. Понял, выдвигаемся.

Птаха убрал телефон в карман и повернулся к остальным:

— Прокси говорит, Форестер с ним связался, уже на подъезде. Пойдем встречать?

Тут он проследил за взглядом Вадика и хлопнул себя по лбу:

— Блин, мелкий, что ж ты молчишь-то? Я и забыл, что у тебя телефон разбит.

— Я сам забыл, — совершенно честно сказал Вадик. Потому что про телефон он помнил от силы первую пару дней, когда привычно лез посмотреть время. А дальше все так завертелось, что он и не вспоминал. Для интернета и музыки был нетбук, для игр — приставка, звонить ему было некому и незачем... Вадик поймал себя на том, что звонок от Прокси его даже немного удивил. Словно у Внешних все должно быть вообще по-другому. Тем более что и Прокси, и Некроманту было нормально, что Вадик, да и Птаха, просто берет и приходит к ним. Как будто никаких телефонов здесь и нет.

— И все же, — улыбнулся Птаха, — в наших радиоактивных пустошах есть средства связи. Короче, будет тебе аппарат, и со старого инфу вытащу, если надо. А пока двинули.

По дороге в гаражи Вадик задумался над предложением Птахи. Нет, новый телефон — это, конечно, хорошо, в конце концов, пригодится же он рано или поздно — вон, они путешествовать поедут, или еще что... А что до информации на старом... А что там было-то? Вот странно, еще недавно (и так давно) Вадик не представлял себе выход из дома без связи, да и дома Никитос бухтел, что он из телефона не вылезает. Хотя сам в своем не меньше торчал, но да, конечно, у него, видите ли, важные дела и работа. Нет, действительно, что там было ценного, что Вадик тогда, в «Тахо», расстраивался из-за разбитого телефона? Контакты? Нет больше тех контактов, там небось уже все забыли, что был такой Вадим Комаров, и сам он никакой уже не Комаров. Коллекция фотографий? У Птахи в разы больше, да и нафига те фотографии нужны, когда есть «Тахо», роскошный «Кадиллак» Некроманта и байк Прокси, приходи да смотри хоть каждый день! Музыка? Музыки было много, но Вадик и так помнил наизусть, что у него там было, и давно слил с Птахиного хранилища все интересное себе на нетбук, и на новый телефон так же сольет. Фотки старых рисунков?

Теперь, когда его учит Прокси, он нарисует гораздо лучше.

— Не надо ничего сливать, — сказал Вадик. — Пусть останется... там.

— Тоже правильно, — кивнул Птаха. Некромант молча показал одобрительный жест.

Пришли они как раз вовремя — стоило им появиться на поляне, как из кустов выехал черный «Субару». Как всегда, было не совсем понятно, где он там помещался, но раз уж там Тундра со своим пикапом проезжала... «Субару» был все-таки поменьше и вообще какой-то городской. По всему, что Вадик знал о Внешних, машины у них были очень большие и очень древние. А тут — поменьше серьезного внедорожника, побольше городской машины, не новый, но и впечатления реликта не производит. Это, значит, и есть тот самый Форестер, и вот на эту машину он хочет аэрографию с совой? Вадик не без гордости подумал, что его филин на капоте смотрелся бы как родной, особенно если Прокси доработает.

«Субару» остановился, и из-за руля — который, как оказалось, был справа — вылез персонаж, которого Вадик меньше всего ожидал здесь увидеть. Нет, он понимал, что Внешних на свете, наверное, довольно много, что народ они самый разнообразный, но все-таки до сих пор они ассоциировались у него с суровыми обитателями пустошей, благо Птаха и Некромант выглядели именно так. Ну или просто с неформальными личностями вроде Тундры и Прокси. А тот, кто вышел из «Субару», выглядел более чем цивилизованно и даже в чем-то аристократично. Тонкое правильное лицо, черные как смоль волосы спадают на плечи мягкими волнами, одет в черную водолазку и черные же классические джинсы. Он открыл заднюю дверь и снял с вешалки не менее классический плащ, опять же черного цвета. Не то вампир из мистического сериала, не то мафиози. Хотя мафиози вроде стриглись. Впрочем, водитель «Субару» хоть и носил длинные волосы, но поддерживал их в идеальном порядке. Вадик вспомнил, что сегодня забыл причесаться, а голову мыл три дня назад, и ему даже стало неловко. Но вот это вот — Внешний?

— Как видишь, Внешние бывают всякие, — Прокси бесшумно возник сзади. От неожиданности Вадик развернулся в боевую стойку — это уже получалось само собой.

— Слушайте, вы! — с наигранным возмущением воскликнул Прокси, обводя гневным взглядом Птаху и Некроманта. — Вы что уже из ребенка сделали? Этак меня тут пришибут ненароком! Сдохнуть от руки собственного падавана в мои планы не входило!

— Подниму, проблем-то, — пожал плечами Некромант. — Сам говорил, не привыкать.

— Кошмар, — резюмировал Прокси и кинулся обниматься с Форестером. Тот радостно улыбнулся и сразу стал похож на человека, а не на привидение или кадр из фильма. У него были темно-карие глаза, но не бездонные, как у Некроманта, а теплые, как — другого сравнения не приходило — у симпатичного пса. И вообще при ближайшем рассмотрении Форестер оказался симпатичным и улыбчивым.

— Прокси, — говорил Форестер, улыбаясь до ушей, — огромное спасибо за эскиз! Уже отправил в мастерскую, будет у меня на центральном окне. Оно как раз выходит на запад, уже представляю, как это будет выглядеть в закатном свете... — он мечтательно зажмурился.

— К вашим услугам, сэр, — Прокси пародийно расшаркался. — Я так понимаю, ты приехал окончательно превращаться в ужас, летящий на крыльях ночи?

— Ага! — воодушевленно кивнул Форестер и тут же хлопнул себя по лбу. — Ох, ребята, я свинья. По всем соскучился, но как Прокси увидел — побежал благодарить за витраж и обо всем забыл. Птаха, Некромант, здрасте, как вы тут? О, у вас пополнение?

— Оно самое, — улыбнулся в ответ Птаха. — Я взял Пассажира.

— Теперь это наш Энакин Скайуокер, — добавил Некромант.

— От Палпатины слышу! — Вадик скорчил рожу. Форестер удивленно поднял бровь.

— Да-да, — пояснил Прокси, — у нас появился человек, который не то что не пугается от Некроманта, а добровольно согласился у него учиться! Представляешь, что из него вырастет?

Форестер задумался, а потом все с той же улыбкой подошел к Вадиду и протянул руку:

— Форестер.

— Вадик. Прозвали Энакином, но вообще я не знаю пока.

— А это и нормально, — кивнул Форестер. — Станешь Водителем, тогда и понятно будет, как тебя звать. Оно само приходит, я еще до этой машины Форестером стал.

— Сыч ты лесной потому что, — подал голос Некромант. Форестер улыбнулся слегка смущенно — похоже, Некроманта он действительно остерегался. Во всяком случае, держался в стороне и не смотрел в глаза.

— Ну сыч, ну лесной, — проговорил он, глядя в сторону. — Потому, собственно, из города и двинул. Наведываюсь иногда, если вдруг ностальгия разбирает. Но такое чувство, что уехал лет сто назад. Сейчас вот, когда сюда стартовал, проехал через город — уже с трудом верится, что я тут жил. Нет, я знал, на что иду, но все же...

Он грустно вздохнул. Вадик переводил взгляд то на него, то на подозрительно прищурившегося Некроманта. Пауза несколько затянулась, потом Форестер махнул рукой:

— А, ладно, устал с дороги, в какие-то не те настроения понесло. Прокси, Тундра говорила, ключи у тебя?

— Ага, — Прокси извлек связку из кармана своей вечной толстовки и кинул Форестеру, тот ловко поймал ключи на лету. — Отсыпаться пойдешь или сначала эскиз посмотрим?

— Хммм, вот это дилемма, — Форестер почесал в затылке. — Ну и как прикажете спать, когда такие перспективы? Давай сюда свой эскиз!

— Между прочим, не мой, а нашего юного Скайуокера, — сообщил Прокси. — Точнее, идея его, доработка моя, исполнение, если не боишься, будет общее.

Он мгновенно нырнул в недра своего «Фольксвагена», там что-то свалилось, Прокси громко и с чувством помянул несовершенную биологическую оболочку и сбившиеся настройки и возник снова — несколько взъерошенный и с листом в руках. Вадик узнал своего филина — хотя, точнее, не узнал. Прокси раскрасил его эскиз и придал филину еще более мрачное выражение, если это вообще было возможно, что только подчеркнуло сходство с Некромантом. Вопреки прогнозам Прокси, Форестер смеяться не стал, а просто издал невнятный возглас и замер.

— Это... это вот оно?

— Ага, — кивнул Прокси, наслаждаясь эффектом. — Рисовал наш падаван, я только красил.

Форестер подошел к Вадиду и с чувством пожал ему руку. Вадик смутился:

— Да ладно, от меня тут только эскиз...

— Знаешь... Эни, — так, понятно, и Форестер туда же, — я не умею рисовать, но очень люблю искусство. И умею отличать хорошую работу от плохой. Прокси — гениальный художник, но у тебя все шансы его догнать. Так что с радостью предоставлю вам свой капот. И знаете что? — он чуть повысил голос в знак того, что обращается ко всем. — Отоспаться я всегда успею, а я ведь всякого вкусного привез. Так что сейчас загоню машину, чтобы уже ничего не мешало, и будем пировать.

У Форестера машина была гораздо меньше, чем у Тундры, но и там багажник оказался едва ли не бездонным. Во всяком случае, оттуда появился походный столик, несколько складных стульев и — Вадик даже протер глаза — набор серебряных стаканчиков. Еще и с каким-то узором, чуть ли не гербом. Вадик был уверен, что готов уже к любым чудесам, но это не лезло уже ни в какие ворота. Безумный «Фольксваген» Прокси и варган Тундры, пожалуй, были логичнее.

— Что, подозрения от себя отгоняешь? — ухмыльнулся Прокси. — Мы-то и так верим, а дома, боюсь, не поможет. Тебя как, вся округа в вампиры записала или только половина?

— Да ну тебя! — рассмеялся Форестер. — Сам знаешь, у меня той округи — два человека с половиной, и до тех два часа езды.

— Ну я и говорю! Живет на отшибе, обложился совами, только что живых еще не завел, вечно в черном, бледен как смерть... да у тебя там толпа поселян с вилами уже должна дежурить!

— Да иди ты к черту! Я, между прочим, из Питера, мне положено быть чахлым эстетом!

— До чахлого тебе еще чахнуть и чахнуть! — не отставал Прокси. — Вон хоть на Некроманта посмотри. Уважающая себя нежить должна выглядеть так!

— А я неформал! — Форестер скорчил рожу и снова полез в багажник. На этот раз из недр «Субару» возник ящик вина и не менее эстетский штопор. Прокси опять проехался на тему «запасов крови» и не успел увернуться от только что вытащенной пробки — как оказалось, с реакцией и меткостью у Форестера все было в порядке. Форестер принялся разливать вино, причем собирался оделить и Вадика тоже, но Птаха остановил его руку:

— Эй, погоди, ему всего четырнадцать.

— Птаха, не нуди! — возразил Прокси. — Уж если наш юный Скайуокер ухитрится пить то, что Некромант считает чаем, и оставаться в живых, от пары капель вина ему ничего не будет!

При упоминании Некроманта и чая в одной фразе Форестера явственно перекошило. Он подумал и все же плеснул Вадика немного вина. На вкус оно Вадика не понравилось — очень уж кисло. Но стало тепло, и все происходящее как-то сразу собралось в одно целое. Уже и Форестер не выделялся на общем фоне — ну в черном, ну весь аккуратный, и что с того? Он — Внешний, а значит — свой. Прокси вон тоже умеет быть стильным, когда хочет. Или Тундра. Не всем же быть суровыми парнями из загородных гаражей. Хотя Вадика, пожалуй, больше всего нравился именно этот вариант.

К вину Форестер достал сыр — круглый, с белесой корочкой, резко пахнущий, но очень вкусный. Вадик видел такой разве что на фотках Никитосовых фуршетов, и ему в который раз стало смешно. Ага, деликатес для элиты, натуральных продуктов не осталось... А вот он, деликатес, вылез из багажника Внешнего, обитателя безжизненных пустошей, доживающего там последние дни в отравленном воздухе! Да и свой стильный прикид Форестер явно не на разграбленном складе нашел. Вадик, в конце концов, и сам был одет небрежно, но определенно не со свалки и даже не с Птахиного чердака. Да еще эти серебряные стаканчики... Посреди пустошей, ага. Вадика окончательно разобрал смех, и он уткнулся в свой стаканчик с некультурным хрюканьем.

— Эй, Форестер, ты не перестарался? — строго спросил Птаха. Форестер опять смутился:

— Слушай, там и половины не было, я подумал — ну не ребенок уже...

— Да все... в порядке, — отсмеявшись и прокашлявшись, выговорил Вадик. — Простс

опять вспомнил все наши сказки про Внешних, и что-то так смешно стало. Что за городом жизни нет, все сидят чуть не по бункерам, и вообще типа как в «Безумном Максе». А мы тут вот — вино с сыром... — его накрыл очередной приступ смеха, и договорить он не смог.

— Понимаю, — кивнул Форестер. — Я ушел уже взрослым, но мне тоже чего только не рассказывали. Ты, говорили, за городом не выживешь, там давно все захвачено Внешними и поделено на зоны влияния, и вообще за тебя кто-то должен поручиться, и даже тогда не факт, что примут. Там, говорили, все жестко, покажи себя на гонке или умрешь, и драться надо уметь...

— Ну я вот учусь, — сказал Вадик. Форестер уважительно кивнул:

— На самом деле, полезный навык. А я вот не умею. И ничего — живу вот. Хотя мне говорили, что вот уж меня любой Внешний уничтожит, как только встретит, потому что я фотограф, а они, дескать, хранят свои тайны, в их присутствии аж техника сама работать перестает. А я первую выставку сделал как раз после того, как уехал! Бывшие коллеги, я так подозреваю, от зависти язык проглотили, потому что хоть бы одна зараза что написала. Или все действительно решили, что я вне города и дня не проживу.

Птаха многозначительно подмигнул Вадика — мол, а я что тебе говорил. Форестер ничего не заметил. Налив себе еще вина, он продолжал:

— Нет, я с тех пор много с кем познакомился, вижу, что народ разный и обстоятельства у всех разные, но лично у меня, можно сказать, сбылась мечта всей жизни. Нашел дом, который продавали просто за копейки, лишь бы кто взялся восстанавливать, устроил себе такую фотостудию, какую давно хотел, для коллекции место есть... И друзья стали появляться. В городе — это так... Скучаю по ним иногда, но раз с тех пор никто не сподобился выйти на связь, значит, не так и нужен был. Интересно было поболтать, но и вечно мериться, кто круче, поднадоело. И на машине мне нравится по трассе ездить, а не в городе толкаться. Так что в некотором роде я и правда пропал с концами в пустошах и только рад.

Еще пить вино Вадик не рисковал, да и кисло, а вот сыр оценил по достоинству и радостно вгрызся в большой кусок, который ему любезно выдал Форестер. И еще раз хихикнул про себя, вспомнив хвастовство Никитоса. Хотя еще не факт, что на его тусовках сыр был такой же вкусный. Да и, судя по фотографиям, жмотство там одно, а не угощение, то ли дело сейчас. В голове немного шумело, но не столько даже от вина — его и правда было несколько капель — сколько от всего происходящего. Что для Форестера он уже самый настоящий Внешний, что вот так вот сидит со всеми за столом, и уже завтра, наверное, они с Прокси будут делать аэрографию, эскиз к которой нарисовал лично он... Если у Форестера сбылась мечта всей жизни, то Вадик о таком и не мечтал. Это было круче любых рассказов о Внешних.

Тем временем Форестер опять отправился к машине, и на этот раз оттуда появилось нечто совсем уж удивительное. Форестер поставил прямо на землю большую прямоугольную подставку, на нее — небольшой глиняный чайник с узором в виде сосновой ветки, а за ним — множество крошечных чашечек.

— Вы тут, конечно, варвары, особенно некоторые, — Форестер покосился на Некроманта, тот сделал вид, что его здесь нет, — но я не оставляю надежды приобщить вас к истинному знанию. Птаха, что там с огнем?

Птаха, действительно, уже разводил костер все в той же вечной яме. Над огнем снова висел закопченный чайник, а Форестер принялся колдовать с посудой и заваркой. Свои

длинные волосы он, чтобы не мешали, завязал на затылке почти наподобие самурайского пучка. У большинства парней, кого Вадику доводилось встречать, такая прическа смотрелась по-дурацки, но только не у Форестера. Этого парня вообще можно было зарисовать в любой случайный момент, и получилось бы красиво. Вадик пожалел, что в этот раз не взял блокнот. Тем более что сейчас, в отсветах костра, Форестер выглядел идеально на своем месте. Ведь в самом деле, у каждого есть своя любимая роль, Вадик в этом уже не раз убеждался. У Форестера, значит, это роль утонченного аристократа. Почему бы и нет, в конце концов. Здорово же получается. Хотя Вадик чувствовал что-то вроде разочарования — все-таки он уже привык, что у каждого Внешнего за плечами какая-то жутковатая история. Что далеко ходить, у него самого такая есть. Все-таки дорога в один конец, совершенно другая жизнь... А Форестер, получается, просто вот так вот взял и переехал за город — и уже Внешний? Как-то это... нечестно, что ли.

— Форестер из тех людей, кто не заметит небольшой апокалипсис, — тихо сказал подошедший Птаха. — Пока он может фотографировать и путешествовать, ему почти ни до чего нет дела. Это ты любопытный и смелый, сразу полез новости читать, поэтому ты в курсе. Не все такие. Для одной питерской тусовки фотографов их коллеги давно нет в живых. Варианты расходятся — то ли полез с репортажем туда, куда лезть не стоило, то ли банальное ограбление, кто-то, понятное дело, приплетает Внешних и лично меня. Хотя я, по некоторым версиям, тоже в той драке лег. Ну, не привыкать. Большая была дискуссия, с интересом изучал, пока выздоравливал. Сошлись в одном — его смерть, в отличие от твоей, была небыстрой и очень неприятной, — Птаха хищно усмехнулся. Вадика передернуло. Он думал, что уже напрочь забыл тот репортаж, но нет, такие вещи, похоже, не забываются. И понятно, что все ерунда — и он, и Форестер, и тем более Птаха вон живет некуда — но каждый раз становилось не по себе. Птаха внимательно смотрел ему в лицо.

— Привыкнешь, мелкий, — усмехнулся он. — Нам всем тут впору байки о собственной смерти коллекционировать. Хотя недавно тут услышал, что Внешнего и вовсе убить нельзя, потому что мы с машиной одно целое. И пока машина на ходу — никто нам ничего не сделает. А что, мне нравится эта сказка.

— Не ее ли Лансер с приятелями слышали? — подал голос Некромант. И от его взгляда вроде бы уже привычного Вадика снова пробрало холодом. Но Птаха лишь улыбнулся:

— Может, и ее. На то и сказка, чтобы сбываться не всегда — ты вон уже сколько машин пережил. А я к «Тахо» еще ни разу никого не подпустил.

Птаха резко замолчал — к ним подошел Форестер.

— Байки вот травим, — осклабился Некромант. — Про страшных Внешних, после встречи с которыми люди бесследно исчезают.

— Прямо как я, — с улыбкой кивнул Форестер. — Давайте уже перебирайтесь, чай ждать не любит.

Золотистый напиток не был похож ни на какой чай, который Вадику доводилось пробовать. По вкусу вроде зеленого, но не такой терпкий, а пах почему-то абрикосом. Форестер долго рассказывал про сорта чая, упоминая множество китайских слов, но Вадик напрочь запутался во всем этом уже на второй минуте. Зато Прокси затеял с Форестером еще более долгую дискуссию о роли стихий в чайной церемонии — эти двое точно нашли друг друга. Уже даже костер погас, и Птаха с Вадиком собрались домой, но до самого поворота они слышали голос Форестера, цитировавшего что-то про ветер в соснах.

В следующие несколько дней Вадик практически поселился в гаражах. До сих пор он представлял себе аэрографию чем-то вроде граффити, только по машине. Оказалось, все намного сложнее и дольше, но и намного интереснее. Над «Субару» колдовал не только Прокси, но и Некромант, поскольку нужно было снять капот, установить в удобное положение, сделать фон... Вадик помогал обоим, только успевая носиться по гаражу Некроманта, благо рост позволял ему забираться в любые щели и лазить по стеллажам, а ориентировался он там как у себя дома. Подумав, Прокси решил, что рисунок, ограниченный только капотом, смотреться не будет, и филин «оброс» сосновыми ветвями, заходящими на передние крылья машины. А значит, прибавилось работы и Некроманту. Тот, впрочем, не возражал, говоря, что давно не было интересных проектов. Форестер носился по округе с фотоаппаратом, предоставив Прокси полную свободу действий. Однажды, поскольку все равно надо было ждать, пока фон высохнет, Вадик прокрался за ним и зарисовал очень пафосную фигуру в черном, стоящую на высоком берегу в лучах заката. Прокси, разумеется, добавил пролетающую рядом сову. Увидев рисунок, Форестер рассмеялся, а потом задумчиво вздохнул: «На самом деле, давняя дурная мечта. Но как подумаю о том, как их содержать, да все мои поездки... уж лучше на капоте!». Словно в ответ его словам, из леска за гаражами кто-то ухнул. Форестер расплылся в счастливой улыбке.

Вечерние чайные церемонии у костра уже стали традицией. По словам Прокси, свой чайный набор Форестер возил с собой всегда, только чаи были каждый раз разные. И снова он завязывал волосы в пучок, опускался на колени, не боясь запачкать свои стильные джинсы — но пыль и грязь к ним как будто не липли — и начинал ритуал. Только теперь он действовал не в полном молчании, как в первый раз, а подробно объяснял Вадику, что и зачем он делает, с историей традиций и комментариями о сортах чая. До сих пор Вадик считал, что чай бывает черный, зеленый и фруктовый, который вообще не чай, а оказалось, что разновидностей чая по цвету аж шесть. И привычный ему черный чай на самом деле не черный, а красный, а черный совсем другой, «но для него нужен отдельный чайник, потому что иначе все остальные чаи пропахнут». Вадику нравилось ощущать в пальцах шелковистые чайные листья и сравнивать их ароматы, хотя на каждый день он по-прежнему предпочитал обычный черный чай из своей кружки с «Камаро». А еще уже на второй день он принес блокнот и все-таки изобразил Форестера, колдующего над чаем. Прокси одобрительно хмыкнул и едва ли не впервые не стал ничего добавлять и корректировать. А сам Форестер попросил Вадика подарить ему этот листок. Вадик, задрав нос чуть не до небес, радостно согласился. Потому что аэрография — это, конечно, круто, но там все равно большую часть работы делает Прокси, и эскиз Вадика он сильно доработал, а тут именно его рисунок захотели оставить себе! На память Вадик переснял этот листок уже на новый телефон — Птаха сдержал слово, и карман снова привычно оттягивала увесистая «лопата», даже круче, чем был тот, разбитый. Во всяком случае, камера была отличная, память Вадик не смог забить, даже залив всю любимую музыку, и перегреваться этот аппарат, в отличие от старого, не пытался. На звонок Вадик тоже поставил «Металлику», только другой трек, чтобы не путать с Птахой. А на заставке, как всегда, красовалась «Камаро».

Тем временем филин на капоте «Субару» обретал все больше объема и красок. Прокси заявлял, что оттого мрачного взгляда встречные машины будут шараться в кювет, и сулил

Форестеру поселян с вилами, тот только смеялся.

— Смейся-смейся! — Прокси, как мог, напустил на себя зловещий вид, получалось не очень. — Вот пойдут рассказы о машине, одержимой злобным духом...

— Подосланным лично мной, — внезапно включился Некромант. — Филин-то из моей гостиной. Можно считать, что эта машина теперь под моей незримой защитой. А мне повредить нельзя, так что никаких поселян можешь не бояться.

Форестер снова рассмеялся. Некромант, как обычно, остался абсолютно серьезен. А потом сообщил Вадике, что никакие филины — не повод пропускать тренировки, и он намерен это исправить буквально сейчас. У Форестера явственно загорелись глаза:

— А... можно взглянуть? И... — он нерешительно дотронулся до фотоаппарата.

— Если кто тебя и убьет за твои фотографии, то не я, — хмыкнул Некромант. Форестер улыбнулся в ответ очень криво, но все же пошел за ним и Вадиком.

Сначала Вадик чувствовал себя несколько скованно — до сих пор они с Некромантом не тренировались в чем-то присутствии, да и Форестер все-таки не настолько свой, как тот же Птаха или Прокси. Результат не заставил себя ждать — тренировочный нож Некроманта весьма неприятно чиркнул по ребрам. Некромант, конечно, удары останавливал, но все равно. Вадик разозлился — еще не хватало, при зрителях позориться! «Кто там что говорил про Мустафар?». И, к его собственному удивлению, его рука с ножом замерла у шеи Некроманта.

— Отлично, юный Скайуокер, просто отлично. Гнев есть путь на Темную сторону, ты на правильном пути.

— Да ну тебя! — Вадик попытался повторить успех... и покатился по земле от подсечки. Некромант замахнулся, но от удара Вадик уже успел увернуться. Однако! Еще недавно у него не получалось.

— Ничего себе! — подал голос Форестер. — Жестко вы друг друга...

— Это ты нас с Птахой не видел, — бросил через плечо Некромант. — Или вон Прокси поспрашивай, сколько раз он картинно умирал от моей руки. Вот с Птахой у нас силы равны, так что, разнообразия ради, огрести могу даже я. Продолжаем.

Вот теперь Вадика уже действительно разбирал азарт — ведь достал же Некроманта! Не вскользь, полноценно! И уйти сумел! Он полностью забыл о Форестере и о щелчках его фотоаппарата, но внезапно, отскочив в сторону от очередной атаки, заметил его объектив где-то у себя под локтем. Понятно, Форестер увлекся поисками хорошего ракурса. Вадик решил его попугать, замахнулся — и ожидаемо получил в спину от Некроманта.

— Эй, полегче там, прибьете же ненароком! — с притворным возмущением воскликнул Форестер, поспешно отступая в кусты.

— А не лезь под руку, — парировал Некромант. — Юный Скайуокер уже приобретает правильные рефлексы. Но бой против двоих — это следующий этап. Все будет.

— Правда? — Вадик чувствовал себя готовым переходить на этот этап хоть сию минуту, но Некромант уже знакомым ему движением поднял руку:

— Не сейчас. Все в свое время. Перерыв.

Вадик хотел возразить, но, как это и всегда случалось, только после слов Некроманта он осознал, что взмок как мышь, а ноги ощутимо подгибаются. Он даже не стал добираться до крыльца, а просто растянулся на траве, глядя в небо. Ему было хорошо.

— Есть предложение выпить чаю, — послышался сверху голос Некроманта. — Сам встанешь или поднять?

— Вот еще! — Вадик вскочил на ноги. От резкой смены положения закружилась голова, и Некромант подхватил его под локоть, проворчав «все-таки поднять». Форестер встревоженно наблюдал за ними.

— Спокойно, все живы, — махнул рукой Некромант. — Падаванов я, как правило, не убиваю. Ты как — рискнешь попробовать мой чай или тебя пустить на кухню?

— Знаешь, сегодня я даже рискну, — решительно ответил Форестер.

— Восстанавливаешь душевное равновесие? — хмыкнул Некромант. — Привыкай, у нас всегда так.

— Ну пришибить меня еще не пытались!

— Сейчас еще и отравить попытаемся, эстет. Нашему юному Скайуокеру определенно нужно подкрепить силы, так что шадить твои эстетские чувства я не собираюсь.

Форестер только печально вздохнул и тут же сам рассмеялся.

— На самом деле, — доверительно шепнул он Вадик, устраиваясь рядом с ним на диване, — хороший чай я, конечно, люблю, но замораживаюсь полной церемонией в основном в поездках, поэтому и вожу набор с собой. Для себя одного мне обычно лень. Хотя то, что делает с чаем Некромант, все равно варварство и ересь!

— Мне положено, — отозвался Некромант из кухни. — А кто будет выступать, я вспомню, что у меня еще и специи есть.

— Злодей и изверг! — Форестер картинно закрыл голову руками. — Давай уже свое зелье, мне определенно нужно!

Некромант принес не только чай, но и очередной «походный тортик». Это было очень кстати — Вадик до сих пор чувствовал некоторую слабость, так что на сладкое накинута со столовой ложкой.

— Растешь, юный Скайуокер, — проговорил Некромант, пристально глядя на него. — Во всех смыслах.

В физическом смысле Вадик и сам был в курсе — одежда, в которой он когда-то (кажется, лет сто назад) ушел из дома, становилась маловата. И в Птахинном подвале он недавно от души приложился головой об полку, под которой, по собственным прикидкам, должен был пройти. Ну и ладно, надоело уже быть мелким. Но если Некромант говорит «во всех смыслах»... Тут мысль останавливалась и оставался только возглас «Правда?».

— А то, — Некромант чуть дернул плечом. — Запомни сегодняшнее состояние, ты берешь силы из злости. И очень неплохие силы. Я сам когда-то был таким. Но не буду пугать нашего друга Форестера подробностями. Кстати, — он развернулся к Форестеру, — а зачем тебе этот беспредел снимать?

— Ну... — казалось, Форестер уже окончательно расслабился и даже подшучивал над Некромантом, но теперь он снова смутился и отвел взгляд, — на самом деле, просто из интереса. Но вообще у меня много тематических подборок для будущих выставок, по боевым искусствам тоже есть. Это было... красиво.

— Хоть когда-то это красиво, — пробормотал Некромант как будто в сторону и уткнулся в свою кружку с чаем.

После чая Некромант снова вытащил Вадика во двор. Хотя, в общем, еще большой вопрос, кто кого вытащил — Вадик и сам был не прочь продолжать, приступ головокружения прошел бесследно. Форестер снова вооружился фотоаппаратом.

— Сам не хочешь попробовать? — Некромант подбросил в руке тренировочный нож.

— Иди ты! — Форестер даже отступил в кусты. — Я мирный фотограф!

— Прокси вон тоже мирный художник, — заметил Некромант. — Надо сказать, неплохо против меня держится. У меня сильное подозрение, что если бы не его так называемая прошивка с высоким уровнем гуманности, задал бы мне жару не меньше Птахи. Но, видимо, навоевался он с концами.

Форестер недоуменно взглянул на Некроманта, но тот явно не собирался развивать тему. А Вадик — тем более. Даже та потасовка на смотровой площадке не могла выгнать у него из головы воспоминание об осевшем на траву Прокси и о прорехе на его толстовке.

Тем временем филин уже обретал окончательные очертания. Он сидел ровно посередине капота, одаря всех предельно мрачным взглядом, а вокруг распушились сосновые ветви, сквозь которые проглядывала ущербная луна. Правда, Прокси не мог не поглумиться и в самой густой хвое на левом крыле «спрятал» подвешенную за хвост мышь, которую практически невозможно было найти, если не знать, куда смотреть. Форестер, правда, мышь нашел и только что не валялся по полу от хохота.

— Что ж ты делаешь, изверг! — проговорил он, переводя дыхание. — У меня тут, значит, мрачная готика, а это что?

— А это необходимое дополнение к мрачной готике, — невозмутимо ответил Прокси. — Чтобы быть большим и готичным, филину нужно много мышей! Хм, еще, что ли, пристроить... Жаль, уже вся хвоя готова, прятать некуда.

И все же в окончательной версии в углу капота спряталась еще одна мышь, тщательно заслоненная веткой с шишками. Форестер только театрально взялся за голову, но его восторженный взгляд был виден даже сквозь ладонь.

Вадик уже стал привыкать к присутствию Форестера, и даже было странно вспоминать свое удивление при встрече. Ну действительно, чем сдержанный стиль одежды и длинные волосы отличают его от остальных? Машины у Внешних, судя по тому же Лансеру, бывали и вполне городские. Некромант, если не копался в гараже по уши в машинном масле, охотно менял свою драную клетчатую рубашку на такую же черную водолазку, как у Форестера. А сам Вадик не без удовольствия замечал, что, если привести волосы в порядок, лежат они очень даже красиво. В конце концов, никто ж не подписывался выглядеть так, как будто только что вылез из бункера. Тундра вон при всех своих шаманских висюльках не менее аккуратная. Словом, Вадику уже казалось, что Форестер был тут всегда. Но вот капот и крылья «Субару» вернулись на место, Некромант проверил, не будет ли проблем на обратном пути, и Форестер стал собираться домой.

В последний вечер перед его отъездом, уже традиционно, горел костер, а рядом стоял столик для чайной церемонии, но в этот раз Форестер задумал что-то необыкновенное. Крошечные чашки были двух видов — привычные маленькие пиалы и еще какие-то, высокие и узкие. Форестер налил чай в две высокие чашки, накрыл маленькими, а затем ловким движением одновременно перевернул обе пары и протянул одну Прокси. Как он объяснил, теперь в высокой чашке остался аромат чая, который следует вдохнуть, прежде чем пить сам чай. Некромант проворчал что-то про недобитых эстетов, но точно так же прекрасно справился с двумя парами — своей и Птахи. Вадик покосился на них обоих с завистью, но сам так выпендриваться не рискнул и подстраховал конструкцию второй рукой. Впрочем, на четвертый раз — Форестер объяснил, что этот чай выдерживает до двенадцати заварок — у него стало получаться.

— Возьми, — Форестер протянул Вадику нечто круглое в бумаге. Содержимое напоминало высохший апельсин, но оказалось, что кожа наполнена чаем. Пахло тем же

самым апельсином и почему-то землей.

— Вот это, собственно, черный чай. Тебе должно понравиться, но предупреждаю, он очень крепкий.

— Уж не крепче некромантского зелья! — вклинился Прокси. Форестер закатил глаза.

— В общем, это тебе. И... приезжай, что ли, в гости.

Вадик пообещал, что непременно придет — ему хотелось собственными глазами увидеть «усадебку» с совами. И нарисовал для Форестера в блокноте еще одну сову с большими любопытными глазами.

Они еще долго сидели у костра. Чай давно кончился, и Форестер стал копаться в памяти фотоаппарата. Вадик придвинулся ближе — ему было интересно, что Форестер наснимал. Казалось бы, он сам сто раз видел и эти гаражи, и эту реку, и эти дома, да и сам все это рисовал — но у Форестера те же самые пейзажи выглядели иначе. «В закатную серию... кошака к тем питерским... в развалины и прочее запустение... — бормотал Форестер, листая файлы, — а вот это прямо серией на выставку, только в ч/б загоною». Вадик самым неприличным образом влип в экран — впрочем, Форестер вроде бы и не возражал. Это были фото его недавней тренировки с Некромантом. У фотокамеры, конечно, дисплей был совсем небольшой, но даже так оно смотрелось круто. Вадик его собственный вид вполне понравился. И Форестер даже поймал тот момент, когда он достал Некроманта! Видимо, выражение лица Вадика было более чем красноречивым, потому что Форестер подмигнул: «Прислать?». Вадик энергично закивал и записал свой номер на обороте листка с совой.

— Это точно пойдет, — Форестер продолжал разговаривать сам с собой, — это вообще идеально в пару к новгородским ребятам... Ох черт!

Он явственно поежился. Вадик взглянул на фото — и его самого пробрало неприятным холодком. Нет, он прекрасно понимал, что Форестер щелкнул фотоаппаратом, когда он плюхнулся на траву перевести дыхание, и помнил собственное ощущение абсолютного покоя и счастья. Но вот выглядело это... Распластавшаяся навзничь фигура, запрокинутая голова, неподвижный взгляд в небо и нависающая черная тень с ножом в руке — сам Некромант в кадр не влез, но стоял где-то сразу же за его пределами, а яркое солнце даже тени делало почти материальными.

— Нет-нет-нет, — пробормотал Форестер, — у меня тут серия про боевые искусства, а не всякие там ужасы нашего городка. А вот это в самый раз для конца серии! — он снова перелистнул на кадр с торжествующим Вадиком и его атакой, за что тот был ему очень признателен.

— А то оставил бы, — подал голос Некромант, внезапно нависнув сверху. Форестер вздрогнул и едва не выронил фотоаппарат. — Моей репутации, знаешь ли, полностью соответствует.

— Да вот еще! — Форестер снова поежился. — Если только лично под тебя серию делать.

— Народ распугаешь, — ухмыльнулся Некромант.

Но Вадик заметил, что удалять фотографию Форестер все же не стал.

Через пару дней после отъезда Форестера Птаха заявил, что к путешествию все готово. «Новых проектов пока нет, пару недель без меня мир не рухнет». «Тахо» была проверена от колес до крыши и сияла белизной. Некромант ухмыльнулся «правильно-правильно, регионам тоже расслабляться не надо», Птаха заверил, что твердо намерен отдохнуть, а не вязываться в приключения. Некромант посмотрел скептически.

Вадик носился по всему дому, помогая Птахе собираться. Своих-то вещей у него по-прежнему было не так и много, но он никогда и не паковался сам — в лагерь его отправляли еще родители, он только вынимал из сумки одежду взамен запачкавшейся, если вожатые слали переодеться. И помнил, как запарился тащить эту сумку на монорельсе. «Машина довезет, бери что хочешь, — говорил Птаха. — Джинсов пары три, футболки побольше — на месте постираться будет можно, в дороге — не факт. Теплое что-нибудь, погода всякая бывает. А нетбук не тащи». Вадик, впрочем, и сам не собирался. Музыка телефон был набит под завязку, кино... да зачем оно, если они едут в настоящее путешествие! Птаха показывал ему карту, прикидывая варианты маршрута, и у Вадика слегка шла кругом голова. Все эти города, реки, горы и равнины из учебников географии словно вдруг ожили. Он, конечно, знал, что Россия — огромная страна, но, кажется, только сейчас начал понимать, насколько — ведь до недавних пор он не покидал пределы города. Прямо скажем, считал это почти невозможным.

— Мы в города и заезжать почти не будем, — ухмылялся Птаха. — Если только так, посмотреть что или заночевать в цивилизованных условиях. Города — это так, маленькие грязные пятна. Очень маленькие. Сам увидишь.

Вадик подумал про себя, что родину Прокси, например, он бы грязным пятном не назвал, но, с другой стороны, они были только наверху, и что там на нижних уровнях... Он вспомнил ту глухую темноту и не стал дальше думать в эту сторону. Лучше пойти выбирать любимые футболки.

Тем временем Птаха нырнул под диван и, к изумлению Вадика, который был уверен, что изучил в своей комнате все, извлек оттуда походную газовую плитку. «Костры жечь можно не везде, — пояснил он, — и кто его знает, где будем останавливаться, мотели тоже не везде есть и не везде мне нравятся».

— А как тогда? — Вадик недоуменно моргнул. Птаха только поманил его наружу.

Они зашли в гараж, где стояла «Тахо». Птаха залез внутрь и сложил задние сиденья. Получилась целая комната.

— Пенки и спальники — и можно жить. Нам двоим места точно хватит.

Вот это полностью вписывалось даже в Валеркины рассказы о Внешних. Проехать чуть не через всю страну и жить прямо в машине! Вадик не мог дождаться старта.

Впервые они с Птахой ехали через город, рядом с которым, собственно, и жили — до сих пор Птаха отправлялся туда по делам один. Вадика было беспокойно — он помнил про Птахино чутье, неизменно приводящее его в какую-нибудь историю. Но Птаха расслабленно управлял одной рукой, вполголоса подпевая магнитоле, а вокруг не было ни полуразрушенных домов со слепыми окнами, ни футуристических эстакад — обычный провинциальный город из старого кино. Дома попадались и деревянные, вроде Птахиного, и более привычные многоэтажные, но все с открытыми окнами, по улицам ездили машины,

словом, как будто никаких транспортных коллапсов и прочего и не было никогда. А может, здесь этого всего и правда не было?

— Говорю же тебе, — Птаха чуть обернулся от руля, — большие города — совсем особая история. Тут, если угодно, своя экосистема, хотя в большинстве версий об «эко» говорить сложно. Слишком много народа, слишком много вариантов развития. Я ведь много где был — так, собственно, и понял, что могу перелистывать разные версии. И какой-нибудь Суздаль «перелистнуть» вообще невозможно, он цельный. У некоторых городов всего два-три варианта, и перейти между ними очень сложно. Я могу, но потом с ног валюсь натурально. Прокси или Некромант в такие даже не суются. Ну, Некромант — это вообще особый случай, ему первый переход чуть жизни не стоил.

В ушах у Вадика почти явственно прозвучал хриплый голос: «И ушел, в общем-то, подышать, чтоб от всех подальше. Дорога решила иначе». Это что же... бывает и так, что переход можно не пережить?

— А я? Я смогу? — Вадик помнил, что ему говорил Прокси, но не мог не спросить.

— Уже смог, — так же небрежно и вполоборота бросил Птаха. — Что ты помнишь о первой поездке?

Вадик задумался. Ему казалось, что он помнит все до секунды, но рассказать об этом он не мог.

— Ну... ехали... пончики вот ели... и была ночь, потом утро, и дорога, и музыку слушали...

— Так. А когда мы с тобой в город собрались?

— Ну... ты яблоки покупал, сушеные, и я еще удивился, что город не так выглядит, и мы в центре застряли в пробке, а потом повернули — и оно стало таким, как я помню...

— Знаешь... братец, — Птаха очень редко называл его так, — а ведь ты с шансами и меня переплюнешь. Ты ухитряешься вообще не замечать переходы. Уж не знаю, почему так — может, тебе просто еще очень немного лет, потому и принимаешь все как должное — но точно знаю, что я в тебе не ошибся.

Очередное «Правда?» застряло в горле. Потому что, собственно, а как еще оно могло быть? Да, Вадик регулярно казался себе маленьким и бестолковым, но ведь Птаха взял его с собой, и назвал своим братом, и обещал научить всему, что умеет! И не только он, а еще и Прокси, и Некромант... Конечно, он принимает все как должное, потому что все происходит настолько правильно, как только может, и даже больше! Птаха лишь улыбнулся в ответ его мыслям и крепче сжал руль — они выходили на трассу.

Вадик растекся в огромном кресле и даже чуть приоткрыл окно, чтобы ветер, уже полетному теплый, как угодно трепал волосы. Расчесываться на стоянке, конечно, придется долго, ну и ладно. Ведь можно даже высунуться в окно и разглядывать мелькающие по обочинам деревеньки, заправки, базарчики, и воздух — просто воздух, без смога и прочей гадости, дыши себе сколько хочешь. Птаха свое окно тоже открыл и ехал, чуть щурясь на солнце. И совершенно безмятежно улыбался. А из магнитолы опять раздалось все то же «Нам дышится в такт, и ускоряет наш шаг блюз бродячих собак!». Птаха подмигнул и очень натурально изобразил собачий вой, спугнув дворнягу на обочине.

— Отъедем подальше, могу тебя за руль пустить, — все так же небрежно бросил Птаха.

— Меня? Вот так вот? — нет, Вадик уже был в курсе, что не бывает никаких жестоких проверок на «право соответствовать», но все равно в глубине души был уверен, что за руль можно сесть очень не сразу и очень не просто. Хотя пустил же его Некромант посидеть в

«Кадиллаке»... С другой стороны, это ж просто в гараже... А вот так вот, на дороге? И «Тахо» такая огромная, его ж в кресле не видно! Все эти размышления, видимо, были на нем написаны крупными буквами, потому что Птаха улыбнулся:

— А что не так? Как против Некроманта с ножом выходить, так он не стесняется, — Птахи не было при том разговоре с Прокси, но он точно повторил его слова. — Ты ведь ушел, чтобы стать Водителем, правда?

— Да, но... я же совсем недавно...

— И что? Как ты мог видеть по Форестеру, никаких испытательных сроков у нас нет. Ну да, права ты получишь в восемнадцать лет, с шестнадцати официально сможешь рулить, когда я рядом, но, сам понимаешь, мне на официальность... — Птаха сделал выразительную паузу. — Пойми ты одну простую вещь: раз ты не сбежал с воплями при нашем знакомстве, ты уже Внешний. А значит, можно все, кроме того, что нельзя. И попробовать себя в управлении точно можно.

Вадик только издал невнятный звук и стал смотреть, как Птаха ведет машину, чтобы хоть немного начать понимать, что тут к чему. Помогало не очень. Ну, руль, ну, как будто прибитая к одному значению стрелка спидометра, ну, еще рычажки торчат. К рычагу коробки передач Птаха не прикасался, и уж тем более не было никаких постоянных рывков, как в аниме рисуют. Вообще создавалось такое впечатление, что «Тахо» едет сама.

— На «механике» действительно есть свои заморочки, и, по-хорошему, начинать учиться надо бы именно с нее, — как бы в пространство сказал Птаха. — Потому что тогда ты сможешь управлять вообще любой машиной, какая повстречается. Но у меня «автомат». Может, потом Некромант тебе и подгонит учебное пособие, а для первого знакомства можно и так. Кто тебя знает, может, ты вслед за Прокси в байкеры подашься.

— Не-е-е, — Вадик замотал головой. — Машину хочу. И чтобы большое и мощное.

— Типа «Камаро», да? — подмигнул Птаха. — Чего глаза прячешь? Хочешь «Камаро» — будет тебе в свое время «Камаро». Уж если Некромант где-то раскапывает аппараты вроде своего линкора — и это раскопает. Вопрос только в том, что дороги в наших краях ты сам видел, не разлетишься. Но если тебе больше нравится в городе — так и кто ж тебе что запретит.

Вадик задумался. Его, конечно, заморозили разноцветные эстакады между небоскребами, и если он действительно сможет сам попадать в тот город — он бы, действительно, ездил туда хоть каждый день. Только не на нижние уровни. И вообще он прекрасно отдавал себе отчет, что его любимая «Камаро» создана для благоустроенных дорог. Но его дом за городом, с Птахой...

— И да, — ответ, как обычно, пришел сам. — То, что я твой Водитель, ни к чему тебя не обязывает. Тундра, вон, чуть не через месяц в свободное плавание ушла, и никаких проблем. Даже не знаю, где ее Водителя носит и жив ли он вообще, там перекасти-поле похлеще самой Тундры. У нас с тобой особые расклады, но, опять же, ты не обязан на всю жизнь прилипнуть ко мне и любить то же, что и я. Даже если мы во многом похожи.

Вадик про себя решил, что все равно никогда и никуда от Птахи не уйдет. Потому что как же можно. Они всегда будут вместе. Потому что они не просто Водитель и Пассажир, они названные братья.

В открытое окно хлестнул дождь. Птаха быстро поднял стекла, чуть прибавил скорость, и они благополучно уехали из-под тучи. Вадик не знал, сколько времени они уже едут, да ему было и неважно. Потому что вот так, как сейчас — правильно. Город вдруг показался

очень маленьким и тесным, ведь машины и придуманы для того, чтобы вот так взять и уехать куда подальше. Дорога была почти пустой, лишь иногда попадались фуры. Птаха ухмылялся все хитрее и вдруг остановил машину на обочине.

— Меняемся. Здесь вроде никто помешать не должен.

— Но... я до педалей-то достану?

— А что бы и не достать? Во-первых, даже с нашего знакомства ты успел вырасти. Во-вторых, кресло двигается. Давай, залезай, под тебя и настрою.

Вадик прекрасно видел, как Птаха регулирует под его небольшой рост положение кресла и наклон спинки, но его не покидало ощущение, что сама «Тахо» приспосабливается под него, впускает его в себя. Огромный салон словно немного сжался, как раз по нему. Птаха подправил центральное зеркало и передал Вадиду ключ.

— Давай, заводи. Так, так, дальше, на этом положении не задерживай, есть!

Что «есть», Вадик понял и сам — двигатель уже привычно заурчал. Казалось бы, простейшее действие, поворот ключа, никаких умений не надо — но от осознания, что сейчас это сделал он сам, голова шла кругом.

— Так. Левую ногу хоть под себя засунь, хотя лучше не надо, в общем, в управлении она не участвует. На педали жмешь правой. Большая педаль — тормоз. Жми до упора, заодно поймешь, правильно ли сидишь — должен доставать. Ага, нормально. Вырастешь — не надо уже будет так к рулю подъезжать. Теперь передача. Давай, давай, смелее, до буквы D. Есть. Тормоз пока держи! Поворотники включаются здесь, дорога вроде пустая, но привычки надо сразу приобретать. Так, защелкало, работает. А теперь аккуратно отпускаешь тормоз и переносишь ногу на газ, без фанатизма, само поедет.

Уже когда Вадик снял ногу с тормоза, «Тахо» медленно двинулась вперед. Словно огромный зверь пробуждался от сна и потягивался. Птаха одобрительно улыбался и показывал знаками «давай, не бойся», и Вадик переставил ногу на педаль газа. Вероятно, резче, чем стоило бы — двигатель взревел, и «Тахо» рванулась вперед.

— Без фанатизма, говорю же. Ладно, сейчас приноровишься. Попробуй посильнее или послабее нажать, сам все увидишь.

Когда «Тахо» наконец ровно, без рывков, набрала скорость, Вадик понял, что ни в какие симуляторы он больше в жизни играть не будет. Там оно, конечно, красочно и многообразно, но никакая красивая картинка не сравнится с ощущением реальных двух тонн металла, подчиняющихся именно ему. Он еще нажал на газ.

— Вошел во вкус? — улыбнулся Птаха. — Так, держи курс точнее, виляешь. Все нормально, первый раз за рулем и я ездил, как пьяный шмель на маковом поле. Так, развилка, держи правее... отлично! А вот дальше идут поселки, так что для первого раза хватит.

По ощущениям, Вадик только-только сел за руль, но, когда он перебрался обратно на пассажирское сиденье, футболка была мокрой, а руки заметно дрожали.

— Это нормально, — сказал Птаха, настраивая кресло и зеркала обратно. — На самом деле, тут как в бою, нельзя зажиматься, иначе не сумеешь среагировать, если вдруг что. Помнишь, как Некромант тебя учил? Кстати, думаю, на стоянках мы с тобой еще попрактикуемся.

Вадик только закивал в ответ, улыбаясь до ушей.

Под Нижним Новгородом они остановились пообедать. У Птахи была с собой и плитка, и запас продуктов, но, по его словам, «пока есть цивилизация — надо пользоваться!». Вадик

ту цивилизацию видал в гробу, но Птаха заверил его, что и обедов, и ночевок в походных условиях впереди еще предостаточно. «И вообще, растущий организм надо кормить полноценно!». Растущий организм, выбравшись из машины, резко осознал, что зверски проголодался, а потому охотно уплет и грибной суп-пюре, и отбивную с картошкой. Только к мороженому (конечно, с ананасами) Вадик откинулся на стуле и стал оглядываться вокруг.

В кафе было не так и мало народа — тоже мне запустение, не без ехидства подумал Вадик. Да-да-да, по трассам никто не ездит, все нормальные люди передвигаются самолетом, чтобы не выглядывать из крытого терминала... А те же дальнобойщики? А другие Внешние? Птаха ведь говорил, что по России их довольно много. Вот интересно, та компания крепких парней у стойки, случайно, не Внешние? Птаха, во всяком случае, поглядывал на них с видом, как будто узнал кого-то знакомого, но не заговаривал. А вскоре они и вовсе ушли. Зато в зал ввалилась целая экскурсионная группа. Вот тебе и выезды только по городу и на пару часов, чтоб не надыхаться отравы! Ребята, впрочем, были постарше Вадика — видимо, уже студенты. Они заняли большой стол по соседству.

— Не, в столицу меня как-то не тянет, — говорил один из них, худощавый черноволосый парень, явно продолжая разговор, начавшийся еще до кафе. — Видел репортажи — воздух хуже, чем в Мехико, мы хоть и третья столица, а у нас и близко такого нет.

— Новости больше слушай, — хмыкнул его сосед, постарше и покрепче, с коротким рыжим ежиком, — тебе там хоть зомби-апокалипсис покажут.

— Зомби не зомби, — включилась девушка в очках, совсем рядом с Вадиком, — а преступность там реально страшная.

— Где ее нет, — не сдавался рыжий, — в любом большом городе беспредела хватает, мы не исключение.

— У нас Внешних нет, — возразил черноволосый. Птаха сделал вид, что ему очень интересна старая афиша на стене. — Ну, по крайней мере, ничего такого не слышно. А там, говорят, все пригороды под их контролем.

— А чего Внешние? — рыжий скептически поднял бровь. — Ну свалил народ за город, ну живет себе в свое удовольствие. Это если про них вообще не выдумывают, а я сильно подозреваю, что так и есть. А то послушать, что рассказывают, так они скоро власть захватят. Хотя, если уж на то пошло, были бы они настолько опасны, их бы давно прищучили. Бензин не продавать — и привет, все сидят по домам и не отвечивают.

— Ты еще поди устрой такую систему, — ответила девушка. — В общем, я не знаю, сколько там правды, а что люди пропадают — это точно. И живым не нашли еще никого, а тела едва опознали.

Вадик вспомнил спокойный голос Птахи: «Не найдут. А тебя не опознают». Нет, они же за несколько сот километров от Москвы, тут никто не может знать, и никто не видел... Птаха произнес одними губами «спокойно» и даже чуть развернулся к соседям, подперев голову рукой. А заодно подозвал официантку и заказал кофе себе и какао Вадиду.

— Так это Внешних вообще должны любить и поддерживать, — подала голос до сих пор молчавшая девушка с двумя косичками. — Это же все всяки можно валить на них, и полиция вся в белом — мол, это страшные загородные беспредельщики, справиться не можем, увеличьте финансирование!

— Если только это не секта, — сказала девушка в очках. — Я слышала как раз такое.

— А расскажи? — оживился черноволосый. — Я городские легенды собираю.

— Так бы сразу и сказал, — фыркнул рыжий. — А то выступал тут...

— Я выступал, что меня в столицу не тянет. Тебя вроде как тоже. Так что там насчет секты? — он развернулся к девушке.

— Ну... понятно, болтают много, скорее всего, чушь собачья, но говорят, что у них действительно сообщество вроде секты. Ритуалы вступления, жесткая иерархия, все такое. Говорят, вообще, что они специально выискивают тех, кого не хватятся, или кто решился на самоубийство. Потому что кто пропадает? Из тех, кого удалось опознать — либо человек перед этим с кем-то поссорился, либо у него кто-то близкий умер. В общем, кто с отчаяния ушел в те края.

— Да в московском Нижнем городе, по-моему, и так только самоубийца может шастать. Особенно если ночью. Там и Внешних не надо, стукнут по башке и поминай как звали.

— Это да, — согласилась девушка. — Но наткнулась я на один блог — там чувак что-то вроде расследования вел. И во всех случаях, где подозревают Внешних, жертва с ними ушла добровольно. Ни следов сопротивления, ничего. Я не знаю, как он это установил, мутно все очень, чуть ли не сам попытался втереться в доверие и чудом ускользнул в последний момент... да не кривись ты! — махнула она рукой на рыжего. — Сама знаю, что белыми нитками шито и что каждый первый журналист так в последний момент ускользает. Хотели городскую легенду — получите городскую легенду. А легенда такова, что Внешние предлагают такому отчаявшемуся отдать им свою душу. Потому что они и сами не совсем люди, а... сами, в общем, понимаете, не маленькие. Поэтому их и поймать не могут и вообще сделать ничего не могут.

— Машины-то, поди, настоящие... — черноволосый говорил несколько неуверенно.

— Ну мало ли, во всяких сказках про сделку с дьяволом тоже все настоящее. В общем, такой вот чувак им, понятное дело, верит, а дальше то ли сам кончает с собой, то ли дает себя убить, в общем, потому и не сопротивляется. А от тела избавиться — уже дело техники, говорят, одного пацана вон под скоростной экспресс сбросили.

Вадик поперхнулся какао.

— Катька, хорош! — мягко упрекнула девушка с косичками. — Вон, ребенка напугала!

«Кто тут еще ребенок», — подумал Вадик, откашливаясь.

— За что купила, за то и продаю, — парировала Катька. — В общем, такое вот слышала. Причем говорят, что хозяйничает-то один и тот же человек — ну, если это вообще человек. Вроде, это, посланника. И у него задача как раз поддерживать такую вот репутацию Внешних — ну и договариваться с очередной жертвой, чтоб пошла с ним, а там уже ее встретят. Байки это все, — добавила она, демонстративно обернувшись к Вадиду.

— Байки байками, — сказал черноволосый, — а реально сейчас человеку психотравму устроишь. Ладно, заканчиваем вечер фольклора, наш обед несут.

Птаха сделал Вадиду знак, что им пора. Они вышли из кафе, отошли за угол, где компания студентов не могла их видеть, и с диким хохотом повалились на траву.

— О черт, такого я еще не слышал, — проговорил Птаха, с трудом переводя дыхание. — Глянь, у меня там какие-нибудь огненные крылья еще не прорезались?

— Клыки разве что, — сквозь смех выдавил из себя Вадик. — Посланник ада, блин! Призрачный гонщик!

— На себя посмотри, проклятая душа! Поехали в следующий круг ада или как?

— А следующий круг ада у нас где?

— Как полагается притону нечисти, в придорожном мотеле! Наметил я тут один,

отдохнем и завтра двинем дальше.

Если Вадик еще и чувствовал некоторое разочарование, что «настоящая дорожная ночевка» откладывается, при виде мотеля оно полностью развеялось. Этот небольшой, всего-то в два этажа, домик вполне мог служить декорацией для какой-нибудь мистики про призраков, просящих их подвезти, после чего водителя никто не видит, или для ужасов про нечисть в гостинице. Нарочито грубоватое оформление, потрескавшаяся штукатурка... Внутри, впрочем, было светло и уютно, и Птаха даже заказал чай в номер. А ночью хлынул дождь, и спалось после дороги просто отлично.

Вадику казалось, что они едут уже много дней. Он напрочь сбился со счета времени и просто верил Птахе на слово, когда тот говорил, что пора пообедать или переночевать. Сам он, наверное, и не вспомнил бы — как будто все потребности появлялись только с выходом из машины. Потому что, пока под колеса «Тахо» ложилась трасса, не было больше ничего. Мелькали леса, поля, холмы, равнины, мосты, города — скучные карты и исторические факты обретали реальность. Вадику даже становилось неловко, что он так мало знает — Птаха мог рассказать почти про все, что они проезжали. Хотя, прямо скажем, на отличника походил меньше всего на свете. «В школе я учился довольно хреново, — подмигивал Птаха. — Да, в общем, та школа слова доброго не стоит. А вернемся — мы с Прокси тебе и книжек, и онлайн-курсов подгоним, вникай во что хочешь сколько хочешь. А по гуманитарным наукам вон к Форестеру на стажировку сдадим». И снова дорога ложилась под колеса, и хотелось только, чтобы это не кончалось никогда.

Но «Тахо» останавливалась — для заправки или просто так. Птаха мог вести без перерыва очень долго, но и его силам был предел, как и бензобаку машины. На заправках они особо не задерживались, тем более что такие, чтоб с кафе, попадались редко. Чем дальше, тем чаще Птаха останавливал машину просто в понравившемся месте и объявлял, что пора перекусить или устраиваться на ночь, и Вадик резко осознавал, что давно уже голоден как пять волков или откровенно клюет носом. Птаха сдержал обещание — они не раз и не два готовили обед на походной плитке и ночевали прямо в машине, положив спальные на пол огромного багажника. У Вадика была привычка раскидываться во сне, что твоя морская звезда, и он немного смущался, не помешает ли Птахе, но тот со смехом заверил, что Вадик может устраиваться хоть поперек, все равно поместится. А потом наступало утро, и Птаха ставил на плитку небольшой плоский чайник, и они сидели в машине или рядом и завтракали бутербродами, и никакие деликатесы из бизнес-центра, куда Вадика затащил Прокси, не могли с ними сравниться. А дальше — опять дорога, сменяющиеся пейзажи и полное счастье.

А еще, как и обещал Птаха, на стоянках они продолжали тренировки. «Чтобы не отсидеть себе все на свете». Хотя Вадик искренне не мог понять, как кто-то вообще может уставать от путешествия на машине — на пассажирском сиденье «Тахо» ему было удобнее, чем во всех мягких креслах мира. Это вам не Прокси с его мотоциклом! Да и там Вадик в конце концов привык, но на дальнейшее расстояние, пожалуй, все-таки не рискнул бы. Но тренировок действительно не хватало — Вадик с удивлением обнаружил, что он, не самый спортивный на свете парень, реально без них скучает. Потому что спорт тут, по большому счету, ни при чем. Он потому в секции Макса и закис, что все это было очень условно — он, конечно, отдавал себе отчет, что разные киношные выкрутасы не имеют отношения к самообороне, но и вежливые танцы вокруг партнера к ней точно так же не имели отношения. Реальность показала этому цену раньше и жестче, чем хотелось бы. Сейчас Вадик прекрасно осознавал, для чего учиться владеть ножом. Собственно, это ему первое время и мешало спарринговать с Птахой. Но, действительно, Некромант был прав — на тренировке это не Птаха, это условный оппонент Птахиных параметров. И оппонент очень непростой — Вадик не переставал удивляться, как при своих габаритах Птаха ухитряется быть настолько быстрым.

— А потому что я не трачу силы на выпендрож, — усмехался Птаха. — Некромант, кстати, тоже... когда все по-настоящему. Ты его тогда и заметить не успеешь. Я и то не факт.

Вадик чуть поежился, вспомнив торжествующую улыбку (точнее, оскал) Некроманта. Птаха заметил и быстро добавил:

— Но мы сейчас обо мне. Смотри, чего мне какие-то резкие движения делать, если оппонент разогнался что твой экспресс и точно не успеет изменить траекторию? Только и надо, что в нужный момент шагнуть в сторону, да просто развернуться — все, оппонента унесло мимо, у меня полная свобода действий. На долю секунды, но мне хватит, — и снова ухмылка плохого парня с постера боевика.

— На самом деле, это и моя проблема тоже, — немного помолчав, добавил Птаха. — Другой вопрос, что мало кто будет стоять и смотреть, как на него прет такой громила, а на расстоянии я, даже если меня понесло, успею среагировать. Но лансеровский Пассажир меня на этом практически поймал.

Вадик невольно зажмурился, вспомнив тот бросок со спины.

— Да уж... а я даже заорать не успел.

— И правильно, только отвлек бы. Я, как видишь, все еще тут, а он, как видишь, нет.

— Да уж... — повторил Вадик. То, что осталось от того «красавчика», он вряд ли когда-нибудь забудет. Но странное дело — сейчас он думал об этом почти спокойно. В конце концов, действительно же сам напросился.

— А задатки у парня были неплохие... — задумчиво проговорил Птаха, уже скорее самому себе, чем Вадiku. — Да и у самого Лансера тоже. Я же его знал, пусть и не очень близко. Мог бы, как я, защищать Внешних — нет же, предпочел натащить крыс. Или им действительно втемяшилось проверить ту сказку про связь Внешнего с машиной. Ну что... допроверялись.

Его лицо ожесточилось. Сейчас это был тот же Птаха, что и тогда, в Нижнем городе. Но почти сразу же он хитро подмигнул:

— А сейчас я тебе покажу, как правильно действовать на месте того красавчика. Он атаковал очень грамотно, да, видно, от злости рука дрогнула. А ты, как мне рассказывал Некромант, со злости только точнее бьешь. Сможешь?

Вадик серьезно задумался. Представлять Птаху «условным противником» он уже научился. Но вот чтобы прямо врагом? Хотелось, как в том разговоре с Некромантом, зажмуриться, замотать головой и крикнуть «Никогда!». Вадик вздрогнул: Птаха, точно как тогда Некромант, запустил ему руку в волосы, заставляя взглянуть себе в лицо.

— С Некромантом вы тоже не враги, — проговорил Птаха. — Не то чтобы тебе это мешало. Давай. Меня здесь нет.

Вадик глубоко вздохнул. Ведь и правда — к Некроманту он никакой вражды и близко не испытывал. Ну, побаивался поначалу, так Некромант располагает, и вообще это быстро прошло. И никакие уважение с симпатией не помешали разозлиться на той тренировке, когда их снимал Форестер. Вадик мысленно хлопнул себя по лбу — он же не на Некроманта злился, а на себя самого! Что при свидетелях допускает промахи. Интересно, а можно разозлиться на невозможность разозлиться? Ему стало смешно, но в то же время где-то внутри появился знакомый азарт «а вот смогу!». Так, финал атаки «красавчика» он не видел, но саму ее помнил отлично... Первую попытку Птаха отбил, даже не отходя в сторону. Вот теперь Вадика разбирало по-настоящему. Обход, бросок, удар — мимо! — хотя бы ушел от контратаки, уже хорошо, но мало! Обход, бросок... «Есть!» — торжествующе заорал Вадик.

Птаха лишь показал одобрительный жест и отправил Вадика переодеваться — его футболка была мокрой насквозь, а ехали они обычно с открытыми окнами.

Снова и снова леса сменялись полями, холмы — равнинами, попадались реки, дачные поселки и города. Казалось бы, Вадика, выросшему в Верхнем городе и до недавнего времени видевшему природу в основном на фотографиях — не считать же за природу их парк под крышей! — все это было на одно лицо. Но он ясно видел, как ландшафт постепенно меняется, хотя и сам не мог бы сформулировать, в чем эта перемена. Птаха показывал ему карту — вроде бы и сильно на север или на юг они не сдвигались, но вокруг были совершенно точно не такие пейзажи, и на стоянках Вадик хватался за блокнот и маркеры не реже, чем за тренировочный нож. А в движении — за телефон с камерой, хотя наблюдать самому все-таки было в сто раз интереснее. Географию Вадик потому и слушал вполуха, что все это было предельной условностью — ну есть эти реки и горы, и что, кто-то туда собирается? Считалось ведь, что за пределами города с воздухом все еще хуже. А вот он был тот самый Нижний Новгород, та самая Волга, и они миновали тот самый Урал и ехали по той самой Сибири. Учебник внезапно ожил и оказался очень крутым. В очередном мотеле, где был неплохой интернет, Птаха подсказал, где скачать пару интересных книг, и Вадик, удивляясь сам себе, полночи читал про природные зоны. А еще они видели настоящую лису! Она оказалась неожиданно маленькой и худой, если бы не хвост, сошла бы за мелкую дворнягу. А над дорогой не раз и не два кружили ястребы. Птаха был прав — пока города жили своей жизнью, запаковываясь в жилые комплексы или просто по мере сил отплевываясь от смога и пыли, остальной стране до них, похоже, было крайне мало дела.

Однажды — Вадик окончательно перестал интересоваться счетом дней, хотя при желании, конечно, мог бы выяснить по календарю на телефоне — они сделали остановку там, где к трассе примыкал обычный многоэтажный городской район. Судя по карте, это была Тюмень. И снова никаких наглухо задраенных окон и крытых переходов между домами. Птаха предложил немного пройтись — размять ноги. Вадик, как всегда, совершенно не чувствовал себя уставшим от дороги, но уже давно понял, что Птахе виднее. Действительно, стоило остановиться — и оказалось, что он и правда отсидел все на свете. И даже слегка соскучился по городским пейзажам — природа вдоль трассы, конечно, была неописуемо красивой, но в этих многоэтажках тоже определенно что-то было. Хотя, казалось бы, простые очертания, серые или кирпично-красные стены... А потом они прошли немного вглубь района, и Вадик удивленно присвистнул: там был пруд, и в него даже кто-то залез купаться. И вроде как не растворился и ни во что не мутировал, хотя, по некоторым мнениям, именно это и ждало любого, кто сунется в городской водоем.

Неподалеку от пруда стояли две фуры. Водитель одной из них, белой «Скании», как раз выбрался из кабины. Типичный дальнбойщик — невысокий, коренастый, загорелый, одет в потрепанную клетчатую рубашку и армейские штаны. Внезапно Птаха просиял совершенно детской улыбкой и кинулся к нему обниматься. Только сейчас Вадик понял, что водитель «Скании» — женщина. Надо же, он всегда считал себя наблюдательным (хотя Прокси все же удалось сбить его с толку, но это Прокси). Впрочем, она действительно выглядела и одевалась так, что издали от мужчины не отличить — крепкое сложение, крупные руки, грубоватые черты лица, светлые волосы подстрижены коротко и не слишком аккуратно. Пожалуй, ее можно было назвать некрасивой, если бы не внимательные серые глаза и обаятельная улыбка.

— Анна! — радостно воскликнул Птаха. Так вот она, значит, какая. — Что ж ты даже не

сказала, когда у нас была?

— Привет, Леш, привет, — Анна совершенно материнским жестом погладила Птаху по голове. Как еще дотянулась, он намного выше... — «Была» — это сильно сказано, так, мимо просвистела, ты сам тогда где-то пропал. Сам понимаешь, жизнь дорожная... Но до завтра я отсюда не сдвинусь.

Ее голос был низким и хриловатым, но явно женским, не то что Прокси с его неопределяемым тембром. Птаху жестом подозвал Вадика:

— Знакомься. Я взял Пассажира.

— О, вот это ты молодец, — улыбнулась Анна. — На тебя же смотреть сил моих не было. Привет, я Анна. Прозваний ваших, уж извини, не использую.

— Вадик, — он протянул руку. Анна ответила по-мужски крепко. — А меня пока и не прозвали никак. Некромант... в смысле, Кир, Энакином называет.

— Ты лучше, — убежденно заявила Анна. — Вы, собственно, откуда и куда?

— Откуда — и так понятно, — усмехнулся Птаху. — А едем на Байкал. Юлька, Тундра которая, в гости зовет.

— А, знаю ее, знаю. Привет передавайте. Торопитесь?

— Нет, думаю, до завтра точно так же не сдвинемся.

— Вот и здорово! — Анна расцвела улыбкой, и теперь Вадик удивлялся, как он мог счесть ее некрасивой. Ну да, не модель, ясное дело, да и к черту этих моделей силиконовых. Зато очень даже симпатичная.

Оставив Вадика любоваться прудом и делать зарисовки, Птаху с Анной отправились в магазин, и вскоре на берегу образовался отличный пикник. Вадик сидел прямо на траве, хрустел большим пакетом чипсов и был совершенно счастлив. А Анна ворчала, что есть надо нормальную еду, но как-то очень по-доброму. И вообще, хоть Вадик явно годился ей в сыновья, она не пыталась его воспитывать, как большинство взрослых, с кем ему приходилось общаться до ухода к Внешним. Как будто он... ну не то что равный, он все-таки еще Пассажир, но кто-то почти такой же, как она. И точно такой же, как Птаху. Он и сам словно стал выглядеть младше рядом с ней. Во всяком случае, он рассказывал ей историю своего знакомства с Вадиком совершенно так же, как сам Вадик когда-то рассказывал родителям что-то интересное — только вот Анна ничего не называла ерундой и не переводила тему. Она слушала, понимающе кивала и иногда все тем же жестом гладила Птаху по голове — теперь, когда он сидел рядом с ней, это было проще.

— Молодец ты, Лешка, — повторила она. — И что справился, и что Вадика вытащил. Я за тебя очень боялась. С тебя ж станется, с этим вашим... ликвидатором. Ух, дала бы... да не допрыгну! — она на секунду нахмурилась и тут же звонко рассмеялась.

Вадик смотрел на смеющуюся Анну и с трудом мог уложить в голове, что это она когда-то разогнала тех, кто едва не убил Птаху. Но ведь действительно — она дальнбойщик, в дороге случается всякое, и в ее повадках чувствовалась неженская сила. Да что сила... если Птаху, такой взрослый и такой крутой, смотрит на нее совсем как мальчишка вроде самого Вадика, тут не в силе дело. Как она сверкнула глазами, говоря «ух, дала бы...» — в это верилось. Даже несмотря на то, что речь шла, ни много ни мало, о Некроманте. Вадик снова вспомнил слова Птаху «я бы, наверное, уже к тебе пришел», и ему стало неудобно. По счастью, Анна сама же и не дала ему думать эту мысль дальше:

— А расскажи, ты-то как дошел до жизни такой? Интересно же познакомиться, Лешку я много лет знаю, а тебя вот вижу первый раз. Хотя, не знала бы, так подумала бы, что братья

— похож ты на него стал.

Вадик задрал нос. Хотя до сих пор он был уверен, что общего у них с Птахой разве что светлые волосы. Анна, видимо, уловила его сомнения.

— Похож, похож. Тут не в физиономии, знаешь ли, дело. Одеваетесь, вон, одинаково, повадки общие — ну, в общем, чего и ожидать. Так откуда ты-то на него свалился?

— Вот именно что свалился, — засмеялся Вадик. Вот удивительно — при Анне было как-то совсем не страшно и не муторно все это вспоминать. Словно и не с ним все происходило. И Анна так же внимательно слушала его и так же, как Птаху, гладила по голове, и от нее это не было стыдно или неловко, а вообще как будто так и должно быть. А Вадик уже рассказывал о поездках с Птахой и Прокси, и о городе с эстакадами, и о том, как боялся глухой темноты внизу...

— Я, пока жива была, тоже боялась, — усмехнулась Анна. Вадик недоуменно взглянул на нее, и она махнула рукой: — Шучу. Сам понимаешь, еще и не в таких местах приходилось бывать. Ну, за себя я постоять умею, а народ там обычно трусливый, раз шуганешь — уже не сунутся, если только числом побольше.

— Крысы, одно слово, — процедил сквозь зубы Птах. Анна только кивнула.

Солнце садилось, и от воды стало тянуть холодом. Вадик сбегал к «Тахо» за флиской.

— Может, в кафешку переберемся? — Птах кивнул на пристройку к одному из домов.

— Столовок я не видела! — фыркнула Анна. — Давайте ко мне в гнездо, у меня термос с чаем есть.

Они забрались в кабину «Скании», и Вадик изумленно охнул — настоящий дом на колесах! Огромный руль, пассажирское сиденье — как небольшой диванчик, а сзади вполне помещалась койка, где мог удобно расположиться и кто-то покрупнее невысокой Анны. Словом, они втроем уселись вполне комфортно. Анна достала термос и металлические кружки, разлила по ним чай, пахнувший мятой, и вручила Вадиду огромную шоколадную конфету. «Ну я маленький, что ли, чтобы мне конфетки давать?». Но мысль мелькнула и ушла — стесняться Анну было совершенно невозможно. И конфета была очень вкусная.

Термос казался бесконечным, чай в нем был крепким, но Вадика начинало клонить в сон. Ему уже даже стало что-то сниться, когда он услышал тихий голос Птахи:

— Устал я, Анна. Чертовски устал.

— Стукну, — парировала Анна. — Сам знаешь, рука у меня тяжелая.

— Знаю, — Птах невесело усмехнулся. — Но и ты знаешь.

— Удавлю обоих. И тебя, и Кира. Только попробуй мне.

Весь сон у Вадика мгновенно пропал. Но он не открывал глаз, понимая, что этот разговор происходит только потому, что они думают — он не слышит. Но это как понимать вообще? Точнее, он прекрасно знал, как это понимать, но не хотел об этом думать. А он как же, в конце концов?

— А мелкий твой как же? — эхом его мыслей спросила Анна. — Уж если он на тебя свалился — так было надо.

— Знаю, — повторил Птах. — Все знаю. И, конечно, я его выращу и выведу на дорогу. И ты права, я действительно ожил, когда его взял Пассажиром. Видишь, опять по трассе мотаюсь, все как раньше. Мне и самому часто кажется, что все как раньше. Но, видишь, накрывает иногда.

Сквозь полуприкрытые веки Вадик видел, как Анна под села ближе к Птахе, низко уронившему голову, и взяла его за руку.

— Я все понимаю, Леш, — мягко сказала она. — Когда Серега тогда не вернулся, у меня одно желание было — лечь и помереть. Или просто напрямик с обрыва, я же на Кавказе как раз была. Но знаешь... я родилась в дороге и умереть могу только в дороге. Самой — нельзя. Вот такое у меня убеждение. Ни во что не верю, сам знаешь, а в дорогу вот верю. И ведь сбылось. Дорога меня забрала.

Вадик с трудом сдержался, чтобы не замотать головой и не воскликнуть «ничего не понимаю!». Анна говорила как-то так... словно ее уже нет в живых. Но вот же она! Он как будто до сих пор чувствовал ее теплую жесткую руку на своей макушке. Хотя она же Внешняя... наверное, и она в свое время исчезла для прежних знакомых?

— Ты как-то говорил, что я Внешняя до Внешних, — продолжала Анна. — Я не знаю, как оно у вас всех получается, а я однажды просто поняла, что вот она — моя дорога, и она приведет меня куда надо. И привела — к Сереге, к вам вот всем. И тебя приведет. Обязательно. Но только в свое время. А пока, — она чуть повысила голос, — живи себе, балбес! У тебя, вон, брательник мелкий, и ты ему — свет в окошке! Сам говоришь — ожил. Вот и нечего тут! В конце концов, на твою долю еще гопников непуганых много осталось.

— И то правда, — хмыкнул Птаха. Анна отвесила ему несильный подзатыльник:

— То-то же! А пока забирай своего мелкого и валите спать, втроем мы тут, боюсь, не разместимся. Нам с тобой обоим завтра за руль, выспаться надо.

Вадик сделал вид, что до сих пор спал и только что проснулся. Птаха подозрительно взглянул на него, но спрашивать ни о чем не стал. Впрочем, Вадик ведь и так знал всю эту историю... Выбраться из «Скании» его еще хватило, но до «Тахо» он дошел уже в полусне. Какой она казалась маленькой рядом с огромной фурой... И все-таки, о каком «своем времени» говорила Анна? Неужели когда-то... нет, даже и представлять не хочется. С этой мыслью Вадик кое-как забрался в спальник и заснул окончательно.

Наутро (хотя это утро было скорее днем) «Скании» возле пруда не было. Вадик даже задумался, не приснилось ли ему все это. Но в кармане флиски нашелся фантик от той большущей конфеты, которой его угостила Анна, среди припасов — вчерашние покупки, а самое главное — в голове до сих пор сидел тот разговор в кабине. Что Анна имела в виду? Она говорила, что дорога привела ее к Сереге — муж ее, надо полагать, по которому она горевала, когда он пропал. Ну, значит, потом нашелся, всякое же бывает, Вадик вон как-то видел по телеку сюжет про парня, который получил по голове и не помнил, кто он такой, а его все искали. Потом то ли нашли, то ли он сам наконец все вспомнил и дал о себе знать, в общем, все хорошо кончилось. А ведь был еще всякий Кавказ, Анна вон упоминала, что бывала там — может, она застала и те времена, когда там война была? Лет-то ей явно уже немало. Тогда много народа пропало, может, и ее Серега тоже. А потом нашелся. Все логично. Но куда в таком случае та же самая дорога должна привести Птаху? Ведь его брат погиб, он сам рассказывал... Несмотря на теплый день, Вадику стало холодно.

— Анна — убежденный фаталист, — проговорил Птаху словно бы сам себе. — Она верит в судьбу и в то, что с каждым все получится именно так, как должно быть. И у нее, в общем, на это все основания. И мне она всегда говорила — «живи, балбес, дорога сама рассудит». Кажется, уже рассудила, — он улыбнулся Вадику.

— А что же Анна говорила насчет «в свое время»... — Вадик осекся, поняв, что проболтался. Птаху нарочито грозно сдвинул брови:

— А ты нас, выходит, подслушивал? Ну, конспиратор, даже я ничего не заметил! Ладно тебе глаза прятать, ты и так, в общем, все знаешь, я же тебе еще зимой рассказывал. Анна считает, что все мы на дороге зачем-то нужны, а когда наша роль закончится — мы сами это пойдем. А раз мы все еще здесь — она не закончилась.

— И не хочу, чтобы кончалась, — пробормотал Вадик. Птаху взглянул ему в глаза:

— Знаешь... с некоторых пор я, пожалуй, тоже. С тех самых, как мне подвернулся один пацан из Верхнего города. Настроения бывают... всякие, но я рад, что тебя нашел.

Вадик задержал на нем взгляд. Слишком ясно он помнил эту склоненную голову и глухой голос: «Устал я, Анна. Чертовски устал». Но сейчас, при свете дня, Птаху снова был самим собой. Действительно, настроения еще и не такие бывают — он ведь и сам когда-то думал, что уж лучше насмерть замерзнуть, чем возвращаться. Это же не значит, что ему реально жить не хотелось. А Птаху уже снова улыбался и планировал маршрут на день, и Вадик успокоился окончательно.

И снова была дорога, тренировочные поединки во время остановок и попытки Вадика вести машину — кажется, у него стало получаться ровнее держать курс и набирать скорость. Здесь, посреди Сибири, ему досталось сколько угодно привалов без всякой цивилизации — а где она и была, с ней не всегда стоило связываться. Однажды к ним принесло пару каких-то мутных личностей, но Птаху просто шагнул навстречу, выразительно щелкнув складным ножом, и желание общаться у них резко пропало.

— Ничего себе! — восхитился Вадик, когда личности исчезли из поля зрения. Птаху ответил привычной ухмылкой «плохого парня»:

— И не таких гонял. Видишь ли, у меня есть одно принципиальное отличие от этих ребят. Они, даже если носят ножи, в основном пугают. Я свой готов пустить в ход. Обычно

такие деятели это чувствуют. А когда нет... — он размял пальцы. И Вадику стало даже немного жаль, что его умений пока не хватает, чтобы вот так встать рядом с Птахой.

Тундра предложила им встретиться в Иркутске: «Заблудиться по дороге негде, но я хочу последний участок ехать вместе!». Ее синий пикап стоял у рок-магазина и был, пожалуй, заметнее, чем это красное здание, поскольку едва ли не выше. Сама Тундра болтала с несколькими парнями на мотоциклах, но, заметив «Тахо», быстро откланялась (в самом буквальном смысле — сложила ладони и поклонилась) и кинулась здороваться.

— Птаха, привет! Вадик, ничего себе вырос! Вы как, живы еще?

— И это говорит человек, который мотается в Москву чисто на выходные! — рассмеялся Птаха. — Живы, куда мы денемся. Точнее, кто бы попробовал помешать.

Тундра только расхохоталась в ответ:

— Ну да, чего от тебя ожидать! Но вообще это я к тому, что перекусывать будем или сразу двинем? Тут говорить не о чем, шестьдесят километров и мы на месте! Да ты сам знаешь.

— Ты как? — обернулся Птаха к Вадику. Тот жестом показал, что все в порядке. Но Тундра сделала знак подождать и нырнула в недра пикапа. Один из байкеров одобрительно присвистнул. Вадик отлично его понимал — он успел забыть, с какой ловкостью маленькая Тундра обращается со своей огромной машиной.

— Вот, — Тундра прыгнула обратно, прижимая к груди сверток. — Я почему здесь место назначала — хотела вам что-нибудь присмотреть. Во-первых, вернетесь — передайте Прокси!

Она выдернула из свертка черный балахон с капюшоном. Вадик различил надпись «Linkin Park».

— Я же знаю, что он фанат. Эх, всех бы вас сюда вытащить, но Прокси почему-то не любит далеко ездить, а жаль. Так что хоть от меня привет передадите, а то я не знаю, когда опять к вам соберусь. Я по вам скучаю!

— Что, и по Некроманту тоже? — хмыкнул Птаха. Тундра только фыркнула:

— А что, Некромант не человек, что ли? Ну да, стремный он временами, но все равно свой. Кстати, для него тоже кое-что есть, — она вытащила флэшку. — Я в этом его адском блэке не разбираюсь, но ребята вон подогнали. Демо-записи, редкие клипы, концертники, в общем, вдруг у него такого в коллекции нет.

— Конечно, нет, концертник я лично на фестивале в Германии снимал! — подал голос один из байкеров.

— Вот, — гордо улыбнулась Тундра, как будто сама устроила тот фестиваль и присутствие там того байкера. — А это вам! Птаха, я честно самый большой размер нашла!

Из свертка появились две одинаковых футболки с бульдогом в наушниках, только одна чуть не в два раза больше.

— Спасибо, — Птаха обнял Тундру, та вывернулась с воплем «удавишь же!». — Ну что, поехали?

— Синий кит и белый кит! — крикнул вслед кто-то из байкеров, когда «Тахо» тронулась вслед за «Тойотой». Ну да, примерно так это и выглядело. Вадик обнаружил, что за время пути как-то отвык от городских масштабов — улицы казались какими-то маленькими и чересчур забитыми, и поворачивать приходилось уж очень часто. Но вот город остался позади, и дорога пошла нырять между холмами — конечно, не так лихо, как на эстакадах с Прокси, но Вадик все равно чувствовал себя на огромном аттракционе, тем более

что на спусках Птаха — он сам сказал — регулярно отпускал педали, предоставляя машине катиться под собственным весом.

Вадик, конечно, раньше видел Байкал на фотографиях — и в учебниках, и во всяких фотоподборках с красотами природы, хотя такое он смотрел редко. Все равно, рассуждал он, или этих красот уже давно нет, или туда не попасть. Но вода Байкала была именно такой прозрачной, как на всех снимках. Хотя нет, снимки не могут это передать. А далеко на другом берегу высились горы. Оказывается, они и правда синие. А потом они подъехали к самому берегу, и мысли кончились — Вадик просто замер в пассажирском кресле. Птаха тоже молчал, любуясь огромным озером — нет, назвать его морем было бы точнее, пусть другой берег и виден. «И юные боги, склонившись перед ним, назвали его Старшим...» — пришли на ум слова из сказки Тундры. Вадик впервые видел что-то настолько огромное и древнее. Он не мог бы объяснить, но он чувствовал, насколько Байкал невероятно стар. Все тысячелетия его существования были здесь. А отель и дома на берегу — это так, ненадолго прилепилось.

— Завтра отправимся в плавание, — ворвался в его мысли голос Тундры. — Я договорилась, нас будут ждать. А пока давайте размещаться! Когда вы последний раз под крышей ночевали?

— Не помню, — честно сказал Вадик. Кажется, это был мотель под Нижним... или потом было еще что-то? Он даже не мог вспомнить, какого числа они уехали из дома. Тундра рассмеялась над его замешательством, но от нее это было совершенно не обидно.

Подмосковный дом Тундры Вадик не видел — даже когда там гостил Форестер, они встречались в гаражах или поблизости. А байкальский был похож на жилище шамана, даже несмотря на кирпичные стены и современную технику, потому что все было увешано разноцветными ковриками, «ловцами снов», костяными и деревянными украшениями, мозаичными фонариками, меховыми хвостами и невесть чем еще. А пахло в доме травами и ягодами.

— Ванная там, — объясняла Тундра, — гостевая спальня за ней. Вам явно надо ополоснуться с дороги, а я пока чаю сделаю. Да, стиральная машина в ванной, кидайте все туда. Располагайтесь!

Первое, что Вадик услышал, когда вылез из ванной, вытирая мокрые волосы — по ощущениям, они за одну эту поездку отросли раза в полтора, одного полотенца оказалось недостаточно! — уже знакомые звуки варгана. Это было даже к лучшему, потому что среди многоцветной обстановки он пока ориентировался с трудом. Тундра сидела прямо на полу, где вместо ковра лежала пушистая шкура неизвестного зверя, и уже успела сменить дорожные джинсы на платье, а может, просто длинную тунику с бисерной вышивкой. Перед ней стоял низенький столик, немногим больше того, что был у Форестера, а на нем — прозрачный чайник, в котором плавала пара цветков клевера, какие-то листья и кусочки чего-то похожего на губку.

— Волшебные грибочки, — подмигнула Тундра, откладывая варган. — Не пугайся, это чага. На березах такой противный серый гриб растет. Но чай из него вкусный.

Вадик только моргнул. Он не так давно привык, что чай бывает рассыпной, потом Форестер вывалил на него информацию о шести расцветках, так теперь еще и чай из гриба! Впрочем, это же Тундра. От человека, который своим варганом может выманить Некроманта из логова, можно ожидать чего угодно.

— Не бойся, не отравлю и в Верхний мир не закину, — рассмеялась Тундра. Вадик

только фыркнул в ответ и не без опаски попробовал чай. Действительно, оказалось очень вкусно! Не сказала бы Тундра, что из гриба, так ничего и не заподозрил бы. Тут из ванной вылез Птаха и, ничего не спрашивая и не удивляясь, охотно выпил чай. Ну правильно, он Тундру давно знает, наверное, она такое привозила...

— Надо будет у нас чагу поискать, — задумчиво проговорил он. — Леса-то есть.

Вадик удивленно покосился на него. Нет, ему уже было понятно, что мир за чертой города более чем живой, но так близко к столице?

— Бабку с яблоками помнишь? — подмигнул Птаха. — А она еще ближе к городу живет, чем мы. И ничего.

Тундра заинтересовалась, что за бабка с яблоками, и Птаха стал рассказывать про их поездку в город. Вадик отметил, что ни про какую смену реальностей он не говорит. То ли это само собой разумеется, то ли Птаха был прав и для Тундры — как, видимо, и для Форестера — существует только одна версия реальности. Надо же, ему уже думалось об этом как о чем-то странном. Интересно, а вот Иркутск или Тюмень так же меняются? Задумавшись, Вадик не очень следил за рассказом Птахи и очнулся только на фразе:

— И все бы хорошо, но вынесло меня на лансеровского Пассажира.

— И? — чуть испуганно спросила Тундра.

— И нет больше того Пассажира, — мрачно усмехнулся Птаха. Тундра поежилась:

— Никогда я вас с Некромантом не пойму. Оно вам надо?

— Оно нас само находит. Тот деятель на меня с ножом кинулся, так что все просто — или он, или я. Ты вон тоже во Внешние ушла не в самых спокойных обстоятельствах.

— Ну было дело, — Тундру явственно передернуло. — Но я им зла не желаю. Я не умею... так.

— И не надо, — проникновенно сказал Птаха. — Должен же быть хоть кто-то, у кого все просто и спокойно. Вроде Форестера или вот тебя.

Птаха выразился точно так же, как о Форестере говорил Некромант. Тундра засмеялась — немного натянуто, но явно с радостью, что ушли от опасной темы:

— Ну так затем я и есть! Форестер клевый, жаль, не совпали в этот раз, ну ничего, еще соберусь в его совиное гнездо и еще сов привезу! О, кстати, а вы ведь мои камушки еще не видели!

Она метнулась куда-то в соседнюю комнату — только украшения в волосах звякнули — и вернулась с большой шкатулкой. Там лежала обычная обкатанная водой галька, только вот каждому камню с помощью пары штрихов были приданы очертания какого-нибудь животного. В основном были нерпы и совы — округлая форма камней обязывала — но Вадик обнаружил смешного толстого кролика с опущенными ушами. Тундра решительно сказала «твой» и вручила этот камень ему. Вадик решил, пока они на Байкале, пособирать гальку и выяснить у Тундры технологию. А кролика аккуратно убрал в рюкзак.

— С обедом помочь? — спросил Птаха, когда Тундра направилась на кухню. Та замотала головой:

— Нет-нет-нет! Я знаю, что ты классно готовишь, но вы мои гости, а гостей надо кормить, любить и окружать заботой. Вот! И вообще у меня на самом деле все готово.

— Хороший у тебя дом, Тундра, — сказал за обедом Птаха, оглядываясь вокруг.

— Спасибо нашим нервным журналистам, — хихикнула Тундра. — Вокруг Москвы, если их послушать, так вообще давно выжженная пустыня, но ведь и про Байкал чего только не плетут! И завод тут отравил все на свете, и что-то где-то еще фонит и излучает, и вообще

скоро глубоководные монстры полезут. В итоге народ и правда перепугался и стал отползать в города, а у меня были кое-какие накопления, взяла старый домик за бесценок, а местные Внешние помогли с отделкой. Хотя я не удивлюсь, если та бабка рассказывает, что к ней на порог явились страшные беспредельщики, и она чудом спаслась бегством в Иркутск, — Тундра снова прыснула, но Птаха не смеялся.

— Хотя, конечно, странно оно все, — проговорила Тундра уже серьезнее. — Казалось бы, посмотри вокруг да убедись, что не так все плохо. Нет, надо себе придумать страшную сказку, поверить в нее и так и жить. Хотя что логичнее — что из чистого с виду озера лезут невидимые страшные эманации, — она поводила руками, изображая лезущие щупальца, — или что всем хочется просмотров и аудитории, поэтому наплетут любую чушь? Нет, верят в эманации. Я же почему свалила — сил моих больше не было смотреть, как драгоценное семейство готово в ясный день считать, что за окном буря, если так из телевизора сказали. С каким скандалом я на первый фест выбиралась! Конечно, меня прямо за порогом должны были похитить, изнасиловать, убить и съесть, в любом порядке. Сбежала чуть не в окно. Казалось бы, вот она я, вернулась живая и довольная — можно головой подумать? Нет, к следующему концерту та же песня, там всегда и всех грабят и насилюют, ага. Так что не думаю, что меня хоть кто-то искал.

Тундра задумалась, а потом необычно резко рубанула ладонью по воздуху:

— Ой, ну их всех. Сама не знаю, чего меня так разобрало. Дело прошлое. Они там пускай себе дальше телек смотрят, а я живу и живу, и у меня в гостях классные ребята. Шоколадный рулет хотите?

Вечером Птаха вытащил Вадика во двор тренироваться. Тундра выбралась посмотреть, смеясь, что они точно распугают всех оставшихся бабок, и через пару дней пойдут рассказы, как здесь кого-то зверски прирезали, и даже не один раз.

— Разумеется, — без тени улыбки пожал плечами Птаха. — Мне не привыкать.

Вадик фыркнул, вспомнив разговор в кафе под Нижним Новгородом. Но пришлось быстро собраться с мыслями — даже после дороги Птаха скидок не делал. Вадик с удивлением поймал себя на том, что нужный настрой стал приходить очень быстро. То ли от того, что в этот раз за ними наблюдала Тундра, а позориться при ней не хотелось, то ли просто какой-никакой опыт уже набрался, но смущения он больше не испытывал. Задумавшись об этом, он пропустил удар и разозлился уже именно так, как надо. Птаха лишь одобрительно улыбался.

— Жестко вы, — присвистнула Тундра. Птаха снова пожал плечами:

— Вот этого юношу взялся тренировать Некромант, еще вопросы?

— Никаких! — Тундра даже демонстративно заслонила руками. — Но... так рано?

— Выбирать не пришлось, — ухмыльнулся Птаха. — Я же рассказывал, как нарвался на лансеровского Пассажира. Он это видел. И сам захотел учиться.

— Ну вы даете, — вздохнула Тундра. — А это... вам не мешает, что вы Водитель и Пассажир? И вообще вроде как побратимы?

— Сначала мешало, — честно признался Вадик. — Я вообще с Птахой не мог. А теперь... мне с ним даже проще. Технически, — быстро поправился он.

— А с этого места поподробнее! — Птаха заинтересованно поднял бровь.

— Ну... я даже не знаю, как объяснить. Я против тебя все равно пока мало что могу, но как от тебя защититься — мне хоть немного понятно, а с Некромантом как-то все не так. Но кое-что получается. Сам не понимаю, как, оно само.

— Скажи мне, мой юный падаван, — Птаха заговорил вкрадчиво, как иногда сам Некромант, — а ты вообще замечал, что Некромант — левша?

Вадик, наверное, сделал очень забавное выражение лица, потому что и Тундра, и Птаха синхронно взяли за голову и сложились пополам от смеха. Да и пожалуйста, от них не обидно. Так вот оно в чем дело! Вадик обнаружил, что и правда никогда не задумывался, в какой руке Некромант держит нож. Он же еще и перебрасывает его периодически, чтобы атаковать с неожиданной стороны, и Вадика тому же учил. Но да — Вадик вызвал в памяти картину их тренировок — в основном он действует левой рукой. И по жизни тоже. Но реально, Вадик даже не обратил внимания, что между ним и Птахой в этом плане есть какая-то разница!

— Далеко пойдешь, мелкий, — сказал Птаха, отсмеявшись. — Если тебе удастся адаптироваться и к Некроманту, и ко мне... у тебя есть шансы меня превзойти. Про Некроманта ничего не буду говорить, это совсем особый случай. Тем более что, пусть он тебя учит, но мне пока что кажется, что ты пойдешь скорее моим путем.

— Жуть от вас берет, — поежилась Тундра. Вадика и самому не понравилось, как Птаха это сказал. Словно уже предполагает, что когда-то...

— Впрочем, — улыбнулся Птаха, — как я уже говорил, жить лично я планирую вечно, и пока все идет хорошо. Продолжаем?

Не иначе, Птаха уловил настроение Вадика — темп он поднял так, что думать стало некогда, и Вадик был ему за это крайне признателен. Когда он наконец плюхнулся на траву перевести дыхание, в голове остались только удачные атаки и промахи, а также мысли, как лучше действовать в следующий раз. Тундра обозвала их обоих маньяками и ушла заваривать чай.

Наутро Вадик проснулся в невероятную рань. По московским меркам вообще была глубокая ночь, причем, всю дорогу они с Птахой жили фактически по солнцу, так что часовые пояса менялись как бы сами собой. Птаха еще спал, и некоторое время Вадик просто валялся, разглядывая лоскутное одеяло, цветные занавески и развешанные повсюду фигурки зверей и засушенные растения. Разбираться, где что, он даже не пробовал. Вадик с трудом сдержал хохот — точно над спинкой его кровати висел здоровенный мухомор. При ближайшем рассмотрении он оказался вырезанным из дерева, но очень реалистичным.

Вадик оделся предельно тихо, чтобы не будить Птаху — за время дороги он научился это делать даже в небольшом пространстве машины, поскольку часто просыпался раньше. Сказал бы ему кто полгода назад, что он будет охотно вставать по утрам — не поверил бы. Но как тут спать, если день обещает столько всего! Тундра говорила про «отправиться в плавание» — это что, вот прямо на корабле и прямо сегодня? Вадик уже был готов разозлиться, что Птаха все еще спит.

Тундру он нашел на кухне — она опять колдовала над чаем. На этот раз чай оказался круглым клубком размером с клубничину, который в чайнике развернулся в большую лохматую астру.

— Я не такой знаток, как Форестер, — улыбнулась Тундра, — но тоже люблю всякие чаи. Хотя Форестер как раз говорит, что связанные сорта — это так, развлечение, а вкус у них не лучший, но мне нравится. Давай чашку, он не может долго завариваться.

Вадик обратил внимание, что Тундра одета иначе, чем вчера — зеленую тунику с вышитыми цветами она сменила на синюю, более короткую, с узором в виде волн по краям, и синие же джинсы. А в волосах вместо бубенцов и перьев проглядывали металлические

рыбки. Интересно, это потому, что они собираются на воду? Вадик попытался вспомнить, в чем Тундра приезжала тогда, еще зимой. В памяти засел ее меховой жилет, а украшения... тогда, кажется, были разные звери. «А осенью мухоморы будут?». Эта мысль рассмешила его самого, и он зарылся в чашку с чаем.

— Чего смеешься? — поинтересовалась Тундра. — Этот чай даже не из гриба!

При упоминании гриба Вадика окончательно разобрал смех, и ответил он не сразу.

— Да просто подумал... ты по ситуации одежду и украшения меняешь, по сезону там... а вот осенью как будет? — про мухоморы он говорить не стал, боясь и не совладать с собой, и обидеть Тундру. Но она совершенно искренне развела руками:

— Не знаю. Я завтра-то не знаю, что мне в руки попросится. Оно само. Верить, нет, сначала во все это оделась, — она обмахнула рукой свою тунику и украшения, — и только потом осознала, что оно сегодня точно в тему. Хочешь, покажу мое хозяйство, пока Птаха спит? Время есть, я так и рассчитала, что вы с дороги будете отсыпаться, это тебя ни свет ни заря подкинуло.

— Давай! — Вадик сам удивился энтузиазму в своем голосе. Вообще-то разные побрякушки его интересовали крайне мало. Мальчишки в классе иногда носили какие-нибудь висюльки и фенечки, Рус так и вовсе ухо проколол и потом веселил на перемене весь класс, изображая гневные вопли своего бати. А Вадик терпеть не мог, когда на нем что-то болталось, трекер и тот носил только потому, что нудежа не оберешься, а сейчас даже простые часы не надел бы. Время узнавать — есть телефон, да и торопиться некуда. И на тренировке все это только мешало бы. Птаха и Некромант, вон, тоже ничего на себе не таскают. Но Тундра умела как-то заражать своим настроением, да и просто было любопытно, сколько ж у нее всякого добра — насколько Вадик помнил, и вчера, и сегодня украшений на ней была уйма, но они не повторялись.

Если до сих пор обстановка дома казалась Вадиду пестрой, от комнаты самой Тундры у него чуть не уехала крыша в тот самый Верхний мир. Хотя, казалось бы, он давно знаком с Прокси. А тут никакой психоделикой и не пахло — самые простые цвета и узоры, но они были везде и их было много. А главное, они совершенно явно складывались в какой-то ритм, только поймать его не удавалось — глаза разбежались. А пара зеркал окончательно заворачивала пространство небольшой вроде бы комнаты в бублик. Вадик оперся на спинку кровати — у него начала кружиться голова.

— Спокойно, так бывает с непривычки, — засмеялась Тундра. — Местные тоже шутят, что в мой «фигвам» заходить опасно, в параллельные миры унесет. Ну, пока вроде никого не унесло. Так, где там моя шкатулочка?

«Шкатулочка» Тундры оказалась размером с небольшой сундук, даже с металлическими защелками, все как полагается. Внутри обитала чуть не вся таежная флора и фауна в металлическом, деревянном или костяном воплощении. Что-то было изображено совсем условно, вроде наскального рисунка, что-то — предельно реалистично, детские мульташные кулончики и брошки соседствовали с тяжелыми медальонами явно из того рок-магазина, но вся эта пестрая смесь выглядела неожиданно гармонично. Когда у Вадика перестало рябить в глазах от многообразия, он увидел, что, хотя украшения в сундуке вроде бы лежат как придется, в разных углах образуются свои, так сказать, природные зоны. Полярные совы и белые зайцы составляли компанию шаману в шубе, рыбы и нерпы — подвеске в виде лодки, медведь — ветке с шишками. Тундра проследила за его взглядом и радостно кивнула: «Ага, ты в теме». Вадик не очень понял, в какой он теме, но все же кивнул в ответ.

— Птаха встал, — вдруг сказала Тундра. — Пошли обратно.

Вадик хотел было спросить, откуда она знает — сам он на слух не жаловался и, хотя Птаха при своих габаритах передвигался почти бесшумно, обычно его замечал. Но действительно, стоило выглянуть в коридор, как там обнаружился Птаха, как раз выходящий из ванной. Тундра многозначительно подняла палец — мол, а я говорила! — и снова поставила чайник.

До пристани, как сказала Тундра, было совсем недалеко, так что незачем гонять машины — «а то вы не накатались!». Вадик чувствовал, что накататься не может по определению, но спорить не стал. Тем более что так, не через стекло, Байкал казался... более настоящим, что ли. Когда слышен шум ветра и пахнет водой. И местный рыжий пес подбежал и ткнулся в руку холодным мокрым носом.

— Андрей, привет! — Тундра замахала худощавому мужчине с обветренным лицом и проседью в темных волосах. Настоящий морской волк с картинки, только трубки не хватает.

— Твои москвичи? — тот, кого называли Андреем, сдержанно поздоровался с Вадиком и Птахой. — Ну, идемте.

Вадик только сейчас осознал, что никогда толком не имел дела ни с какими водоемами. Ну правильно, он вырос с уверенностью, что вода Москвы-реки растворит к чертям собачьим любого, кто сунется туда даже на лодке. Вот прямо через лодку проест, ага. Ему самому стало смешно от этой мысли. По Старому городу возили речные экскурсии, но они были дорогими и бестолковыми — тот же ресторан, еще и не из лучших, только плавает, и фоном экскурсовод бубнит. Плавать Вадик умел — научился в бассейне. Но мысль, что при желании можно вот прямо тут раздеться и войти с берега в воду, была очень непривычной.

— Купаться тут не особенно получается, — Тундра, конечно, тоже уловила волну. — Байкал очень долго стоит подо льдом, да и глубины огромные, прогревается только на севере, и то не очень. Отметиться, конечно, надо, но не сегодня.

У Андрея оказался самый настоящий корабль, даже с каютой. Но Вадик, Птаха и Тундра выбрались на нос и стояли там, любуясь на воду и небо. Правда, это самое небо стремительно менялось — набегали тучи. Андрей сообщил, что будут волны, да Вадик и сам чувствовал, что качает гораздо сильнее. Корабль был узким и длинным, так что на волнах нос, казалось, то взлетал в небо, то нырял куда-то в самую глубину. «Держись за канаты, никуда не денешься», — советовала Тундра. Сама она спокойно стояла на самом носу, и никакая качка не могла сдвинуть ее с места. Птаха тоже ни за что не держался, но где Птаха и где маленькая Тундра. А она смеялась и подставляла ладони брызгам, и Вадик казалось, что волна действительно, играя, запрыгивает точно к ней в руку.

Ветер набирал силу, на палубу летели уже не брызги, а реально волны. Вадик весь промок, но уходить не хотелось. Очередная волна ударила в борт и окатила его с ног до головы. Тундра нахмурилась.

— Что же ты маленьких обижаешь? — проговорила она, протягивая руку. — Мы же дети перед тобой, Байкал!

А ведь и правда — дети, подумалось Вадик. Их корабль выглядел среди огромного Байкала игрушечной лодочкой. словно и правда они, и даже Андрей — ребяташки, притащившие любимую игрушку старому шаману. А он и не прочь позабавить и покачать на коленях, вот только увлекся. «Скоро сам на пару с Тундрой сказки начну придумывать», — фыркнул про себя Вадик, но тут ему стало не до смеха — как бы то ни было, а после слов Тундры волны утихли. Корабль по-прежнему качало, но до палубы брызги уже почти не

долетали. Тундра взглянула за борт и чуть кивнула, как будто в знак благодарности.

Спуститься в каюту все-таки пришлось — футболку Вадика можно было выжимать. Спасибо еще, Тундра напомнила взять запасную. Джинсы, правда, были ненамного суше, но это ладно. Птаха переодеваться не стал, сказав, что и так высохнет. Пока обсыхали, Тундра извлекла бутерброды и термос с чаем — где все это помещалось в ее небольшом рюкзаке, было не очень понятно, но поместилось. Андрей предложил посмотреть, как он управляет кораблем, и Вадик завис надолго, наблюдая за его действиями. Его любовь к машинам, конечно, ничто не могло поколебать, но в том, как эти загорелые руки направляют корабль среди волн Байкала, было что-то завораживающее. Потом волны почти совсем успокоились, и Вадик снова ушел на нос.

Как и на дороге, он потерял чувство времени. Вроде бы они были на пристани всего несколько минут назад — а может, уже несколько дней плыли, видя с одной стороны лес, а с другой — далекие горы. Как бы то ни было, сходить обратно на твердую землю было странно и немного жаль.

— Ты еще паром увидишь, — утешила его Тундра. — На остров Ольхон иначе не попасть.

Тепло попрощавшись с Андреем, они вернулись в дом. Бутерброды бутербродами, а Вадик чувствовал, что голоден как волк. На этот раз Тундра даже сама попросила Птаху помочь с обедом, хотя и много раз извинилась — «ну просто для скорости, почистить-нарезать, а то вы же с голоду помрете, после воды аппетит всегда зверский!». Птаха столько же раз заверил ее, что никаких проблем нет. Вадик тоже включился в готовку, насколько мог, и в шесть рук они соорудили огромную сковороду омлета с начинкой из всего, что попало под руку. А попало много чего — и грибы, и колбаса, и помидоры, Вадик нашел сладкий перец и с согласия Тундры подкинул и его. Исчез омлет еще быстрее, чем возник.

За чаем Тундра взялась за гитару. Петть она, по собственным словам, почти не умела, зато любила вот так, как в тот свой приезд, речитативом рассказывать сказки под импровизированный мотив. Вадик опасался, что опять все прослушает, и действительно как будто бы начал задремывать, но даже в полусне отчетливо слышал голос Тундры, рассказывавший о волшебной собачьей упряжке, которая унесла свою маленькую хозяйку от злых людей на небо. Он вспомнил, что пикап Тундры синий, как ночное небо, и ему вдруг подумалось, что там очень здорово смотрелась бы аэрография с такими собачками. И он даже, наверное, мог бы ее сделать.

— Ты чему так улыбаешься? — надо же, Тундра выглядела полностью ушедшей в себя.

— Да так... Вдруг подумал, что эти собачки из твоей сказки у тебя на борту круто смотрелись бы. Меня же Прокси аэрографии учит. Так что если захочешь...

— ...ты можешь на мне потренироваться? — улыбнулась Тундра.

— Ну вроде того, — смутился Вадик. — Я уже помогал машину Форестера расписывать, там мой эскиз, но вообще в основном Прокси рисовал. А тут я прямо увидел — такая равнина и шесть лаек бегут, то есть последние еще бегут, а первые уже в небе, и луна. Должно быть красиво.

— Почту за честь, — серьезно сказала Тундра и протянула руку, как бы скрепляя договор.

Время словно остановилось. Даты на телефоне, конечно, менялись, как им и полагается, но Вадик ими не интересовался. Какая разница, если день за днем он просыпался среди ярких покрывал (он начал задумываться, не завести ли что-нибудь такое в своей комнате), пил очередной необыкновенный чай, куда Тундра, кажется, оборвала половину ближайшей лужайки, а днем его ждала удивительная голубая вода Байкала? И да, он в нее окунулся, хоть она и была ледяной, несмотря на жаркий день. И даже немного проплыл, а потом долго грелся на берегу, а Птаха смеялся: «Как видишь, не мутировал и не сожран подводными чудищами». Тундра рассказала, что воду из всего Байкала можно пить просто так, зачерпнув горстью, и немедленно это продемонстрировала.

— С нашей речкой повторять номер не советую, — предупредил Птаха. — Треплют, конечно, много, но вода там дрянная, это факт. Лезть туда я бы тоже не стал. Но ничего. Ты теперь опытный путешественник, — Вадик задрал нос, — мы с тобой еще до моря доберемся.

На море Вадик был очень давно, еще с родителями, и ему не понравилось. Ну то есть море понравилось, не понравилось, что его вечно куда-то гнали — то пора вставать, чтобы не упустить утреннее солнце, но при этом надо практически утопиться в солнцезащитном креме, потому что солнце опасное, то нечего столько копаться в песке и надо искупаться, то сколько можно сидеть в воде и пора вылезать, а еще он все равно обгорел на солнце, а вечером мешали спать дурацкие дискотеки. Но ведь с Птахой точно все будет иначе! Они найдут пляж, где не будет толпы придурков, которые считают, что очень смешно попытаться кого-то утопить, да Вадика теперь и не утопишь — он чувствовал, что стал сильнее. Птаха точно не будет грузить утренним, дневным или вечерним солнцем, он сам светлокожий и явно не станет валяться на пляже, как дурак. Тем более что кто его знает, сколько правды в тех разговорах об агрессивном солнце. Сейчас вот вроде лето, и ничего, Вадик пока не изжарился, правда, Птаха или Тундра регулярно напоминали ему надеть бандану. А подарила ее, собственно, Тундра, вместе с еще парой шпук на смену. Вадика уже даже было немного неловко от валившихся на него приятностей, но Тундра только смеялась и повторяла, что гостей надо любить и радовать, и вообще здесь все Внешние и все свои. И замешивала в чайнике очередное зелье.

А однажды Тундра уже с самого утра вывела свой пикап из гаража — точнее, из-под навеса, и «синий кит и белый кит» двинулись в путь. Дорога была очень странной — пара километров хорошего асфальта вдруг сменялась гравием или грунтовкой, а дальше снова шла трасса. Впрочем, ни «Тахо», ни «Тойоту» таким было не напугать. Остров Ольхон был отделен узким проливом, и машины въехали прямо на палубу большой баржи, въезд поднялся, как стенка коробки, и баржа отчалила. Вадик не успевал вертеть головой по сторонам — до сих пор в его воображении паром ассоциировался с плотом или вовсе лодкой, которой управляет дед с шестом. Нет, насколько он увидел, капитан парома тоже был весьма немолод, но на этом все сходство и заканчивалось. Они пристали к другому берегу, «коробка» открылась уже с другой стороны, и Птаха вслед за Тундрой направил машину на твердую землю.

— А теперь представь, что ты верхом на лошади, — сказал Птаха. — Я понимаю, что опыт взять неоткуда... но, в общем, сам поймешь, дорог тут просто нет.

Вадик «сам понял» абсолютно все на первом же холме, чудом не высадив головой боковое стекло, даже несмотря на ремень. Вот пусть Прокси еще хоть раз скажет «дорог нет» про окрестности их гаражей! Там просто-таки гоночный трек! А здесь не было не то что асфальта, а вообще хоть какого-то намека, где именно предполагается ехать. Тундра просто брала курс туда, где ее пикап пролезет между деревьями и не сядет на пень, Птаха следовал за ней. Впрочем, Вадик быстро наловчился балансировать на сиденье и даже стал получать удовольствие, когда «Тахо» ныряла в очередную ложбинку, где, казалось бы, никак не могла проехать.

Тундра остановилась на открытой местности с видом на вырастающую прямо из озера скалу, спрыгнула из кабины и замерла, запрокинув голову и раскинув руки. Птаха опустился на одно колено и коснулся рукой земли. Вадик просто стоял, озираясь вокруг и понимая, что хотел бы нарисовать тут вообще все — только вот как передать на бумаге эту невероятную древность и эту силу, которой пропитана земля? Вот Птаха отошел чуть в сторону — и короткая жухлая трава, примятая его тяжелыми ботинками, упруго распрямилась. Словно здесь вообще никто не мог оставить следов. А люди-то здесь есть?

— А здесь вообще люди есть? — повторил Вадик вслух. Тундра ответила не сразу, словно просыпаясь:

— Мало. Немного стариков осталось, а в основном все на большую землю уехали. В праздники вот приезжает народ, фестивали проходят, это да... — она снова чуть помрачнела. — Только вот на таком фесте я во Внешние и ушла, а то, как знать, предсказания моего семейства могли и сбыться.

Сейчас она резко показалась намного старше. Но тут же тряхнула головой — только бубенцы в волосах звякнули:

— А, ладно, дело прошлое. Ольхон точно не виноват, что бывают на нем... всякие. Я с ним дружу и подарки стараюсь оставлять, — она извлекла из прически затесавшуюся среди бубенцов рыбку и положила на траву. — Хочешь, и ты оставь.

Вадик вспомнил, как в книгах время от времени кто-нибудь срезал прядь волос, чтобы оставить в памятном месте или, там, подарить кому. А почему бы и нет, собственно. У него на поясе висел складной нож — подарок Птахи. Отрезанная прядь завилась в кольцо, и Вадик положил ее так, чтобы рыбка Тундры оказалась в центре. Тундра коротко сжала его руку и показала одобрителный жест.

Они вернулись уже к ночи, но Вадик не смог уснуть, пока не набросал в блокноте скалу, высокий берег с жесткой травой и силуэт Тундры. Ее туника получилась похожей на балахон шамана, и Вадик не стал ничего менять — так было правильно.

И снова были странные чаи и сказки под гитару, ледяная вода Байкала и поездки по окрестностям — а потом Тундра сказала, что ей пора уезжать. Она везла свои расписанные камни на выставку. Но, по ее собственному признанию, роспись была для нее скорее развлечением, всерьез она занималась переводами — она знала несколько языков, в том числе и редкие северные. Работать она могла везде, где была связь, потому и путешествовала. И вот она снова собиралась в дорогу. Птаха усмехнулся: «Дорогие гости, не надоели ли вам хозяева?». Тундра невероятно смутилась и принялась объяснять, что всегда и всем рада, и хоть на все лето, но вот такие дела...

— Да верю я, верю, — Птаха положил ей руку на плечо, и Тундра не без труда устояла на ногах. — Нам и самим пора уже обратно. Что-то мне кажется, по возвращении... будет чем заняться.

Он хищно оскалился. «Да ну тебя...» — пробормотала Тундра и нырнула в недра своих бездонных шкафов. Отпускать гостей без вкусностей на дорогу она была решительно не согласна, и в багажнике «Тахо» оказалась целая куча вяленого мяса и банок с вареньем. А еще Тундра отсыпала им чая из чаги, вложив в банку инструкцию, как лучше его заваривать.

В последний вечер перед отъездом Вадик решил и попросил Тундру научить его, как расписывать камни. Она с радостью кинулась показывать, и под ее руководством он изобразил на гальке удивленную сову. Сова отправилась в рюкзак к кролику, и Вадик решил при случае подарить ее Форестеру. А может, оставить себе — первый опыт все-таки.

И вот они с Птахой снова остались вдвоем. Снова дорога ложилась под колеса «Тахо», сменяли друг друга леса и равнины, и Вадик снова терял всякое представление о времени, глядя в окно — но теперь он уже выискивал знакомые пейзажи, вспоминая, как они проезжали здесь. Снова огромный багажник становился самой уютной на свете спальней, снова продолжались тренировки на стоянках, и раз за разом Вадик замечал одобрительную улыбку Птахи. Вот интересно, что скажет Некромант, когда они вернутся? Конечно, не такой большой срок, чтобы заметно продвинуться, но все-таки Вадик не терял времени зря. По крайней мере, ему очень хотелось так думать. И Птаха вроде как был согласен, а ведь Некромант считает его равным себе... Развивать эту мысль Вадику не захотелось, и чтобы отвлечься, он попробовал, как учил его Некромант, неожиданно перебросить нож в левую руку. Застать Птаху врасплох, конечно, не удалось, но в принципе с левой руки тоже удобно. Удар слабее, а так...

— Правильно-правильно, — кивнул Птаха, — я чистый правша, и то научился.

— Э... а я, что ли, нет? — сколько Вадик себя помнил, он все делал правой рукой. На левую переходил разве что для развлечения.

— Похоже, что нет. Про обоерукость я бы не говорил, но зачатки есть. Может, потому и подстраиваешься так под нас обоих. Говорю же, далеко пойдешь.

Под Нижним Новгородом их угораздило пробить колесо. Вадик даже не успел ничего понять — просто «Тахо» вильнула вбок, но Птаха удержал машину и съехал на обочину. Вадик хотел помочь — не зря, в конце концов, у Некроманта в гараже лазил столько времени! — но оказалось, что помочь намерен не он один. Рядом затормозила еще одна «Тахо», только черного цвета. Спрыгнувший с водительского сиденья парень был таким же коренастым и коротко стриженным, как Птаха, только что немного уступал ему по комплекции. Почему-то Вадику сразу же подумалось, что это тоже Внешний. «Ага, не бывает одинаковых машин, как же!». Хотя в глубине души ему было слегка тревожно — они ведь действительно впервые встретили «двойника».

— Что, сказок небось наслушался? — обратился к нему водитель черной «Тахо». — Ерунда это все, мелкий. На дороге делить нечего, нам с твоим брательником так точно.

Надо же, выходит, они даже постороннему кажутся братьями! Вадика неприятно задела слова про «ерунду» — он, конечно, уже убедился, что про Внешних болтают много чепухи, но ко многим историям и Птаха, и остальные относились с уважением. Впрочем, как бы то ни было, парень, назвавшийся Сталкером, помог Птахе поставить запаску и предложил заглянуть к ним — «и колесо посмотрим, да и вообще, в кои веки к нам из столицы заехали!». Птаха с улыбкой согласился, но, когда белая «Тахо» тронулась с места вслед за черной, Вадик почувствовал, что он как-то странно напрягся. Почти как тогда в Нижнем городе.

— Что-то не так? — спросил он почему-то шепотом. И Птаха ответил не сразу.

— Не знаю, мелкий. Сразу успокою, одинаковые машины точно ни при чем, хотя совпадение, конечно, на миллион. Но Сталкер прав — это чистой воды треп. Я... сам знаешь, я чувствую, когда происходит что-то не то. Пока сам не пойму, в чем дело, но на всякий случай — осторожнее и держись меня.

— А почему ты тогда согласился?

— Ну, знаешь ли, законы гостеприимства — тоже не пустой звук. Нас немного, встречаемся редко. Да и действительно надо глянуть, что за дрянь я поймал, так на обочине разбираться не дело. Скажем так, по моей части, — знакомый хищный оскал, — я проблем не жду, иначе и правда не стал бы соглашаться. А точнее, не дожидался бы, пока позовут. Ты помнишь.

Вадик помнил. Хотя сейчас ему было почти стыдно за то свое желание спрятаться. Когда-нибудь он встанет с Птахой рядом.

— Так вот, — помолчав, сказал Птаха, — у меня нет ощущения, что будет что-то подобное. И меня это, честно говоря, даже больше напрягает. Отбиться я в большинстве случаев могу, а что тут за дела — пока не понимаю. Но этот Сталкер вроде нормальный парень, а там посмотрим. Держись!

Предупреждение было вовремя — черная «Тахо» ухнула с дороги как будто вертикально вниз, и белая нырнула за ней. На самом деле, конечно, уклон был вполне приемлемый, но в сочетании с крутым поворотом выглядело это именно так. Ладно, после Ольхона Вадика было уже не напугать.

Нижегородские Внешние словно вышли из Валеркиных историй. Во-первых, обитали они, похоже, прямо здесь — над гаражами шел второй этаж, и судя по тому, что в окнах виднелись шторы или жалюзи, а на одной открытой форточке висели чьи-то джинсы, это были жилые помещения. Во-вторых, все как на подбор были крепкими ребятами угрюмого вида, вроде Сталкера. Но с Птахой и Вадиком поздоровались вполне дружелюбно, посмеялись над внезапными «двойниками» и принялись разбираться, что же там с колесом. Собственно, ничего из ряда вон выходящего там не было — некстати подвернувшаяся кривая железяка, со всеми бывает. Хотя Вадика это неприятно зацепило — ведь до сих пор с «Тахо» ничего не случилось! И тут он вспомнил, как Птаха просил Некроманта посмотреть его машину — мол, «расход что-то вверх полез». И было это как раз после истории с Пассажиrom Лансера. Нет, понятно, что это не могло мгновенно произойти, насколько Вадик научился понимать устройство автомобиля, такие вещи надо наблюдать некоторое время, чтобы заметить изменения... Но легенда про единство Внешнего и его машины сюда просто напрашивалась. Хотя тот же Некромант уже сколько их сменил — но про него вон еще того круче рассказывают, дескать, машина принимает удар на себя... И перед глазами возник Птаха, обессиленно прислонившийся к косяку, и разорванный рукав его футболки. Вадик тряхнул головой, отгоняя назойливое видение, но уходить оно не торопилось. Словно издавека он услышал вопрос Сталкера: «Торопитесь куда или зависнете? Вписать, если что, есть где, у нас вон и еще один проездом...». И был очень рад, когда Птаха ответил: «Да тут ехать-то — к вечеру дома будем, так что спасибо, но мы немного выдохнем и двинем». Хотя и сам бы не мог сказать, почему.

— Чего грустим?

На плечо опустилась чья-то рука. Вадик вздрогнул и поднял голову — на него с улыбкой смотрел незнакомый парень, которого минуту назад здесь точно не было. Потому что настолько колоритного персонажа Вадик бы не пропустил. Потертая косуха, даром что день

был не самый прохладный, футболка в психоделических разводах — Прокси бы оценил — с изображением ящерицы, причем эта картинка, похоже, должна была еще и светиться в темноте, и все это дополнялось такой же прической, как у Прокси, только волосы были покрашены не в зеленый, а в медно-рыжий, и уже успели отрасти, судя по темным корням и темному ежику на выбритой части.

— Да так, задумался, — ответил Вадик. Парень улыбнулся еще шире:

— Будем знакомы? Я Ящер. А это мой тираннозавр! — он показал на стоящий около одного из гаражей пикап, расписанный роскошной аэрографией в виде чешуи неизвестной рептилии. Надо сказать, выглядело стильно.

— Вадик. Я пока Пассажир, меня никак не прозвали, — упоминать про «Энакина» ему не хотелось. Ящер чуть скривился:

— О, ритуалы и традиции, как же иначе! Я, правда, не ждал милостей от природы, Ящер по жизни, в Пассажиры меня никто не брал, сам ушел. Что-то пока возмездие не настигло, — он ухмыльнулся.

— А ты местный? — Вадик не стал развивать тему.

— Я повсеместный, куда хочу, туда лечу, а пока завис здесь.

Тут к ним подошел Сталкер:

— А, Ящер, ты выполз из норы? А кто обещал до ночи не высовываться?

— Да чего только с перепугу не пообещаешь! — Ящер беспечно махнул рукой. — Солнышко светит, башку мне никто оторвать не хочет, вот и красота!

Вадик поймал себя на мысли, что хмурый вид Сталкера ему как-то симпатичнее улыбок и шуток Ящера. Какой-то он был слишком... точнее, его самого было слишком много. Слишком широкая улыбка, слишком активные движения, ему вечно надо было к кому-то прикоснуться, что-то повертеть в руках, размять пальцы... При его пестрой футболке от всего этого начинало рябить в глазах.

— А кто башку-то оторвать хотел? — подал голос Птаха. Ящер резко — опять слишком резко — развернулся, в карих глазах мелькнула смутная тревога и даже испуг, но через секунду он снова ухмылялся до ушей:

— Да так, вышло тут небольшое недопонимание. Уж я не знаю, насколько это все серьезно, но решил пока у ребят отсидеться, а то мало ли, народ нынче нервный...

— Что конкретно произошло? — с расстановкой проговорил Птаха, подходя ближе. Ящер с опаской оглядел его массивную фигуру и как-то весь сжался, комкая в пальцах шнуровку косухи:

— Эй, слушай, ты так не пугай, смотришь прямо как этот отмороженный. Ну это... я Сталкеру говорил уже, махач тут с одним вышел под Ярославлем, говорю ж, не поняли друг друга, а дальше все как в тумане... — его пробрала дрожь, хотя в этой косухе холод ему точно не грозил. — Эй, да не смотри ты так! Ну свалил я его, он сам, между прочим, нарвался, а тут этот... прямо как из сказочек, которые в гаражах рассказывают! Смотрит вот прямо как ты и давай втирать про нерушимые законы, ну я дурной, что ли, ждать, пока башку оторвут, я в машину и по газам, здесь только и затормозил!

Ящер говорил быстро и сбивчиво, постоянно оглядываясь по сторонам. Сталкер положил ему руку на плечо:

— Ты не Ящер, ты уж на сковородке! Не вертись ты, никто тебя не тронет. У нас так точно. Ручаюсь.

— Ох, надеюсь! А то как вспомню... Я ж на пару минут аж сам поверил, что прс

Ликвидатора правду рассказывают!

Вадик открыл было рот, но Птаха одними губами приказал: «Молчи!». Под его взглядом возражать не тянуло.

— Это про какого Ликвидатора? — хмыкнул Сталкер. — Который призрачный «Кадиллак»? В призраков я как-то еще в детстве верить перестал, а если настоящий — так рассыплется за тобой по регионам гоняться! А и явится кто, мы гостей в обиду не дадим.

— Хороший ты парень, Сталкер, — Ящер снова расплылся в широченной улыбке, но внезапно переменялся в лице. Вадик всегда считал, что все эти книжные фразочки про мгновенно посеревшие, побелевшие или позеленевшие лица — чушь собачья, но с Ящером произошло именно это, причем одновременно. Он резко утратил дар речи и лишь с каким-то невнятным хриплым звуком показал на въезд в гаражи, перекрытый серебристым «Кадиллаком».

— Однако, — Сталкер был по-прежнему спокоен. — Слушай, успокойся ты, мало ли олдтаймеров на свете! Ну хочешь, я пойду поговорю, кто там такой?

— Нет... — наконец выдавил из себя Ящер. — Не надо... Это... за мной... надо... уходить...

Он метнулся к своему пикапу — и замер. Между ним и его машиной стоял Некромант.

На лице Ящера возникла какая-то совершенно безумная улыбка. Все его метания прекратились, он сжался, словно пружина — или готовая к прыжку змея. Выхватив нож, он бросился в атаку. Вадик невольно залюбовался его движениями, хотя до сих пор Ящер его скорее раздражал. Некромант шагнул вперед — и Ящер, словно врезавшись в стену, отлетел и рухнул навзничь. В тот же момент нож Некроманта прошел насквозь его правую руку, пригвоздив к земле. Второй удар был последним.

— Ты!.. — задохнулся Сталкер, сжимая кулаки. — Ты вообще знаешь, что за такое бывает?

— Лучше, чем вы все вместе взятые, — равнодушно отозвался Некромант. — С дороги.

— Да я тебя сейчас!..

Сталкер кинулся на Некроманта и тут же покатился по земле — Некромант попросту смахнул его с пути без особых видимых усилий и продолжал идти вперед. Сталкер нашарил на земле обломок кирпича и изо всех сил метнул в спину Некроманту. Бросок вышел даже слишком метким. Некромант пошатнулся, потерял равновесие, и на него накинuloсь сразу несколько человек. Вадик увидел, как Сталкер повторно замахивается тем же обломком, целясь явно в висок. Он рванулся вперед — но Птаха железной хваткой заблокировал его руки.

— Пусти! Как ты... Он же... — Вадик попытался вырваться, но безуспешно. Птаха силой развернул его к себе:

— Стоять. Ты здесь не поможешь, а Некромант в своей стихии.

— Но там же... А ты... — Вадик осекся — такого взгляда у Птахи не было даже тогда, в Нижнем городе.

— Я — Внешний. Я не сделаю того, за что поплатился Ящер.

Вадик доверял Птахе, но сейчас успокоиться было просто невозможно. Он снова обернулся к драке как раз в тот момент, когда нож Некроманта по рукоять вошел в горло Сталкеру. Сам Некромант уже снова стоял на ногах, а вот большинству его противников, судя по всему, подняться уже не светило. Он скользнул невидящим взглядом по Птахе и Вадику, словно не узнавая их, и направился к машине, небрежным движением вытирая

лезвие ножа. Не прошло и минуты, как серебристый «Кадиллак» исчез так же мгновенно, как появился.

— В машину, — коротко приказал Птаха. — Я не хочу продолжения.

Вадик его прекрасно понимал, да и спорить, после всего произошедшего, не тянуло вообще — Птаха опять оказался прав. Кто-то из уцелевших в драке с Некромантом попытался заступить им дорогу, но Птаха лишь устало спросил:

— Хочешь быть следующим?

— Да не хочу я драться, — хмуро ответил Внешний, худощавый смуглый парень в обтрепанной джинсовке. — И так понятно, что против тебя не выстою. Только я же тебя знаю, вы с этим из одной тусовки. Ты... знал?

— Нет, — коротко ответил Птаха. — Некромант в наводках не нуждается. В некоторых сказках немного больше правды, чем кажется.

Парень в джинсовке помрачнел еще больше, но отошел. Птаха дал Вадиду знак держаться рядом, сам посадил его в машину и только потом сел за руль. Больше задержать их никто не пытался.

В машине Вадик долго молчал. Да, теперь он в полной мере понимал слова Птахи, что Некромант «действует быстрее». Ящер ведь явно был очень опасным бойцом, если отбрасывал эту свою развинченность — но среагировать на стремительную атаку Некроманта просто не успел, Вадик со стороны вообще увидел только финал. И эта общая свалка... они с Птахой переговаривались от силы несколько секунд, и все уже было кончено. А сколько их там было? Человек шесть минимум, если не десятков, и в живых остался этот смуглый и еще один-двое. Вадик был уверен, что Некромант бил только насмерть, как со Сталкером. Там уже реально речь шла о жизни и смерти, даже для него. Но почему Некромант как будто не заметил их? И почему все же Птаха не вмешался? «Он — защитник, я — ликвидатор», — говорил однажды Некромант...

— Сильно я упал в твоих глазах? — проговорил наконец Птаха, в точности как тогда. И, в точности как тогда, Вадик отчаянно замотал головой.

— Да при чем тут «упал». Понятно, я перепугался, уж если даже Некроманта свалили, а ты такой боец и мог бы помочь... но я, кажется, понимаю. Это получилось бы, что ты сам пошел против Внешних, да?

— Именно так. Ты не представляешь, как хотелось вмешаться, все-таки Некромант — мой друг. Но я понимаю, что я ему там не нужен. Ты его глаза видел? В таком бою он вообще не здесь.

— Это поэтому он нас не заметил?

Птаха молча кивнул. После небольшой паузы он заговорил снова:

— А еще это значило бы, что я оставлю за спиной тебя, а ты еще не готов. И кстати — Некромант, возможно, нас видел, но сознательно не привлекал к нам внимание. Иначе отбиваться от оставшихся пришлось бы уже мне. А у меня за спиной, опять же, ты.

— Я научусь, — твердо сказал Вадик, сжимая кулаки. Птаха лишь молча накрыл его руку своей.

Остаток пути они ехали молча. Птаха сосредоточился на управлении, но Вадик подозревал, что обоих тревожит одно и то же. До сих пор лично он просто ждал, когда наконец снова увидит Некроманта и Прокси, но после всего этого... Вадик опять многократно проклял свои познания насчет скрытых последствий всякого мордобоя. Да что там «скрытых» — тот прилетевший обломок кирпича был более чем открытым. Некромант,

конечно, благополучно сел в машину и стартовал, но впереди ведь еще четыре сотни километров. Даже Птаха выглядел усталым, а он ведь не дрался! Самого Птаху явно одолевали те же мысли, и Вадик ничуть не удивился, что Птаха без комментариев направил машину в гаражи.

Некромант был там. Сейчас он походил на выходца с того света больше, чем когда бы то ни было — точнее, его вид назывался «краше в гроб кладут». Он сидел у ворот своего гаража, уронив голову на грудь, рубашка перепачкана кровью, глаза закрыты. Но на шум мотора «Тахо» он поднял голову и даже улыбнулся.

— Уф, живой, — одновременно произнесли Вадик и Птаха.

— Что мне будет... — хмыкнул Некромант.

— Ну, знаешь ли! — возмутился Птаха. — Когда ты рухнул, я только из-за мелкого не кинулся помогать.

— Правильно не кинулся, — голос Некроманта звучал еще более хрипло, чем обычно. — Мне не впервой, таких свалок еще дома навидался. А ты, юный Скайуокер, смотри и учись, как не надо делать. Я-то встал, а вот ты не сможешь. Пока не сможешь, — он подчеркнул «пока».

Вадик задохнулся от восторга, но очередное «правда?» застряло в горле. Некромант по-прежнему не поднимался с земли. Наверное, тревога была написана у него на лице слишком явно, потому что Некромант усмехнулся:

— В порядке я, в порядке, просто вымотался. Честно говоря, не ожидал, что за этого Ящера такой толпой полезут мстить. Расслабился народ в регионах, забывает старые страшные сказки. Ничего, напомнил вот, — он размял пальцы. — Переходы, опять же, тяжело даются, не знаю, говорил тебе Птаха или нет. Как я это дело не люблю, кто бы знал! Но выбирать не приходится.

Он помолчал, собираясь с силами, затем обратился к Птахе:

— Дай руку, псина. Повалюсь и хватит. Еще дверь вон править, — он кивнул на свой «Кадиллак», где на водительской двери красовалась продолговатая вмятина. Опять же, с кем не бывает, но Вадик почувствовал неприятный холодок — он снова вспомнил слова Некроманта, что удар принимает на себя машина... Он вздрогнул — Некромант уже стоял на ногах и привычным жестом положил ему руку на плечо.

— И следующее, чему я тебя научу, юный Скайуокер, когда немного выдохну — как драться против нескольких. Ты уже пробовал потренироваться на Форестере, не преуспел, но попытка хорошая. Поможешь, псина? — кивнул он Птахе.

— Конечно! — Птаха облегченно улыбался. — Но, я так понимаю, не сегодня и не завтра.

— Факт, — кивнул Некромант. — И в себя надо прийти, и дверь эта мне покоя не даст, пока не выправлю. Сам знаешь, не могу, когда с машиной не все в порядке. Да ты сам такой. Но твоя птичка, извини, вторая в очереди. А пока я в логово, все рассказы потом.

Он поднял руку то ли в прощальном, то ли в запрещающем жесте и скрылся в гараже. Птаха явственно перевел дыхание и позвал Вадика обратно в машину — надо было перегнать «Тахо». Они вернулись домой.

В следующие несколько дней Вадик почти не выходил из дома — настала несусветная жара. Конечно, не то чтобы солнце было способно испепелить заживо, но прогулка с блокнотом по окрестностям стоила Вадику головной боли, даже несмотря на бандану, и красной физиономии. Птаха только вздохнул и провел краткий курс выживания летом. Ну правильно, где Вадику было все это взять — с той дурацкой поездки на море с жарой он дела не имел. И если Птаха еще как-то был способен загореть, Вадик мог только стать «вождем краснокожих» и облезть обратно. Птаха посоветовал сменить бандану на кепку с козырьком, а майку — на тонкую рубашку. Жить стало немного легче, но все же в середине дня Вадик предпочитал укрыться дома, благо солнце как раз уходило с его стороны, и в комнате было прохладно. Да и заняться было чем — разобрать уйму фотографий из поездки, зарисовать все, что хотелось, и попрактиковаться в росписи гальки, которой Вадик набрал полные карманы. По идее, ничто не мешало набрать камней хоть за калиткой, хоть у реки, но байкальская галька — это же совсем особая штука. Вадику понравилось рисовать на камнях собак — они выходили упитанными и добродушными. Фотографии результатов он слал Тундре и неизменно получал кучу радостных смайликов. А еще он всерьез занялся эскизом для аэрографии на ее машине.

На третий день в гости внезапно зашел Некромант. Вместо вечной клетчатой рубашки (которая, видимо, под Нижним Новгородом нашла свой конец) на нем была линиялая футболка без рукавов, и Вадик невольно поежился от количества шрамов на его жилистых руках. «Я родом из очень хреновых краев», — говорил Некромант. И теперь Вадик отлично понимал, почему он вообще не рассказывает о своем прошлом.

— Между прочим, — ухмыльнулся Некромант, — Птаха мне уже сообщил, что в поездке вы зря время не теряли. И мне весьма интересно посмотреть, что вышло.

— Прямо сейчас? — жалобно спросил Вадик, кивая на белесое от жары небо за окном. Ухмылка Некроманта стала дьявольской:

— Я обещал устроить Мустафар, юный Скайуокер, и я всегда держу слово. Впрочем, во дворе у Птахи больше тени, чем у меня.

— А у тебя больше места, — парировал Птаха. Вадик совсем сник, но Птаха добавил: — Правда, сейчас накроет даже меня, так что, может, через пару часов, как жара спадет?

— А и давай, — неожиданно покладисто согласился Некромант. — Я, кстати, дверь выправил, так что готов тебя взять — после такого дальняка надо взглянуть, что и как. Хочешь, прямо сейчас бери машину и двинем.

Вадику пришлось лезть назад — переднее пассажирское сиденье оккупировал Некромант. И даже извинился: «Я понимаю, что это твое законное место, но, если честно, не очень хочу с моим ростом запикиваться назад». Вадик прекрасно его понимал, а потому без всяких возражений нырнул на заднее сиденье и разлегся там, благо вполне помещался.

Некромант уже успел вывести «Кадиллак» из гаража, так что он стоял, сияя безупречной лакировкой, словно ничего и не было. И от этого было как-то очень спокойно, хотя Вадик сам не мог бы объяснить, почему. Но тут его взгляд зацепился за кучу тряпок, всегда валявшуюся в углу. То, что лежало сверху, еще недавно было клетчатой рубашкой. Но под бурыми пятнами цвет угадывался с трудом. Что за дела, Вадик ведь видел Некроманта и сразу после драки, и уже в гаражах! Понятно, что рубашка была уделана кровью, даже если

Некромант сам уцелел, но вроде все-таки не до такой степени! «Хард вон тоже не настолько был уделан». Вадик помотал головой, прогоняя воспоминание о том репортаже, но уходить оно не хотело. Да нет, что за чушь, если бы Некроманту самому досталось — он не смог бы возиться с машиной и тем более настаивать на тренировке. Скорее всего, тот кирпич в спину был единственным моментом, когда его смогли достать. Тоже, конечно, неприятная вещь, но от такого не умирают. Вон, Некромант сразу же смог драться. «Я тоже так хочу».

— И да, юный Скайуокер, — бросил через плечо Некромант, — никогда не стоит сбрасывать со счетов подручные предметы. Всегда следи, что твоему противнику могло попасться под руку. Я рассчитывал только отпугнуть Сталкера и чуть за это не поплатился. Но это все потом. Птаха, загоняй машину.

Казалось бы, в такую жару шевелиться-то лишний раз не хотелось, не то что совершать активные действия, но Некромант привычным движением убрал волосы под бандану и только что не по пояс залез под капот «Тахо». Вадик полез следом — и помогать уже привык, и интересно было посмотреть, как оно там устроено. Странное дело, вместе с Некромантом он видел уже множество машин изнутри, а «Тахо» — нет. Как будто ее нельзя было трогать. Ему самому стало смешно — ведь и Прокси, и Птаха уже сказали по разу, что можно здесь все, кроме того, что нельзя. И за рулем «Тахо» он уже сидел, так что же сейчас не поучаствовать в осмотре? Некромант лишь молча сделал приглашающий жест. А главное, так можно было не наткаться взглядом на ту кучу тряпок в углу. Тем более что первой Некроманту попала под руку как раз верхняя и вскоре утратила всякие следы первоначальной расцветки. Вадик мысленно выдохнул.

Наконец Некромант объявил, что в целом все в порядке, а где и нужно что — этим он займется завтра, потому что не все расходники под рукой. Вадик снова выдохнул — ему не давала покоя эта история с колесом. Но Некромант заверил, что резину заделали на совесть, еще походит. «Да все равно уже менять подумывал», — махнул рукой Птаха. А Вадик с удивлением обнаружил, что вроде и жара уже не мешает. Некромант жестом подозвал его к себе.

— И кстати, советую в дальнейшем делать так же, — он показал на свою бандану. — Ты пока особо далеко под капот не лезешь, но если намерен ходить с хайрами, а не с паклей — убирай. Да и сейчас лучше хвост завяжи, а то тепловой удар хватит.

Вадик запоздало подумал, не поэтому ли ему на днях было так плохо. Действительно, волосы отросли уже до плеч и вполне себе собирались в хвост. Завязать только было нечем, так что Некромант любезно одолжил ему резинку.

— Блин, — Птаха виновато потупился. — Покопаюсь в залежах, а нет, так купим тебе резинок. Я-то с детства под машинку стригусь.

Вадик даже возмутился. Вот нашел из-за чего переживать! Птаха и так для него делает все и даже больше! Да и много ли ему надо — вон, Некромантова резинка отлично все держала, а бандана не позволяла отросшей челке лезть в глаза. Отрастить ее надо нафиг, пускай просто длинные волосы будут.

— Для начала я просто посмотрю, — сказал Некромант, демонстративно вытянувшись на траве. — Птах, покажи, чем в поездке занимались.

— Кир, ты знаешь, что ты гад?

— Конечно, — Некромант принял еще более небрежную позу. — Но мне интересно, что изменилось в нашем юном Скайуокере за месяц спаррингов только с тобой.

— Осознал, что ты левша, — фыркнул Птаха. Некромант даже не улыбнулся.

— Я давно заметил, что наш юный Скайуокер не делает различий между мной и тобой в этом плане. И это прекрасно. Ну так что же?

Под пристальным взглядом Некроманта было слегка неудобно. Но, в конце концов, Птаха же его хвалил! Вадик заставил себя думать, что это просто еще одна тренировка на привале. Вон, и полянка, и «Тахо» где-то там за кустами стоит, и нож удалось перебросить и ударить с левой руки... и тут он оказался на земле, а у шеи замер нож Некроманта.

— Эй, ты же говорил, что просто посмотришь! — возмутился Вадик.

— Я предупреждал, — ухмыльнулся Некромант. — А Сталкер меня — нет.

Он снова разлегся под кустом и даже прикрыл глаза, но Вадик прекрасно понимал, что это только видимость. А ведь и Птаха скидок делать не собирался. Ну что ж, следующую атаку он хотя бы успел заметить, но не более того. Впрочем, Некромант его даже похвалил:

— Прогресс, юный Скайуокер, определенный прогресс. Вы там на Байкале все местных распугали или только половину?

— Да вроде никого, — рассмеялся Птаха. — У Тундры двор не просматривается.

— Вот встретитесь еще раз — поинтересуйся, сколько еще трупов тебе приписывают. Глядишь, сравняемся. Хотя после Нижнего не уверен. Поменяемся ролями?

Вадик не удержался и взялся за голову. То есть ему предлагается мало того, что отбиваться от Некроманта, так еще и за периметром следить? С другой стороны, Некромант ведь прав — Сталкер его никак не предупреждал, а Вадик хотя бы в курсе, что рядом может возникнуть второй оппонент. Он почувствовал уже знакомый азарт: в конце концов, уж Птаху-то проглядеть сложно! Но Птаха мог быть таким же стремительным, как Некромант, и Вадик в этом очень быстро убедился. Еще и руку о куст ссадил.

— Жара, — коротко сказал Некромант. — Естественно, координация не та. Но для таких условий неплохо держишься. Впрочем, пока хватит.

Как это часто бывало, Вадик был намерен продолжать, уже совершенно забыв, что совсем недавно мысль о тренировке повергла его в панику. Но при попытке встать стало ясно, что ноги ватные, а с волос натурально течет.

— Живой? — встревоженно осведомился Птаха. — Что-то мы, кажется, увлеклись.

— Живой, живой, — Вадик все-таки поднялся на ноги. Некромант критически оглядел его и скрылся в доме. Вернулся он с большой кружкой своего чая — только в ней плавало множество кубиков льда, и чай в кои веки был сладким. Вторую такую же он вручил Птахе. Его самого жара как будто не брала — только волосы под банданой прилипли ко лбу.

— Будешь в состоянии — повторим завтра с утра, — предложил он. И Вадик, к собственному удивлению, радостно согласился.

Утром Вадика разбудил звук сообщения на телефоне. Было оно от Некроманта и содержало ровно одно слово: «Реванш?». Вадик проглотил бутерброд, запил холодным чаем и выкатился из дома, только на полпути сообразив, что Птаха-то еще спит. Ну, может, позже присоединится, главное, чтобы совсем жарко не стало. Хотя сейчас в тонкой рубашке было даже прохладно. И про хвост была отличная идея, как только сам не догадался! Понятно, Вадик привык к одной длине волос, и убирать обычно было толком нечего и незачем. Ну, значит, на лето будет хвост, вроде еще и неплохо смотрится. С распущенными ему нравилось больше, действительно почти Энакин Скайуокер, но пока уж лучше так.

Некромант сидел на крыльце и слушал музыку — даже через его массивные наушники до Вадика доносились тяжелейшие ударные, чуть ли не на грани инфразвука. Глаза полуприкрыты, на лице замерла мечтательная полуулыбка. Вадик подавил смешок — видеть

Некроманта таким было до крайности непривычно. Правда, они знакомы не первый день, так что Вадик был почти уверен — это намеренная инсталляция. А даже если и нет, в любом случае Некромант его видит и готов к встрече. Вон, под левой рукой явно тренировочный нож... В следующую секунду Вадик пригнулся, уворачиваясь от этого самого ножа, брошенного вполне прицельно.

— Делаешь успехи, юный Скайуокер, — Некромант говорил чуть громче обычного — видимо, из-за наушников не слышал сам себя. Впрочем, он почти сразу же снял их и подошел поздороваться уже нормально.

— Увернулся? — из дверей высунулся Прокси. — Я этого юношу уже боюсь!

Вадик несколько раз закрыл и открыл глаза. Прокси, кажется, вознамерился превзойти самого себя — на нем была оранжевая рубашка, разукрашенная малиновыми и бирюзовыми «турецкими огурцами». С его зеленой челкой, еще отросшей за последнее время, сочетание выходило полностью вырвиглазное. Впрочем, времени полюбоваться не было — несмотря на собственные слова, Прокси с радостным возгласом кинулся обниматься.

— Удавишь! — Вадик кое-как вывернулся. — Прости, до сих пор не зашел — такая жарыща...

— Да ладно! — махнул рукой Прокси. — Я сейчас тоже почти не вылезаяю — избегаю перегрева процессора. Но это чудовище имеет на меня какие-то смертоубийственные планы! Учти, Некромант, если ты меня угробишь — перезапишусь в твой комп и буду страшно завывать из колонок!

— Я блэкушник, ты не забыл? — парировал Некромант.

— Тогда... тогда буду фальшиво петь сопливые баллады!

— Уговорил, живи пока, — махнул рукой Некромант. Вадик только хрюкал со смеху. Кто бы знал, что эти двое способны так препираться! Но Некромант решительным жестом оборвал веселье:

— Пока опять не началось пекло, продолжаем вчерашнее. Покажу пока на себе. Вы двое атакуете, я защищаюсь.

— А обещал, что не угробит! — трагически вздохнул Прокси.

— Я всегда держу слово, — отрезал Некромант. Прокси покосился на него с некоторой опаской — хотя, казалось бы, вот только что перешучивались! Но думать эту мысль дальше было некогда — Некромант подобрал брошенный тренировочный нож и жестом подозвал Вадика и Прокси.

— Прокси я эту историю уже рассказывал, ты видел сам. Ящер действовал грамотно, только реакции не хватило. Вперед.

Некромант нарочито небрежным движением отвернулся. А Вадика накрыло, казалось бы, уже забытое ощущение — он не мог заставить себя атаковать. Со спины, да вдвоем против одного... Черт возьми, это же Некромант, он их с Прокси смахнет и не заметит, какие проблемы? И вчера фактически было двое на одного, и Вадика это нисколько не смущало... Да что такое?

— Тех, кто тебя убивал, мало заботило, сколько их на одного, — бросил через плечо Некромант. — Сталкера — тоже.

Вадик задумался. Действительно, Сталкер ведь на него даже неплохое впечатление произвел — однако же ни секунды не колебался, прежде чем запустить тем кирпичом, а потом навалиться вместе с остальными. Потому что, надо думать, понимал или хотя бы чуял, насколько Некромант превосходит любого из них по отдельности. А те, из Нижнего города,

вообще ничем таким не заморачивались, им просто было весело толпой запинать одного. Вот теперь Вадик понял слова Птахи «красная пелена упала». Это что же, им, значит, можно, а его что-то останавливает просто на тренировке? А ведь кто знает — может, ему с Птахой или тем же Прокси еще придется всерьез драться вместе. Да и понятно же, что задумал Некромант — он хочет, чтобы Вадик увидел его действия и сам попытался повторить. «Это что же, им можно, а я что?» — повторил про себя Вадик. Он вспомнил, как подобрался перед атакой Ящер, черт, реально же хороший боец был, да, вот сейчас хороший момент... Разумеется, через секунду тренировочный нож Некроманта чиркнул его по шее, Прокси попытался зайти сбоку, на том же движении получил в грудь и картинно растянулся на траве.

— Кончай выпендриваться, — так же через плечо скомандовал Некромант. — Теперь ты первый.

Вадик смотрел, как Прокси непривычно подобрался и сосредоточился — до сих пор таким он был разве что на байке. Вот он поймал подходящий момент и пошел в атаку, Вадик, не теряя времени, зашел с другой стороны. Все мысли «как же это так со спины нападать» исчезли, остался чистый азарт — нет, ну надо же попытаться достать, их тут двое, в конце концов! Но ему удалось лишь чуть задеть Некроманта по руке. И то, в общем, неплохо.

— Неплохо, — эхом его мыслей отозвался Некромант. — В большой свалке такие вещи сильно портят жизнь... и в итоге сильно ее сокращают. Не самый красивый вариант, но случалось действовать и так.

Вадик в очередной раз подумал, что категорически не хочет знать, когда и как это «случалось». И так слишком хорошо помнилось, как на Некроманта накинудись толпой и на что была похожа его рубашка. Но как так? Если бы его действительно так отделали — он бы просто не доехал, и уж вряд ли смог бы гнать быстрее «Тахо»! А они застали его уже в гаражах, и он явно уже некоторое время отдыхал. Хотя, насколько Вадик помнил, «Кадиллак» вообще не самая скоростная машина, он не для того придуман.

— А теперь смотри сюда, — очень вовремя прервал его размышления Некромант. — Мы в тандеме. Один отвлекает на себя, другой бьет. Следи за моими действиями.

— Все-таки суждено мне погибнуть от руки собственного падавана! — трагически возгласил Прокси. — «Энакин, ты был мне как брат!».

— Не волнуйся, скорее всего, я буду первым, — хмыкнул Некромант.

— Неимоверно утешает! — Прокси скорчил рожу, но тут же включился в игру, приняв максимально беспечный вид и прикидываясь, что ни Некроманта, ни Вадика тут вообще нет. Вадик решительно отогнал ненужные мысли и стал просчитывать атаку. Ага, вот, удачный момент, вряд ли достанет, зато отвлечет... Прокси действительно отвлекся на него — и эффектно осел на траву, получив в бок от Некроманта.

— Тебе еще не надоело? — поинтересовался Некромант, стоя над ним.

— Не-а, — отозвался Прокси, не открывая глаз. — Я, может, хочу насладиться моментом. А то в тот раз как-то все скомканно получилось...

— Как оно и всегда бывает, — хмыкнул Некромант. Воспоминание о пробитой толстовке Прокси и о том почти случайно возникшем рисунке все-таки вернулось и не желало уходить.

— Знаю, — вздохнул Прокси. — Хоть тут повыпендриваться.

— Если что — дам тебе время, — Некромант улыбался, но от этой улыбки пробирал

мороз по коже, несмотря на жару и на тренировку. И это при том, что Вадик вроде как давно привык к его манере общаться.

— Умеешь ты обнадежить, ничего не скажешь! — с чувством произнес Прокси.

— Работа такая, — к счастью, Некромант опять не стал договаривать.

После еще нескольких раундов Некромант объявил перерыв. «Мне-то нормально, но некоторые опасаются перегрева процессора». Вадик его опасался, пожалуй, даже больше Прокси, потому что солнце поднялось высоко, и к тому явно шло. В дом уходить не стали, расположились в тени на крыльце. Некромант отправился колдовать с чаем и вскоре вынес Вадику и Прокси по большой кружке со льдом. Вадик даже попросил добавки — лед разбавлял немыслимо крепкую заварку, получилось как раз так, как надо. Сам он тоже стал привыкать к крепкому чаю — Птаху брался за голову и поминал тлетворное влияние Некроманта.

— Ужас, — комически вздохнул Прокси. — Полгода не прошло, и что ты из падавана сделал?

— Что просили, то и сделал, — пожал плечами Некромант. — Точнее, делаю. Все еще впереди.

— Да я уже боюсь! И вообще, на твое зелье подсаживать вроде как никто не просил!

— На себя посмотри, — Некромант был сама невозмутимость. — Сам вон пьешь такое, что твой Фольц заведется и поедет.

— Так кто научил-то! И вообще, у меня прошита нейтрализация токсинов, а это что? Реально, через пару лет я от вас обоих шарахаться буду!

— Уж если ты от меня сразу не шархнулся, куда ты теперь денешься.

Некромант говорил как будто в пространство. О присутствии Вадика он словно забыл. А может, так и хотел, чтобы Вадик вроде бы случайно услышал, кто его разберет. «Раз ты не сбежал с воплями при нашем знакомстве, ты уже Внешний», — говорил Птаху. Так что же выходит, Прокси и Некромант... а ведь Птаху еще говорил, что Некромант не берет Пассажиров... Вадик уже хотел спросить, но тут заговорил Прокси:

— Прямо скажем, шарахаться мне тогда было некуда и нечем. Угораздило же загрузиться в носитель, собирающийся загнуться от передоза! Но выбрать не приходилось.

Вадик заподозрил, что у него все-таки тепловой удар. Это как вообще? Или Прокси опять паясничает? Говорил он абсолютно серьезно, впрочем, так же он рассказывал и тогда на смотровой площадке. «Последний взлом системы позволил мне создать цифровую копию личности и найти способ загрузить ее в новый биологический носитель»... Или в его городе с его технологиями так и правда бывает? Оседающая на землю фигура в толстовке увиделась как наяву. Да и Некромант отозвался все так же невозмутимо:

— Да уж... Я, когда тебя нашел, думал — все, опять силы не рассчитал, призраки дороги мерещатся. Навидался, пока сам на обочине подышал. А потом смотрю — нет, тут есть еще что поднимать. Ты, пожалуй, единственный, кого я из тех краев вытащил. Обычно я в обратную сторону работаю.

— Помню-помню! — Прокси явственно поежился. Да что за черт, то он вовсе подкалывает Некроманта, то как будто откровенно его боится! — Собственно, все, что помню — та стычка, когда ко мне с претензиями пришли, запуск экстренного восстановления, взлом — а потом надо мной нависает что-то двухметровое и интересуется, мол, «тебя поднять или упокоить?». И по всему понятно, что упокоить очень даже может! А мне и прошлого раза хватило.

— Во мне нет двух метров, — усмехнулся Некромант.

— Сколько ни есть, мне бы хватило! — парировал Прокси. Вадик начинал чувствовать себя полным придурком, поскольку совершенно перестал понимать, что происходит, а о нем реально словно забыли. Но и влезать с очередным «ничего не понимаю!» не хотелось, чтобы не выглядеть еще большим придурком. Но тут Прокси все же обратил на него внимание. И от его грустной улыбки стало совсем нехорошо.

— Некромант меня тогда вытащил, — проговорил он. — Так что, с одной стороны, моя благодарность не знает границ, с другой — я всегда понимаю, что, в общем, легко мог бы отправить обратно. Так что, да, он мой друг, но я его боюсь. Да его вообще только отморозки вроде вас с Птахой не боятся! — он скорчил рожу.

Вадик облегченно рассмеялся — обстановка разрядилась. И отдельно возгордился тем, что его поставили в один ряд с Птахой. Ну понятно — Некромант, видимо, сделал для Прокси то же, что когда-то Анна для Птахи. Подобрал, увез из города, помог прийти в себя... С Некромантом это не очень вязалось, но, в конце концов, мало ли что бывает. Вадик вспомнил чуть грубоватую заботу, с которой Некромант помогал ему встать после утомительной тренировки, и вечный его чай... В общем, все бы хорошо, если бы не те его слова «Если что — дам тебе время». Некромант ведь и про Птаху говорил, мол, надо будет — выйдет против него по-настоящему... значит, и Прокси? Вадик помотал головой — дальше думать в эту сторону совершенно не хотелось. Сейчас-то все хорошо...

— Братец мой, ты террорист!

Вадик вскинул голову — по лужайке шел Птах.

— Это как вообще называется? — он хмурился, но явно для вида. — Удрал ни свет ни заря, я себе дрыхну, а подарки кто передавать будет?

Вадик хлопнул себя по лбу и показал кулак покотившемуся со смеху Прокси. Тот поспешно отодвинулся на противоположную сторону крыльца. Ну конечно, Тундра ведь передавала подарки! Но, понятное дело, после всех нижегородских событий было не до того.

— А вчера чего молчал? — поинтересовался Некромант. — Не ожидал, что я уже вылезу? Птах, не первый день меня знаешь.

— Не первый, — согласился Птах. — Но и ты не каждый раз полутрупом валяешься, уж извини, я вижу, когда ты отдыхаешь, а когда вертикаль держишь чисто из вредности. Ее у тебя, конечно, много, но...

— Потому и жив до сих пор, — хмыкнул Некромант. — Колись уже, чего привез.

Во флэшку Некромант вцепился, как подросток-фанат, и тут же утащил ее в дом. Через минуту стены сотряс первый хриплый вопль и взвизг гитары. Прокси только закатил глаза, но тут увидел толстовку и с таким же энтузиазмом прижал ее к груди, а потом сразу же натянул на себя, не заботясь ни о каком «перегреве процессора».

— Во, на тебя хоть смотреть стало можно, не рискуя окосеть, — рассмеялся Птах. Естественно, Прокси тут же вылез из толстовки — Вадик подозревал, что не из-за жары, а из принципа.

Некромант снова появился из дома с целым графином холодного чая. На этот раз он даже присоединился сам, хотя, как Вадик успел заметить, обычно пил чай только горячим. «Это, по-вашему, жара?» — пожал он плечами, когда Вадик спросил его, как в такую жару он ухитряется пить кипяток. Вадик окончательно утвердился в мысли, что о родине Некроманта не хочет знать ничего. И так после его разговора с Прокси слишком настойчиво лез образ высокой худощавой фигуры, рухнувшей на обочину какой-то пустынной дороги, и

характерных бурых пятен на ее одежде. Или той же фигуры, склонившейся над чем-то, больше всего напоминающим просто гору тряпок, в которых угадывался неестественно изломанный силуэт.

— Некромант, — неожиданно севшим голосом проговорил Вадик, — у тебя какой-нибудь ненужный листок есть? Или даже пара...

Прокси многозначительно покосился на него, а Некромант без всяких вопросов ушел в дом и вернулся с несколькими листами бумаги для принтера и ручкой. И даже принес в качестве планшета большую книгу в твердой обложке, на которой, разумеется, среди немыслимой вязи угадывались слова «Black Metal». Вадик радостно закивал, а Некромант по своему обыкновению, демонстративно принялся разглядывать облака. Только что не насвистывал.

Птаха и Прокси чуть в стороне обсуждали какой-то совместный проект по прокладке сети где-то в Верхнем городе, но Вадик их почти не слышал. С ним и раньше случалось, что пришедшая мысль немедленно просилась на бумагу, но обычно все-таки хоть было время добраться до своих материалов! А сейчас Вадик понимал две вещи: во-первых, ждать он не может, во-вторых, он сам не имеет ни малейшего понятия, что это такое он рисует. Оно просто пришло само. Вот примерно как с тем рисунком, где был кто-то очень похожий на Прокси. Но там Вадик еще как-то выверял контуры и расцветку, а сейчас торопился, как будто от готовности рисунка зависела его жизнь. Какие там детали, так — общие силуэты. Но почему-то это было очень надо.

— Доделаешь — можно это мне? — тихо спросил Некромант, показав на рисунок с одинокой фигурой на обочине. Вадик просто подвинул лист к нему:

— Бери сейчас. Я сам не знаю, что это такое, доделывать не буду.

Некромант еще какое-то время в задумчивости повертел лист в руках, благодарно кивнул и унес в дом.

— А кстати, юный Скайуокер, — вкрадчиво заговорил Прокси, — мне стало известно, что в поездке ты совершенствовался не только в истреблении себе подобных, но и в рисовании. А посмотреть можно?

— У меня с собой нет ничего, — потупился Вадик, — Некромант как с утра на тренировку позвал, так я и вылетел...

Прокси расплылся в улыбке:

— Ну ты еще не понял, что это я так нагло напрашиваюсь сожрать вашу стуженку? Все равно жара такая, что даже Некроманту, мне кажется, хватит гуманизма не продолжать!

— Гуманизм? А что это? — отозвался Некромант. Вадик только фыркнул — странная атмосфера развеялась окончательно. Но второй рисунок он бережно унес домой.

Если бы еще осенью Вадику кто-то сказал, что он будет охотно сидеть за учебниками, тем более летом — он бы только пальцем у виска покрутил. Но сейчас у него на мониторе теснилась куча вкладок с образовательными сайтами, энциклопедиями, онлайн-курсами и просто интересными ссылками. После поездки на Байкал, когда те самые история с географией и биологией вдруг ожили и оказались не какими-то разрозненными фактами, а реальностью, он хотел наконец уложить все это у себя в голове. Города, исторические события, природные зоны — все, оказывается, складывалось в единую систему. Вот этот город возник там, где возник, потому что по реке проходил важный торговый путь, а эта битва произошла не там, где прущие друг на друга войска наконец столкнулись лбами, а там, где командующий одной из сторон понял, что будет удобнее драться... «Вот нельзя было сразу объяснить, а?» — ворчал иногда Вадик. Хотя, если откровенно, он в принципе на уроках не очень слушал — интереснее было переписываться с Валеркой и обмениваться картинками. Но бывают же, оказывается, на свете люди, которые умеют не только нудеть с диким количеством дат, а реально интересно рассказывать! Еще Вадик, сам на себя удивляясь, залез в историю религии. А то шуточки Тундры про Верхний мир — это хорошо, но хотелось еще и понимать, что там к чему. Понял он не очень много и быстро переключился обратно на историю с географией. Тем более что там можно было найти сколько угодно красивых пейзажей и потренироваться рисовать. И портретами он все еще был не очень доволен. Вот зверье получалось хорошо. И машины, конечно. Прокси довольно кивал и присылал ссылки на интересные видеоуроки. И только что на месте не запрыгал, услышав про проект аэрографии для Тундры. «Тут работать тебе. Я прикрою по технической стороне, но это твой рисунок», — решительно сказал он. Тут уже запрыгать на месте был готов и сам Вадик.

Жара установилась такая, что даже Некромант не слишком часто настаивал на тренировках, и то только утром или вечером. А то и вовсе практически ночью. «Как ты помнишь, юный Скайуокер, в Нижнем городе не лучшее освещение». Вадик помнил лучше, чем хотелось бы. В темноте он видел неплохо, тем более что ночи сейчас стояли светлые, но сумерки скрадывали движения, а Некромант часто одевался в невнятно-темные тона. Зато Прокси однажды явился в футболке со светящимся в темноте узором. Правда, этакая «мишень» делу не помогла и даже усложнила — во-первых, флуоресцирующие линии отвлекали, во-вторых, уж слишком эти орнаменты напоминали о Ящере и его гибели. Спасибо хоть, черепаха, а не ящерица. А тут еще Некромант, явно нарочно, точно воспроизвел свои действия в тот день — отбросить нападающего, нейтрализовать руку с оружием и перейти на добывающий.

— Издеваешься, да? — поинтересовался Вадик, поднимаясь с земли. Некромант пожал плечами:

— Нет, показываю эффективный вариант действий. Прокси, сгинь, от твоей черепахи в глазах рябит!

Последнее он произнес, вполборота отбив атаку того самого Прокси, который попытался за разговором подобраться сзади. Прокси демонстративно застыл в эффектной позе и валялся так, пока Некромант в очередной раз не предложил: «Я ж подниму, мне не трудно».

Зато, если Некромант и проявил гуманизм (хотя и продолжал утверждать, что не знает этого слова), за Вадика взялся Птаха. «Технику ты усваиваешь хорошо, и это просто прекрасно, — говорил он, — но банальной физической силы никто не отменял. Дома прохладно, для большинства упражнений хитрых снарядов не нужно, так что не строй мне рожи и вперед заниматься». Впрочем, Вадик не мог не признать, что рожи строил больше для порядка и разве что первое время. Да, со школьной физры он удирал при первой возможности, ну так она унылая! Все эти бесконечные круги по стадиону и дурацкий футбол — какой идиот придумал, что если парень, так обязательно без ума от футбола? По канату вот лазить Вадик любил, и получалось у него хорошо, благо легкий, но довольно сильный. А все эти дурацкие нормативы, кто там сколько раз отожмется и подтянется... Ежу понятно, что лось вроде Руса все это выполнит играючи, это ж не вопрос умения, а вопрос природы! Но Птаха натащил ему обучающих видео, где серьезные мускулистые парни (а иногда даже и девчонки) разъясняли, как все это делать правильно, чтобы ничего не потянуть и не травмировать, и зачем оно вообще надо. А еще они выгодно отличались от физрука тем, что все можно было остановить, перемотать и повторить столько раз, сколько понадобится. Вадик не удержался и высказался про физру и физрука в выражениях, которые вроде как детям употреблять не полагалось. Птаха для вида нахмурился, но понимающе кивнул:

— Верить, нет, в школе от физкультуры отмазывался любыми средствами. Вот из секции самбо меня было не вытащить, батя даже стал подозревать, что у нас там секта или вообще подпольная террористическая организация. Грозился поднять свои связи и всех к чертям разогнать. Даже на меня пытался кулаками махать, только вот я благодаря той самой секции уже и ответить мог. После чего батя окончательно забил меня воспитывать. Хоть одну вещь в жизни сделал правильно.

Птаха помрачнел, и Вадик быстро перевел тему, спросив, что за секция. После чего обучающие видео на сегодня закончились — Птаха ударился в воспоминания. Он рассказывал о тренере, раскопал на компе старые фотографии и предложил Вадика кое-что показать. Тот, понятно, был только рад — в конце концов, именно Птаха первым вызвался его учить! К тому же у Вадика было четкое ощущение, что с тем красавчиком Птаха разделался, даже не пуская в ход нож. Он криво усмехнулся, вспомнив заговорщический шепот Валерки: «Хочешь стать одним из них — убей предшественника. Сам. Один на один, без оружия». Еще расходились версии — вообще без оружия или речь только об огнестрельном. Но как бы то ни было — Пассажир Лансера даже с ножом мало что смог. Нехорошо прищурившись, Птаха объяснял: «Громилу типа меня ты, может, даже и достанешь. Но если не сразу насмерть — он до тебя дойдет, вывернет наизнанку, а потом сам свалится рядом от потери крови. Но тебя это мало утешит». Вадик чуть ежился — ему снова вспоминался разорванный рукав Птахиной футболки. Да нет, ерунда, у того красавчика был один шанс, и тот упущен. Может, вскользь и зацепил, но от этого не умирают. Да и вообще, что за чушь, Птаха-то здесь, а этот неуловимый мститель так и остался валяться где-то в переулке. Так что Птаха дело говорит.

К вопросу об огнестреле — Птаха, как и обещал, затащил Вадика в тир. И не какой-то там парковый с невнятной и насквозь косо пневматикой и дурацкими плюшевыми мишками, а прямо с реальным оружием! Причем находился этот тир на крутейшей загородной базе отдыха, и Вадик только мысленно хихикал, что Никитосу с его корпоративами такое и не снилось. «Побоялся бы ехать — пристрелят невзначай!». Вадик уже ожидал каких-то хитрых махинаций в духе Прокси, но все оказалось гораздо проще —

администратор тира сам был из Внешних, отзывался на прозвище Патрик и хорошо знал Птаху. А Птаху в свое время устроил на этой базе всю сеть и систему безопасности, так что в благодарность получил членскую карту с правом приводить гостей. Чем и пользовался.

Что там с байками, что Внешние поголовно ходят со стволами — Вадик пока так и не понял. У Птахи, вроде как, ничего такого не было. Некромант предпочитал обходиться ножом. Прокси чего-то упоминал, что умеет стрелять, и что там у него еще припрятано в недрах «Фольксвагена» и гаража — черт его разберет. У нижегородских точно никаких стволов не было — и хорошо, что не было, иначе обломком кирпича дело бы точно не ограничилось. Но как бы то ни было, Птаху оказался отличным стрелком. Вадика это не удивило — он ни капли не сомневался, что Птаху умеет если и не вообще все на свете, то очень и очень многое. И умеет круто, потому что самый классный в мире старший брат не может быть другим. И Вадик так тоже научится. Хотя пока держать пистолет было тяжеловато. Ничего-ничего. Он еще вырастет. И тоже так сможет.

Когда тир официально закрывался для посетителей, Патрик любил посидеть с ними в баре за чаем — Птаху всегда за рулем, Вадик еще маленький, а Патрик просто почти не пил, разве что иногда темное пиво. Он был долговязый, рыжий и веселый, причем рассмешить его могло, кажется, абсолютно что угодно. А смешнее всего он считал свою работу в тире.

— Приезжают, понимаешь, такие на кондиционированных авто, — фыркнул Патрик в кружку с чаем, — на задержке дыхания до дверей добегают, а потом мне рассказывают, как за городом вообще дышать стало нельзя и какой у меня отличный воздух, прямо как в Верхнем городе. У меня вообще кондиционер сдох полгода назад!

— Починить? — деловито спросил Птаху. Патрик махнул рукой:

— Да гори он синим пламенем... хотя он, собственно, уже. Я новую систему заказал, вот приедет — буду, наверное, твоей помощи просить. Но ты ж зацени цирк: я, значит, последний оплот цивилизации, вокруг отравленные пустоши... а, да, и Внешние, конечно, куда ж без них! Мне тут водила один рассказывал — я, говорит, у шефа прибавку к зарплате буду просить, за риск для жизни, Внешние же наемных водителей истребляют везде, где увидят, в черте города еще есть шанс, что не станут связываться, а ну как за городом нарвемся, шефа же вечно куда-то несет! А я такой — да, да, очень страшно, а сам под стойку ржать. Вот думаю, сказать этому чуваку, что я и есть тот самый Внешний — он от разрыва сердца помрет или сначала меня пристрелит? Хотя меня еще поди пристрели.

Патрик продолжал улыбаться, но в его ярко-голубых глазах на мгновение мелькнуло что-то такое, что Вадик у стало понятно: да, это Внешний, и он, как многие из них, умеет постоять за себя. А Патрик уже рассказывал дальше, то и дело давясь смехом:

— Нет, я с них не могу. Настреляются, значит, крутизны полные штаны, потом в баре напьются и давай мне жаловаться, как страшно жить. Хотя большие боссы неинтересные, слышал одного — все, уже наизусть весь репертуар знаешь, то ли дело их водилы. Где только хвататься успевают! То у них аномалии, прям как в играх, народ, видите ли, в определенных районах бесследно пропадает, хотя я подозреваю, что одна такая аномалия как раз напротив меня сидит. То, дескать, появляется милая девочка и просит подвезти, а на самом деле она из этих самых ужасных Внешних и приведет прямо к ним в логово, а уж что там с наемным водителем сделают, это ни в сказке сказать, ни пером описать. А я такой невинные глазки сделал и спрашиваю: а девочка, случайно, не азиатской внешности? А тот кивает, аж башка щас отвалится: да, да, все так и есть, ее саму когда-то зверски убили, и вот она теперь новых жертв ищет... Птаху, не надо биться лбом об стол, у него ножки хлипкие!

Птаха действительно театрально стукнулся об стол, а потом просто на него сполз, задыхаясь от хохота.

— Слышь, рыжий, ты смерти моей хочешь? — с трудом выговорил он. — То под Нижним на недоделанных фольклористов налетели, битый час слушали, что мы сектанты и посланники ада, теперь ты!

— Так а ты думаешь, за что я люблю свою работу? — подмигнул Патрик. — Сам вон не меньше моего угораешь, когда заказы из Верхнего города приходят!

Вадик фыркнул, вспомнив, как недавно Птаха в лицах представил ему разговор с заводчиком йорков, которому хотелось смотреть, что делают его питомцы, пока он на работе. Тот жаловался, что скоро выставка и придется ехать за город, и очень боялся этой поездки. Потому что он, видите ли, «обычный» водитель, а «всем известно», что за городом в любой момент машину могут остановить те самые страшные и ужасные Внешние и поинтересоваться, по какому это праву ты за рулем. А «право» там простое — одержать верх в гонке или в поединке, и цена проигрыша — жизнь. Птаха тогда свел разговор в шутку и под предлогом телефонного разговора с напарником сбежал ржать на технический этаж. А сейчас он рассказал Патрику эту историю, и теперь уже Патрик, ничуть не заботясь о хлипких ножках, рухнул головой на стол, издавая невнятные звуки.

— Отомстил! — проговорил он, когда к нему вернулся дар речи. — Ну скажи же, цирк? Вот реально, я как свалил, не жалел ни минуты.

— Я тоже, — коротко ответил Птаха. Патрик задумчиво оглядел его, явно что-то вспоминая.

— А, вот, чего сказать-то хотел. Тут заруливал один деятель, он у меня давний клиент, и я все замечал, что вы с ним похожи вроде. Только он сильно старше. Ну и вот, заглядывает-то он ко мне давно, а тут чего-то нажрался, как свинья, и давай душу изливать. У меня, говорит, годовщина сегодня, траур, а поделиться не с кем, один ты, Пашка, меня понимаешь. Я Павел по цивилу, — пояснил он Вадиду. — Так вот, мое дело маленькое, сделал сочувственную рожу, слушаю. А он завел пластинку про страшных сектантов, которые, значит, молодежь с пути истинного совращают. Старшего, говорит, давно сманили, пытался помешать, так он меня чуть не убил и пропал со всех радаров, одна надежда была — младшего убереечь, так ведь и его вычислили... Я ж правильно понимаю, это ты попросту брательника забрал? Птах! Птах, я что-то не то сказал?

Широченная улыбка Патрика мгновенно сменилась тревогой, и было отчего — Птаха закусил губу, словно от боли, глаза потухли. Таким он был, когда разговаривал с Анной в кабине «Скании»...

— Нет... все так, — хрипло проговорил Птаха. — Так все и было. Просто... вспомнился один неприятный момент.

— Тьфу, блин, ты так не пугай! Все ж хорошо теперь?

— Да, — Птаха улыбнулся. — Теперь все хорошо.

— Ну и славно, — Патрик облегченно вздохнул. — А, слушай, я тормоз, как мелкого-то твоего зовут? Тот деятель имя называл, но я себе не враг — все запоминать, что мне по пьяни несут! Чего-то заседаем тут, а нормально познакомиться и не сподобились...

— Вадим, — мгновенно ответил Птаха. Вадик почувствовал, что расплывается в улыбке до ушей.

Уже дома Вадик все-таки спросил:

— Но слушай, а у нас проблем не будет? Я же правильно понял, что Патрик имел в

виду...

— Не будет, — решительно отрезал Птаха. — Я же говорил тебе: я уже давно не тот парень, который послал батю куда подальше и срулил из города. Даром что я из тех Внешних, кто ушел, так сказать, при жизни. В смысле, не как ты или Прокси — считалось, что я жив, просто разругался с семейством и пропал со связи. С тех пор, понятно, умирать доводилось еще не раз, — теперь его фирменная ухмылка была немного грустной. Вадик молчал, не зная, что ответить, но тут Птаха уже с обычной улыбкой хлопнул его по плечу:

— Нормально все, говорят тебе. Сам слышал, что про нас всех рассказывают, да и ты уже начал в истории попадать. В одной нашей любимой столице меня, по рассказам, прикончили раз пять, в Питере минимум один раз, не удивлюсь, если в том нижегородском беспределе я тоже в жертвы попал. Ну, первый раз, что ли. И вообще, по большому счету, мои шансы налететь на батю не так велики — я же к Патрику езжу, когда у него особо народа нет. Да он бы меня и не узнал. А узнал бы и полез с претензиями — меня давно ничто не сдерживает, — вот теперь это был эталонный «плохой парень». Впрочем, Вадик и не думал бояться.

— Круто, — искренне сказал он. Птаха подмигнул:

— Я смотрю, научили мы тебя плохому! Но факт есть факт — кто-то из прежней жизни может проникнуть к нам, только если мы сами позволим. А я своих ошибок повторять не намерен.

«Одного раза хватило», — Птаха не произнес это вслух, но на нем это было буквально написано. А может, Вадик и сам уже учился понимать без слов. В конце концов, Птаха — его брат. Что бы там когда ни было, сейчас это так. Ведь Патрик был уже третьим сторонним человеком, кто счел их братьями.

В очередной их приезд на базу отдыха к Патрику они почти столкнулись с немолодым мужчиной, действительно похожим на Птаху, только вдвое старше и конкретно расплывшимся. Голова выбрита почти под ноль, явно чтобы замаскировать растущую лысину, одет в дорожные, но какие-то бестолковые шмотки. Из Вадика стилист был так себе, но на Никитосовых «успешных людей» он насмотрелся на всю оставшуюся жизнь. Так вот, чего у них не отнять — они свои костюмы носить умели, этот — нет. Даром что закупался, похоже, там же. Никитос таких презрительно называл «остатками новых русских» и считал посмешищем. Только вот что-то, а смеха этот дядька не вызывал. От него веяло угрозой примерно такого же плана, как от тех темных пригородов. Взгляд исподлобья, пиджак как-то подозрительно оттопыривается, и явно не только потому, что не по фигуре, насколько это пузо можно назвать фигурой... Вадик был готов запаниковать, но Птаха только сжал его руку и спокойно пошел вперед. Черт, а ведь у него только нож... Но дядька лишь смерил их стеклянным взглядом и направился в сторону бара. Вадик шумно выдохнул.

— Я же тебе говорил, — пожал плечами Птаха. — Его сын исчез бесследно, а у меня семьи нет. Кроме тебя.

Вадика это неопишимо грело, но он по-прежнему не мог понять, как так. Судя по тем фоткам из секции, Птаха не то чтобы сильно изменился — ну да, стал выше и крепче, но лицо и даже эта фирменная ухмылка были те же. Этот дядька (называть его отцом Птахи даже мысленно язык не поворачивался, хоть и похожи) — он что, последние мозги уже пропил? Такие обычно по люксовым базам отдыха не шастают... Ну и как это все понимать?

«Старых знакомых ты больше не увидишь, а если однажды и встретишь — они сами тебя не узнают». Эта фраза Птахи прозвучала в памяти настолько отчетливо, что Вадик даже

вздрыгнул. Но нет, реальный Птаха, шагавший рядом с ним, по-прежнему молчал. Вот сейчас Вадик по-настоящему понял смысл тех его слов. Это что же получается: если он в какой-то из выездов в город случайно встретит Руса, Макса или даже Валерку — они точно так же его не узнают? От этой мысли стало холодно, несмотря на жаркий день и по-прежнему отсутствующий кондиционер. Да, в первый выезд в город Вадик боялся наткнуться на кого-то из них и надеялся, что его не узнают, но теперь ему ясно представилось, как Валерка вот так же равнодушно посмотрит и пройдет мимо... Нет, уж лучше больше никогда ни с кем из них не встречаться. Он Внешний. Дорога в один конец. Ушел так ушел.

Вадик едва сдержался, чтобы не хлопнуть себя по лбу: ну да, чего же ему еще ожидать! Это Птаха просто ушел из дома — и то, поди, его батя так обозлился, что и думать о нем забыл, разве что по пьяни и прорывает. С такого станется. А его-то для одноклассников нет в живых! Естественно, если он на кого и наткнется — они решат, что это просто кто-то похожий! Если вообще найдут сходство, ребята-то помнят его таким, как он был почти год назад. А Вадик и сам чувствовал, что изменился. Волосы отросли, сам он стал заметно выше, и вообще из зеркала смотрел явно не тот пацан, который набил морду старшему брату и сбежал. Сам бы себя не узнал, наверное.

Тем временем жара и не думала никуда деваться, и Птаха предложил разведать подмосковные озера. Сама идея, что в области можно залезть в водоем и выжить, по-прежнему была крайне странной, а уж когда Птаха сказал, что многие из этих озер — на самом деле песчаные карьеры... Но на вид — озера как озера, с голубой водой и торчащими оттуда головами таких же изнывающих от жары местных. Птаха предупредил, что дно очень круто уходит вглубь, но Вадик плавал вполне неплохо, так что отсутствия опоры под ногами не боялся. На третьем шаге вглубь он действительно потерял дно, ничуть не смутился и поплыл. Вода как вода, даже лучше, чем в бассейне, потому что не воняет хлоркой. Птаха помахал ему откуда-то с середины озера, и Вадик рванул догонять. Это было не очень умное решение — доплыть-то он доплыл, но выдохся напрочь и повис на Птахе, как на буйке.

— Бассейн у вас, поди, поменьше был, — хмыкнул Птаха. Вадик только что-то невнятно булькнул. — Эй, погоди пузыри пускать. На буксир взять или доплывешь?

Вадик хотел было сказать, что отдохнет и доплывет обратно сам, но понял, что силы кончились. Ох, правильно Птаха говорил про физическую подготовку...

— Ничего, — добродушно усмехнулся Птаха, — вода — штука коварная, сил действительно уходит много. Держись, сейчас выжу.

В той давней поездке на море на берегу везде торчали плакаты про спасение утопающих, к которым местные остряки обычно норовили приписать «дело рук самих утопающих». Вадик не особо вникал, а сейчас понимал, что зря. Он, конечно, не то чтобы утопающий и сам плавать умеет, но действительно выдохся так, что мог только тащиться поплавком за Птахой. А тот преспокойно выгребал одной рукой, второй поддерживая его. Вадику стало стыдно.

— Давай сюда ездить, пока жара, — предложил он на берегу. — Ну или еще куда-нибудь.

— Тренироваться плавать? — Птаха, разумеется, понимал с полуслова. — Да не вопрос. На самом деле, ты бы и сейчас доплыл, если бы не рванул с наскака через половину озера. Потихоньку, с перерывами, и хоть на другой берег можно. Техника-то у тебя есть, выносливость развивать надо.

Вадик только воодушевленно закивал. Теперь они регулярно выбирались на какое-

нибудь озеро, причем иногда к ним присоединялся Некромант. По его собственным словам, плавать он умел плохо, но надо же как-то от жары спасаться. Прокси забаррикадировался в «Фольксвагене» и вылезал только после захода солнца, объявив, что переходит в режим энергосбережения. «Ну и кто тут нежить?» — съязвил как-то Некромант, на что из «Фольксвагена» в него прицельно полетел яблочный огрызок. Некромант, разумеется, увернулся.

Но, хотя от жары и было где спастись — не в озере, так у Патрика, которому Птаха наконец помог с кондиционером — она начинала утомлять. Вадик с интересом обнаружил, что успел привыкнуть к дневному образу жизни, и обратно в ночной как-то и не хотелось. Да и по ночам было душно и снилась всякая муть вроде Никитоса. В общем, Вадик едва ли не впервые очень ждал осени — потому что в этот раз она несла с собой не очередное школьное занудство, а просто прохладу. И, конечно, что-то интересное, потому что никак иначе быть просто не может.

Вадик традиционно валялся морской звездой у себя на диване, дожидаясь, пока к вечеру станет прохладнее и можно будет заняться чем-то осмысленным, когда вдруг ожил телефон. Тундра писала: «Еду за собачками. Привезу много вкусного!». «Дождик привези, а?» — написал в ответ Вадик. Тундра моментально отозвалась «Сделаем!» и приложила картинку с шаманским бубном. Шутки шутками, а той же ночью хлынул дождь, и погода наконец стала пригодной для жизни.

Услышав о скором приезде Тундры, Прокси неимоверно оживился и засел вместе с Вадиком дорабатывать эскиз, хотя скорее — просто объяснять, что и как делать, чтобы перенести это все на борт пикапа. «Уж извините, — заявлял он Птахе и Некроманту, — а всякое смертоубийство пока подождет!». И шепотом добавлял: «Честно говоря, после такого хамства я начинаю опасаться за свою жизнь!». Но Некромант и сам потирал руки в предвкушении, да и время на тренировки все равно находилось. Дни, когда Вадика то и дело срубало спать от избытка впечатлений, остались далеко в прошлом, Птаха даже интересовался, не перебарщивает ли он с чаем, что так мало спит. Впрочем, Вадик чувствовал себя прекрасно. А как вообще может быть иначе?

Жара наконец кончилась, Вадик снова с удовольствием ходил с распущенными волосами, но, по примеру Некроманта, завел привычку повязывать бандану. И в гараже удобно, и с красками возиться проще. Как Прокси ухитрялся ни во что не влезть своей челкой — для Вадика оставалось загадкой. Впрочем, при ее расцветке вляпаться в краску не страшно. А вот на тренировках Вадик бандану не надевал. Как, впрочем, и сам Некромант. И ничего, было нормально. То ли челка наконец отросла до такой степени, что перестала лезть в глаза, то ли что. Некромант лишь пожимал плечами: «Вот тут дело твое. Планируешь по жизни хайры распускать — привыкай и драться так же. Сам понимаешь, времени на смену прически тебе никто не даст. А про уязвимость я тебе втирать не буду, потому что сам такой же и научу, чтобы это не было проблемой. В Нижнем меня свалили, но настолько близко все равно не добрались».

Если Вадик в путешествии вспоминал о телефоне, только чтобы фотографировать, то Тундра регулярно писала со стоянок. По ее словам, хотела сверить маршруты. Но совпадали они мало — Тундра больше ехала по городам, не рискуя одна ночевать на трассе, проходила за день меньше, и до самого Нижнего Новгорода точек пересечения практически не было. От одной из фотографий Вадика стало нехорошо — память на лица у него была отличная, и смуглого парня в джинсовке он узнал. С другой стороны, уж если он в ту драку не полез...

Прямо скажем, он не выглядел как чувак, который просто побоялся за свою жизнь. И уж с Тундрой ему точно делить нечего. Вадик вообще слабо представлял, кому с ней было бы что делить. Во всяком случае, на совместном селфи оба хохотали взахлеб и ставили друг другу рожки. Заодно Тундра сообщила, что этот парень откликается на Джимми или Джигита. Да, в общем-то, и черт бы с ним. Вадика продолжать знакомство точно не тянуло. Радовало другое — если Тундра уже в Нижнем, то еще несколько часов, и она тут!

Но в тот день Тундра так и не появилась. Не появилась и на следующий. Вадик начал беспокоиться, но Птаха лишь невозмутимо махнул рукой: «Все в порядке. Было бы что, я бы почувствовал». И действительно, в середине дня в гаражах возник знакомый синий пикап. Вадик бросился здороваться и покатился со смеху — ожерелье на шее Тундры состояло из то ли глиняных, то ли деревянных мухоморов. И судя по ее хитрой улыбке — не так уж случайно она выбирает свои украшения. Но ее исчезновение на два дня все равно не давало Вадику покоя.

— Слушай, тут от Нижнего ехать-то...

— Ты меня потерять, что ли, успел? — рассмеялась Тундра. — Сами-то с дороги вообще на связь не выходили! Я просто у Джигита с ребятами зависла, клевые они. Хотя сначала глаза вытаращили — мол, девушка, одна, аж с Байкала едет! Как не Внешние, право слово. А я их еще напугала, что еду к от мороженным москвичам, вот ровно к тем самым, которые за косо́й взгляд наизнанку вывернут, — ее окончательно разобрал смех.

— И что они? — чуть напряженно спросил Птаха, подходя к машине. Тундра вздрогнула:

— Да не пугай ты так! Я с тобой заикаться начну! Да ничего, пожелали удачи и проводили, когда это Внешние друг другу ездить мешали. Я так поняла, у них не так давно какой-то инцидент вышел, Джигит не хотел рассказывать, а я что, настаивать буду? Видно же, что неприятно вспоминать. Это... вроде как с Лансером история была?

Птаха только молча кивнул.

— А, ну я что-то такое и заподозрила. Ну понятно, кто о таком будет рассказывать, — Вадик подумал про себя, что тех, кто мог бы что-то рассказать, там и осталась-то пара человек, включая того самого Джигита. — Вообще, саму иногда жуть берет, угораздило же познакомиться! Наши тоже вон говорили — мол, куда тебя несет, там народ на всю голову пробитый, мало ли чего. А что мне будет, у меня здесь дом. И на Байкале дом, не могу выбрать. Скучно все время на одном месте. Люблю Байкал, но несколько месяцев пройдет — и вас не хватает, и здешние края посмотреть охота. А здесь поживу — и уже Байкал вспоминаю, и просто в дорогу хочется.

— Дурное влияние Ворона? — ухмыльнулся Птаха. «Это Водитель Тундры», — шепнул он Вадику.

— Ой, да где тот Ворон! — Тундра махнула рукой. — Я вообще не знаю, где он и что он. Нет, я ему по гроб жизни благодарна за помощь, — пояснила она уже Вадику, — но отдельно благодарна за то, что он сразу сказал: чувствуешь, что нам с тобой больше не по пути — держать не буду и не обижусь, так бывает, дороги расходятся. А я действительно понимала, что он классный, но все время вместе с ним — не могу. Во всем помог, познакомил с ребятами и как будто исчез. Или я исчезла, не знаю уже. Странно, вообще, даже случайно с тех пор не пересекались.

— Дороги расходятся... — эхом повторил Птаха. Вадику чем-то неуловимо не нравился этот разговор. Лично он ну вот совершенно не собирался ни с кем и никогда расходиться.

Впрочем, Птаха ведь говорил, что и нет необходимости... По счастью, Тундра уже сменила тему:

— В общем, я в этот раз надолго. Прокси уже объяснял, что аэрография — это точно морока недели на две, да еще рисунок большой. Ну и ладно, давно хотела тут подольше побыть, пока вроде ничего не мешает. Вадик, дай еще раз на собачек посмотреть, а?

Вадик гордо предъявил эскиз, и Тундра совершенно по-детски захлопала в ладоши:

— Ух, здорово как, прямо не знаю, как доживу до окончания, уже хочется готовое увидеть! Потом точно поеду кататься и всем хвастаться! Ух, ну до чего же они классные!

От избытка чувств она обняла Вадика. Надо же, при первой встрече они были одинакового роста...

— Ничего себе ты вырос! — присвистнула Тундра. — Ты Некроманта догнать решил?

— Имеет все шансы, — фыркнул Птаха. — Меня, по-моему, перерастет.

Вадик самым невежливым образом отвесил челюсть. Нет, он прекрасно видел, что сильно вырос, любимая жилетка уже едва застегивалась, все чаще приходилось пригибаться там, где проходил в рост, но он как-то все равно воспринимал себя мелким. Опять же, понятно, что и батя у него долговязый, и Вадик уже знал, что мальчишки начинают активно расти чуть позже, чем девчонки, и все-таки мысль о том, что он может перерасти Птаху, в голове не помещалась.

— Перерастешь, перерастешь, — добродушно усмехнулся Птаха. — На наших пустошах оно лучше получается.

— Радиация, что ли, рост усиливает? — рассмеялся Вадик. Птаха кивнул, сам давясь от смеха.

— Кстати, — подмигнула Тундра уже из кузова, когда только успела там оказаться? — Я без подарков не приезжаю. Вадик, лови!

В него прицельно полетела крутейшая кожаная жилетка — видимо, все из того же рок-магазина. Жесткая кожа, заклепки, все как полагается. Вадик немедленно в нее влез — как по нему шилось, даже еще запас есть. Птаха показал одобрителный жест. Ему самому Тундра вручила точильный брусок, улыбнувшись «знаю я вас, маньяков». И целый мешок чая. Ровно в этот момент из гаража высунулся Некромант — «на запах», съехидничала Тундра. С ним обниматься она не стала, просто радостно помахала и вручила флэшку — видимо, с очередными раритетами от иркутских байкеров, судя по тому, с каким счастливым видом Некромант убрал ее в карман.

— Так, стоп, — прищурился Птаха, — а где, собственно, Прокси?

Вадик быстро огляделся. Действительно, Прокси так и не показался. Дверь «Фольксвагена» была заперта. А ведь он обычно все перемещения, не иначе, из Инфосферы вылавливает и везде первый! Вадик оглянулся на Птаху — тот смотрел все с тем же озабоченным прищуром. Некромант был внешне спокоен, но Вадик чувствовал, что он тоже к чему-то прислушивается. И очень настойчиво в память лезли те пригороды с заколоченными окнами и та темнота... Но откуда-то из-за леса донесся рев явно мотоциклетного мотора и явно на очень высоких оборотах. С одной стороны, Прокси явно не единственный байкер в округе, но так хотелось, чтобы это был он... И действительно, звук приблизился, обороты упали, и на поляну выкатился оглушительно-зеленый байк.

Тундра бросилась здороваться, Птаха — то ли обняться, то ли стукнуть (хотя при экипировке Прокси это было не очень осмысленно), но Прокси вскинул руку в запрещающем жесте.

— Необходим сброс настроек, — прозвучал механический голос, несколько приглушенный шлемом. — Контакт возможен после смены визуального оформления.

Он завел байк в гараж и скрылся в «Фольксвагене». Оттуда послышались, уже нормальным голосом, традиционные комментарии про биологическую оболочку и ее ограничения, и Прокси снова возник на пороге в своих обычных уделанных краской штанах и той самой черной толстовке, которую Тундра передала с Птахой. Этот самый Птаха быстро подошел к нему и все-таки треснул по макушке.

— Что за жизнь! — патетически воскликнул Прокси. — Все, кому не лень, убить норовят!

— А кому еще не лень? — поинтересовался Некромант. Прокси махнул рукой:

— Да так... называется, вовремя карты обновлять надо. И отключать к чертям собачьим чувство ностальгии, до добра оно не доводит. В моем родном районе лучше совершенно не стало, даже наоборот. Хорошо, что мой байк быстрее многих.

Птаха привычно размял пальцы.

— Да погоди ты, псина бойцовая! Честное слово, мне никто ничего не сделал. Не успел.

— Высокие настройки гуманности, говоришь... — как бы про себя пробормотал Некромант.

— Говорю и буду говорить! — парировал Прокси. — Сам знаешь, это чистая правда. Но себя защитить я в состоянии. Еще не хватало опять на перезагрузку уходить.

У Вадика росло и крепло ощущение, что, во что бы там Прокси ни вляпался, простым бегством дело не ограничилось. Вон, костяшки на правой руке явно сбиты, а ссадину на щеке оставил точно не пролетающий камушек — у Прокси, в конце концов, нормальный шлем с визором! И вспомнилось, что этот мирный художник, вообще-то, неплохо держится против Некроманта.

— Тьфу на вас! — вклинилась Тундра. — Прокси, ну от тебя не ожидала!

— А что я? — пожал плечами Прокси. — Еду себе решать рабочие вопросы, никого не трогаю, а тут пытаются трогать меня, и не просто трогать, а конкретно оторвать башку, а она мне еще на природном месте нужна, зря, что ли, столько времени было потрачено на эту оболочку! Можно сказать, дорога как память!

— Тьфу на тебя, — еще раз сказала Тундра. — Держи источник энергии, что ли.

Она протянула пузатый глиняный бочонок с медом. Прокси издал восторженный вопль и уволок «источник энергии» в недра «Фольксвагена». Обратно он появился только через пару минут, демонстративно облизываясь.

В следующие несколько дней Птаху почти не было видно. Вадик сильно подозревал, что, несмотря на все заверения Прокси, он все равно отправился выяснять, что там произошло. Во всяком случае, на следующий день после приезда Тундры, когда Вадик собирался на тренировку к Некроманту, а потом в гаражи, он почти столкнулся в дверях с только что приехавшим Птахой. Тот лишь жестом показал, что все в порядке, и ушел наверх спать. Вылез под вечер, полночи гонял компьютерных монстров, утром уехал снова. Странное дело — в этот раз Вадик за него не боялся. Он даже нарочно заставлял себя думать о том городе и его опасностях, но оставался полностью спокойным. Как будто откуда-то знал, что все будет в порядке. И ведь действительно — когда они с Птахой все-таки пересекались, в нем не было той запредельной усталости, как тогда, дома у Некроманта. Он подолгу отсыпался, но в остальном это был тот Птаха, которого Вадик знал всегда.

А еще бояться, собственно говоря, было некогда. Потому что Прокси, демонстративно

расшаркиваясь, заявил, что основным художником в этот раз будет Вадик, и даже пока шла подготовка, из гаража он почти не вылезал: Некромант настоял, чтобы он участвовал и в технической части. «Хочешь заниматься аэрографией — вникай в весь процесс». Да Вадик и сам был только рад.

В перерывах, пока сохла краска, он наконец познакомился и со здешним домом Тундры. Он был обставлен попроще байкальского, но и в нем везде царили пестрые узоры, засушенные травы и ловцы снов. А еще оказалось, что Форестер, пока гостил там, оставил подарок — тот самый связанный чай в виде клубничин, который так любила Тундра. Причем подарок он спрятал в недрах кухонных шкафов, Тундра нашла его не сразу, а найдя, радовалась как ребенок.

— Тоже, что ли, сюрприз ему оставить... — рассуждала она вслух. — Ведь обязательно приедет еще, опять, наверное, у меня остановится. Хотя нет — в этот раз я сама к нему приеду! Надо же будет собачками похвастаться!

Вадик смутился — собачки еще только начинали обретать первые контуры. Но Тундра радовалась заранее и говорила, что все идет так, как надо.

— А вообще, я лучше придумала, — сказала Тундра. — Мы к нему все втроем поедem! Надо, конечно, у Птахи уточнить, но я думаю, он не будет против. А если вдруг что, так я тебя возьму. Хвастаться собачками надо вместе с автором!

Вадику очень захотелось, чтобы Птаха все-таки был свободен, когда они соберутся к Форестеру. Он прекрасно знал, что в том, чтобы пустить к себе в машину другого Внешнего, нет никакой проблемы, да он и сам вон ездил с Прокси, но он — Пассажир Птахи, и никак иначе. Хотя проехаться в «Тойоте» было бы интересно... Тундра, как всегда, словно услышала его мысли:

— А вообще, у тебя тут полная свобода. Поедем вместе — можешь на часть маршрута ко мне залезть, а потом обратно. Хочешь, даже порулить дам.

Вадик энергично закивал.

Конечно, Вадик прекрасно помнил, сколько времени заняла работа над филином, а тут объем был еще больше, да и рисовал он не так быстро, как Прокси. Правда, филин состоял из немислимого количества мелких деталей и оттенков, а лайки, по мысли Вадика, были белыми и бежали по заснеженной равнине к серебристой полной луне. Но мелочей и переходов цвета все равно хватало. Прокси демонстративно держал руки в карманах, объясняя только на словах, и лишь изредка что-то поправлял сам. Да Вадик, наверное, еще и возмутился бы, если бы он серьезно вмешался. Это действительно была его работа, и она его захватила и понесла. Не так, как с теми двумя набросками, тут нельзя было так нырять с головой, но Некромант уже не раз только что не за шиворот вытаскивал Вадика из гаража с советом беречь силы. И, как всегда, до порога Вадик отчаянно протестовал, что может рисовать еще столько же, но стоило Некроманту разжать руку — понимал, что какой там рисовать, домой бы доползти. Пару раз он даже остался у Некроманта, причем был туда практически притащен под комментарий «не дойдешь». И сам все отлично понимал, но было ужасно обидно. Ему самому не терпелось увидеть этих лаек... вживую, другого слова не находилось.

Тундра принципиально отказывалась наблюдать за процессом. «Я в вас верю, — говорила она, — хочу увидеть уже готовое!». А еще смущенно признавалась Вадику, что ужасно не любит смотреть на какие-либо манипуляции со своей машиной. Сама она умела не очень много, да и куда ей в огромном пикапе рыться, так что всегда доверялась механикам и просто другим Внешним. «Колесо поменять — это еще куда ни шло, а тут... не могу, это как за операцией наблюдать», — Тундра зажмурилась. Вадик в чем-то мог ее понять — он помнил чувство какой-то категорической неправильности, когда разбирались с пробитым колесом «Тахо». Правда, теперь, когда он помогал Некроманту с диагностикой, все это воспринималось немного проще. А вспомнить, как некомфортно было самому Некроманту из-за помятой двери... Все-таки и правда Внешний с его машиной — одно целое.

Зато Тундра с удовольствием отпаивала Вадика чаем и рассказывала про шаманизм. Тогда по учебникам он не очень понял, а Тундра отлично умела объяснять, как там и что, да еще со сказками и песнями. Кстати, зря она приbedнялась, что не умеет петь — голос у нее был не очень сильный, но мелодичный, и она пела песни на странно звучащих северных языках, а потом объясняла, что все это значит. А Вадику казалось, что он и так все понимает, потому что сам голос Тундры уносил его куда-то, где зима и вечные ветра, и нет высоких растений, а только бескрайняя равнина и низкое небо, до которого, наверное, можно дотронуться, просто встав во весь рост. И даже маленькая лайка туда допрыгнет. И уже хотелось опять вернуться к работе и перенести это все на борт «Гойоты».

— Я понял, тут нужны облака! — выпалил Вадик вместо приветствия, как только вошел в гараж. Некромант только что-то фыркнул из кофра с инструментами, а Прокси одобрительно хлопнул его по плечу:

— Вот мне тоже казалось, что чего-то не хватает. И луна в дымке, ага?

— Ага! — Вадик схватился за свой арсенал. Прокси опять демонстративно сунул руки в карманы.

Заканчивать работу было почти жаль. С одной стороны, Вадик понимал, что чертовски

вымотался и просто помрет от такого темпа, если продолжит еще хоть сколько-то, с другой — все время хотелось еще что-то подправить и довести до ума. Но тут уже решительно вмешался Прокси:

— Так, стоп. Со всем моим авторитетом наставника заявляю, что оно готово, а лучшее — враг хорошего. Некромант, выкидывай этого перфекциониста из гаража нафиг, дальше уже твоя работа.

С Некроманта случилось бы и правда выкинуть, но Вадик успел убраться сам. Остаток вечера он жаловался Птахе, что, по-хорошему, еще надо было бы радужного вокруг луны добавить и последнюю лайку чуть больше в тени, тот лишь добродушно посмеивался: «Вот сам увидишь, что все отлично». Вадик хотел поспорить, но стал уже откровенно клевать носом.

Проснулся он чуть ли не под вечер — такого с ним не случалось, пожалуй, с первых дней. В гаражи Птаха его не пустил: «Некромант просил передать, что если в ближайшие сутки увидит тебя в окрестностях мастерской — оторвет башку. Возможно, нам обоим». Вадик скрипнул зубами, но спорить не стал. Тем более что Птаха напомнил, что вдохновение вдохновением, а тренировок тоже никто не отменял, и погнал во двор. Вернулся Вадик мокрый как мышь и с парой новых синяков, но лайки в голове уже не бегали, и на том спасибо. А вечером в гости заглянул Прокси и от души поздравил Вадика с первой большой работой.

— И да, — подмигнул он, — все поначалу бегает по стенам и пытаются еще подправить и добавить. Ты уже знаешь много крутых штук, но не надо запихивать их все в один рисунок. Это первый твой проект, но далеко не последний. Все успеешь.

В итоге Вадик полностью выполнил указание Некроманта — в гаражи он пришел, когда все уже было окончательно собрано, поскольку следующие несколько дней отсыпался ничуть не меньше. И понял, что Прокси был абсолютно прав. В этот рисунок просто нечего было добавлять. Все было так, как привиделось ему под сказку Тундры. Шесть белоснежных лаек, весело закрутив хвосты, неслись по заснеженной равнине, сквозь дымку светила полная луна, и две первых лайки уже взбегали к ней по облакам, словно по уступам горы. А синий борт «Гойоты» стал ночным небом.

— Это... сделал... я? — Вадик сам не узнал свой голос. Прокси улыбнулся до ушей:

— А кто же еще! Мы с Некромантом тут исключительно на подхвате.

Вадик ошарашенно заморгал. Нет, этот рисунок был у него в голове с самого Байкала, он всегда мысленно видел его перед собой, да ему эти лайки, реально, по ночам снились — но сейчас, на борту огромного пикапа, они смотрелись намного круче. Вадик с удивлением понял, что почти не помнит, как их рисовал. Вот уж действительно — захватило и понесло. И сейчас Вадик не сомневался, что совершенно правильно ответил Прокси про свое будущее занятие. Он едва успел прийти в себя от этого проекта, но уже хотелось ощутить это еще раз.

— К тебе еще очередь выстроится, мелкий, — сказал Птаха. — Подобью Тундру к Патрику съездить, от него на полгорода информация разлетается.

Вадик, уже ничего и никого не стесняясь, задрал нос.

Звездный час настал, когда уже готовую машину увидела Тундра. Сначала она просто застыла на месте, потом несколько раз обошла свой пикап, разглядывая рисунок под разными углами. Она касалась лаек рукой и обращалась к ним на каком-то северном наречии, даже, кажется, что-то напевая. Потом она словно впервые заметила Вадика и крепко обняла его.

А вечером был уже привычный костер и чай с травами. Но на этот раз Тундра не бралась ни за варган, ни за гитару. Удобно устроившись на старой крыше, она, давась от смеха, рассказывала о своем визите к нижегородским Внешним. И не только.

— Птаха, ты был прав, — хихикала она. — Не успели вы уехать, ко мне соседка прибрела. Нет, она милейшая бабуля, за домом поглядывает, пока меня нет, заготовками делится, но она меня, кажется, записала в любимые внучки и пытается воспитывать и предостерегать!

Тундра отпила из кружки и проговорила нарочито старушечьим голосом:

— «Ты, дочка, с этими на джипах аккуратнее. Сатанисты они там все, людей ради забавы убивают. Я вон видела, ходят тут двое, младший-то совсем мальчик еще, а уже с ножом на поясе, про старшего и говорить нечего. Истинно говорю, у обоих руки в крови по локоть! И глаза у них не человеческие, я много пожила, я вижу...» — тут ее саму разобрал смех.

— Ну что я тебе говорил? — Птаха ткнул Вадика в бок. — Вот оно, со мной-то водиться — сам в страшные сказки попадаешь!

— Да уж лучше так, чем как в той хронике! — парировал Вадик. И странное дело, впервые он вспомнил этот репортаж совершенно спокойно. И да, репутация юного маньяка его если чем и расстраивала, то только тем, что абсолютно ничем не заслужена. Он вообще пока что по-серьезному не дрался ни разу! Не то чтобы сильно хотелось, но, в конце концов, чего один Птаха со всем разбирается!

— Придет твое время, придет, — ухмыльнулся Птаха. Тундра покосилась на них не без опаски и продолжила:

— Только наши бабки, по-моему, сами определиться не могут! То у нас тут юный сатанист завелся, да такой красавец, что тут точно без чертовщины не обошлось, — Вадик почувствовал, что краснеет, — то прямо на нашей улице, видите ли, труп нашли, и явно ритуальное убийство, потому что уж очень мальчик симпатичный. И это все ты, ага, — Тундра подмигнула Вадику.

— А это нормально, — фыркнул Птаха. — Я уже со счета сбился, сколько раз меня якобы убивали, а Некромант говорит, что половину трупов по стране на меня норовят повесить. Да ты и сама, в общем-то...

— А что я? — удивилась Тундра. — Что-то про себя я ничего особо не слышала, если не считать, что наши бабки все меня замуж пристроить норовят каждый раз, как уезжаю. Ну не может же девушка просто так по стране мотаться, ага.

— А по некоторым данным, — Птаха ухмылялся, что твой ротвейлер, — ты вообще призрак зверски убитой девушки, который отрывается за свою безвременную кончину, заманивая мирных граждан к страшным Внешним, а уж там с ними такое творят!..

— Птаха! Изверг! Я же чай пью! — с трудом проговорила Тундра, отчаянно откашливаясь. — Признайся, сам только что придумал!

— Делать мне больше нечего! Вон, если до Патрика доедем, спроси его, он тебе повторит. Ты у местных наемных водил уже фольклорный персонаж, аж друг другу передают — никогда, мол, не подбирайте в сумерках девочек азиатской внешности, а то нарветесь на ту самую, и даже тела потом никто не найдет.

— Нашли, блин, девочку из «Звонка»! — воскликнула Тундра. — Откуда только что взялось, я сроду стопом не ездила! Да что стопом, после Ворона я ни в чью машину не садилась и не знаю, что должно произойти, чтобы села. Я, в конце концов, Водитель или

где!

— Да ладно тебе, — примиряюще улыбнулся Птаха. — Вадика, вон, не меньше приложили, и ничего, не возмущается.

— Да вы и без всяких рассказней на всю голову отмороженные, что с вас взять! — Тундра еще какое-то время демонстративно хмурилась, но в конце концов от души расхохоталась.

— Кстати об отмороженных, — подал голос Некромант. — Мне кажется, кто-то последнее время немного забил на тренировки, не пора ли это исправить?

— Прямо здесь, что ли? — удивился Вадик. Некромант пожал плечами:

— Ну да, а что? Пока жара стояла, у нас регулярно не намного светлее было. Места хватит.

Уже поднимаясь на ноги, Вадик услышал, как Птаха говорит Тундре: «Я с ним, говоришь, жестко дерусь? Вот сейчас увидишь!». И заметил, как он и Прокси отодвигаются, освобождая территорию — а может, выбирая, откуда лучше видно.

— Некромант, ты зараза! — выдохнул Вадик. Нет, с ночным зрением у него был полный порядок, за лето он привык даже к довольно густым сумеркам, но колеблющееся пламя костра превращало все очертания черт знает во что. Некромант лишь многозначительно ухмыльнулся и неожиданно ударил с правой руки — как всегда, Вадик не успел заметить, когда он перебросил тренировочный нож. Еще и, как нарочно, рубашка на нем была темная. Зато Вадик ощущал, что его светлая джинсовка только что не светится. Да еще яркое пятно костра на периферии зрения сбивало с толку. Стоило взглянуть в ту сторону — и поди теперь отделайся от бликов перед глазами, а еще ведь смотреть, куда отходишь, чтобы не вляпаться. А Некромант совершенно явно клонил куда-то в ту сторону. Понятно, что не всерьез, есть запас расстояния, но все это, конечно, напрягало. «Я предупреждал, юный Скайуокер», — Вадик скорее прочел это по губам, чем услышал, ну да что он еще мог сказать?

— Хрен тебе, а не Мустафар! — сквозь зубы процедил Вадик и резко метнулся в сторону. Теперь уже у Некроманта была проблема, как не вляпаться в костер, чем Вадик и воспользовался. Достал, правда, вскользь по боку, но успел заметить одобрителный кивок Некроманта. Долго радоваться не пришлось — уйти от контратаки Вадик уже не смог и картинно шлепнулся на землю, закрыв глаза.

— Неплохо, очень неплохо, — послышался сверху голос Некроманта. — Вставай давай, хорош тут жертву сатанистов изображать, а то в таком освещении даже слишком похож. От Прокси, что ли, понабрался?

— Да встану сейчас, встану, — заверил его Вадик, но, дождавшись, пока Некромант отвернется, быстро вскочил и атаковал. Внезапности не получилось, прилетело в ответ весьма ощутимо, но Некромант довольно усмехнулся: «Отомстил». И жестом показал, что на сегодня хватит.

— Маньяки, — вздохнула Тундра. — Не бойтесь?

— Наш юный Скайуокер, по-моему, свое отбоялся, когда из города уходил, — отозвался Некромант. — А я и того раньше. Убиться раньше времени не дам, за свою жизнь мне переживать нечего. Эта страшная сказка не по мою душу.

— Да ну вас! — Тундра поежилась. — Давайте кружки, что ли, чай готов.

Вроде бы на этот раз поединок был совсем недолгим, но Вадик чувствовал, что взмок как мышь, так что большая кружка чая была более чем кстати. Он как раз хотел попросить

добавки, когда телефон Тундры чирикнул неизвестной пичугой. Она взглянула на экран и рассмеялась:

— Форестер как почувал, что недавно его обсуждали. Пишет, что вернулся из Карелии, почти съеден комарами и ужасно по всем соскучился. Птах, у меня идея, я Вадику говорила — а давай к нему двумя машинами рванем? Или я Вадика прокачу...

Вадик замер. Ему не хотелось обижать Тундру, но и ехать с кем-то, кроме Птахи... Одно дело — порулить на время, а вот так... И он облегченно выдохнул, когда Птах сказал:

— А что, можно и в Питер, пока там погода окончательно не испортилась. Форестер, помнится, звал, так что если он не против, что на него свалятся аж трое — так почему бы и нет.

Тундра пробежала пальцами по экрану, и через некоторое время пичуга чирикнула снова.

— Форестер пишет, что хоть завтра.

— Завтра не завтра, собраться надо, а сейчас ночь уже, — рассудительно заметил Птах. — А послезавтра можно и стартовать.

Если бы не поединок с Некромантом, Вадик бы уже плясал дикарский танец вокруг костра. Опять в дорогу, с Птахой! Даже жаль, что до Питера ехать всего-то день.

Форестер заверил, что обеспечит гостей всем необходимым, так что собирать толком было и нечего — пара смен одежды да все рисовальное. Это Тундра чуть не весь дом возила в своем бездонном кузове, ну так ей потом обратно на Байкал, это понятно. Прокси просил обязательно прислать фотографии, как там поживает его витражная сова и, конечно, филин на капоте. Некромант ухмыльнулся: «Про тренировки напоминать не буду, главное, эстета нашего до смерти не перепугайте, он у нас такой один». А потом отозвал Вадика в сторону и показал на своем телефоне тот самый снимок, который Форестер не захотел включать в серию. В черно-белом варианте светлый силуэт на траве и нависающая тень выглядели еще более зловеще. «Заставкой, что ли, сделать...» — задумчиво произнес Некромант. Вадик в ответ съездил ему локтем в бок. Точнее, попытался. Безуспешно.

— Колонной не пойдем, — сказал Птах на старте. — Семьсот километров строй держать — у обоих мозги расплавятся. Встречаемся на заправках — вот тут нормальная и, скажем, тут. А ты, мелкий, за связиста.

Вадик с гордой улыбкой запрыгнул на пассажирское сиденье. Хм, когда ехали на Байкал, места для ног было определено больше. Не такой уж он и мелкий уже, оказывается. Хотя от Птахи не обидно. От него ничего не обидно.

И снова под колеса ложилась трасса, хотя по сравнению с дорогой на Байкал — все равно что не выезжали из города, по обочинам все время была хоть какая-то цивилизация. Тундра уверенно ушла вперед, Птах не стал догонять. «Летать смысла нет, — пояснил он, — только устанешь быстрее. У каждой машины есть комфортная скорость, когда и движку хорошо, и ногу на педали держать удобно. И я тебе гарантирую — к концу дороги мы сами Тундру ждать будем».

Но пока именно Тундра ждала их на первой остановке, поедая хот-дог, которым очень интересовался живший при заправке пес. Птах приглушенно и очень похоже рыкнул — пес решил не связываться и ушел.

— Хочешь порулить? — предложила Тундра Вадику. Птах ободряюще улыбнулся:

— Давай, давай, набирай опыт. Я сзади пойду, прикрою.

Вадик уже готовился опять вникать в управление, но обнаружил, что разные машины не

так уж сильно отличаются внутри. До сих пор он как-то на эту тему не задумывался и представлял, что это чуть ли не как с самолетами — на другой тип надо хоть немного, да переучиваться. А тут... Тундра быстро проговорила «зеркала тут, дворники там, поворотники сам знаешь», да Вадик и так уже все нашел и понял. Удивительное дело — кресло даже пришлось чуть отодвинуть. И снова это потрясающее ощущение, что гигантский пикап слушается лично его, и мощный двигатель по одному его движению набирает обороты... Но в то же время Вадик понимал, что, определенно, для себя хотел бы что-то куда более скоростное. И у этого «чего-то» были совершенно конкретные очертания и эмблема в виде широкого креста.

Впереди замаячил городок. Тундра дала знак съезжать на обочину, и Вадик перебрался обратно в «Тахо». Вести самому было круто, но пока очень утомительно, и он с громким «уф!» растекся по сиденью.

— Что, в гостях хорошо, а дома лучше? — подмигнул Птаха. Он понимал.

Как и предсказывал Птаха, с середины пути Тундра стала отставать. На второй остановке они оказались первыми. Птаха критически оглядел Тундру и предложил остаток пути все-таки идти колонной.

— Адрес у тебя есть, я сзади подстрахую. Но слушай, ты же не первый раз на дальняк идешь, куда торопишься? С Байкала в таком ритме не доехать.

— Не знаю... — Тундра раздосадованно мотнула головой. — Наверное, неймаются собачек показать. Я обычно так не ношусь, правда. Да сам знаешь, сколько мне времени на дорогу надо, я же спокойно езжу. А тут прямо разобрало что-то.

Птаха долго смотрел на нее, как будто выбирал, что ответить, но так ничего и не выбрал и сказал только:

— Давай вперед, я за тобой.

По рассказам Прокси про «готичную усадьбу» Вадик уже воображал себе чуть не замок Дракулы, но после долгих петляний по изрядно разбитой дороге в лесу их ожидал вполне обычный загородный дом, как у Птахи или скорее даже у Некроманта, потому что всего один этаж. Вадик посмеялся про себя — чуть меньше года назад «обычным домом» он назвал бы исключительно небоскреб, ну на худой конец многоэтажку Старого города. Зато оборудовано у Форестера все было по последнему слову техники — ворота открылись, как только «Тойота» приблизилась к ним. «Тахо» на площадку во дворе уже не влезла, пришлось ставиться у забора.

Наконец появился и сам Форестер — и замер, разглядывая лаек. Потом, в точности как Тундра, чуть провел по ним ладонью. И долго молча жал руку Вадику.

— Я забыл, сколько тебе лет? — наконец тихо спросил Форестер.

— В ноябре пятнадцать будет, — Вадик ни секунды не колебался, называя свою новую дату рождения. Разумеется, он родился в ноябре, февраль — это у кого-то другого.

— Пятнадцать лет, — Форестер как будто размышлял вслух. — И получается, это первая твоя самостоятельная работа?

— Ага, — Вадик не скрывал гордости. — Прокси помогал, но больше по фону и всему такому.

— Знаешь, — очень проникновенно сказал Форестер, — я не буду говорить всякие банальности типа того, что это потрясающе и что ты далеко пойдешь. Просто — вот.

И он церемонно поклонился, прижав руку к груди. И тут же спохватился:

— Ох, народ, простите свинтуса. Я не могу, при виде прекрасного забываю обо всем на

свете. А вы же с дороги. Птах, за машину не переживай, тут особо никто не шастает, и из окон видно.

— Посмотрю я на того, кто попробует сунуться, — ухмыльнулся Птах.

— Ну да, ну да, я забыл, с кем разговариваю, — ответная улыбка Форестера вышла кривоватой. — А вообще я посмотрю, может, еще и загоним.

— Говорят тебе, не парься, — Птах положил ему руку на плечо, Форестеру явно потребовалось усилие, чтобы удержаться на ногах. — Месяц по стране катались, постоит и так.

— Да, кстати, расскажите хоть, как съездили! Я до Байкала на машине не рискнул, а вообще хотелось бы добраться... Но сначала ужинать!

Если снаружи дом Форестера выглядел вполне обычно, то, шагнув через порог, Вадик понял, почему Прокси его так называл. Он даже протер глаза — все это было похоже на декорацию из фильма, а не на реальное жилище. Витражные окна, закрытые ставнями — не шторами и не жалюзи! Настоящий камин, на котором, разумеется, сидела очередная сова, вырезанная из какого-то цветного камня, так что узор перьев возник естественным образом. Книжные полки и стеллажи с дисками по всем стенам. И отдельный шкаф темного дерева, в котором стояли бутылки вина. Одну из них Форестер немедленно извлек и торжественно водрузил в центре стола.

От вина Вадик вежливо отказался и получил в свое распоряжение целый пакет ананасового сока. Зато запеченную в духовке свинину — как оказалось, за углом гостиной пряталась кухня, тоже достойная стать декорацией к фильму, но уже к научной фантастике, поскольку вся сверкала стеклом и металлом — было невозможно не оценить по достоинству, тем более с дороги. Оказалось, перехваченных в пути бутербродов и шоколадок было категорически мало. Птах и Тундра проголодались ничуть не меньше, так что первое время за столом царила полная тишина.

— Красиво у тебя здесь, — сказал наконец Птах. — Уже и забыл, как оно бывает.

— Так ты у меня и был сто лет назад, я еще только обживался, — возразил Форестер. — С тех пор и книг прибавилось, и всего.

— А ты... — начал было Вадик, но осекся — наверное, спрашивать «а ты реально это все читаешь?» было бы невежливо. Но Форестер был Внешним и так же, как все остальные, умел отвечать на незадаанные вопросы. Он мягко улыбнулся:

— Я очень старомоден, Эни. Конечно, у меня полно книг и музыки на компе и на телефоне, но часто хочется по старинке сесть в кресло и листать страницы, или вот взять диск, поставить в проигрыватель, изучить буклет... Кстати, разумеется, пока вы здесь, можно читать, слушать и смотреть все, на что глаз упал, а я всегда готов помочь с выбором.

— «Взгляни вокруг — твой дом не так уж плох...»[1] — нараспев проговорил Птах. Вадик удивленно покосился на него, а Форестер спокойно продолжил:

— «Пусть не дворец, зато и не лачуга...».

Птах лишь показал жестом — мол, дальше сам. Чуть прикрыв глаза, Форестер читал наизусть:

Когда за окнами бушует вьюга,
Когда от воя ветра мир оглох —
Здесь хорошо в уюте и тепле
Сидеть в высоком кресле у камина,

И, осушив бокал наполовину,
Смотреть, как свет играет в хрустале.
Потом достать из шкафа старый том,
Обнюхать пожелтевшие страницы,
От времени и мира отстраниться
И никогда не сожалеть о том.

Вадик вообще-то не особо любил стихи. Иногда что-то нравилось, но очень редко. Это Верка, дура, со всем рифмованным носилась как курица с яйцом и только глаза закатывала — ах, поэзия, ах, чувства, ах, образы. Что с нее взять. И отдельно Вадик терпеть не мог, когда стихи читали вслух. Но Форестер это делал как-то так, что и на стихи не похоже — во всяком случае, без всякого дурацкого пафоса и кривляний. Он все так же расслабленно сидел вполоборота и просто спокойно говорил:

Ведь что бы там ни делалось в миру,
Среди ничтожеств, палачей и пьяниц,
Ты им — извечно странный чужестранец
И неуместный гость на их пиру.
Твой мир — твой дом. Кого здесь только нет:
Художники, философы, поэты...
Задерни шторы, выкини газеты,
Пусть лампа озаряет кабинет.
И лишь под утро отходи ко сну,
Забыв о том, в каком ты нынче веке
Благодаря своей библиотеке...

— «Но все ж однажды подойди к окну», — голос Птахи прозвучал неожиданно резко. Форестер чуть вздрогнул, но тем же жестом отдал инициативу. Вадик смотрел во все глаза — до сих пор он не замечал, чтобы Птаха интересовался стихами. А он спокойно и жестко, но точно так же без всякой декламации, продолжал:

Вот на ветру, унылы и мокры,
Дрожат деревья; холм темнеет справа;
Левее луг, река и переправа,
А где-то за рекою жгут костры.
Там жгут костры и точат топоры,
На свет в твоём окне взирая злобно.
Ничто остановить их не способно,
Но все ж они помедлят до поры.
Еще не все, еще не пробил час,
И есть в запасе время, хоть и мало —
Уж не успеть прочесть роман сначала,
Ну что ж — почти какой-нибудь рассказ.
Когда ж они ворвутся с трех сторон,
Когда взовьется пламя над разгромом —

Тогда ты и погибнешь вместе с домом,
Не позже и не ранее, чем он...

— Вот не люблю я этот финал, — Форестера явственно пробрала дрожь. Да что там, Вадику самому было жутко — от Птахи оно звучало как-то очень по-настоящему. Его ровный хрипловатый голос впечатлял сильнее любых актерских завываний. И так же спокойно Птаха сказал:

— Тебе — не грозит.

Вадику показалось, или он чуть подчеркнул «тебе»? На его вопросительный взгляд Птаха не ответил — лишь потянулся к бутылке и налил себе, Форестеру и Тундре еще вина. Форестер благодарно улыбнулся, но улыбка опять вышла кривоватой. Но Тундра спросила, что это за сорт сыра на столе, Форестер охотно принялся разъяснять, какие они вообще бывают, и повисшее было непонятное настроение исчезло.

Гостевая спальня у Форестера была одна, и ее заняла Тундра, а Птахе с Вадиком достались два дивана в гостиной. Так что, опять проснувшись раньше Птахи — кажется, в путешествии это становилось традицией — Вадик отправился изучать бесчисленные стеллажи. Надо же, он был уверен, что учебники будут последними бумажными книгами в его жизни. Читал он уже давно только с компа или телефона. Никитос, конечно, любил вещать, что только бумажные книги достойны так называться — то-то его полки не заросли пылью только благодаря системе очистки воздуха, а все свои истории успеха он читал точно так же с экрана, а чаще смотрел. Художественную литературу он последний раз брал в руки, кажется, когда мелкому Вадику книжки читал. А как тот научился сам, так и перестал. Вадик скорчил рожу в адрес отсутствующего Никитоса и полез на стремянку — полки шли, натурально, до потолка, а Форестер и сам был не особо высоким. Наверху стоял ряд книг по «Звездным войнам» — понятно, почему Форестер так легко подцепил обращение «Эни». Вадик попытался достать крайнюю книгу, но в результате на него свалился совершенно другой толстенный том, лежавший сверху. «Сага о ведьмаке». По большому счету, Вадику было глубоко все равно, чем занять время. Свалилось так свалилось. Валерка вроде эту книгу хвалил. Но он, конечно, в электронке читал. Вот удивился бы, если бы увидел Вадика с бумажной книгой... Нет, не надо. Он все равно не увидит. Вадик забрался с ногами в кресло и, к собственному удивлению, зачитался, пока не встали все остальные.

— Правильно-правильно, читай, как всякую нечисть гонять, — ухмыльнулся Птаха, глянув ему через плечо. Вадик вздрогнул — он как раз увлеченно следил за ходом очередного боя. — Прости, не хотел пугать.

— Да ладно, — Вадик взглянул на часы над камином. Прямо настоящие такие пафосные настенные часы, только что без кукушки. — Ой, ничего себе, три часа уже сижу! Есть охота.

— А это не проблема, — Форестер выглянул из своей космической кухни. — Яичница, гренки и чай с вареньем тебя спасут?

— Еще как! — Вадик практически перепрыгнул из кресла за стол. Может быть, это и не очень культурно, но из кухни доносились такие запахи, что он чувствовал — еще пять минут, и он попросту умрет с голоду. Нет, ну надо же, как затянуло!

— Читай сколько хочешь, — еще раз сказал Форестер. — Я же говорю, это совершенно особый процесс. Я «Ведьмака» не очень люблю, как-то жестко оно мне, но я не показатель. Тебе, мне кажется, понравится.

Но после завтрака Вадик не вернулся к книге — Форестер повел их смотреть

окрестности. Вадик не раз и не два протер глаза, не в силах поверить, что все действительно так. Он, конечно, уже видел леса Сибири, но то Сибирь, а здесь совсем недалеко Питер, огромный город, пусть и меньше столицы. Да вообще ведь считалось, что Москва и Питер скоро срастутся пригородами, что уж тут говорить об уцелевшей природе! Но под подошвами кроссовок была мягкая земля, засыпанная прошлогодней хвоей и первыми опавшими листьями. День был теплый, и от сосен пахло смолой. А неподалеку мелькнула белка. Даже окрестности их гаражей были не такими — там было все-таки что-то от типичных легенд про Внешних, и речка эта с бурой водой, и заброшенные дома, и лес явно чувствовал себя не лучшим образом. Лес, в котором жил Форестер, просто-таки сошел со старых картин. Вадик рассмеялся вслух, не слишком заботясь, как это выглядит — вон те поваленные деревья ну точно с конфетной обертки, осталось только, чтобы медведи вылезли. Хотя нет, медведей настолько вблизи лучше не надо.

Когда они вернулись, Птаха вытащил Вадика тренироваться. «Зная Форестера, в обед он нас опять закормит, надо тонус поддерживать». Вадик не без удовольствия отметил, что присутствие зрителей вообще перестало сбивать настрой. Да что там, про Тундру и Форестера он забыл напрочь и вспомнил, только когда Птаха хитро подмигнул:

— Что, в этот раз не снимаешь?

— Да мне того раза хватило, — криво улыбнулся Форестер. — Мало того, что самого чуть не пришибли, на выставке потом спрашивали — мол, ты уверен, что все участники выжили? Кажется, я с ч/б перестарался, там реально не понять, тренировочное оружие или какое. Это я еще ту финальную не включал, я ее сам боюсь, даром что помню, что и когда заснял!

Вадик расплылся в улыбке до ушей. Птаха заинтересовался, что это за «та финальная», и Форестер потащил их к своему компьютеру. «Ага, — ухмыльнулся про себя Вадик, — так и не удалил». Отдельно его порадовали не вошедшие в серию кадры, которые он тогда у костра не видел — оказывается, Форестер успел щелкнуть фотоаппаратом, когда вошедший во вкус Вадик замахивался на него самого. Кадр, строго говоря, не получился — там размазано, тут обрезано — но выглядело все равно впечатляюще.

— Истинный фотограф, — хмыкнул Птаха. — Продолжает снимать, даже когда ему режут глотку.

— Глотку резали в итоге мне, — рассмеялся Вадик. — Некромант тут же подловил. Хотя нет, тогда мне, кажется, в спину прилетело.

— Да, пространство за спиной ты пока не очень хорошо контролируешь, — спокойно кивнул Птаха.

— Маньяки вы, — буркнул Форестер, совсем как Тундра недавно. — Но слушайте, вам не мешает, что вы Водитель и Пассажир — и так вот друг против друга?

— Не-а, — ответили Вадик с Птахой одновременно, переглянулись и хлопнули друг друга по плечу. А Вадик добавил: — Это же тренировка.

— Вот поэтому я драться и не умею, — проговорил Форестер скорее куда-то в сторону и перелистнул на тот самый финальный кадр. На большом экране это смотрелось еще эффектнее, чем на телефоне у Некроманта, и даже Птаха чуть поежился.

— Вот натурально иллюстрация ко всем историям про Ликвидатора, — так же в сторону произнес он. — Реально, мелкий, ты от Прокси заразился?

— Да я вообще отдыхал! — возмутился Вадик. — Не знаю, нравится мне так. Вот уже выдохся весь, огреб двадцать раз за пять минут, потому что куда мне против Некроманта, а

потом вот так растянуться — и так спокойно становится, кайф.

— А потом твой вид пугает мирное население, — усмехнулся Птаха. — Ну и кстати, если кто не заметил, Некромант поддается тебе все меньше и меньше.

Форестер только молча взялся за голову. Вадик поперхнулся то ли очередным «правда?», то ли просто восторженным воплем. Потому что ведь у него же получается! Редко, вскользь, по большой удаче, но получается! И да, Некромант раз от раза наращивал темпы, те первые пробы, когда он аж на одно колено встал, отсекая себе возможность перемещаться, и то Вадику мало не показалось, остались в далеком прошлом. Вадик с трудом мог поверить, что прошло всего полгода. С другой стороны, как Некромант все это время его гоняет, да и Птаха не отстаёт... «И хорошо». Вадик сам вряд ли мог бы сказать, чем это хорошо. Хотя, пожалуй, мог. Он не хотел больше отсиживаться в машине. Никогда.

[1] Стихи Юрия Нестеренко.

Время снова взяло и куда-то делось, оставив вечера у камина за чаем или вином, бесконечные стеллажи книг, диски и фотографии. У Форестера висело на стенах несколько собственных работ — пейзажи или городские виды. Вадик с удовольствием узнал знакомую речку. И да, он прекрасно понимал шутку Прокси, что жилище Форестера скоро начнет ухать по ночам, потому что совы были везде. Акварелями на стенах, фигурками на полках и шкафах, диванными подушками и, конечно, витражами на окнах. Их было несколько, но круче всего была та сова, которую при Вадике нарисовал Прокси. Она и так была более чем красочной, но в закатном свете ее перья просто вспыхивали пламенем. Вадик поймал момент, когда закат был ярче всего, сфотографировал сову и отправил Прокси, от того пришло много восторженных смайликов.

Птаха твердо решил выполнить указание Некроманта насчет тренировок — да и сам, по собственному признанию, начинал скучать без практики. Так что у Форестера было еще множество случаев обозвать их обоих маньяками и самому чуть не получить тренировочным ножом. Поскольку что бы там Форестер ни говорил, он опять взялся за фотоаппарат, и Вадик задался целью — суметь и шугануть выглянувшего с неожиданной стороны Форестера, и не потерять из вида Птаху. «Правильно-правильно, — подначивал его Птаха, — лишние свидетели нам ни к чему». Форестер сказал, что они с Некромантом террористы, но поперхнулся концом фразы, поскольку тренировочный нож Птахи замер у его шеи. Вадик подхватил игру и сунулся в атаку, но Птаха, в отличие от него самого, прекрасно контролировал пространство за спиной. Еще и, как нарочно, точно повторил действия Некроманта в поединке с Ящером.

— Предупреждать, блин, надо! — Форестер улыбался, но в глазах мелькнул настоящий испуг. — Я вам тут учебным пособием работать не подписывался!

— «Привычка, Ленский», — процитировал Птаха.

— Иди ты со своими привычками!

— Некромант просил Форестера сильно не пугать, — ехидно напомнил Вадик.

— Ты первый начал, вообще-то, — не менее ехидно отозвался Птаха. Форестер поежился и позвал «маньяков» пить чай, тем более что в этот раз «дежурить по кухне» вызвалась Тундра.

А на следующий день Тундра с виноватым видом сказала, что ей нужно уезжать.

— Ну вот... — расстроился Форестер. — Только хотел вас в город выгнать.

— Прости, — Тундра опустила глаза. — Я тоже думала, что пробуду дольше, но... Ты пойми, мне не надоело, ты ничем меня не обидел, да ты вообще не можешь обидеть, правда...

— Не оправдывайся, — неожиданно жестко сказал Птаха. — Все здесь Внешние.

— Да... — Тундра смутилась еще больше. — Я не хочу ничего выдумывать про работу или что, но я просто чувствую, что мне надо.

— Надо — езжай, — ответил за Форестера Птаха. — Сама же говоришь: Внешние не мешают друг другу ехать куда надо. Так ведь? — он повернулся к Форестеру.

— Птах, ты меня пугаешь, — Форестер даже чуть отстранился. — Я понимаю, что ты тоже хранитель порядков, но я уж точно последний, кто будет кому-то в чем-то мешать. Тундра, не парься. Жалко, конечно, что уезжаешь, но ведь не последний же раз видимся.

— Определенно... — чуть рассеянно ответила Тундра. — Ты правда не сердишься?

— Я этого не умею, — честно ответил Форестер. Тундра обняла его и убежала собираться.

— И как это все понимать? — тихо поинтересовался Вадик, пока Тундра не слышит. Птаха пожал плечами:

— Тундра — Внешняя. Может быть, она и не умеет то, что умею, например, я, но чутье есть у нас у всех. И у тебя тоже, — опередил он следующий вопрос, — только случая пока не было. Хотя, раз ты не ударился в панику, пока я мотался по родным краям Прокси, ты уже тоже научился чувствовать, что и как.

— Так все-таки ты...

— Все-таки я. Прокси отбился, но спускать с рук покушение на Внешнего я не собираюсь. Я, в конце концов, за этим тут и есть. Не переживай, однажды я и тебя с собой возьму. Когда будешь готов.

На лице Форестера крупными буквами было написано «Маньяки!». Птаха улыбнулся:

— Ладно, хорош людей пугать. Так вот, я могу почувствовать, что нужно мое вмешательство. И примерно оценить уровень опасности. Ты, судя по всему, тоже — ну ты мой брат или где, в конце концов, — Вадик заулыбался до ушей. — Что там у Тундры, я не знаю, в душу лезть у Внешних не принято, но предполагаю, что она тоже почувствовала что-то, что касается лично ее. Я опасности пока не вижу.

Вадику не очень понравилось это «пока», но развивать тему он не стал. Тем более что вернувшаяся Тундра не выглядела встревоженной или расстроенной — ее огорчал разве что сам факт, что приходится срывать с гостеприимного Форестера, но во всех ее действиях чувствовалось нетерпение. То, что она почувствовала, явно не хотело ждать.

— Не гони, как сюда, — тихо сказал Птаха. Тундра мотнула головой:

— Да знаю! Обещать не могу, реально, вот как толкнуло что. Но... очень постараюсь, правда.

Она обняла всех троих и запрыгнула в кабину «Тойоты». Вадику казалось, что лайкам на борту тоже не терпится отправиться в дорогу. Он, конечно, их сам такими нарисовал, но в движении они выглядели совсем иначе. На мгновение померещилось, что они и правда бегут рядом с машиной.

— Странные вы, — вздохнул Форестер. — Хотя я в чем-то понимаю — самого когда-то так толкнуло, когда из города уехал. Вот просто однажды проснулся и понял, что больше тут не могу вообще никак. Сам порой удивляюсь — Питер я люблю, но как щелкнуло что-то. До сих пор с удовольствием приезжаю покататься, а дом — здесь, без вариантов. И кстати, идея съездить в город по-прежнему в силе.

— С удовольствием, — ответил Птаха. Вадик только кивнул.

— И это... — Форестер чуть смутился, — предлагаю эскадру не городить, тем более что твою громадину припарковать сложно. Как насчет того, чтобы всем троим ехать со мной?

— А почему бы и нет, — отозвался Птаха. Вадик постарался скрыть разочарованный вздох. — Это Тундра принципиально ни с кем не ездит, ну так ее можно понять — Водителем стала совсем недавно, дело такое.

Когда Форестер ушел, Птаха шепнул Вадику:

— Мне просто самому интересно, как все это выглядит его глазами. Сам я, если хочешь, потом тебе покажу, благо в Питере вполне свободно себя чувствую. А вот порулить к Форестеру лучше не лезь, праворульники слишком отличаются. И да... Питер, скорее всего,

тоже будет не таким, как ты представлял.

Вадик задумался, как он вообще представляет себе Питер. Да в общем-то никак. Он слишком привык, что поездка в другой город — это что-то такое малореальное, почти полет на Луну. Ну да, был тот отдых на море, и у дядьки он бывал, но каждый раз это были огромные сборы, труба монорельса, плавно переходящая в терминал аэропорта, в общем, как будто за границей города пригодное для жизни пространство кончалось. Он уже много раз убедился, что это не так, но где-то в глубине сознания города так и продолжали ощущаться как что-то замкнутое. Ну да, он помнил видео со всякими там дворцами и соборами, но они были почти нереальными. Потому что все равно кто ж туда пустит. Да и кому оно надо.

— По музеям таскать не буду, — улыбнулся Форестер, снова появляясь в гостиной. — Сам их в свое время терпеть не мог, только и ждал, когда можно будет присесть и когда эта противная тетка перестанет нудеть.

Он подмигнул Вадиду. Уже хорошо, одним опасением меньше. Хотя до сих пор Вадик думал о Питере как об одном сплошном музее, даром что понимал — историческая часть занимает далеко не весь город, там благополучно живут люди, но они казались сродни жителям Старого города. Так, остались по привычке, а вокруг все равно один большой музей. Но, судя по хитрой улыбке Птахи, все совсем не так. Вадиду стало любопытно. И даже почти не обидно, что поедут не на «Тахо».

После внезапного отъезда Тундры гостевая спальня освободилась, но Птаха и Вадик уже обжились в гостиной и перебираться не стали. И вообще, еще «Ведьмак» не дочитан. Вадик видел, что по сравнению с тем же Форестером читает очень медленно. Тот успокаивал, что это дело наживное. «В конце концов, тебе и торопиться некуда — учишься в своем темпе». Оно, конечно, так, но Вадик ощущал, что ему реально порой не хватает времени успеть все, что хочется. «Ничего. И этому научусь».

На следующий день и Форестер, и Птаха подорвались в злую рань — ну, по своим меркам, Вадик уже был на посту в кресле, в обнимку с «Ведьмаком». Сам себя порой не узнавал. Форестер решительно заявил, что хочет показать много чего, и сразу же после завтрака все угнездились в «Субару». Вадик сел не сразу — еще походил вокруг и полюбовался на филина, прыскаая со смеху при виде спрятанных мышей.

— Ты только засыпать мне не давай, если что, — сказал Птаха, устраиваясь рядом с Форестером. Вадик сидел сзади, ровно посередине. — А то кондратий ведь хватит с твоим правым рулем!

— Я не настолько скучный экскурсовод, — рассмеялся Форестер.

Очень странно было видеть, как «Тахо» остается стоять во дворе, а они уезжают. Даже как-то немного грустно. Но вот «Субару» выбрался на трассу, и Форестер начал говорить. Да уж, никакого сравнения со школьными экскурсиями! Мягким поставленным голосом он рассказывал, что они проезжают, что тут происходило интересного и когда. Тем временем лес сменился пригородами, а пригороды — собственно городом. Никакого выраженного перехода, хотя у Питера вполне себе была граница. Но дома и улицы были совершенно такими же, что и по ту сторону. Значит, вот так это видит Форестер? Никакой замкнутой на себя экосистемы, просто город, каким он был до строительства высотных комплексов? А точнее, для Форестера — какой он и есть сейчас? И никаких защитных экранов и куполов, и везде можно проехать и просто оставить машину в любом понравившемся месте. Это, конечно, хорошо. Но, выходит, для Форестера никаких вариантов реальности нет? Скучно как-то. Вадик сам посмеялся над этой мыслью — ага, сказал бы ему кто год назад, что

вообще существуют эти варианты реальности, а теперь, видите ли, скучно. Хотя нет, «скучно» — плохое слово, очень даже интересно, потому что Форестер знал о Питере, кажется, все. И умел рассказывать. И виды за окном сменялись невероятно красивые. Снова как будто ожили иллюстрации из учебников, и оказалось, что вот все эти Павлы Первые, Пушкины и прочие Растрелли реально жили и действовали вот прямо здесь. Потому что в школе Вадику часто казалось, что их всех специально придумали, чтобы жизнь медом не казалась. Ну Пушкин ладно, стихов Вадик не любил, но все-таки кое-что нравилось. А остальных точно придумали назло школьникам.

На огромном разводном мосту они встали в пробке. Вадик осмотрел все виды по сторонам, а потом ему стало любопытно — вот Птаха говорил «ты можешь попасть только туда, куда тебя привезут». Ну хорошо, вот его везет Форестер, а если попробовать хотя бы просто подумать, каким еще может быть этот город? В следующую секунду Вадик чудом не вскрикнул и вжался в сиденье, потому что города, собственно говоря, не было. Была широкая река — и больше ничего. Стоп, но они же все-таки где-то едут! Точнее, ползут. Да, мост и шпиль Петропавловской крепости были на месте, и все остальное тоже. «Померещилось», — решил Вадик. А там и пробка на мосту наконец сдвинулась, а Форестер начал очередную историю.

— Погоди силы пробовать, мелкий, — тихо сказал ему Птаха, когда они вышли пройтись до Исаакиевского собора.

— Ты... заметил? — Вадик сам знал ответ, хотя помнил, что Птаха даже не оборачивался в его сторону.

— Не могу не заметить. Ты мой Пассажир. Так вот, сейчас даже я в другую версию не перейду, самое большее — что-то мелькнет на пару секунд. И даже мне это будет тяжело. Не трать зря силы, успеется еще.

— А теперь, я думаю, хватит с нас имперского блеска, — улыбнулся Форестер, оборачиваясь к ним. — Давайте просто прокатимся по городу. А лучше даже пройдемся, тут есть интересные маршруты.

Вадик все равно не удержался и решил еще раз поэкспериментировать. Сейчас-то они идут пешком! Форестер как раз говорил о том, почему в ряду домов то и дело попадаются пробелы — дом разрушен бомбежкой, строить заново не хватает места... Вадик задержал взгляд на глухой стене — и мир вокруг утратил краски, как на старой фотографии. Вместо пустыря с густой травой — обломки стен, слепые окна, лучи прожекторов в небе... Может, конечно, это просто игра воображения, сколько он старых фотографий пересмотрел, да и Форестер рассказывал так эмоционально, словно сам все видел, но Вадику стало холодно в теплый осенний день. Он отвел глаза — мир вернулся на место. Но то и дело возникало чувство, что все это только кажется. Как здание на реставрации затягивают тканью с его же изображением. А изнутри просвечивает. Вот да, иного слова Вадик подобрать не мог — сквозь этот город что-то просвечивало.

— Уши оборву, — прошипел Птаха. — Руку дай.

— Ну я маленький, что ли? — возмутился Вадик... и споткнулся на ровном месте. В глазах откровенно плыло.

— Что я и говорил, — Птаха сам подхватил его под локоть. — Рано еще! И нашел же, куда лезть, в самые стремные варианты! Понимаю, что они же самые впечатляющие, но тебе там пока что делать нечего!

Вадику было стыдно — ну действительно, предупреждали же его — но он не мог не

отметить это «пока что». И радовало, что, как только Птаха стиснул его руку, мир окончательно встал на место, стал цветным и прочным. Форестер, похоже, и вовсе ничего не заметил.

— А теперь, юный Энакин, — сказал он, кивнув на вход во двор, — я покажу тебе то, что прямо просится в твой блокнот. Фотосъемка — это прекрасно, но тут надо руками.

Вадик увидел двор, похожий на огромный колодец. Конечно, дома вокруг были не слишком высокими, с Верхним городом и близко не сравнить, но двор был таким тесным и узким, что казалось — стены уходят вообще в небеса. Здесь, наверное, можно было без особого усилия перекинуть что-нибудь соседу напротив. Вадик долго стоял, задрал голову и глядя в небо, которое выглядело маленьким далеким пяточком. Да, это определенно стоило зарисовать. А на рисунке добавить этажей.

Подворотня, через которую они попали сюда, была не единственным входом — еще одна привела их в такой же двор, за ним — еще один... Форестер рассказывал, как удобно было всяким революционерам бегать по таким дворам от всякой полиции, а Вадик понимал — будь он революционером, он бы сам тут первый и заблудился. Форестер, судя по всему, и сам переставал понимать, куда они идут и в какую сторону выбираться. А тут еще в одном из дворов попала компания очень мутных на вид типов. Вадик с такими столкнулся ровно один раз, и хватило на всю жизнь. Именно такие когда-то едва не убили его самого. Взгляд, которым один из типов окинул элегантный плащ и длинные волосы Форестера, нельзя было перепутать ни с чем. Черт, Форестер ведь не умеет драться... Вадик потянулся к ножу на поясе, но Птаха перехватил его руку. «Пока не лезем», — шепнул он.

Форестер тем временем шагнул прямо к этим мутным типам, сияя улыбкой. Вадик почти физически чувствовал их желание впечатать эту улыбку в ближайшую стену сквозь череп.

— Вас-то мне и надо! — радостно произнес Форестер. — Народ, набережная в какую сторону?

— А... Э... Туда, — показал тот же самый, который только что недобро косился на Форестера.

— Спасибо! — еще радостнее отозвался Форестер и жестом позвал Птаху и Вадика за собой. Вслед долетело озадаченное «э... пожалуйста».

— Это как вообще? — шепотом поинтересовался Вадик, когда Форестер ушел вперед. Птаха улыбнулся не менее лучезарно:

— Это Форестер. Думаешь, как он ухитряется со всеми своими путешествиями и съемками ни во что не вляпаться? Он, по-моему, искренне и твердо убежден, что так и должно быть. Ну и потом — он гораздо смелее, чем хочет показаться. А такие вот, — он кивнул назад, — прекрасно чувствуют, кто их боится, а кто нет. И во втором случае еще подумают, связываться ли.

Он еще понизил голос и проговорил едва слышно:

— Надо сказать, в свое время были деятели из Внешних, которым Форестер активно не нравился. Мол, что это за Внешний с такими повадками, всю картину нам портит, и вообще... — он выразительно чиркнул пальцем по горлу. — Ну... мы с Некромантом доходчиво разъяснили, что дело иметь придется не с Форестером, а с нами. Больше желающих как-то не находится.

Вадик подумал, что с той скоростью, с какой распространяются слухи и легенды, одно явление Птахи и Некроманта в тандеме должно было навеки отбить желание вообще даже

смотреть в сторону кого-то похожего на Форестера. Уж если веселая Тундра в фольклоре ухитрилась превратиться в жуткий призрак, Форестеру с его обликом аристократического вампира отлично подошел бы сюжет про какую-нибудь проклятую душу, с которой нельзя иметь никаких дел, а то...

— Чего смеешься? — обернулся Форестер. Тьфу, старался же вроде в рукав ржать — видимо, не получилось.

— Да забавно вышло с этими, во дворе, — почти честно ответил Вадик. Форестер чуть поднял бровь:

— А я давно заметил, что любезность — лучшее оружие. Такие граждане обычно не ожидают, что их могут просто вежливо попросить о помощи. Пока осознают, что это было, меня уже нет.

В его карих глазах мелькнул лукавый огонек. Да, Птаха был прав — Форестер смелее, чем кажется. Может, он и не боец вроде того же Птахи, но ему, похоже, и не надо. Форестер тем временем продолжал:

— Я же с фотоаппаратом где только ни лазил. Потом слышал, что я чокнутый, что в такие края если и соваться, то с дробовиком и полной готовностью пустить его в дело... А мне в основном удавалось просто договориться. О, смотрите-ка, вот мы и вышли. Правильно нас сориентировали.

И действительно, его улыбка выражала, что никак иначе просто и быть не могло. Вадик еще раз оглянулся на лабиринт дворов. Дурацкие тени — трещины на старой стене очень натурально складывались в осевший на землю силуэт в длинном плаще. Если вдуматься, до этого было очень недалеко. Даже Птаха, наверное, вряд ли успел бы вмешаться... Да что за чушь, ведь действительно, договорились же! Но видение оказалось на редкость настойчивым. «Мало мне собственной дохлой тушки было!». Почему-то казалось — если это зарисовать, оно отстанет. Вадик быстро схватился за блокнот. Действительно, когда рисунок был готов, трещины стали просто трещинами, а тени — просто тенями. Но Птаха, взглянув через плечо, с усмешкой проговорил: «По рассказам — тоже моих рук дело». Вадик показал ему кулак.

— Прогулка по рекам и каналам! — заголосил рядом мегафон. Вадик подумал, что ему продолжает мерещиться что-то не то. Чтоб человек вот просто так стоял на набережной и зазывал на экскурсию, не через организованные группы и кассу? Но Форестер щелкнул пальцами — мол, то, что надо! — и подошел к источнику звука.

— В Большую Неву идете?

— Конечно! — парень с мегафоном вывалил длинный ряд названий. — Три места осталось, отправляемся через десять минут!

— Отлично! — Форестер просиял, словно эта экскурсия была подарком лично ему. — Птах, вы пока садитесь, я плащ в машину заброшу, а то на катере с ним неудобно.

Вадику очень не хотелось разделяться. Как будто присутствие Форестера делало все это настоящим, а без него опять будет зыбкая муть, просвечивающая сквозь солнечный день... Птаха все понял и взял его за руку. Все в порядке. Река, дома, катер, в катере вон еще несколько человек сидят. Семейство с ребенком опасно покосилось на них с Птахой. Вадик попробовал представить со стороны — ну да, эталонный «плохой парень» со шрамом на коротко стриженной голове и длинноволосый тинейджер с рассеченной бровью и расплосованной рукой, как есть шпана. Тот шрам ведь по-прежнему и близко не собирался никуда деваться, даром что Птаха — Вадик помнил это как сейчас — полоснул совсем легко.

Нож был закрыт полрой ветровки, и то хорошо. И по контрасту — вернувшийся Форестер в своей стильной водолазке и, несмотря на ветер, как только что из парикмахерской. Вадик невольно поправил волосы, хотя понимал, что смысла в этом мало.

Странное дело — как только катер отошел от причала, мир встал на место. Вокруг — только руку протянуть — холодная темная вода, но она уже не пугала. Парень с мегафоном бубнил про дворцы и мосты, половину всего этого Вадик помнил по рассказам Форестера, но было это где-то очень далеко. И такое... словно приделанное украшение или ширма. Настоящей была вот эта вода, гулкий плеск под мостами, иной раз похожими на целый туннель, и камень набережных. А потом, как и было обещано, катер вышел в Большую Неву, в лицо ударил ветер, и Вадик сдержал радостный вопль, только чтобы не пугать народ. Потому что вот это все было живым и правильным. Он оглянулся назад — ни пустых берегов, ни развалин, яркая бирюза Зимнего дворца никуда не делась. Но теперь он знал. И возвращаться было немного жаль.

— Ничего себе, дело к вечеру! — приглушенно охнул Форестер. — Народ, вы б хоть слово сказали! Я, конечно, сам хорош, заболтался и забыл про все на свете, но я разливаться соловьем могу хоть неделю. Кататься — примерно столько же.

— Все тут Внешние, — коротко сказал Птаха. — Ты это к чему?

— К тому, что я свинья и что вас надо кормить! Дома, конечно, много всего, но мы сейчас из города выковыриваться будем до посинения.

— Давай лучше поедем, — неожиданно сказал Вадик. Форестер озабоченно взглянул на него:

— Ты уверен? Я, конечно, еще пару часов точно проживу, о Птахе и говорить не приходится, но я как раз за тебя беспокоюсь, ты ж растущий организм. Еще и очень быстро растущий, меня вон почти догнал!

— Поехали, Форестер, — настойчиво повторил Вадик. Он сам не вполне понимал, в чем дело, но ему невероятно не хотелось оставаться здесь до темноты. А если они пойдут куда-нибудь ужинать, так и получится. Форестер заглянул ему в лицо:

— Что-то не так? Тебе не понравилось?

— Не, тут не в этом дело, — Вадик с трудом подбирал слова. — Тут здорово, и красиво, и ты очень классно все рассказываешь, я в кои веки с этими архитекторами и стилями понял, что к чему. Но оно тут все какое-то...

Он запнулся. Говорить или нет? Форестер ведь, наверное, ничего такого не видит... А с другой стороны, что за черт, Птаха правильно сказал — все тут Внешние, еще не хватало что-то скрывать. Форестер ждал ответа, и Вадик наконец сформулировал:

— Тут все какое-то зыбкое. Вот ты рассказывал про войну и все эти дела, и прямо как будто все это до сих пор здесь. Вот только глаза отведешь — и оно тут. А город, который сейчас — это так, сверху. Наверное, как полная шиза звучит...

— Я тебя понимаю, — кивнул Форестер. Тут удивился уже Вадик. — Ты же художник, ты умеешь это видеть. Мне самому этот город порой кажется нереальным. Тот же Петергоф... как подумаю, из каких руин восстанавливали это великолепие, и уже отвязаться не могу. Правда, мне именно это в Питере и нравится. Но если тебе некомфортно — конечно, я не буду настаивать. Просто предупреждаю, дорога долгая.

— А на выезде из города ничего интересного нет? — вмешался Птаха. — Помнится мне, видел я пару симпатичных мест.

Форестер картинно хлопнул себя по лбу:

— Я балбес! Конечно же, все там есть, и народ, кстати, из Внешних. Точно, я даже знаю, куда вас отведу, поехали!

Выбираться из города действительно пришлось долго. Те самые ужасающие пробки, про которые Вадик слышал с детства, в итоге настигли его после ухода к Внешним. Впрочем, не так уж все и страшно. Ну ползет поток, ну постоять иногда приходится, ну что ж с того. Зато можно было еще раз посмотреть на все красоты, а заодно на кучу разнообразных машин и мотоциклов. Форестер вон и вовсе растекся в водительском кресле, вполголоса что-то мурлыкая. В общем, ничего ужасного в плотном потоке Вадик так и не увидел. Разве что есть очень хотелось, а продвигались они медленно.

— Какие люди, и без охраны! — поприветствовал Форестера на входе в кафе рослый парень с роскошной гривой каштановых кудрей. В довершение образа в руке он держал кофр с гитарой. — А, нет, на этот раз с охраной!

Это он заметил Птаху и Вадика. Насчет себя Вадик бы еще поспорил, но Птаху при элегантном Форестере точно походил на сурового телохранителя. «Мы с Некромантом доходчиво разъяснили, что дело иметь придется не с Форестером, а с нами»...

— Привет-привет... полегче, садюга! — Форестер не без труда высвободил руку из медвежьей хватки парня. — Если я не музыкант, это не значит, что мне пальцы не нужны!

— Ладно тебе, — ухмыльнулся парень с гитарой. — О, Птаху, каким ветром в наши края? Все думал, ты или не ты, а то долетало тут до меня...

— Что на этот раз? — усмехнулся в ответ Птаху. — Сибирь или Нижний?

— Нижний, — парень уже конкретно ржал.

— Ну, все как всегда. Ты Алекс, правильно помню? А это Вадик, мой Пассажир.

В этот раз Алекс глумиться не стал и пожал руку жестко, но коротко. Тут он обратил внимание на капот «Субару».

— Ох ты ж ничего себе! Ты по ночам к машине выходить не боишься? Оно же смотрит!

— Потому и смотрит, чтоб кто не надо не подходил, — рассмеялся Форестер. — Между прочим, работа вот этого юноши.

— Эскиз! — быстро поправил Вадик, потому что был, конечно, невероятно горд, но присваивать заслуги Прокси не хотел. — Сам я еще одной Внешней аэрографию делал, жаль, она уехала уже. Если только фотку могу показать.

Он открыл на телефоне сначала эскиз, потом вид готовой «Тойоты».

— Так, — сказал Алекс. — Ждите в гости. Давно хотел свой аппарат украсить.

Птаху толкнул Вадика в бок: «Что я тебе говорил!».

— Ладно, — Алекс перехватил свой кофр. — Птахины контакты у меня есть, это я с вами еще свяжусь и поговорим подробно. Я сегодня здесь играю, пойду подключаться уже.

— Вот это мы удачно зашли! — шепнул Форестер Вадика. — Алекс прекрасно играет, у меня даже записи есть.

Им как раз принесли заказ, когда Алекс появился на сцене. Невзрачную ветровку он сменил на рубашку, расписанную языками пламени, и еще сильнее растрепал свои роскошные кудри. Гитара в его лапищах казалась почти игрушечной. Не тратя время на приветствия, он потрянул головой и заиграл. Вадик застыл с куском отбивной на вилке — как бы он ни был голоден, сидеть и жевать под эту музыку было бы просто свинством. Так что отбивную пришлось ускоренными темпами поедать в паузах между композициями. Разделавшись с ней, Вадик развернулся к сцене и залюбовался. Слушать музыку он любил, но до сих пор больше интересовался текстами, инструменталы и длинные соло казались

скучными. Но гитара Алекса словно сама рассказывала все, что нужно, хотя он не произносил ни слова. Вадик замороженно следил за его руками на струнах — это же надо, чтобы такой громила был способен на такие тончайшие переборы! Алекс ушел в музыку с головой, прикрыв глаза, чуть потряхивая кудрями в такт мелодии. Вадик схватился за блокнот, потому что это обязательно надо было зарисовать. Мощная фигура на сцене, руки на струнах, и вокруг — те же языки пламени, что и на рубашке. Алый и золотой свет софитов, огненные блики в волосах — все сливалось в единую картину. Хорошо, цветные маркеры есть. Это нельзя просто контуром.

Хотя изначально они планировали заскочить сюда просто перекусить, уйти раньше, чем Алекс закончит играть, было совершенно невозможно. Но Вадика уже не волновало, во сколько они доберутся к Форестеру. Здесь не было ничего зыбкого и призрачного. Надежные каменные стены, темные драпировки, тяжелые деревянные столы, отсветы камина, перекликавшиеся с софитами — все было теплым, прочным и спокойным. И музыка. Время от времени Вадик улавливал знакомые мотивы — Алекс, похоже, в основном играл каверы на всевозможный рок. И вдруг оказалось, что даже без слов слушать очень интересно. Одна гитара каким-то образом ухитрилась вести и основную мелодию, и линию вокала. Точнее, это надо было не только слушать, но и смотреть. Вадик пока даже не знал, что у Алекса за машина, но если он и правда приедет за аэрографией — это должно быть что-то про музыку и пламя. Обязательно пламя.

Закончив выступление, Алекс ненадолго подсел к ним. Выслушал от Вадика море сбивчивых восторгов со спокойной улыбкой человека, знающего, на что способен, и еще раз пообещал связаться насчет аэрографии. Вадик показал ему рисунок — Алекс лишь молча облапил его за плечи. Отпустил, по счастью, раньше, чем закончился кислород.

— Моя банда в тур едет, — сказал Алекс. — Я же еще и в группе играю. Так что на вас свалюсь, наверное, ближе к зиме. Если вдруг случится выступать в ваших посадских краях — я свистну.

Вадик улыбнулся про себя: да-да, вот вам и Внешние со своей совершенно отдельной и особой жизнью, которых обычному человеку никогда не встретить, а если кто и встретит, так вскоре об этом пожалеет. Наверное, и сейчас в кафе сидело некоторое количество народа, абсолютно в этом уверенного. И на концерты к тому же Алексу приходят те, кто рассказывает о Внешних жуткие истории. Как и в тир к Патрику. Да что там, у Некроманта вон сколько клиентов из города. Хотя ему, по крайней мере при Вадике, жаловаться на засилье Внешних вроде никто не пробовал. Внезапно Вадик осознал, что уже опять очень соскучился по обществу Некроманта и Прокси. И, как всегда, эхом его мыслей с переднего сиденья отозвался Птаха:

— А вообще, Форестер, хорошо у тебя, но, думаю, через пару дней и мы обратно двинем.

— Ну вот, — вздохнул Форестер. — Тогда вам обязательно надо еще Ладогу показать!

— С удовольствием, — ответил Птаха. Вадик не ответил ничего, потому что уже откровенно засыпал. И снился ему стремительный вихрь музыки и отсветы пламени.

Назавтра решили никуда не ехать — Форестер настаивал, что и на Ладогу свозит их сам, но прямо сейчас он был не готов лезть за руль, так как вернулись они глубокой ночью. Даже Вадика после всех впечатлений не тянуло рано вставать, в итоге все трое сползлись завтракать уже в середине дня, какие там поездки. И дождь пошел. Так что Вадик свил гнездо в любимом кресле и наконец дочитал «Ведьмака», а потом засел рисовать. В голову

лезло в основном всякое музыкальное.

— Интересно, на чем Алекс ездит? — проговорил он в пространство, особо не ожидая ответа, но Птаха отозвался:

— «Импала» у него. Он фанат древних «американцев» не хуже Некроманта. Если эти двое сойдутся — хватай лопату, выгребаться из горы технических характеристик, которыми тебя завалят. И из такой же горы музыкальных терминов. Но еще я сильно подозреваю, что Алекс «Сверхъестественного» насмотрелся. Только что его аппарат не черный, а желтый.

Вадик решительно перевернул страницу с незаконченным наброском, все равно не очень получилось. Потом вернется и дорисует, если настроение будет. «Шевроле Импала» он прекрасно представлял, это самое «Сверхъестественное» частично смотрел и машину помнил. В блокноте возник силуэт с огромным капотом — полный простор для деятельности, хоть эпическое полотно рисуй. Хотя нет... тут просилось что-то лаконичное. Капот перечеркнула волнистая линия — это вроде корпус гитары. Машина желтая — бордовый красиво смотреться будет. И пламя, как будто оно со струн. По оттенкам сложно, маркером не передашь, и вообще это надо будет с Прокси поговорить. «Полегче, еще вопрос, что сам Алекс захочет!». Хотя почему-то Вадику казалось, что ему понравится такая идея, даром что они с Алексом и пяти минут не проговорили. «И на крыло зайти. И ноты». Нотной грамоты Вадик не знал, так что решил, что, если Алекс одобрит его мысль, попросит его самого что-нибудь записать. И тогда вообще будет круто.

На следующий день они поехали на Ладогу. Ветер был такой, что «Субару» с пассажирами, по ощущениям, чуть не сдувало с дороги, но Форестер радостно улыбался и говорил, что все идет как надо. Когда они вышли, Вадик понял, почему. Байкал, даже в шторм, был спокойным. Ладога — яростной. И так и должно быть — вот этот ветер, стальная вода и несущиеся по небу облака. Форестер залез на валун и превратился в романтического героя — плащ развеивается по ветру, длинные волосы растрепались самым живописным образом. Вадик подумал, что, даже если бы Форестер с этого валуна сейчас навернулся, все равно, наверное, ухитрился бы растянуться как-нибудь поэффектнее. «Или вообще взлететь». Ему стало смешно.

— Стой где стоишь! — крикнул ему Форестер, хватаясь за фотоаппарат. Это было несложно — Вадик и так стоял неподвижно, любуясь на опаловые оттенки воды и неба. Волны набегали на берег у самых ног, но в своих берцах он был уверен, так что и пусть себе. Здесь было удивительно правильно. Ничего ниоткуда не просвечивало, эта вода и эти камни были только тем, чем были. Вадик стоял, пока ветер не начал пробираться насквозь, а с востока не зашла дождевая туча. Форестер позвал всех в машину, и возвращались они под таким дождем, что Вадик успел промокнуть по пути от машины в дом. Но там был камин, шипящие на сковороде охотничьи колбаски и ароматный чай, так что не страшно.

Еще через день Птаха решительно сказал, что пора домой. И успокаивающе махнул рукой Вадику: «Ничего такого, просто сам уже соскучился». Форестер без конца благодарил за визит, звал обязательно приезжать еще и на подольше и передавал приветы. И вот наконец Вадик занял свое пассажирское сиденье в «Тахо», по которой, оказывается, безумно соскучился всего за два выезда на другой машине. Ну то есть «Субару» — классный аппарат, и Форестер здорово водит, и столько всего посмотрели, но это же «Тахо».

— Мы никуда не торопимся, — хитро подмигнул Птаха, вырвав на трассу. — Как насчет посмотреть мой Питер?

Он подчеркнул «мой». Вадик с энтузиазмом закивал. Птаха улыбнулся, но сразу же

посерьезнел:

— Одно предупреждение. Силы при мне не пробовать, даже не пытайся. Сейчас я более чем серьезно. Даже мне, пока я с Форестером, путь в другие варианты закрыт. Ты сам видел, что получается и каких сил это стоит. При мне... просто нет. Если хочешь, я покажу тебе что угодно в пределах моих возможностей, но даже не суйся сам. Ты мне еще живым нужен.

Его фирменная усмешка в этот раз вышла очень кривой. Вадика и самого категорически не тянуло проверять. Он уже понял, что у Внешних можно все, кроме того, что нельзя, но уж что нельзя — то нельзя. А еще ему совершенно не хотелось опять ощущать зыбкость и призрачность всего вокруг. Спасибо, хватило.

Питер Вадик знал очень плохо — откровенно говоря, только достопримечательности из учебников и знал. Так что сравнивать, насколько отличаются версии у Форестера и у Птахи, было сложно. А может, они просто ничем не отличались — те же улицы, то же плотное движение, тот же открытый для посещения центр. Поворот — и центр стал похож на знакомый Вадику Старый город, минимум людей и защитные экраны. Да, что-то такое он и на Никитосовых фотографиях видел. Птаха с ухмылкой направил машину в переулки — и «Тахо» чуть не ухнула в яму посреди дороги. Здания обветшали, на стенах выросла трава. Но на следующем повороте город снова стал таким же, как в поездке с Форестером. Вадик вертел головой по сторонам — все в порядке, все стабильно. Для полного подтверждения стабильности на телефон прилетело сообщение от Форестера с фотографией, где Вадик гордо стоял на берегу Ладоги. Точнее, он просто разглядывал облака, но вид получился пафоснее некуда — гордо вскинутая голова, светлые волосы развеваются по ветру. Для полной картины ветровка распахнулась, и висящий на поясе нож был виден вполне отчетливо. Красота.

— Как насчет пройтись и перекусить? — предложил Птаха. — В Питере мне, в общем, ненамного сложнее, чем в Москве, но силы все это тратит, а нам еще домой рулить. А тут место для парковки хорошее, не хочу в переулках тыкаться.

На этот раз Вадик не имел ничего против. День, по сути, еще только начинался, рядом был Птаха, так что по определению ничего не могло произойти. Но произошло. Птаха решил срезать путь через очередную цепочку дворов-колодцев, но дорогу им заступили четверо парней вроде прошлых мутных типов. Помладше и помельче Птахи, но Вадику в свое время и тех хватило. Стоп, какое еще «свое время»? Того пацана давно нет. Может, Вадик пока и уступает Птахе, но бояться всякой шпаны он больше не собирался. И прятаться тоже.

Два складных ножа щелкнули одновременно. Так же одновременно Птаха и Вадик шагнули вперед. Четверо парней как-то неуверенно переглянулись, один пробормотал «да ну их на...», и через секунду путь был свободен.

— Отлично, мелкий, — Птаха улыбался до ушей. А Вадику было даже немного жаль, что эти четверо так быстро смылись.

Такое ощущение, что на поездку в Питер пришлось последние теплые дни этой осени — к дому Птахи подъезжали уже под проливным дождем, и вскоре территория гаражей превратилась в болото, даром что высокий берег. Вадик уже готовился снова надолго засесть дома, но у Некроманта оказалось другое мнение. «Не все города накрыты куполом, юный Скайуокер, да ты и сам это знаешь. Ты сам видел, как потеря равновесия чуть не стоила мне жизни». Вадик обозвал Некроманта садистом и бездушной скотиной, тот лишь ухмыльнулся: «Кому и как я продал душу — версий набралось уже с полсотни», — и бросил ему тренировочный нож. Когда Вадик в тот день пришел домой, Птаха молча взялся за голову, принес в прихожую таз и сказал всю одежду класть прямо туда и даже не пытаться в таком виде проходить в комнату. «А машинкой пользоваться ты умеешь». Отмокая под горячим душем, Вадик, благо за шумом воды все равно не слышно, от души помянул методики Некроманта в не самых приличных выражениях — но не мог не признать, что было интересно. И решил попробовать повторить тот момент, когда Некромант совершенно явно оступился — но уже в падении перекатился и атаковал, Вадик даже рывнуться в его сторону не успел. «Интересно, сам-то он после всего этого на что похож?». Вадику стало смешно, и последние следы возмущения, даже наигранного, улетучились.

Впрочем, вскоре зарядили такие дожди, что сдался даже Некромант. Тем более что ему достался на воскрешение очередной реликт. На какой свалке хозяин его откопал — не признался, а Некромант и не спрашивал. Воткнув флэшку от Тундры в «рабочий» нетбук, всегда живший в углу гаража — в основном ради музыки, хотя иногда Некромант и смотрел на нем нужную информацию — он привычно убрал волосы под бандану и закопался в недра машины. Вадик, как всегда, подключился по мере сил. За работой Некромант расспрашивал его о поездке в Питер и лишь многозначительно ухмыльнулся, услышав о пустых берегах Невы и развалинах. «Ты... там был?» — поинтересовался Вадик. Некромант не ответил. Впрочем, Вадик уже привык, что о себе он почти не рассказывает, а когда и проскальзывает что-то — не факт, что это хотелось бы знать. Зато история о мутных типах из подворотни, с одной стороны, Некроманта явно порадовала, с другой — некоторое время он ворчал из недр двигателя «торопится Птаха, как по мне, рановато еще...». Вадик даже немного возмутился про себя: в конце концов, сколько можно за Птаху прятаться! Некромант вон сам говорил, что Вадик делает успехи! А вот чему Некромант обрадовался без всяких оговорок — это новости про Алекса. «Давно у нас музыкальных диспутов не было», — сказал он, потирая руки и совершенно искренне улыбаясь. Вадик твердо решил, что должен это видеть.

Как-то раз в особо противную погоду Вадик сидел у себя в комнате и рисовал. На этот раз в блокнот попросился тот питерский пустырь, который внезапно показался развалинами. Или не показался. Вадик немного опасался, не будет ли Птаха злиться от упоминания той истории, но не спросить все равно не мог. Так что пошел в гостиную.

— Птах, а Птах...

— Да чтоб тебя! — выругался Птаха, сжимая игровой контроллер. — Прости, не тебе. Что ж ты такой живучий, зар-раза! Уф, сдох наконец. Чего хотел, мелкий?

— Да все думаю про те питерские дела. Сам знаю, неправ...

— Ладно тебе. Сам такой же был, естественно, всегда хочется попробовать и проверить. В серьезное я бы тебе вляпаться не дал.

Вадик мысленно хлопнул себя по лбу — с чего он вообще считал, что Птаха рассердится? Ну да, тогда пообещал уши оборвать, ну так не оборвал же и сам помог в чувство прийти. А повторять и не пришлось.

— Я не про то. Я просто не могу понять, что это я такое видел. Это, что ли, в прошлое попасть тоже можно? Или там в будущее, вот как у Прокси?

— «Нет, сынок, это фантастика», — усмехнулся Птаха.

— Внешние тоже фантастика, — не сдавался Вадик. — И варианты реальности.

— Факт. Но это именно что варианты. Веер, — Птаха щелкнул пальцами, как будто раскрывая этот самый веер. — Ну вот помнишь, ты недавно Брэдбери читал? «Наступите на мышь — и вы сокрушите пирамиды». Потому что, значит, помрет с голоду лиса, которая должна была эту мышь съесть, замерзнет охотник, который иначе из этой лисы сделал бы воротник, и все пойдет в другую сторону. А в соседнем варианте ты эту мышь не трогал, лиса с охотником остались до поры до времени живы, зато там произошло что-нибудь еще.

— А, — вспомнил Вадик. — Там этот чувак бабочку раздавил, а в итоге все писать стали как идиоты и выбрали не того. Но это ж они как раз в прошлое мотались!

— Да я просто для примера. Каждая такая мышь и бабочка — это развилка. В одном варианте мышь жива, в другом сдохла, и пошли все остальные последствия. А ты представляешь, сколько таких мышей на мегаполис? Почему я и говорил, что чем больше город, тем больше у него вариантов. Они все существуют одновременно, просто в какой-то момент свернули в разные стороны. Вплоть до того, что этот конкретный город в одной из веток вообще никогда не существовал или уничтожен. Или, наоборот, жил и процветал, потому что, допустим, в этом варианте уже пятьсот лет войн не было. Я подозреваю, что у Прокси что-то такое, но он не лучше Некроманта в этом плане, не любит историческую родину вспоминать. Впрочем, кому дома хорошо, те во Внешние не подаются.

— То есть я видел...

— ...вариант, где Питер никогда и не строили, а болото так и осталось, и вариант, где он разрушен войной или оставлен. Я и говорю, мало того, что при другом Внешнем полез варианты листать, еще и выбрал самые экстремальные, — Птаха нахмурился. Вадик виновато опустил глаза, но Птаха внезапно подмигнул: — Талант у тебя, братец, определенно талант.

— Весь в тебя! — рассмеялся Вадик. — Эх, а я уже думал — Прокси к нам из будущего заслали. Типа Терминатора.

— Прокси лучше, — фыркнул в ответ Птаха. — Ну слушай, есть же на свете всякая Япония и прочий Гонконг — так посмотреть, они лет на двести впереди нас живут. Если по технологиям, Прокси действительно из более продвинутой ветки, хотя, насколько я видел, в основном пользуется тем, что есть у нас. Может, из принципа, чтобы с прошлым ничего не связывало, может, оно просто с нашей техникой несовместимо, не знаю. Но это просто разные темпы развития.

Он помолчал и хмуро добавил:

— Потому что, если бы можно было перейти в другое время — все могло бы сложиться совсем иначе...

Он подпер голову рукой и долго смотрел на пламя камина. Вадик понимал, на что он намекает, но не мог сказать ничего внятного. Поэтому сказал:

— Чаю хочешь?

Птаха благодарно кивнул.

У шкафчика с чаями Вадик задумался. Хотелось сделать что-нибудь особенное, ну просто чтобы разрядить обстановку. Эх, надо поспрашивать Некроманта про специи в чай, он что-то на эту тему говорил. Хотя, зная Некроманта, не факт, что это способен выпить хоть кто-то, кроме него самого. Всяких китайских изысков у Птахи отродясь не водилось. Но тут Вадику на глаза попался знакомый засушенный апельсин, начиненный чаем. Это же подарок Форестера! Ну, значит, пришло его время. Кожура легко разламывалась на куски, с ароматом апельсина вообще должно получиться круто... С количеством Вадик не стал мудрить и насыпал столько же, сколько всегда клал обычного черного чая.

Разрядить обстановку получилось более чем — Птаха заулыбался и охотно выпил большую кружку. А вот Вадик, последовав его примеру, почувствовал себя как-то странно. Примерно как тогда у Некроманта. Переборщил с заваркой, что ли? Вроде, если верить Форестеру, черный китайский чай и должен быть таким темным и даже как будто густым...

— Ты такое первый раз, что ли, пробуешь? — догадался Птаха.

— Ну... вроде тоже ведь черный чай...

— Как объяснял наш друг Форестер, — менторским тоном произнес Птаха, — привычный нам, глупым белокожим варварам, черный чай на самом деле красный. А настоящий черный, он же пуэр, намного крепче. Тут привычка нужна. Мне нравится именно такой, а тебе я бы посоветовал пока разбавить.

— Точно, — Вадик хлопнул себя по лбу уже не мысленно. — Форестер же объяснял. А я балбес.

— Все нормально, — Птаха ободряюще улыбнулся. — Чайным мастером, если понадобится, ты стать тоже вполне успеешь. Да кем угодно успеешь.

И Вадик ни капли не сомневался, что так все и будет. А как иначе.

Тем временем попавший в руки Некроманта реликт все больше становился похож на машину, а не на кучу ржавого железа, и хозяин уже наматывал круги около гаража, что твоя акула. Но в работе все равно возникали паузы — то краска сохнет, то нужную запчасть приходится ждать. Некромант состоял в переписке, кажется, со всеми коллегами по ремеслу в России, а может, и за ее пределами, так что найти воистину мог что угодно и где угодно. Вопрос только времени. В одну из таких пауз они с Вадиком затеяли тренировку непосредственно перед гаражом, благо день в кои веки выдался погожий и даже под ногами не хлюпало. Но после пары раундов Некромант жестом показал, что надо сворачиваться — кто-то пришел. Вадик проследил за его рукой и невольно схватился уже за реальный нож — на поляне стоял Джигит.

Некромант не сдвинулся с места, но Вадик прекрасно понимал, что его небрежная поза — видимость. Левая рука как будто полностью расслаблена, но за долю секунды она окажется на рукояти ножа. В то же время Некромант едва уловимым жестом задвинул Вадика за себя. Даже обижаться не тянуло — Некроманту он точно будет разве что лезть под руку. Джигит подошел ближе, хмуро глядя в землю.

— Остались вопросы? — тем же обманчиво небрежным тоном спросил Некромант.

— Нет, — так же хмуро ответил Джигит, не поднимая взгляда. — Я знаю правила. Потому и тогда не полез.

— И правильно сделал, — хмыкнул Некромант. — А сейчас какими судьбами?

— Я, в общем, думал, что больше не пересечемся, — проговорил Джигит, как будто бы ни к кому не обращаясь. — Прямо скажем, очень на это надеялся. Да выбирать не приходится, дорога далекая, с тормозами что-то странное, а лучше тебя в этих краях

механиков нет. Так что я за помощью. Если не откажешь, конечно.

— Если ты знаешь правила, должен бы знать, что Внешним я не отказываю, — отозвался Некромант. И веско добавил: — Никогда.

Джигит впервые взглянул на него прямо. А он, оказывается, едва ли не младше Тундры. В темно-карих глазах не было и намека на угрозу — а вот страх, пожалуй, был. «Неудивительно», — хмыкнул про себя Вадик, хотя больше даже по инерции. Неприязни в адрес этого парня он не чувствовал. В конце концов, лично ему этот Джигит — или Джимми, кто уж его разберет — ничего не сделал. Пока.

— Я верю тебе, — наконец проговорил Джигит. — Слушай... а как тебя вообще звать? Истории про Ликвидатора я знаю, но имени в них нет.

— Некромант. За упоминание имени обычно не убиваю.

Джигит чуть поежился, но подошел еще ближе. И, чуть поколебавшись, протянул руку.

— Тебя-то самого как лучше называть? — спросил Некромант. — Я слышал два варианта.

— Лучше Джимми. Джигитом меня в другой тусовке прозвали, за то, что я с Кавказа. Не люблю.

— Не вопрос. Так, основной гараж у меня занят, придется Прокси потеснить. Сам загонишь или мне?

— Сам. Сюда-то доехал.

— Так, что там за дела насчет Прокси потеснить? — высунулся из гаража тот самый Прокси. Некромант махнул рукой:

— Да вон, с тормозами нелады. Пустишь? Неохота «Кадиллак» выгонять.

При упоминании «Кадиллака» Джимми снова чуть поежился. Вадик заметил, что после единственного рукопожатия он по-прежнему не подходит к Некроманту близко. И едва ли не впервые задумался, а как, собственно, воспринимают Некроманта те, для кого он — мрачная легенда о Ликвидаторе. И тем более — кто видел эту легенду в действии. И понял, что сам бы, наверное, тоже держался подальше.

Из гаража Прокси его выставил, сказав, что тут ориентируется лучше и поможет Некроманту сам. Вадик остался с Джимми один на один. И с немалым удивлением осознал, что с ним Джимми тоже держит дистанцию. Хотя, казалось бы, уж тут-то с чего. Он, конечно, был тогда под Нижним, но занят был исключительно попытками вывернуться от Птахи.

— А ты, выходит, ученик... Некроманта? — это имя по-прежнему давалось Джимми с трудом.

— Ну... — Вадик замялся. — Мой Водитель — Птаха. Некромант меня драться учит, ты, наверное, видел.

— Видел... — задумчиво произнес Джимми. — Не хотелось бы когда-нибудь оказаться твоим противником.

Вадик хотел было сказать, что ничего пока особо не умеет и вообще ему бы в страшном сне не приснилось столкновение с другим Внешним, но на секунду как будто увидел и себя самого глазами Джимми. Ага, парень, которого учит ножевому бою не кто иной, как тот самый Ликвидатор. И который при одном появлении Джимми за нож схватился. А еще Вадик обратил внимание, что не так уж уступает ростом этому Джимми — тот был невысоким и худощавым, под стать своему маленькому легкому внедорожнику. И впервые мелькнула мысль, что, если бы вдруг что, у Вадика вполне могли быть шансы. Мелькнула и

ушла — в конце концов, нечего им с Джимми делить. Уж если он к Некроманту рискнул обратиться за помощью, к Вадику у него точно претензий не возникнет.

— Сталкер был хорошим парнем, — произнес Джимми снова как будто в пространство. — Жаль, вступился не за того. Мне всегда казалось, что в легендах намного больше правды, чем кажется. И уж если есть общие законы — это не просто так.

«Расслабился народ в регионах, забывает старые страшные сказки», — вспомнил Вадик слова Некроманта.

— Ты передай, что ли, при случае, — Джимми все-таки подошел к Вадику вплотную, — что зла я не держу, хотя ребят жаль. Сам я... не могу при нем об этом.

— Но ты приехал, — то ли спросил, то ли констатировал Вадик.

— А куда деваться, — впервые в голосе Джимми прозвучало что-то похожее на злость. — Я сам-то в Водителях чуть больше года, мог бы сам разобраться — десятой дорогой бы обошел, слишком много всего наслушался. Хотя Тундра вон к вам ездит, и ничего.

— Ты ее в последнее время не видел? — Вадик обрадовался смене темы.

— Видел, — Джимми, кажется, тоже. — Хотя это сильно сказано. В прошлый раз на несколько дней задержалась, а тут заскочила на пару часов и унеслась, как гнался за ней кто. Говорила, вот надо ей срочно на Байкал, и все тут, в чем дело — отвечать отказалась, да я и не настаивал. Не вы спугнули?

— Да ну что ты! — рассмеялся Вадик. — Тундра тут со всеми дружит. Мы в Питер вместе ездили, только она вдруг взяла и сорвалась, тоже ничего не объясняла.

— Говорят, это значит, что дорога позвала.

Вадику не понравилась эта формулировка. Почему-то вспомнился тот ночной разговор с Анной.

— В смысле?

— А ты такого не слышал? — удивился Джимми. — Это... как предчувствие, что ли. Что должно произойти что-то важное, и обычно где-то в пути. Да я сам сейчас так же еду. Опять перемен захотелось, да и... не могу больше там.

Он снова помрачнел и замолчал. Тем временем из гаража высунулся Некромант и сообщил, что странности с тормозами вызваны прозаически накрывшимися колодками, так что скоро все будет в порядке. И впервые со своего приезда Джимми улыбнулся.

— Это что была за мрачная тень? — поинтересовался Прокси, когда Джимми уехал, сдержанно попрощавшись.

— Из нижегородских, — коротко ответил Некромант. Прокси присвистнул:

— И дело не кончилось побоищем? Я тебя не узнаю!

— Он из тех, кто не полез в драку, — пожал плечами Некромант. — У меня к нему вопросов нет.

— У него тоже, — сказал Вадик. Некромант лишь молча кивнул.

Однажды утром Вадик проснулся с пониманием, что сегодня его выгонит из дома только что-то из ряда вон выходящее. Рассветать как будто и вовсе не стало, по крыше барабанил дождь, в общем, не хотелось даже рисовать. Так бы и спать хоть до вечера, все равно планов никаких. Переворачиваясь на другой бок, Вадик бросил взгляд на стол. Так, стоп, там стоял один нетбук! Теперь их было два. Нет, второй — даже не нетбук, а полноразмерный ноут! И еще какая-то коробка. Вадик осознал — сегодня пятнадцатое ноября. Его новый день рождения. То есть это что же — вот настоящий день рождения с

подарками? Да еще вот такими? Сон слетел мгновенно, Вадик кубарем слетел с дивана и кинулся к столу.

— С днем рождения! — Птаха, не иначе, караулил под дверью. Вадик с нечленораздельным воплем повис у него на шее.

— Потихе, не такой мелкий уже! — Птаха не без некоторого усилия отцепил от себя Вадика. Выпендривался, конечно — может, Вадик и вырос, но по сравнению с Птахой все равно оставался мелюзгой. — Посмотри хоть, что там.

Вадик не знал, за что хвататься — то ли за ноут, то ли за коробку, в которой оказался графический планшет. Птаха наблюдал за его метаниями с добродушной улыбкой.

— Планшет — это от Прокси, — пояснил он. — Сам он в город умотал, обещал скоро вернуться, а это попросил передать заранее. Ну а ноут — от меня. В конце концов, тебе давно нужна нормальная машина, при всех достоинствах этого старичка, — он кивнул на нетбук. — И это... под стол загляни.

Тут Вадик уже от души плюнул на все понятия о приличии, издал дикий вопль и заскакал по комнате. Потому что ноутбук и планшет — это, конечно, невероятно круто, но он, пожалуй, только сейчас понял, как ему не хватало, чтобы на день рождения вручили просто пакет разной приятной всячины. Да еще такой, чтобы точно ему понравилась, а не дурацких конфет и канцтоваров «к школе пригодится». Крутейшие обрезанные перчатки, флэшка в виде гильзы, пакет сушеных ананасов, классная большая мышь к ноуту — тачпады Вадик не любил — в общем, целая куча всего! И ноут. Который, Вадик уже по модели понял, был на порядок круче даже того, что был у него в городе. И планшет! Это же можно не возиться со сканером и делать эскизы сразу так! Сам Прокси регулярно так работает. Надо попросить, чтоб научил обращаться, Вадик так в общих чертах уже понимал, но все равно.

— Завтракать пошли, именинник, — улыбнулся Птаха. — А то будешь сейчас возиться с подарками до голодного обморока.

— Ну ведь такое! Такое! — Вадик не находил слов. — Блин, Птаха, ты меня и так задарил выше крыши, и теперь вот так... Понимаешь, я сколько себя помню — подарки были всегда из нужного, тоже хорошо, конечно, но самый-то приколом подарка — это когда не знаешь, что будет, и вдруг раз и что-то клевое.

— Понимаю, — кивнул Птаха. — Знаешь, у нас большинство дни рождения не празднует. Потому что когда что в прошлом было — уже неважно, в паспорте написано у кого как, я, по-моему, вообще от фонаря дату взял. Не помню.

Он чуть нахмурился. Вадик догадывался, почему Птаха «не помнит» и с чем связаны его паспортные данные. Он задумался, по какому принципу оформлял себе документы тот же Некромант... нет, пожалуй, он вряд ли хочет это знать. Также, наверное, «от фонаря». Птаха решительно махнул рукой:

— Так, вот еще не хватало тебя грузить. Спец по мрачным телегам у нас Некромант, а не я, и вообще. Кто там что празднует — личное дело каждого, но мне вот почему-то казалось, что оно тебе надо. Ну и вот.

Вадик воодушевленно закивал.

Когда они наконец спустились вниз, Вадик понял, что сейчас помрет с голоду от одних запахов. Казалось бы, все было предельно просто — яичница с беконом, бутерброды с паштетом и чай. Но Птаха в принципе умел из самых простых продуктов сделать невероятно вкусную вещь. А может, Вадик просто давно и прочно осточертело так называемое правильное питание и так называемые продукты не для всех. Никитос в свое время (Вадик

хихикнул — это реально уже казалось этак позапрошлым веком!) практически ни разу не упустил случая упомянуть, как им невероятно повезло и как мало народа в городе может таким питаться. Ну вот сам пускай и жрет теперь. А Вадика «запасы из бункера» более чем устраивали. Тем более что в том бункере, как выяснилось, водился даже целый круг сыра с плесенью, вроде того, что Форестер привозил. Птаха предложил макнуть ломтик сыра в мед, Вадик обозвал его извращенцем, но попробовал, и оказалось вкусно.

Вадик как раз полез налить себе еще чаю, поскольку сыр с медом — это здорово, но очень сладко, и тут раздался стук в дверь. На пороге обнаружился мокрый как сто чертей Некромант. С куртки текло, волосы прилипли ко лбу.

— На запах пришел? — усмехнулся Птаха. — Вовремя, сыр еще остался!

— Не может не радовать, — Некромант ответил такой же усмешкой. — Так, дайте я куда-нибудь дену это мокрое безобразие, потом можно и к делу. Птах, не трудись, сам вытру. Ну, погода, куда только Прокси черти понесли?

— А куда понесли? — деловито поинтересовался Птаха.

— погоди воевать, — хмыкнул Некромант, орудуя шваброй. — Там с прошлого раза полиции кошмары сняты. Вроде встрять не должен, хотя странно, что он еще не тут. С другой стороны, по такой дороге даже он гонять не станет. Ладно, всему свое время. Где ты там, именинник?

Не дожидаясь ответа, Некромант сам прошел в гостиную и сделал Вадика знак подойти ближе.

— Приметы говорят, что взамен надо отдать монетку, — проговорил он, глядя на Вадика в упор, — но шли бы те приметы. В общем, держи.

Вадик задохнулся от восторга — Некромант протягивал ему большой складной нож, вроде того, что носил сам.

— Ты сильно вырос, юный Скайуокер, — продолжал Некромант. — Некоторое время назад, помнится, ты уже почти полез в реальную драку. Знаешь, хорошо, что не полез. Тот нож, что от Птахи... не надо его пачкать. Этому — не страшно.

Вадик раскрыл нож, положил лезвием на ладонь и залюбовался. Он действительно был не таким, как тот, что еще весной подарил Птаха. Немного крупнее, клинок немного другой формы, но дело даже не в этом. Он был каким-то... более хищным, что ли. Да, хищным, другого слова было не найти.

— Ты понял, — коротко кивнул Некромант.

— Когда закончите со смертоубийственными планами, — неожиданно раздался от двери голос Прокси, — пустите погреться несчастного путника?

Некромант так резко развернулся на голос, что Прокси картинно забился в угол, заслоняясь рукой. Во второй он держал большую коробку.

— Смерти ты моей хочешь! — пожаловался он. — Я тут, понимаешь, пробиваюсь сквозь ночь и бурю... ладно, день, но льет так, что я собственный руль не вижу! А меня, как всегда, с порога пытаются угробить!

Некромант подошел к Прокси и просто вытряхнул его из мотокуртки, попутно забрав коробку.

— Э, нет! — Прокси завладел коробкой обратно. — Уж если мне пришлось тащить это сюда, рискуя жизнью, я и отдам!

— Уймись, пижон, — беззлобно ухмыльнулся Некромант. — Сапоги хотьними, а там делай что хочешь.

Хотя Вадику казалось, что ничего сладкого в него сегодня уже не влезет, но, когда из коробки показался торт в какой-то невероятной глянцевой глазури всех цветов радуги, чудом не пострадавший от поездки на мотоцикле и перепалки в прихожей, устоять было просто невозможно.

— Эксклюзив! — гордо объявил Прокси. — Эта кондитерская обслуживает «верхних» из «верхних», сайт и тот с закрытым доступом, а уж вход запрятан так, что без карты члена клуба и дверь не увидишь. Ничего, и не таких вскрывали, так что с днем рождения!

На вкус торт был еще круче, чем на вид — нежнейшее суфле с ароматом всевозможных ягод. Как Прокси это довез на мотоцикле — видимо, должно было навсегда остаться загадкой. Поскольку через несколько минут торта уже не было. Что уж теперь выяснять.

Некромант вскоре откланялся, сказав, что накануне завозился в гараже до глубокой ночи и теперь откровенно валится с ног. Птаха предлагал остаться, тем более что дождь и не думал заканчиваться, но Некромант отказался: «Сам знаешь, не люблю вне дома ночевать». Зато Прокси остался до вечера — помогать разобраться с планшетом. Вадик как раз попробовал сделать первый рисунок, когда в комнату, широко улыбаясь, вошел Птаха.

— Алекс питерский пишет. Говорит, у группы пока перерыв, так что в конце месяца приедет к нам. Просил твои контакты, чтобы напрямую аэрографию обсуждать.

— Этот безумный гитарист? — Прокси даже подпрыгнул. — К нашему юному Скайюокеру? Это будет круто!

Вадик был с ним полностью согласен. Этот день не мог кончиться лучше.

Конечно, Вадик списался с Алексом уже на следующий день. К его огромной радости, Алекс сам заговорил про «что-нибудь вроде нотного стана и с пламенем, но не так, чтобы от машины за километр искры сыпались». Вадик отправил ему фотографию страницы из своего блокнота — Алекс ответил изображением аплодисментов. Осталось только дожидаться его приезда. Казалось, до конца месяца невероятно долго.

Единственное, что Вадика несколько смущало и было даже немного обидно — Тундра никак не выходила на связь. Как оказалось, не только с ним, он хоть от Джимми знал, что она побывала в Нижнем. И как-то ему это не нравилось. Птаха успокаивал его, говоря, что уж если «позвала дорога» — значит, человеку сейчас ни до чего. И трогать его не надо. «У нас не принято в таких случаях расспрашивать. Надо будет — сама заявит о себе. Пока мне скорее кажется, что все хорошо». Вадика это не слишком успокаивало, но, с другой стороны, Птаха прав — уж если Тундру что-то так озадачило, что она из гостей у Форестера сорвалась, вряд ли она будет способна думать хоть о чем-то другом. А про его день рождения она вообще, скорее всего, не знала. «Вернется — тогда все и обсудим», — решил Вадик, хотя сам себя не очень убедил.

А тут еще Птаха пришел озадаченный. Вадик скатился с дивана, где в очередной раз смотрел «Безумного Макса», и поинтересовался:

— Что такое, проблемы?

— Да не то чтобы... — задумчиво произнес Птаха. — У нас же обычная вписка — дом Тундры, а она усвистела и ключей не оставила. Алекса я не то чтобы хорошо знаю, но в целом парень вроде неплохой...

— Так, может, к нам? — Вадик спохватился: — Если тебя не напряжет, конечно.

— Я как раз думал, не напряжет ли тебя, — улыбнулся Птаха.

— Ну ты что! В конце концов, это же твой дом!

— Твой тоже, — веско заметил Птаха. — И все, что здесь происходит, должно происходить с твоего ведома и согласия.

Вадик не находил слов. Казалось бы, он давно привык и обжился, и вообще как будто всю жизнь тут и обитал, но вот это было что-то совсем новое. Он, вроде как, все-таки мелкий... «Хорош себе мелкий, год как с паспортом!». Мысль, конечно, резонная, но... Птаха, как обычно, все понял.

— Слушай сюда, мелкий. Я уж не знаю, что, как и чем думало твое прежнее семейство, но ты — мой брат. А значит, все в этом доме — твое. И право решать у тебя ровно такое же, как у меня. В конце концов, ты уже почти взрослый. Ну что — я так понимаю, ты вписать Алекса не против?

— Нисколько! — за короткую переписку Алекс понравился ему еще больше, чем за ту первую встречу.

— Ну и отлично! Значит, пишу ему, чтобы рулил ко мне.

Наконец настал день, когда от Алекса пришло сообщение «Ждите завтра». Вадик полагал, что, как и Форестер, Алекс приедет где-то вечером. Но, когда утром он пришел в гаражи, на поляну выкатилась бледно-желтая «Импала».

— Алекс, ты псих? — Некромант, как обычно, каким-то шестым чувством уловил ее явление, потому что услышать что-либо, кроме своего блэка, не мог органически.

— Разумеется! — Алекс ослепительно улыбнулся, выбираясь из-за руля. — Ты где у нас нормальных видел?

— Ты если убиться захочешь, скажи мне, быстрее будет, — буркнул Некромант. — Кой черт тебя в ночь понес?

— А захотелось. Думается проще, та-акой соляк сложился! Вот расположусь и запишу, пока не забыл.

Некромант картинно закрыл глаза рукой и снова скрылся в гараже. Алекс скорчил ему вслед рожу и повернулся к Вадику:

— Привет, рад видеть! Ну что, веди в логово! И, слушай, можно на тебя гитару повесить? Акустика, легкая. А то, боюсь, за один заход все не унесу.

Вадик аккуратно принял из рук Алекса чехол с гитарой и повесил за спину. Сам Алекс нес уже знакомый Вадику кофр, еще сумку с чем-то явно тяжелым и небольшой рюкзак с одеждой — во всяком случае, из него торчал край шарфа.

— Алекс, ты псих! — ровно теми же словами приветствовал его Птаха, который не так давно проснулся — накануне опять вернулся из города за полночь.

— Сговорились, — ухмыльнулся в ответ Алекс. — Птах, покажи, где можно упасть, и дай что-нибудь пишущее.

Вадик пожертвовал Алексу листок из блокнота и выдал ручку. Алекс быстро начертил на листе нотную линейку и принялся набрасывать ноты, иногда отрываясь и перебирая пальцами в воздухе, словно по грифу гитары. Вадик самым невежливым образом таращился во все глаза — это было что-то из области магии. Закончив, Алекс убрал листок в чехол акустической гитары, вытянулся на диване и моментально отключился. Птаха лишь тихо фыркнул.

Обратно в гаражи идти не хотелось, тем более что опять пошел дождь. Вадик взял было телефон, чтобы написать Некроманту и спросить, не нужно ли чем помочь, но тот его опередил. На экране всплыло сообщение: «Имел на тебя виды, но раз уж приехал этот псих, буду готовить помещение. Жду завтра». Завтра так завтра. Вадик ушел к себе, надел наушники и стал смотреть фильм про тигров. Прокси посоветовал ему изучать повадки разных зверей, чтобы удобнее было их рисовать, и перечислил, кого больше всего любят в аэрографии. Понятное дело, всем надо было разных крутых хищников. «За милыми кисами сюда обычно не ездят», — смеялся Прокси. Хотя, по мнению Вадика, тигрята были ничуть не менее милыми. Фильм был короткий, но Вадик часто останавливал видео, чтобы зарисовать понравившуюся позу или хотя бы сделать скриншот на будущее. Темнело сейчас рано, и Вадик не особенно следил за временем. Он как раз думал, кого бы после тигров посмотреть следующим, когда снизу послышались звуки гитары.

— Ну наконец-то, — сказал Птаха, выходя в коридор. — А то ужинать пора, а будить не хотелось.

— Птах, не страдай фигней, — решительно заявил Алекс. — Меньше всего на свете я хочу кого-то напрягать. Я к вам вписался, и я подстраиваюсь под вас. И уж точно вы не в ответе за мой долбанутый режим дня, точнее, полное его отсутствие.

Птаху эта речь, кажется, не впечатлила. Алекс встал и положил ему руку на плечо:

— Нет, реально. Сплю я как бревно, помешать мне невозможно. В конце концов, я дрых в туровом автобусе и в гримерке. Если вдруг понадобился — можно просто скидывать с дивана, я не обижусь.

— Тебя еще поди скинь, — задумчиво произнес Птаха, окинув Алекса оценивающим

взглядом. Алекс был немного выше Птахи ростом, но не настолько широк в плечах.

— Да ну тебя, — фыркнул Алекс. — Короче, народ, меня чем-то напрячь практически нереально, а под вас подстроюсь. А если дадите чаю, моя жизнь будет прекрасна. Только это, — он подозрительно прищурился, — надеюсь, Некромант здесь еще не всех совратил?

— Не всех, — рассмеялся Птаха. — Вадик, неси пуэр, если остался, и не делай как в прошлый раз.

Вадик состроил рожу — он и так помнил, что получилось, и повторять не собирался. Впрочем, Птаха сказал это как-то совершенно не обидно. Вспомнился разговор перед приездом Алекса. Ведь действительно — это его дом. И делает он тут абсолютно все, что хочет. И даже если получается какая-нибудь фигня — Птаха ни разу не то что не рассердился, вообще не высказал недовольства. Потому что Вадик многому еще учится. И как иначе-то.

За чаем Алекс с Вадиком сели уже плотно обсуждать эскиз. Когда Вадик упомянул про волнистую линию, «вроде корпуса гитары, цвета, наверное, бордового и градиент такой, маркером не нарисую...», Алекс лишь усмехнулся: «Вроде такого?» — и открыл кофр. Вадик закивал так, что чуть голова не отвалилась — внутри лежала гитара с именно таким переходом оттенков, от темно-бордового по краю до цвета светлого дерева под струнами, почти того же тона, что «Импала».

— И ноты, — хором сказали оба. А Вадик добавил: — Только я их не знаю, а от балды лепить не хочу. Все-таки...

«Все-таки машина музыканта», — не договорил он, но Алекс, кажется, понял и так.

— Не вопрос, ща нарисуем! — он отобрал блокнот и, даже не особо задумываясь, набросал линейку с нотами.

— А это что? — поинтересовался Вадик. Алекс схватил гитару и сыграл быстрый ритмичный рифф. Знакомо было невероятно, но...

— «Твой дом стал для тебя тюрьмой...» — напел Алекс. Вадик хлопнул себя по лбу — классику не признал!

— А что, в тему! — сказал он. Алекс хитро подмигнул.

На следующий день они направились в гараж к Некроманту. Тот как раз наводил порядок, освобождая место для работы над «Импалой». Одет он был в такую же клетчатую рубашку, как та, что превратилась в тряпку после Нижнего. И, естественно, уже благополучно успел ее уделать чем-то темным. Вадик отвел глаза. Понятно, что воспоминания и игра теней, но лезло в голову оно не менее навязчиво, чем тогда в питерской подворотне. И зарисовывать сейчас не с руки. Но Вадик посмотрел на лучащегося улыбкой Алекса, и ненужные ассоциации ушли. В конце концов, Некромант в таком виде почти каждый день шастает.

— Надо прикинуть, как тебе удобное рабочее место устроить, — проговорил Некромант. — Капот большой, задача нетривиальная. Тем более с тем филином ты на подхвате был, не все ли равно, где лазить, а сейчас уже полноценный художник. Вырос ты с прошлого раза, юный Скайуокер.

— Вот я все думаю, кого ты мне напоминаешь! — рассмеялся Алекс. — Ну как есть же Энакин! Ага, и Птаха за Оби-Вана сойдет. А ты тогда кто, Йода, что ли, получаешься? — он развеселился окончательно.

— Я не Йода, я Палпатин, — без тени улыбки парировал Некромант. — Юных падаванов плохому учу.

— Это в смысле? — Алекс поднял бровь.

— В прямом, — Некромант подкинул в руке невесть откуда возникший тренировочный нож. — Хочешь, присоединяйся.

— Ну уж нет! — Алекс даже отступил в сторону и весь как-то сжался. — Ты же знаешь. Даже в плане тренировки... не могу. Со своими — никогда.

— В Пскове тебе что-то ничего не мешало, — хмыкнул Некромант.

— Я защищался, — возразил Алекс, резко помрачнев. — И вообще, если б ты не вмешался...

— Вот уж точно, Палпатин я и есть, — проворчал Некромант. — Подбирать всяких недобитых и плохому учить. Ты вот, правда, не учишься. Да и черт с тобой, не всем же быть отмороженными на всю голову, — неожиданно ухмыльнулся он.

— А что было-то? — шепотом спросил Вадик и тут же осекся — вроде как о прошлом расспрашивать не полагается... Но Алекс обернулся к нему уже с прежней ослепительной улыбкой:

— Что было, то прошло. Мотаюсь я по стране много, народ встречается всякий. А под Псковом была тусовка Внешних, которая, как по мне, выродилась в конкретных сектантов, вот натурально как городские школьники на переменках рассказывают.

— Была, — подчеркнул Некромант. Алекса чуть передернуло, но продолжал он тем же беспечным тоном:

— Короче, эти гаврики вообще замкнулись на себя, типа никто им не нужен, они будут жить своей общиной и блюсти законы. А я, видите ли, порочу светлый образ Внешнего тем, что перед цивилами играю. Ну и... Знаешь, — он как будто немного смутился, — я хоть и лось здоровый, но так вообще мирный. Ну в школе дрался когда-то, как все пацаны, а вот так всерьез, да еще против другого Внешнего — реально не могу, если только вообще уже не убивают. А тогда к тому серьезно шло. И то не думаю, что отмахался бы, если бы не Некромант.

— Вот видишь, юный Скайуокер, — назидательно произнес Некромант, — к чему ведет нежелание склониться перед мощью Темной стороны!

— А я давно там, — беззаботно и абсолютно честно ответил Вадик. И самым невинным тоном поинтересовался: — А у тебя чай есть?

Алекс молча закрыл глаза рукой. Притрагиваться к содержимому термоса, который принес Некромант, он, естественно, отказался. Тем временем из микроавтобуса вылез заспанный Прокси — впрочем, при виде Алекса с него слетел весь сон.

— И ты не предупредил, террорист! — напустился он на Вадика. Тот потупился:

— Алекс вообще еще вчера приехал, но сразу к нам отдыхать ушел.

— Вчера — это вчера, — возразил Прокси. — Вчера и мне не до того было, плановые обновления, знаешь ли. Вы давно тут?

— Считай, только пришли. Алекс мне тут ноты для аэрографии написал...

Вадик едва успел договорить, как Прокси натурально отобрал у него блокнот и потащил их с Алексом к «Импале», которая так и стояла пока на поляне — от гаража Тундры ключей точно так же не было, впрочем, на время работы Прокси пообещал предоставить свой. Прокси носился вокруг машины, громко сетуя на невозможность голографической проекции, и обменивался с Вадиком мыслями, как лучше расположить элементы рисунка. «И цвет, цвет! Фон желтый, предупреждаю сразу, будет сложно!». Вадик и сам понимал, что сложно — пламя не должно потеряться и не должно выйти слишком ярким, а то и правда за

километр искры будут сыпаться, а это ну совсем не та машина. На очередной тираде с пачкой цветных кодов Прокси осекся:

— Только это... многие загоняются насчет изображения пламени и тому подобного, типа примета...

— Шли бы те приметы, — ответил Алекс ровно тем же тоном, что и недавно Некромант. Прокси от души пожал ему руку.

В следующие несколько дней Алекс ухитрился быть одновременно везде — то препирался с Некромантом, кто из блэк-металлистов действительно сказал новое слово в музыке, а кто выехал на эпатаже и провокации, то наблюдал за работой Вадика и Прокси, то валялся на диване у Птахи с гитарой. Он был веселым и громким, но без той психованной развинченности, что у Ящера. Та доля секунды, когда он реально шарханулся от Некроманта, прошла бесследно, и этих двоих было не вытащить из недр двигателя «Импалы» (благо капот был временно снят) или «музыкального» нетбука Некроманта. В том и в другом случае, как и предупреждал Птаха, впору было лопатой выгребаться из горы терминологии, которой сыпали оба. Электрогитару Алекс предпочитал без нужды не таскать, практикуясь на ней только в гостиной у Птахи, а вот акустику нередко приносил и в гаражи. Играть он мог, кажется, круглые сутки, прерываясь только на то, чтобы записать пришедшую мысль. И не уставал восхищаться первыми контурами аэрографии.

— Слушай, Вадик, — сказал он однажды, когда они вместе с Прокси пили чай дома у Птахи, — или как тебя лучше называть...

— По имени нормально, — махнул рукой Вадик. — Про Энакина — это шутки больше, я не претендую.

— Ну и правильно. Я чего сказать хотел. Твои работы надо в сети показать, чтоб народ видел. Понятно, каждая машина — уже передвижная реклама, но не везде же Форестера или Тундру заносит. Да и я больше с группой шарахаюсь. У тебя страничка-то вообще есть?

— Была, со старыми данными. Грохнул.

— Туда и дорога, — кивнул Алекс. — Но реально, анкету ты, в общем, никому светить и не обязан, даже лучше без нее, чтобы на работы смотрели, а не на твой возраст. А что-нибудь вроде паблика с этими самыми работами — самое то.

— Поддерживаю, — подал голос Прокси. — У меня так и сделано.

Он выгнал Птаху из-за ноутбука и быстро пробежал пальцами по клавиатуре. От того, что вылезло на экран, зажмурились все — в дизайне обложки Прокси превзошел сам себя, Лавкрафт однозначно нашел бы там что-то родное. Прокси быстро прокрутил страницу вниз — там все было куда спокойнее, хотя тоже не обходилось без диких расцветок и узоров. «За тем ко мне и ходят», — подмигнул он.

— Так вот, — продолжал Алекс, — такое безумие, конечно, тебе ни к чему, в конце концов, Прокси — это Прокси, а ты — это ты. Но, насколько я видел твои рисунки, для наполнения паблика вполне хватит.

— Так то рисунки... — смутился Вадик. Прокси хлопнул себя по лбу:

— Я когда-нибудь отучу тебя приbedняться не по делу? Во-первых, у тебя уже третья полномасштабная аэрография, и не надо мне тут, что филин был моей работой — мне репутацию набивать особо незачем, а тебе в самый раз. Во-вторых, ты мне хочешь сказать, что при необходимости не перенесешь нужный рисунок на машину? А кому-то может и просто картинка понадобится, не знаю, на стенку повесить или крестиком вышивать, — Вадик покотился со смеху, поскольку на словах про «крестиком вышивать» Прокси открыл

его блокнот на странице с питерской подворотней. Самый тот сюжет для вышивки, ага. Но его порадовало, что этот рисунок уже не вызывал никаких ненужных воспоминаний.

— А подписываться, — включился Птаха, — можно и вовсе ником. Аэрография — дело такое, тут твои паспортные данные ровным счетом никого не волнуют. Хотя, реально, Энакином будь.

— Не хочу, — заявил Вадик. — Правда, кем хочу — тоже не знаю.

— Придумаем! — хлопнул в ладоши Прокси. — Можно что-нибудь художественное взять, например.

— Шишкин, блин, — хмыкнул Птаха.

— А хоть бы и Шишкин! — поддержал Прокси. — Погоди подушками швыряться, классных же медведей недавно нарисовал! Ну не нравится Шишкин, ну этот... Кандинский...

— Еще скажи «Камаринский», — не в тему фыркнул Алекс. Еще и для наглядности схватился за гитару и наиграл веселый плясовой мотив, который быстро оборвался — в него Вадик все-таки запустил подушкой.

— Эй, полегче с гитарой! — наигранно возмутился Алекс. — Уже и сказать нельзя!

Вадик задумался. Почему-то этот «Камаринский» не пожелал уходить из головы. С одной стороны, по звучанию немного походило на старую фамилию... но где уже та фамилия и тот пацан? С другой, было созвучно с «Камаро»... и на обложку того паблика поставить рисунок с машиной...

— Точно, Камаринский, — сказал Вадик. — И на обложку вот это вот, — он перелистал блокнот до изображения «Камаро».

— А реально, созвучно же! — обрадовался Прокси. — Поздравляю, Алекс, теперь ты крестный фей!

Алекс только хрюкнул в прилетевшую подушку.

Работа над «Импалой» оказалась в чем-то проще, но в чем-то и сложнее лаек Тундры. С одной стороны, рисунок совсем простой — изогнутая линия корпуса гитары, нотный стан или попросту струны, срывающееся с этих струн пламя и ноты. Только и нужно, что твердая рука, а уж с этим у Вадика проблем не было. Но вот с переходами цвета пришлось возиться столько, что лайки не шли ни в какое сравнение. Не потеряться на желтом фоне, не перебрать с оранжевым, не слиться с бордовым на «корпусе»... Вадик даже радовался, что на дворе декабрь и пейзаж напрочь утратил краски — хоть было на чем отдохнуть глазам, в которых плясали огненные сполохи. Зато простой рисунок не давал увязнуть в постоянных доделках, и работа продвигалась быстро, не считая неизбежных перерывов, пока подсохнет краска. «В кои веки тебя из гаража силой выставлять не придется», — ухмылялся Некромант. А Вадик ощущал, что, во-первых, от настолько крупных форм рука устает ничуть не меньше, чем от мелких деталей, а во-вторых, ему хотелось послушать, что на этот раз придумал Алекс. Потому что когда бы Вадик ни пришел домой — его встречал звук гитары. Растекшись по дивану, Алекс выводил очередную замысловатую мелодию, но в какой-то момент вскакивал на ноги и становился сосредоточенным и собранным, как на сцене. Эти перемены завораживали Вадика не меньше, чем музыка, и он хватался за блокнот, хотя еще на пути из мастерской клялся себе, что сегодня не притронется ни к чему рисовальному. Но не попытаться это зафиксировать было просто невозможно.

Наконец абсолютно счастливый Алекс отправился обратно в Питер, оставив после себя несколько провалившихся в диван медиаторов, гору ссылок на материалы по истории рока (Вадику было интересно вникнуть в его дискуссии с Некромантом) и ощущение, что стало как-то непривычно тихо. Впрочем, за учебой и тренировками это чувство быстро прошло. Тем более что Некромант спуску давать не собирался, Птаха тоже. А Прокси хоть и голосил, что тут хотят его смерти, и разыгрывал пафосные сцены, тоже мог быть весьма неприятным оппонентом, когда переставал выпендриваться. Ну и, понятно, мелочи вроде сплошных сумерек, грязи или тонкой наледи были исключительно «новыми интересными обстоятельствами». Вадик выучил несколько новых ругательств, зато с удовольствием обнаружил, что с чувством равновесия у него очень даже неплохо. А новые берцы — из прошлогодних он благополучно вырос — практически не скользят. Но от этого не сильно легче. Некромант повадился менять не только рабочую руку, но и тактику в целом — то привычно держался на расстоянии до решающей атаки, то лез в клинч, и вот тут у Вадика шансов практически не было.

— Некромант, ты зараза! — в очередной раз выдохнул Вадик, сползая на крыльцо. Он ясно понимал, что, разожми Некромант руки на секунду позже, точно бы шею свернул.

— Во-первых, я в курсе, — невозмутимо отозвался Некромант. — А во-вторых, ты довольно силен, юный Скайуокер, но по тебе этого не видно. А значит, попытки задавить массой неизбежны. Но этому можно противостоять. Пока выдыхаешь, смотри и учись. Птах, иди сюда, пособием будешь.

Птаха точно так же обозвал Некроманта заразой, но Вадик уже заметил, как у него загорелись глаза. И было отчего! Некроманту легко говорить «смотри и учись» — тут успеть бы хоть что-то заметить! Казалось бы, Птаха вдвое шире в плечах, намного тяжелее — самое то «задавить массой». Но Некромант ускользал, как ртуть, и стремительно переходил в

атаку. Несколько раз Птахе удалось отбиться, но, кажется, даже не в половине случаев. «Ты тоже так сможешь», — кивнул Некромант в ответ на невысказанный вопрос и жестом предложил попробовать. Нет, вроде бы Вадику даже стало понятно, как тут действовать, но воплотить это в жизнь...

— Кхм, молодые люди, извините, что отвлекаю...

Некромант развернулся в боевую стойку, но пожилой дядька, невесть откуда материализовавшийся возле крыльца (хотя тот проход из кустов не единственный, это Вадик уже привык там лазить...), вскинул руку в примирительном жесте и улыбнулся:

— Молодой человек, не надо меня убивать. Я вижу, что вам есть чем, но, право же, никаких оснований для этого нет.

Вадик поперхнулся — такого обращения к Некроманту он ожидал меньше всего на свете. Да и Птаха на крыльце как раз отхлебнул воды и явно сделал это зря. Хотя, так если подумать, Некроманту сильно прибавляли возраста волосы с проседью и запредельная худоба, а так не факт, что он сильно старше Птахи. А этому дядьке и Птаха в сыновья годился.

Некромант убрал руку с рукояти ножа и чуть кивнул — мол, верю. Да Вадик и сам видел, что дядька совершенно мирный. Простое пальто, серая кепка, в руке кожаный портфель, открытое улыбчивое лицо — носил бы очки, сошел бы за какого-нибудь советского профессора из тех фильмов, где все что-нибудь исследуют и открывают. Словно разговаривая сам с собой, он оглядел поляну и кивнул:

— Да, самооборона — дело хорошее и полезное. А позвольте узнать, молодые люди, вам художник под псевдонимом Камаринский не встречался? Судя по страничке, из здешних краев, других гаражных мастерских я здесь не знаю...

Некромант просто взял Вадика за плечи и выдвинул перед собой. Дядька удивленно поднял бровь:

— Так это вы...

— Я, — насупился Вадик. Сейчас начнет что-нибудь про «маленький еще»... Но дядька лишь с тем же примирительным жестом улыбнулся:

— Я, юноша, в ваш паспорт смотреть не собираюсь, а в работы уже посмотрел и впечатлен. Был, знаете ли, у друзей на Урале и встретил там пикап с великолепной аэрографией. Собачья упряжка просто как живая. Вернулся, дети мне показали, как пользоваться поиском изображений, так на вас и вышел. А как вас, простите, по-настоящему звать?

— Вадик. И можно на «ты».

— Вениамин Петрович, — дядька протянул руку и даже как будто чуть поклонился. — Можно дядя Веня.

Вадик фыркнул. «Дядя Веня» оказался очень приятным в общении. Да и, что говорить, Вадику невероятно льстило, что совершенно незнакомый человек, даже, скорее всего, не Внешний, так оценил его работу.

— Так вот... Вадик, — «дядя Веня» несколько замялся. Нет, он совершенно явно ожидал, что Камаринский окажется постарше, но тактично не показывал вида, и Вадик был ему за это очень признателен. — Дело к тебе есть. Хочу на машине своего пса изобразить. Он недавно умер, и другую собаку я больше никогда не заведу. Потому что такой, как мой Рекс, не будет. Пусть хоть так он со мной останется.

Его голос чуть дрогнул. У Вадика мелькнула шальная мысль: «А я справлюсь, вообще?».

Но «дядя Веня» продолжал:

— Я много работ смотрел, собак-то каждый второй рисует, да только дури там много. Или совсем пластмассовые, как чучела, или злобные зверюги, одни зубы во все стороны торчат. А тех лаечек увидел — и ахнул, живые веселые собачки бегут. Вот, думаю, кто мне Рекса нарисует. Возьмешься?

И тут уже никаких шальных мыслей не осталось. Пожилой мужчина смотрел на него с такой надеждой, что просто выбора не было. В конце концов, рисовать собак Вадик всегда любил. А когда «дядя Веня» показал фотографию лохматой немецкой овчарки с умными добрыми глазами, эскиз возник в голове настолько четко, что пришлось опять таскать у Некроманта бумагу для принтера — ждать до дома не хотелось.

За работой Вениамин Петрович, как и Тундра, предпочел не наблюдать. И так редко доверял машину, старую зеленую «Ниву», чужим рукам. Впрочем, как заметил Некромант, «дядя Веня», похоже, и сам был неплохим механиком и аккуратным водителем — машина отлично сохранилась. «Я езжу-то мало, — сказал он, когда Вадик повторил ему эти слова. — На дачу вот, на рыбалку иногда, да только без Рекса уже не то...». Жил он один — с женой развелся, дети выросли. И как-то раз позвал Вадика в гости — «если твой старший отпустит». Птаха, разумеется, отпустил.

Такие дома Вадик попадался вблизи только один раз в жизни — когда он шел куда глаза глядят по Нижнему городу. Но эта желтая пятиэтажка, хоть краска на ней и облупилась, а на стенах завелись вездесущие граффити, смотрелась гораздо уютнее. В окнах первого этажа виднелись цветы, на небольших балконах сушилось белье, а в подъезд вслед за Вадиком шмыгнула кошка. Лифта здесь не было, да и зачем он — этаж всего-то третий. И потолки низкие. Это вам не с семидесятого этажа по лестнице слезать, да еще быстро и стараясь не шуметь. Вадик помотал головой, отгоняя воспоминания, и решительно позвонил в дверь.

Квартира Вениамина Петровича тоже вся была как из старого кино — огромный шкаф с бумажными книгами, потертый диван, чайник и чашки в горошек. На видном месте стояла большая фотография Рекса.

— А ты, выходит, с братом живешь? — спросил Вениамин Петрович.

— Угу, — ответил Вадик и помрачнел. Ему очень не хотелось рассказывать про родителей, да где они, да что... «А что я в школу не хожу — и так понятно». Но, к его удивлению, Вениамин Петрович лишь пробормотал вполголоса «ясно, ясно...» и развивать тему не стал. И за это Вадик опять же был ему благодарен.

Зато о себе «дядя Веня» рассказывал очень охотно. Похоже, ему редко доводилось с кем-то поболтать — дети жили отдельно, внуков пока не было. Зато Вадик почти начинал чувствовать себя таким вот внуком, даром что родных бабушек и дедушек не застал, а времена молодости «дяди Вени» казались ему чем-то почти из эпохи динозавров. Но тем интереснее. Он слушал, задавал вопросы, внезапно обнаружив, что тот самый Советский Союз из кино был, в общем, не так-то и давно. «Ну точно внук к деду пристает». И в то же время Вениамин Петрович разговаривал с ним почти как с равным, потому что он не так просто мальчишка, а художник, взявшийся расписывать «Ниву». И в очередной раз Вадик посмеялся про себя — вот вам и истории, что только Внешний вправе высовываться на дорогу!

— А вы, получается, хоть и водитель, но совсем и не из Внешних? — окончательно осмелев, поинтересовался Вадик. «Дядя Веня» улыбнулся:

— А что, не похож? Знаю я эти истории, знаю. Да мне как-то дела нет, кто тут внешний, кто внутренний. Не живется людям в городе — так и что с того? Супруге моей бывшей тоже вот не жилось, в столицу захотелось, а мне и здесь хорошо. А болтают, конечно, много — и что дороги контролируют, и что людей почему зря убивают. Да только я как всю жизнь ездил, так и езжу, никому ничего доказывать не приходится. Может, я тех Внешних каждый день встречаю, только нам делить нечего. Да и помню я тот район, когда старший твой и другие ребята еще там не жили — шпаны было гораздо больше. Так что не боюсь я никаких Внешних, — он хитро подмигнул, как будто понимал, почему Вадик спрашивает. А может, он и правда прекрасно знал, что общается с теми самыми Внешними, но не видел в этом ничего особенного.

— Тебе домой-то не пора? — вдруг озабоченно спросил Вениамин Петрович. — Может, старшему-то позвонишь, чтобы встретил?

— Сам доберусь, — махнул рукой Вадик. — Тут недалеко. Да и не маленький я уже.

— Смотри, смотри...

Уже во дворе Вадик обернулся и увидел, что Вениамин Петрович, накинув куртку, наблюдает за ним с балкона. «Ну точно дед». Вадик помахал ему рукой, сверился с картой в телефоне и уверенно направился домой.

— Хоро-ошая мобилка... — нараспев проговорил какой-то подросток, возникая из темноты. С виду примерно ровесник Вадика, но покрупнее. Вадик послал его подальше и чуть ускорил шаг, порадовавшись, что успел убрать телефон во внутренний карман, на ходу выхватить не получится. Но парень оказался настойчивым, догнал и схватил за плечо. Точнее, попытался — может, он и считал свои действия быстрыми, но по сравнению с Некромантом, даже в «тренировочном режиме», двигался он изрядно заторможенно. Так что его рука лишь скользнула по куртке, а сам он получил от Вадика в глаз.

— Эй, ты совсем?.. — парень возмутился и полез в драку. Вадик заметил еще пару теней между домами. М-да, может, и правда, стоило Птахе позвонить... А с другой стороны реально, маленький он, что ли? Сколько можно? И уже знакомая злость накатила по-настоящему. Вадик щелкнул ножом — не Птахиным, а подарком Некроманта. Парень шарахнулся. Те, что между домами, тоже как-то не спешили приходить на помощь. Еще бы, рассчитывали-то они на безобидного мелкого школьника с дорогим телефоном...

— Еще вопросы? — громко поинтересовался Вадик. Из темноты не ответили. Он шагнул в ту сторону, но уже никого не увидел. Расслабляться все равно не надо, могут и сзади приложить. Не убирая нож, Вадик пошел дальше. И краем уха уловил шепот: «Сдурел? Он же из этих!». Ага, бояться-то они боятся, но далеко не уходят. Как бы и правда кирпичом не прилетело, это он в такой темноте уже не отследит... Но тут, к большой радости Вадика, на углу улицы возник Птаха.

— Та-ак... — протянул он, оценив обстановку. Вадик лишь махнул свободной рукой:

— Все в порядке. Попытались докопаться, шуганул вот. При тебе, думаю, точно не сунутся.

Он прислушался — да, вокруг уже никаких признаков жизни не было. Птаха довольно улыбнулся:

— Ну все, теперь и здесь страшные сказки пойдут. Не все ж мне одному посланником ада работать. Пошли домой уже.

Между тем Некромант уже опять грозился, что будет выдворять Вадика из мастерской насильно. Но ему очень хотелось, чтобы была не просто овчарка, а именно тот самый Рекс.

Во-первых, он был изумительно красивым псом — массивное сложение, роскошный меховой «воротник», черная «маска» на морде и легкая проседь у самого носа, как будто пышные ветеранские усы. Во-вторых... просто надо. Вадик пересмотрел кучу фотографий Рекса, которые «дядя Веня» охотно показывал ему при встрече. Да, он еще не раз приходил к «деду» пить чай и уходил по-прежнему поздно, но никаких мутных граждан больше из-за угла не возникало. Зато Птаха, выбравшись за покупками, со смехом пересказывал слухи об очередном уличном побоище.

Наконец Вадик и сам признал, что ничего поправлять и добавлять не надо. Он уже наизусть помнил ту большую фотографию — каждая шерстинка была на своем месте и точно такого цвета, как надо. Он изобразил Рекса сидящим как будто в ногах хозяина. Пес смотрел на зрителя, свесив большой розовый язык и красиво выложив роскошный хвост. Вадик отстранил Некроманта, уже собравшегося выполнить свою угрозу, и ушел домой, только что не насвистывая.

Если до сих пор у него и были какие-то остатки сомнений, получилось ли — они исчезли, когда работу увидел Вениамин Петрович. Он просто утратил дар речи, а когда обернулся к Вадиду, в его глазах стояли слезы.

— Точно... Мой Рекс... — проговорил он срывающимся голосом. — Спасибо.

Он долго жал руку и Вадиду, и Некроманту, и Прокси, хотя тот заверял, что совершенно не при делах, и даже подвернувшемуся Птахе. С ним же Вениамин Петрович договорился и с переводе оплаты — своей карты у Вадика пока не было. Птаха заявил, что это упущение и что он это исправит. В конце концов, Алекс тоже щедро расплатился за аэрографию, хотя Вадик и предлагал сделать просто так, все равно только учится. Алекс на это решительно заявил, что не желает быть свиньей, а желает поддержать талантливого художника. А Вениамин Петрович — это вообще прямо настоящий заказчик! Но пока представителем Вадика в денежных вопросах оставался Птаха. Вадика это вполне устраивало.

— Спасибо, ребята, — еще раз повторил Вениамин Петрович. — Буду теперь смотреть — и как будто он рядом со мной сидит. Как раньше...

Голос изменил ему, и он быстро забрался в машину. Он уехал, так и держа руку на голове нарисованного Рекса.

— Значит так, — сказал Птаха, когда они вернулись домой. — Даже если в ближайшее время кто и заинтересуется — тебе надо отдыхать. Две больших работы почти подряд... рано тебе в таком темпе.

Вадик хотел было возразить, что ничего и не подряд, и работы совсем разные, и вообще ему не надоедает, но при попытке открутить крышку на пакете ананасового сока скоординировал руки далеко не сразу. Хотя что за дела, вообще, он же последнее время даже не рисовал! Да и вообще хотелось завалиться на диван и не вставать с него дня два-три.

— Слушаться надо старших, — ухмыльнулся Птаха. — Держи свой сок и ползи с ним на диван. Ни я, ни Некромант не станем возражать, если ты в ближайшее время даже на тренировки вылезать не будешь. Тем более что Прокси дает мерзопакостные прогнозы — кажется, нам перепадет немного зимы в самом гнусном виде. Так что все, каникулы.

— Не, ну это не дело, — Вадик не был готов так просто сдаваться. — Я, в конце концов, типа художник или где? Так и буду, что ли, после каждой машины пластом валяться?

— Не будешь, — успокоил его Птаха, придвигая к дивану табуретку и ставя туда сок и тарелку печенья. — Ты все-таки не забывай, что ты растущий организм, причем растущий просто-таки на глазах. Если хочешь, спроси Прокси, он тебе наговорит много умных слов

про то, что в этом самом организме происходит, а я скажу просто: у тебя сейчас слишком много сил в рост идет. Со временем все сможешь, если сейчас не перенапряжешься, хоть неделями из мастерской не вылезать, как Некромант, когда интересную развалину найдет. Он вообще неизвестно когда спит, ну да ему можно.

Вадик попытался представить Некроманта спящим. Не получилось. Точнее, получилось совсем другое — то, что они увидели, когда вернулись из Нижнего. Вот еще не хватало.

— Короче, план такой, — продолжал Птаха. — Дрыхнуть сколько влезет, есть печеньки, как и полагается на Темной стороне, и всячески отдыхать. А как отоспишься — может, выберемся с тобой покататься, надо и развеяться иногда.

Кататься Вадик был готов хоть сейчас, но Птаха многозначительно ткнул на тарелку с печеньем и ушел. Вадик полез в телефон посмотреть, не пишет ли кто чего интересного, но понял, что буквы в слова не складываются. Он кое-как разделся и заснул.

Следующие три дня прошли ровно так, как сказал Птаха — Вадик отсыпался, иногда выползал поесть, лениво шарился в сети и даже не вспоминал про рисование или учебу. На четвертый день ему стало скучно, и он взялся за блокнот и за цикл передач о породах собак. На шестой Прокси зазвал его в гости попрактиковаться, как лучше всего изобразить разные виды шерсти — хоть пушистого шпица, хоть лоснящегося лабрадора. На выходе его подкараулил Некромант и сообщил, что если кто отоспался и способен удержать нож, так всегда пожалуйста. Словом, жизнь вошла в обычную колею. Но Птаха был прав — нырять в очередную большую работу пока определенно не хотелось. Каникулы так каникулы.

А тут еще сбылись прогнозы Прокси — повалил мокрый снег, превратив все окрестности в болото. Нет, в окно на него смотреть было даже приятно, главное, не переводить взгляд вниз. Едва ли не единственное, в чем Вадик был с Никитосом солидарен — что без снега вполне можно обойтись. Нет, если бы зима как в старых книжках, с сугробами и ясным небом, то еще куда ни шло, хотя Вадик, натягивая на себя все, что только найдется теплого, когда приходилось высовываться наружу, не мог представить, как надо упаковываться, если бы было еще холоднее. А такая вот слякоть... да ну ее совсем. Некромант и тот засел дома, изредка присылая какое-нибудь познавательное видео или интересный клип. Вот в клипах была зима как зима, заснеженные горы, замерзшие реки и все как полагается. Правда, на это все даже смотреть было холодно. Некромант, как чувствовал, поделился идеями специй для чая. На удивление, это было даже вкусно. Правда, когда Вадик забыл в чайнике хороший кусок имбиря, результат годился на ракетное топливо, но Птаха, как обычно, только посмеялся, добавил заварки и получил вполне нормальный чай.

У Птахи тоже выдалась «каникулы». Ни звонков по работе, ни внезапных отъездов в город, которые Вадик уже научился отличать по мрачно-сосредоточенному виду Птахи, вдруг обретавшего хорошо знакомые ему повадки огромного бойцового пса. Один раз они проехали с Вадиком по магазинам, поскольку куртка, как выяснилось, поверх флиски уже не сходилась, да и рукава той флиски кончались где-то чуть ниже локтя. Теперь у Вадика, кажется, не осталось ни одной вещи, хоть как-то напоминавшей об уходе из дома. Туда и дорога. А заодно Птаха с Прокси оформили Вадиду собственную карту, а средства на ней Птаха предложил делить на три части: на нужные покупки вроде одежды, в запас на будущее и просто на все, что в голову взбредет. Вадиду немедленно «взбрел» художественный магазин и какао с пирожными. Птаха лишь одобрительно улыбался, а у Вадика голова шла кругом. Его собственные заработанные деньги! У него никогда не было проблем с

финансами, что батя, что Никитос выдавали карманные деньги по первой же просьбе — еще бы, они Могли Себе Это Позволить, что на них было написано вот прямо так, с заглавными буквами. Но еще крупнее на них было написано, что потрачены эти деньги будут заведомо на фигню. Поэтому копить их или покупать что-то полезное было даже как-то неприятно — «дали на фигню, ну и потрачу на фигню!». А тут совсем другое. Это его собственное, получено за серьезную работу — натурально же окосел что с тем пламенем, что с собачьей шерстью! И даже если вот так, по принципу трех частей, «на все, что в голову взбредет» оставалась какая-то невероятная сумма. Ужасно смущаясь, Вадик потянул Птаху за рукав:

— Птах... давай я тебя кофе угощу?

— Да как бы мне не проблема и самому... — начал Птах, но Вадик перебил:

— Я понимаю. Но... знаешь, ты сам просил не загоняться, я и не загоняюсь, но раз я теперь могу... мне хочется хоть как-то тебе ответить.

Птах лишь молча кивнул и крепко сжал руку Вадика. А тот, довольный как слон, отправился заказывать, благо вкусы Птахи знал наизусть.

После этой поездки Птах снова засел у себя, привычно отстреливая очередных цифровых монстров, и вылезал только поесть или напомнить Вадика о тренировке. Но постоянно сидеть дома надоело и ему. Они как раз допивали чай с имбирем, который Вадик после первого опыта научился дозировать, и внезапно Птах так резко отодвинул стул, что Вадик даже вздрогнул.

— Так, все, к чертям погоду, я тут скоро мхом порасту. И ты, кажется, тоже.

Вадик, одетый в новую темно-зеленую флиску, только фыркнул.

— В конце концов, — продолжал Птах, как будто сам с собой, — зря я, что ли, новую резину ставил. А в городе и теплее, и с шансами ничего с неба не сыплется... Опять же, дел пока никаких нет... Поехали кататься, а?

Тут уже Вадик чуть не опрокинул стул, взвившись с него, как будто туда кнопку подложили. Но почти сразу же он подозрительно взглянул на Птаху: с чего вдруг он так подорвался? Нет, вроде бы все спокойно... Птах заметил его взгляд и улыбнулся:

— Я понимаю, что ты обо мне высокого мнения, но даром предвидения я не владею. В лучшем случае я могу смутно почувствовать, что нужно мое вмешательство. Сейчас я ничего такого не ощущаю. Понятно, что это может ни о чем не говорить, в Нижнем вон уже убедились.

На мгновение он помрачнел, но тут же махнул рукой:

— Нет, по моим ощущениям, должно быть без приключений. В любом случае, нож возьми. И лучше не мой.

— Так все-таки...

— Так все-таки, говорят тебе, предвидеть я не умею. Но Некромант тогда правильно сказал. Если что... лучше пусть это будет тот клинок. Мой оставь для походных целей и прочих приятностей.

Вадик уже не удивлялся, что не вполне узнает дорогу в город — впрочем, при такой погоде она могла пролегать хоть вообще по параллельной реальности, все равно, кроме залепляющего окно снега, ничего не видно. Но постепенно снег перестал, и Птах кивнул Вадика:

— Как насчет попрактиковаться?

— А можно?

— Нужно. В городе за руль не пуцу, и не проси, а сейчас почему бы и нет.

— А почему в городе нельзя? Я ведь с тобой, и не буду ничего...

— Потому что кто ведет, тому и дорогу прокладывает. А этому учишься только за рулем собственной машины, так уж получается. Вот станешь Водителем сам — и тебе полная свобода, я сижу рядом и не отвечаю. Хотя, скорее всего, это ты уже не со мной будешь ездить, а с Некромантом.

— Это еще почему? — взвился Вадик. Птаха улыбнулся:

— Никаких злобещих намеков, все просто. Видишь ли, основы управления на любой машине более-менее похожи, но в определенный момент начинаются тонкости. Мой стиль вождения заточен под здоровенный внедорожник, а у тебя, как я вижу, несколько другие предпочтения. Да и в принципе Некромант много машин сменил и вообще более опытный водитель, чем я. А значит, многие тонкости он объяснит лучше.

— Как на ножах вот...

— Верно. Я многому могу тебя научить — да, собственно, и учу — но технику Некроманта мне не воспроизвести. Ну так что, за руль полезешь?

Вадик был рад смене темы и охотно перебрался в водительское кресло. Потому что оно, конечно, все понятно про специфику управления, но как-то ему очень не понравилось, как Птаха это сказал. В конце концов, когда-то вот этот самый Птаха объяснял мальчишке, которого подобрал в Нижнем городе, что все разговоры про «Водителем становятся только вместо предшественника» — сказки, да Вадик и сам уже видел множество примеров. Вон, пропавшая невесть куда Тундра благополучно (хотелось бы надеяться) колесит по стране параллельно с пропавшим еще более невесть куда Вороном, Форестер или даже сам Птаха пришли к Внешним без чьей бы то ни было помощи... И вообще, где «Кадиллак», а где «Камаро». Ну то есть с Некромантом покататься было бы очень здорово, да самому за рулем с кем угодно здорово! Если уж на то пошло, Птаха, может, и всю жизнь на одной машине, но все равно он круто водит и объяснять умеет круто. Вот и нечего тут «уже не со мной». А вскоре и думать стало нечем — во-первых, последний раз Вадик пробовал вести машину еще осенью, во-вторых, снег хоть и прекратился, но грязь с дороги залепляла стекла еще сильнее, пришлось заодно осваивать управление «дворниками». И еще желательно, чтобы машина не сбивалась с курса при каждом их переключении. Вадику казалось, что получается черт знает что, но Птаха лишь одобрительно кивал. Впереди уже маячили пригороды, когда он отправил Вадика обратно на пассажирское сиденье.

— Пончиков хочешь? — спросил Птаха, притормаживая у заправки. Вадик их, разумеется, хотел. На этот раз они расположились не в машине и тем более не просто на обочине, как с Прокси, а культурно в зале. Впрочем, пончики от этого были не менее вкусными.

— Как сказал бы Прокси, работа процессоров требует глюкозы, — усмехнулся Птаха. — Я уж не знаю, куда в него столько лезет, но в чем-то его понимаю. Потому что, раз уж со мной любитель всякого экстрима — будем развлекаться. А переходы — штука энергозатратная.

— А ты... вообще в любой вариант попасть можешь? — полушепотом спросил Вадик. Вроде бы слышать их особо было некому, но все же.

— Да, — просто ответил Птаха. Как о чем-то само собой разумеющемся. «Из всех, кого мне доводилось встречать, он самый одаренный в этом плане», — говорил о нем тот же Прокси...

Вадик искренне считал, что готов уже ко всему. Но пригороды все не кончались и не

кончались, а потом он обернулся назад — и там не было ничего. Вадик протер глаза — впереди тоже был только лес. «Тахо» пробиралась между деревьями, как тогда на Ольхоне. Вадик понимал, что происходит, но вопрос «это как?» возник сам собой.

— Питер помнишь? — многозначительно подмигнул Птаха. — Главное, повторюсь, сам не пробуй. Я до сих пор удивляюсь, как у тебя при Форестере-то получилось, а он намного слабее.

— Да помню я, — буркнул Вадик. — Одного раза хватило.

Птаха остановил машину и обернулся к нему. Его улыбка была немного грустной.

— Не злись, мелкий. Черт, тебя все сложнее так называть. Просто ты же помнишь: я за тебя отвечаю. И я очень хочу, чтобы ты сам вышел на дорогу. И чтобы...

Он не стал договаривать. Но Вадику это было и не нужно. Он порывисто стиснул руку Птахи:

— Конечно... Я ни за что... Мы же...

— Не надо, — улыбнулся Птаха. — Поехали, что ли, как-то оно тут скучно.

«Тахо» тронулась с места — и лесные тени сменились обвалившимися стенами и заросшими пустырями, потом, словно сумерки постепенно расступались, хотя вроде как на дворе был день, контуры прояснились — дома как дома, слегка облезлые, но вполне надежно стоящие на своем месте. Вадик смотрел во все глаза, как появляются и исчезают знакомые районы, уменьшается и увеличивается количество этажей. Птаха вывел машину на эстакаду — и дорога взвилась на какую-то неопишемую высоту, кажется, они даже с Прокси так не забирались, а потом резко ушла вниз и вовсе пропала, машину затрясло даже не на грунтовке, а просто на земле. Новый вираж — «Тахо» оказалась единственным белым пятном на берегу очень мрачного озера. Вадик полез за блокнотом, зарисовать отражение белоснежной машины в странно темной воде. Птаха с улыбкой ждал, потом снова прибавил газу — и озеро стало уже знакомой рекой, а по берегам выстроились комплексы Верхнего города. Чуть дальше по набережной — Верхний город значительно прибавил этажей и раскрасился во все цвета радуги и даже больше, а между небоскребами протянулись разноцветные эстакады. Тут Птаха резко направил машину к тротуару и затормозил.

— Что такое? — обеспокоенно спросил Вадик.

— Порядок, — ответил Птаха. Что-то его голос прозвучал слишком хрипло для «порядка». — Просто надо немного передохнуть, давно такую карусель не закручивал. Сам уже чувствую, что ориентацию в пространстве начинаю терять. Это ничего, это бывает, обычно быстро отпускает.

— А может, пройтись немного? — предложил Вадик. — Мне же вон помогло тогда... Как раз переключиться.

Птаха прищурился:

— Мы в Нижнем городе, мелкий. Не боишься?

— Вот еще! — Вадик даже возмутился. — И вообще, я же с тобой!

— Со мной, да... — как-то неопределенно пробормотал Птаха куда-то в сторону.

Вадик пристально наблюдал за ним. Из машины вышел все еще усталый водитель — чуть замедленными движениями расправил плечи, встряхнулся, огляделся по сторонам. Но стоило Птахе сделать несколько шагов — и Вадик увидел того самого бойцового пса. И в кои веки это преобразование не пугало, а даже радовало. Потому что, даже если что-то и будет, он не намерен стоять в стороне. Блокнот с маркерами остался в машине, и это тоже радовало — не придется переживать за их сохранность. И ведь не то чтобы Вадик сознательно к чему-то

такому готовился, даже наоборот, Птаха ведь говорил, что вряд ли что-то случится, а Птахе он верил. Но как что-то толкнуло, что не надо это брать с собой. Птаха обернулся и одними губами шепнул: «Ты понимаешь». Вадик сам не мог бы сформулировать, что он понимает, но да — понимал. А еще он совершенно точно понимал, что они уже не одни.

Вадик недобро усмехнулся — кто бы там ни был, он явно пытался двигаться незаметно, но получалось как-то не очень. Еще бы, в том заброшенном доме явно полно мусора на полу. Что-то хрустнуло под ногой, кто-то приглушенно выругался, покатила, видимо, пустая бутылка... Вадик услышал едва различимый шепот «Опять он!», успел крикнуть Птахе «Сзади!» и развернуться навстречу метнувшейся из переулка фигуре. Подарок Некроманта как будто сам скользнул в руку. Вадик почувствовал, что улыбается.

Что было дальше — он помнил плохо. Кто-то попытался просто отшвырнуть его в сторону — не иначе, счел, что худощавый подросток за противника не считается и с ним можно разобраться и попозже. Даже успел схватить за локоть, и очень зря — нож легко прошел рукав куртки и руку под ним, нападающий сложился пополам, шипя от боли. Вадик обернулся, стараясь все же не терять его из вида, мало ли что. Точно — уцелевшей рукой тот нашарил камень, но промахнулся. Зато еще один подбирался со спины к Птахе. Вот тут Вадик взбесился окончательно. В памяти всплыл спокойный голос: «Тех, кто тебя убивал, мало заботило, сколько их на одного». И больше не осталось ничего — только знакомые по тренировкам атаки и обходы. Даже на мгновение показалось, что под ногами не разбитый асфальт набережной, а привычная трава. Тень за плечом — развернуться — удар — уклониться... Неудачно — подсечкой его сбили с ног. По ребрам прилетело очень чувствительно, но Вадик успел перекатиться и даже встать, а нападающего снес Птаха. «Цел?» — выдохнул он. Вадик кивнул и тут же нырнул в сторону, уходя от очередной атаки. Все остальное просто исчезло.

Вадик медленно выдохнул. Мир постепенно возвращался на место. Они с Птахой стояли на набережной около заброшенного дома, неподалеку белела «Тахо». Они были вдвоем. Не считая тех, кто валялся на асфальте, но их можно было не учитывать. Вот этого, почти у ног Вадика, так точно, потому что с перерезанным горлом явно не живут. Вадик смотрел на него, на свои берцы, забрызганные кровью, и пытался вспомнить, как это было. Вроде это он кидался на Птаху... или это был другой? В памяти остались только отдельные кадры. Вадик поднял руку — куртка тоже в крови, плечо саднило. Кто-то достал, что ли? Или это тогда, просто об асфальт? И главное...

— Это... я? — Вадик не узнал собственный голос.

— Кто же еще, — ухмыльнулся Птаха.

Вадик с трудом перевел взгляд на реку. И почувствовал, что сейчас сам свалится. Вот прямо в ту лужу, которая тут натекла. И дело совершенно не в ней и не в трупе у его ног — по этому поводу он как-то ничего не ощущал. Просто силы полностью закончились. Птаха, как всегда, все понял сам и подставил руку:

— Держись. Это нормально, спецэффекты могут быть еще долго. В конце концов, ты впервые так...

— Да к черту, — с голосом по-прежнему было что-то не то. — Вот чего я точно не буду — это закатывать киношную истерику типа «я убил человека!». В конце концов, меня самого вон почти убили. А этот иначе бы грохнул тебя.

Птаха повернулся к Вадиду и долго задумчиво смотрел на него.

— Из тебя выйдет отличная страшная сказка, мой юный падаван, — наконец произнес

он. И усмехнулся с эталонным видом плохого парня. Кажется, Вадик ответил тем же.

Вадику очень не хотелось сразу же возвращаться домой, но Птаха, оглядев его, безапелляционно сказал: «Все равно ты уже вряд ли что-то воспримешь. А если еще во что влезем — я даже за себя не поручусь». И, как всегда, был прав — стоило оказаться в машине, Вадик почувствовал, что отключается. Даже успел испугаться — может, с ним что не так? Птаха успокаивающе улыбнулся: «Просто отходняк. Насколько я видел, ничего критичного ты не пропустил, а подробно уже дома посмотрим». Вадик кивнул и так и задремал, свесив голову на грудь.

Он проснулся, когда «Тахо» остановилась в гаражах. На этот раз Некромант, вопреки обыкновению, из гаража не показался. Птаха чуть не вышиб дверь, прежде чем музыка все-таки смолкла и наружу высунулась взъерошенная голова Некроманта. Заснул он там, что ли? С него станет даже под такое сопровождение...

— Кто ко мне зывал? — привычно поинтересовался Некромант, но осекся, увидев Вадика. — Так. Я правильно все понимаю?

— Угу, — кивнул Птаха. Некромант вылез наружу и подозрительно прищурился:

— Не рановато ты это затеял, псина?

Птаха лишь развел руками:

— Сам знаешь — такие вещи не подгадывают. Тут уже даже не мое чутье сработало, я был уверен, что все пройдет спокойно. Но нас таких, похоже, теперь двое.

— Ну кого еще ты мог подобрать, — буркнул Некромант. — Давайте ко мне, что ли. Надо.

— Потому к тебе и поехал, — кивнул Птаха. — Не падать, кому говорят!

Это было уже Вадику, который вылез из машины, запнулся о какой-то камень и действительно чуть не свалился. Да что за дела! Ощущения были, примерно как когда он впервые попробовал чай по рецепту Некроманта. Да, точно, то самое чувство замедленной съемки и как будто нереальности происходящего. Вадик помотал головой — лучше не стало, даже наоборот.

— Давай пока без резких движений, ладно? — улыбнулся Птаха. — Если что, я по-прежнему могу тебя поднять.

— Да вот еще! — от возмущения Вадик даже собрался и смог нормально дойти до дома Некроманта. А там уже можно было с чистой совестью растекаться по знакомому кожаному дивану.

— Куда? — Некромант поймал его на середине траектории и бесцеремонно вытряхнул из флиски. Эх, совсем новая ведь была... может, отстирается еще? — Удельывать обстановку кровью жертв — моя прерогатива! И вообще, дай-ка я на тебя посмотрю.

— Так вроде ничего особо быть не должно, — подал голос Птаха. — Хотя я не все видел, на меня хорошо насели. Запомнил кто-то с прошлого раза...

— Надо же, там еще было кому запоминать? — хмыкнул Некромант.

— Ликвидатор здесь ты, а не я, — парировал Птаха. — Хотя крыс стараюсь не оставлять.

На секунду его лицо ожесточилось, но он тут же ободряюще улыбнулся Вадику:

— Давай-давай, не стесняйся.

— Да было б чего стесняться, — фыркнул Вадик, стаскивая с себя футболку. Черт, это

оказалось неприятнее, чем он думал, но вроде удалось шипеть не очень громко. Странное дело — Некромант действовал без лишних церемоний, но от его прикосновений как будто стало легче, даже в голове прояснилось.

— Жить будешь, — заключил Некромант через пару минут. — Пнули очень хорошо, но ребра целы, плечо, видимо, в падении ободрал. Где-то у меня аптечка была...

— Само пройдет, — вяло запротестовал Вадик. Некромант даже не стал слушать — натурально припечатал к дивану, зафиксировав здоровую руку, и обработал ссадины и синяк. Потом, не глядя, выдернул из ящика комода рубашку и кинул Вадику — его футболка была не сильно чище флиски. Как ни удивительно, рубашка оказалась даже не то чтобы катастрофически велика.

Подождав, пока Вадик переоденется, Некромант сел напротив и коротко бросил:

— Рассказывай.

Вадик почесал в затылке — что и как тут расскажешь? Остались только отдельные проблески: шорохи в заброшенном доме, тот парень, который кинулся на него, попытка свалить и запинать, а потом, собственно, все. Но Некромант слушал его очень внимательно.

— А потом я стою на набережной, и этот валяется. И плечо болит. А что и как — не помню.

— Не дело это, — Некромант покачал головой. — Я понимаю, что гнев есть путь на Темную сторону, сам учил, но при чуть меньшем везении там валялся бы ты.

— Положим, там еще я был! — возразил Птаха. Некромант смерил его долгим взглядом:

— Птах. Кому, как не тебе, знать, что бывает всякое. Сам говорил, насели хорошо. Тебя рядом может и не быть.

Вадик хотел было запротестовать, потому что как это вообще возможно, они с Птахой есть и будут вдвоем и вообще — но осекся под взглядом Некроманта.

— Слушай сюда, юный Скайуокер. Твой характер — твоя сила, но и твое слабое место. Птаха не менее бешеный, чем ты, но голову не теряет никогда. Поэтому она все еще при нем. Что касается тебя... пожалуй, впервые я не знаю, что сказать. Хладнокровной сволочью вроде меня ты вряд ли станешь, да и не надо — меня одного этому миру вполне достаточно. Но если тебе так сносит крышу — нужен очень высокий уровень, чтобы это пережить. Так что готовься, как синяки пройдут — я с тебя не слезу.

— А я и не против, — фыркнул Вадик. Некромант подмигнул с совершенно дьявольским видом:

— А вообще, ты молодец. С твоей спецификой настолько легко отделаться в первый раз... я честно думал, будет хуже. Прямо скажем, я вообще считал, что тебе бы еще год-другой в такое не соваться. Но тут уже решаю не я. Чаю хочешь?

— Да, — ответили Вадик с Птахой хором. Некромант уже собрался на кухню, но, подозрительно прищурившись, развернулся к Птахе:

— Да, псина, сам-то цел?

— Что мне будет, — усмехнулся Птаха. — Мной набережную вытереть не пытались. А мелкий сзади прикрыл.

Вадик почувствовал, что сейчас начнет светиться от гордости. Странное состояние почти исчезло, а уж когда Некромант принес чай, жизнь стала прекрасна. К тому же плечо и бок болеть перестали. Некромант был прав — для первой реальной схватки такого масштаба, можно сказать, вообще все прошло без последствий. С тем, как его тогда отделали в Нижнем городе, не сравнить.

— Ты везучий, мелкий, — тихо проговорил Птаха, садясь с ним рядом. — Но везение у тебя вроде моего. Осторожнее.

— Я постараюсь, — честно ответил Вадик.

От Некроманта они ушли только поздно вечером. Тот предлагал остаться, но Вадик предпочел отправиться домой. Тем более что «Тахо» надо было перегнать. Рубашку, одолженную Некромантом, он так и утащил — переодеться обратно в уделанную футболку не хотелось. Флиски превратилась черт знает во что, но Птаха принес из машины его куртку. Да вроде и не так холодно уже было.

— Обычно шмотки тащат у старших братьев, — усмехнулся Птаха, оглядывая Вадика, — но к Некроманту ты ближе по комплекции!

— А я у тебя и так вон сколько перетаскал, — фыркнул в ответ Вадик. Птаха лишь хлопнул его по плечу.

Некромант выполнил свою угрозу, тем более что и снегопады наконец прекратились. Теперь стояла точно такая же зима, как в прошлом году, ясная, бесснежная и холодная. Но, как ни странно, этот холод воспринимался легче, чем когда шел снег. Прокси задвинул длинную речь про влажность, субъективное восприятие и несовершенство биологической оболочки и накидал полезных ссылок про разные атмосферные явления. Красоты вроде радужных облаков и зеленого луча Вадик сохранил в коллекцию. Новых заказчиков пока не появлялось, да и хорошо — Вадик много времени проводил на тренировках. Некромант не оставлял надежды вытащить из него подробности стычки на набережной, говоря: «Мне надо понимать, на чем тебя подловили». Но что-то вспоминалось разве что случайно, когда повторялась похожая ситуация. Скажем, когда Прокси подобрался сзади, внезапным проблеском в памяти всплыло — так же действовал один из тех парней. И вывернулся Вадик ровно так же — ударом в руку. «Добивать сразу надо, — хмыкнул Некромант. — Или уж точно выводить из строя, чтобы не встал». Вадик не мог не согласиться — по большому счету, камнем ни он, ни Птаха тогда не отхватили только по счастливой случайности.

— И как это называется? — трагически возгласил Прокси. — Что из ребенка сделали?

— Повторяю, что просили, то и сделал, — невозмутимо отозвался Некромант. — Работаем.

Прокси закатил глаза, но в следующей атаке победа осталась за ним. Вадик вспомнил слова Птахи: «Если кто не заметил, Некромант поддается тебе все меньше и меньше». Прокси — тот вообще, похоже, не поддавался. И мог быть куда опаснее, чем казалось на первый взгляд. Хоть и ссылался на прошивку с высокими настройками гуманности. Но сбитые кулаки и ссадина на щеке, когда он вернулся тогда из города... В следующую секунду Вадик оказался на земле — Некромант не собирался терять удачный момент.

— Вот так оно и было, — сказал Вадик, увернувшись от следующего удара. — Только тот был вроде без оружия. Не знаю, там Птаха вмещался.

Прокси недоуменно поднял бровь, а Некромант лишь коротко кивнул:

— Все ясно. Должен заметить, что именно что «вроде». Учись контролировать, что за спиной, без оглядки на Птаху. Продолжаем.

Тем временем в паблике Камаринского появилась активность. Как и предсказывал Прокси, кто-то захотел приобрести оригинал рисунка, кто-то — заказать себе что-то новое. Однажды написала девушка из Новосибирска, которая просто влюбилась в портрет Рекса и решила сделать на его основе схему для вышивки. Так что и про вышивку крестиком все сбылось. Вадик счел, что нужно посоветоваться с Вениамином Петровичем — все-таки не

абы какой пес, а именно его. «Дядя Веня» растроганно согласился и попросил, если можно, прислать фотографию готовой вышивки — интересно было посмотреть, что получится. Девушка сказала, что схему делает не только для себя, но и на продажу, так что Рексов будет много. И попросила еще собак — их охотно вышивают.

Собаки много кому понравились, и счет на карте Вадика стабильно рос. Тем более что тратить деньги ему было особо и не на что — ну, завел пару новых футболок, ну, ходили в кафе, ну, в очередной выезд в город, на этот раз без приключений, Вадик увидел в витрине Старого города огромный атлас пород собак и решил приобрести, чтобы было на что ориентироваться. А так, по совету Птахи, значительную часть поступлений он откладывал. «Со временем, глядишь, и на машину набежит». Об этом пока даже мечтать было странно, но все же...

Потом объявился и заказчик на аэрографию. Точнее, заказчица, рыжеволосая девушка из нижегородских Внешних, представившаяся Джерри. «Понимай как хочешь, — с улыбкой пояснила она. — Может, от «Паджеро», может, от Мангоджерри, «Кошек» люблю, а может, я вообще мышь». Тем более что Джерри действительно была невысокой, вроде Тундры. Как оказалось, здесь у нее есть знакомые из городских, у них она и остановилась. Вадик слегка напрягся, услышав про Нижний, но, похоже, Джерри к тусовке Сталкера не имела отношения. Вадик посмеялся про себя: вот вам и «у нас Внешних нет». Выходит, минимум две тусовки! «Одна», — поправил он себя. В общем, как бы то ни было, Джерри спокойно болтала с Некромантом, да и вообще была очень общительной. Как выяснилось, в одной из поездок она повстречала Алекса, и ей понравилась аэрография на «Импале». «Такое пламя... как изнутри проступает!». Джерри хотела, чтобы на ее машине вот так же «изнутри» выглядывала пантера. Вадик мысленно взялся за голову — «Паджеро» и сам был черным. Ладно, отступать некуда. А тут еще Прокси предложил «добавить мистики» — пусть силуэт пантеры выступает из легкого серебристого свечения, и таким же серебром слегка наметить пятна. Джерри от такой идеи пришла в восторг. Так что капот «Паджеро» занял место в гараже Некроманта, и Вадик принялся за работу.

— Мягче, мой юный падаван, мягче, — повторял Прокси, когда дело дошло до той самой серебристой каймы. — У нас тут нежная киса!

Джерри покатила со смеху, а Вадик привычно пообещал открутить Прокси голову, чтоб не смешил и не сбивал руку — контуры были очень тонкими.

— Мало мне Некроманта! — вздохнул Прокси, но на всякий случай отошел.

Идея Прокси сработала отлично — издали пантера была даже почти не видна, зато вблизи проступали мерцающие контуры, словно она и правда выглядывала откуда-то из глубины. Некромант усмехнулся, что скоро родится еще одна дорожная легенда про машину, одержимую призраком. Джерри поинтересовалась, кто еще одержимый, услышала про Форестера и его филина и решительно заявила, что надо познакомиться. «Будем дружить зверями!».

— А потом они вместе пойдут на охоту! — расхохотался Прокси. — Все, держитесь, мирные поселяне!

— Ну мы же злобные Внешние или как? — подмигнула Джерри. — А это... того... наши потусторонние сущности!

Вадик рассказал ей подслушанную в кафе историю о посланцах ада. Джерри рухнула на колени, где стояла, не смущаясь луж (впрочем, она все равно носила кожаные штаны), и долго не могла прийти в себя от смеха.

— Так и буду всем рассказывать, если кто из цивиллов спросит! — проговорила она, с трудом отдышавшись. — А кто обидит — за тем придет моя пантера и утащит в ад!

— За тем Птаха придет, — без тени улыбки проговорил Некромант. — И это будет не сильно лучше. Кстати, где он?

— В городе, — вздохнул Вадик. — Говорит, по работе.

— Если Птаха говорит — так и есть, — пожал плечами Некромант. — Что, уже опять руки чешутся?

Вадик не ответил, хотя Некромант был совершенно прав. Конечно же, Джерри стало интересно, о чем речь. Некромант прикинулся деталью обстановки, зато Прокси во всех красках расписал и их тренировки, и первый боевой опыт Вадика. У Джерри загорелись глаза:

— Так ты еще и боец! Надо же, обычно художники за руки переживают... Слушай, а размяться не хочешь?

Вадик бросил взгляд на Некроманта — тот лишь протянул руку к одной из полок и извлек два тренировочных ножа, словно только этого и ждал. Потом подумал и взял третий. Джерри пристально наблюдала за процессом, только что не подпрыгивая от нетерпения.

С девчонками Вадик последний раз дрался, когда треснул Таньку за вечные подколки и обвинения в выпендреже. Но Джерри пошла в атаку с таким энтузиазмом, что остатки джентльменских чувств быстро угасли. Некромант в который раз был прав: перед тобой не парень или девушка, знакомый или незнакомый, перед тобой оппонент с тем или иным сложением и манерой боя. Если уж на то пошло, в той компании, что чуть не запинала его насмерть, кажется, были и девчонки тоже. И им было так же весело.

— Эй, остынь! — Джерри улыбалась, но взгляд был тревожным. Отступая, она подскользнулась и упала на колени, Вадик воспользовался моментом, и его тренировочный нож касался ее шеи. — Убьешь нафиг!

Вадик медленно перевел дыхание. Кажется, на тренировках лучше эту историю вспоминать пореже. Сам от себя не ожидал, что так взбесится. Но Некромант одобрительно кивнул:

— Ты познал мощь Темной стороны, юный Скайуокер.

— Сейчас вам будет Темная сторона! — вывернувшись от Вадика, Джерри кинулась уже на Некроманта. Ожидаемо полетела кубарем, но прекрасно перегруппировалась и вскочила. Ну точно пантера. Вадик попытался зайти со спины — она молниеносно развернулась, и теперь уже он оказался на земле. Джерри определенно не нуждалась в мистических помощниках, чтобы защитить себя.

— Отлично! — сказала Джерри, переводя дыхание. — Ты очень интересный оппонент.

— Ты тоже, — честно ответил Вадик.

— Буду приезжать — еще потренируемся. А с тобой, — Джерри обернулась к Некроманту, — я еще посчитаюсь! Давно меня в такой винегрет не разделявали!

— К твоим услугам, — спокойно отозвался он. Джерри подозрительно покосилась на него, но снова улыбнулась и отправилась к машине.

— А говоришь, мы с Птахой единственные, кто Некроманта не боится, — шепнул Вадик Прокси, когда Джерри уехала, огласив всю округу теми самыми «Кошками». Вместо ответа Прокси долго смотрел на него с той самой грустной улыбкой, а потом проговорил, словно в сторону:

— Не все Внешние верят в сказки. Про Ликвидатора наслышан каждый, это любимая

страшная история среди Внешних, но сколько в ней правды — мнения весьма различны.

— Не говоря уже о том, — Некромант, как всегда, все слышал, — что по одной из версий этой сказки Ликвидатор — та самая моя потусторонняя сущность. Которая пользуется моим обликом, когда нужно. А может, и не моим. У меня сильное подозрение, что Сталкер счел меня кем-то, кто попросту сводит счеты, подражая Ликвидатору. Ну и, в конце концов, если верить тем сказкам, я про дела Ликвидатора вообще не в курсе, так что чего от меня шарахаться, — он мрачно усмехнулся. — Хотя, по другим версиям, моя работа механиком — вообще только прикрытие.

Уж на что Вадик давно привык к обществу Некроманта, а от этого разговора его пробрало странным холодком. Очень явственно вспомнился момент, когда Некромант обернулся в их сторону, уходя к машине после того побоища в Нижнем. «Ты его глаза видел? В таком бою он вообще не здесь». Вадик видел. И предпочел бы больше не видеть. Кто не знал Некроманта — в тот момент поверил бы в историю о Ликвидаторе раз и навсегда. Если бы остался в живых.

Птаха опять настоял на «каникулах», и Вадик был с ним вполне согласен, но теперь он отдыхал иначе. После всех этих неуловимых контуров черного на черном, да еще в бесцветном пейзаже бесснежной зимы, ему хотелось цвета. Чем больше — тем лучше. Он пересмотрел самые красочные любимые фильмы, в кои веки даже в одежде изменил любимым светлым тонам и ходил в ярко-красной футболке, а когда снова взялся за рисование — Прокси довольно потирал руки и говорил, что его уроки не прошли даром. И слал извержения вулканов, снимки с телескопов, подводный мир и прочую разноцветную красоту. Кстати, тропические рыбы тоже пришлось по вкусу вышивальщицам.

Через несколько дней Некромант опять намекнул, что, если кто в настроении, можно бы и потренироваться. Вадик был вполне в настроении, тем более что много интересного увидел у Джерри и хотел попытаться повторить ее технику. «Отличный пример, юный Скайуокер, — кивнул Некромант. — У Джерри в дороге случалось всякое, но ее Водитель прекрасно ее подготовил. Жаль, не знаю, кто это был». Вадик даже удивился — понятно, что не все Внешние знакомы друг с другом, но Некромант, такое ощущение, знал чуть ли не всех.

А потом зарядил противный холодный дождь, и даже Некромант не стал настаивать на продолжении, а просто позвал Вадика на чай. Разумеется, с «походным тортиком». Вадик уже сам с трудом верил, что не так давно все это его удивляло. Он привык сидеть на этом потертом диване среди белых стен с мрачными постерами и пить безумно крепкий чай. Некромант со своей фирменной ухмылкой сообщил, что в этот раз себе и ему заварил одинаково. Вадика это не слишком смущало — каждый день он бы такое пить не стал, а время от времени вполне можно. Некромант притащил какой-то старый журнал о машинах, и Вадик надолго залип на разворот с ослепительно-красной «Камаро». Цвет был нетипичным, но так даже круче. Некромант лишь многозначительно кивал.

На середине третьей кружки (у Некроманта, Вадику пока вполне хватало одной) Некромант внезапно вскочил на ноги. Каким-то образом Вадик понимал — вот так и работает его интуиция, которая позволяет сквозь любое музыкальное безумие услышать, что происходит что-то важное. Но выглядел Некромант... как тогда в Нижнем. «Сиди!» — резко бросил он Вадику и направился к двери. Вадик привык слушаться его... но, наверное, та же самая интуиция говорила: это касается и его тоже. Хотя, возможно, это было простое любопытство. Как бы то ни было, Вадик осторожно пошел следом.

— Тундра? — голос Некроманта прозвучал еще более хрипло, чем обычно. Вадик, уже полностью забыв о запрете, выглянул в дверь и даже хотел заговорить, но вопрос «А что не сказала, что приедешь?» застрял у него в горле.

Тундра стояла перед крыльцом, не заходя под крышу. Вадик едва узнал ее. Вместо пестрых шаманских нарядов и украшений — простые джинсы, черная водолазка и ветровка, хотя день был довольно холодным, и единственный простой кулон. Вместо вплетенных бусин и перьев — распущенные волосы, мокрые и прилипшие к лицу. И как-то шутить про девочку из «Звонка» совершенно не тянуло. Потому что, ладно, даже Тундре могло захотеться простоты. Но такого отрешенного взгляда у нее совершенно точно не было никогда.

— Некромант, — и такого голоса у нее тоже никогда не было. — Я к тебе.

— С машиной что-то? — Некромант говорил небрежно, но Вадик видел, как он

напрягся.

— Нет. Со мной.

— Поднять или... — Вадика передернуло. Ну не к месту сейчас такие шутки! Но Некромант и сам осекся, когда Тундра повторила:

— «Или».

Некромант решительно шагнул наружу, уже не обращая внимания на дождь. Тундра долго молча смотрела на него, собираясь с силами, и наконец проговорила:

— Я взяла Пассажира. И... я потеряла ее.

Вадик тоже выбрался на крыльцо. К черту холод, тут происходило что-то совершенно немыслимое, и оставаться в стороне он никак не мог. Некромант и тот убрал с лица вечную кривую усмешку и так же, как недавно Вадика, почти приказал:

— Рассказывай.

Тундра посмотрела на него снизу вверх и разрыдалась. Вадик не знал, куда себя девать. Хотелось подойти и утешить, но Некромант ведь говорил вообще оставаться в доме... Да и что тут скажешь? Все это было как-то категорически неправильно, этого вообще не должно было происходить, потому что нельзя же, чтобы Тундра вот так вот... Но Тундра, немного успокоившись, наконец заговорила все тем же отрешенным голосом:

— Нам было так здорово вместе... Я подобрала ее на трассе, она ушла из дома, говорила, ее там обижали... Это ее я почувствовала, когда от Форестера сорвалась. Она просто шла по обочине, вот так, под дождем. Говорила, в реку или под машину бросится, лишь бы не домой. Я взяла ее к себе... назвала своим Пассажиром... с нашими познакомилась... Настя. Никакого другого имени получить не успела. Она была младше меня, хиппушка такая, как я когда-то, только светлая вся, белокурая, даже на дорогу в белой тунике ушла. Я думала — вот теперь я настоящий Водитель, я всю Россию ей покажу, всему научу... А она...

Тундра снова разрыдалась. Некромант молча ждал. Вадик готов был наплевать на все запреты и высунуться, но она заговорила снова:

— Она умерла. Мы по всей Сибири колесили, так радовались, жили у меня в машине... А у нее сердце было больное. Она думала, все прошло, потому что ей стало хорошо со мной. А потом она не проснулась.

Некромант опустил на одно колено и неожиданно бережно погладил Тундру по волосам:

— Ты ни в чем не виновата. Такие вещи трудно предугадать. Это больно, но... Птаха ведь тоже потерял своего Пассажира.

— Я больше не могу, — с неожиданной злостью ответила Тундра. — Я не хочу больше быть Внешней.

Ее одолевали слезы, но она продолжала говорить:

— Скажи, Некромант, почему я не могу просто вернуться? Слово и не было ничего? Я знаю законы, я никогда не скажу ничего лишнего... Я чувствую, что так нельзя, но ведь мне же ничего не мешает...

Некромант ответил не сразу, а когда ответил — Вадик поразился, какая затаенная боль звучала в его голосе.

— Тебе некуда возвращаться, Тундра. Слова про дорогу в один конец — не просто слова. Ты помнишь, как Ворон тебя отбил у тех озабоченных сектантов — но девочка Юля осталась там на Ольхоне. Ее больше нет.

Тундра разрыдалась с новой силой, уронила лицо в ладони. Но, когда она снова подняла голову, в ее глазах не было слез. Она произнесла, словно в пространство:

— О тебе рассказывают, что ты можешь показать дорогу... туда, где уже не будет больно. Говорят, что это значит просто подставиться тебе под нож... но даже если так, я готова. Я не могу... сама.

Некромант заслонился рукой, словно от удара. Вадик стоял у него за спиной, и то едва расслышал шепот: «Пожалуйста... не надо...». А Тундра взглянула ему в глаза и с расстановкой проговорила:

— Проводи меня на дорогу, которая никогда не свернет.

— Слово сказано, — коротко ответил Некромант. Тут Вадик уже не выдержал. Он одним прыжком встал между Некромантом и Тундрой — и отлетел в сторону от удара в грудь, чудом не приложившись затылком об опору крыльца. Вадик всегда знал, что Некромант невероятно силен при своей худобе, но только сейчас ощутил это в полной мере. Некромант даже не обернулся. Зато Тундра словно впервые — а может быть, и правда впервые — увидела его и сделала знак подойти. От ее легкой улыбки Вадик почувствовал, что сейчас разревется сам.

— Возьми, — она сняла с шеи свой кулон — серебряного оленя, стилизованного под наскальную роспись. — На память обо мне.

Вадик на автомате застегнул цепочку поверх воротника водолазки. Тундра, казалось, в тот же момент забыла о его существовании. С той же улыбкой она повернулась к Некроманту — и он чуть улыбнулся в ответ. Вадик сжал кулаки. Видеть это было невозможно, но не смотреть он тоже не мог.

Некромант сделал Тундре знак подождать и вернулся в дом. На Вадика он по-прежнему не смотрел — или действительно его не видел. Вадик ведь помнил его лицо. Точно как тогда в Нижнем. Но в Нижнем было лучше — тогда Некромант хоть не улыбался.

Тундра стояла молча, даже не убирая с лица упавшую прядь. Вот сейчас бы подойти, взять за руку... но Вадик понимал, что не может сдвинуться с места. Не должен. Некромант совершенно правильно не хотел, чтобы он в это лез. Но Тундра отдала ему этого оленя... Никогда не носивший украшений Вадик понимал, что это он снимать больше не будет.

— Ты знаешь правила, — Некромант вернулся бесшумно, и Вадик вздрогнул от его голоса. Тундра лишь молча кивнула.

Некромант снова опустил на одно колено. В его руке был нож — не тот, что в Нижнем, намного меньше, не складной, с коротким темным лезвием. «Говорят, что это значит просто подставиться тебе под нож»... Вадик скрипнул зубами. Тундра, все так же улыбаясь этой невозможной, неправильной улыбкой, подошла ближе. Некромант осторожно, но крепко взял ее за руку, оттянул рукав и быстрым движением полоснул ножом. Лезвие сразу окрасилось кровью.

— Будь моим Пассажиром, — тихо произнес Некромант.

— Будь моим Водителем, — эхом отозвалась Тундра.

Вадик ухватился за ту самую опору крыльца, об которую по милости Некроманта чуть не разбил голову. Некромант не берет Пассажиров. Тундра после Ворона не садилась ни в чью машину. И как тогда это все понимать? Хотя, кажется, он и так все понимал.

Снова сделав знак подождать, Некромант вывел из гаража свой «Кадиллак». Бережно поддержал Тундру под локоть — она двигалась замедленно, словно не видя ничего вокруг — и помог сесть на пассажирское сиденье. «Кадиллак» тронулся с места. Вадик бросился

следом, сам не понимая, почему — но дорога была пуста. Что за черт, здесь повороты, но он не мог так быстро пропасть из вида! Вадик вернулся на крыльцо и сел на ступеньку, просто глядя в одну точку перед собой.

Он не знал, сколько прошло времени. Даже не видел, как вернулся «Кадиллак». Просто, когда Вадик поднял глаза, перед ним стоял Некромант. Один.

— Ты!.. — Вадик взвился на ноги, нашаривая рукоять ножа. Не тренировочного. Настоящего. Уже был готов замахнуться — и натолкнулся, как на стену, на предельно усталый взгляд темных глаз. Некромант, в свою очередь, положил руку на нож.

— Если хочешь что-то мне высказать, юный Скайуокер, — спокойно проговорил он, — я к твоим услугам.

Вадик стоял перед ним, задыхаясь то ли от злости, то ли от подступающих слез, то ли просто от того, что этого всего вообще никак не должно было произойти. Во взгляде Некроманта теперь не было даже усталости — только бездонная чернота. Вадик опустил руку с ножом, повернулся и ушел.

У гаражей он наткнулся на Птаху. Именно что наткнулся — слезы мешали смотреть. Птаха просто взял его за плечи и развернул к себе. Вадик хотел все рассказать ему, но не знал, как такое вообще можно рассказать. Голос не слушался.

— Я знаю, — кивнул Птаха. — Тундра пришла к Некроманту. Я видел.

«Я бы, наверное, уже к тебе пришел»...

— Но почему тогда ты...

— Не остановил? Если Внешний принимает такое решение, остановить его уже нельзя. Ты ведь как раз был у Некроманта в это время?

Вадик кивнул.

— Значит, ты все видел. Понимаешь, когда Некромант говорит, что не отказывает Внешним — это не просто так. Есть просьба, в которой он отказать не может.

Вадик вспомнил гримасу боли на лице Некроманта и этот едва слышный шепот. Некромант ведь сам когда-то говорил «Я ненавижу терять наших»... Выходит, он просто не мог никак иначе?

— А я на него кинулся... — Вадик сам не заметил, что начал размышлять вслух. Птаха криво усмехнулся:

— Раз ты все еще жив — значит, ничего непоправимого не наделал. Что у вас там было-то?

— Да там... — подбирать слова по-прежнему было трудно, но присутствие Птахи хоть немного успокаивало. — Тундра сказала, мол, даже если попросить проводить — это просто самому полезть к нему под нож, то она готова. А я так разозлился тогда... Некромант меня просто отшвырнул, на груди, наверное, синяк здоровенный, никогда еще так не прикладывал. И когда он вернулся...

Вадик замолчал. Нет, это должно остаться между ним и Некромантом. Птаха выжидающе смотрел на него, но понял, что продолжать он не намерен. Птаха тронул его за руку:

— Не хочешь — не говори. Такие вещи происходят без свидетелей, но если ты там оказался — зачем-то так было надо. А что это у тебя на шее?

— Тундра... оставила, — голос Вадика дрогнул. Птаха обнял его за плечи и направил в сторону тропинки к дому. Но Вадик не был готов так сразу уходить.

— А Прокси здесь?

— Нет, — Птаха покачал головой. — Думаю, он тоже... в курсе. И хочет побыть один.

Вадику это категорически не понравилось. Птаха понял, что не убедил, и достал свой телефон. Среди кучи приложений виднелся значок биологической опасности.

— Зеленый, — сказал Птаха. — Значит, все в порядке. Это у меня метка от него. Давно еще обменялись, чтобы знать, как друг у друга дела. Вроде как в сказках.

— Да ну вас с вашими сказками! — даже не столько зло, сколько расстроено бросил Вадик. До самого дома он молчал.

Только дома Вадик осознал, что вымок до нитки и невероятно замерз. Ну правильно, сколько он торчал там на крыльце даже без куртки... Птаха, не говоря ни слова, выдал его зеленую флиску (она все-таки отстиралась) и поставил чайник. Вадик с трудом сумел переодеться — его трясло то ли от холода, то ли от всех сегодняшних событий. Перед глазами стояла отрешенная улыбка Тундры. И Некромант, вообще не похожий на себя — или только сейчас настоящий? Угрюмый автомеханик действительно был только внешней оболочкой. И сейчас Вадик, пожалуй, в полной мере осознал, что под ней скрывалось. Уж лучше бы и дальше знал только о Ликвидаторе. И что это Некромант говорил про девочку Юлю, которой больше нет? Сейчас, видимо, и правда больше нет, но Тундра ведь была! Нахлынули воспоминания про Байкал, про расписные камни, про травяной чай у костра. И только теперь слезы потекли по-настоящему.

Птаха молча поставил перед ним большую кружку чая и ушел. И Вадик был ему благодарен. Нет, очень хорошо, что он встретил Птаху и что состоялся этот разговор — но сейчас надо было побыть одному. Вадик машинально коснулся кулона и вспомнил, как впервые увидел его в шкапулке Тундры. И это вот ее больше нет?

«А меня ведь тоже нет». Перед глазами возникла давно удаленная страница в соцсети и чат класса со скорбными комментариями. Если бы даже Вадику и надоела жизнь Внешнего (чего не может быть, потому что не может быть никогда) — куда ему возвращаться? Для всех, кто его знал, его нет в живых, они увидят просто взявшегося невесть откуда подростка, которому некуда идти и не за что зацепиться... Конечно, Тундра тоже никак не могла вернуться. Это дорога в один конец.

Вадик наконец почувствовал, что согревается. Он выпрямился в кресле, где до сих пор сидел, сжавшись в комок, и взглянул в окно. Темнело по-прежнему довольно рано. Между деревьями был виден небольшой участок дороги, и на нем мелькнул силуэт машины. И на какую-то долю секунды Вадику показалось, что это знакомый синий пикап. Только белые лайки бежали не по борту машины, а рядом. Вожак упряжки взвился над дорогой, остальные последовали за ним, и вместе с машиной они исчезли в низких облаках. Вадик моргнул — нет, просто деревья, облака и пустая дорога. Сквозь застилающие глаза слезы и не такое увидишь. Но ему очень хотелось думать, что если и есть та «дорога, которая никогда не свернет» — то там все было именно так.

Следующие два дня Вадик не выходил из дома. Даже из комнаты почти не высовывался. Птаха понимающе кивал, приносил чай или что-нибудь поесть и уходил, даже не заговаривая с ним. Только один раз сказал:

— Прокси вернулся. Грязный, как черт, не знал бы я, как он водит — решил бы, что в канаву свалился. Рассказывать ничего не хочет, залез к себе и сидит рисует.

Вадик отлично понимал Прокси, хотя его самого рисовать пока не тянуло. Разве что всякие мелочи, о которых и думать толком не надо. Несколько листов блокнота покрылись толпами щенков и улицами домиков. К середине второго дня Вадик вспомнил о своем

паблике, привычно вымел оттуда пару спамеров, потом открыл фотографию лаек и крупными буквами подписал: «ЭТОТ РИСУНОК НЕ ПОВТОРЯЮ». Потому что нельзя.

На третий день Вадик обнаружил на телефоне сообщение от Некроманта: «Если передумал меня убивать — жду на тренировку. Если не передумал — тоже». Вадик долго размышлял над ответом, не смог сформулировать ничего умного и просто отправился знакомым маршрутом.

Некромант сидел на крыльце, прислонившись к стене и свесив голову на грудь. Вадик вспомнил — перед самым уходом он заметил, как Некромант буквально сполз по стене на это самое место. «Так с тех пор и сидит, что ли?». Да нет, ерунда, конечно. Некромант молча ждал, пока Вадик подойдет ближе, и лишь тогда поднял голову и взглянул на него. Никакой бездонной черноты и запредельной усталости, привычный изучающий взгляд. Вадик понял невысказанный вопрос, подкинул в руке тренировочный нож — и в следующую секунду уже уворачивался от атаки.

Сначала Вадик немного осторожничал и старался держать дистанцию — другой вопрос, что Некромант не очень-то это позволял. Но за эти дни накопилось слишком много. Вадик даже не сказал бы, что зол на Некроманта — в конце концов, не его вина. Это была какая-то всепоглощающая обида на то, что все вышло вот так вот неправильно, что больше нет Тундры с ее сказками, даже на то, что эта незнакомая ему белокурая Настя умерла как раз тогда, когда все стало хорошо. И эту обиду надо было выплеснуть. А куда, как не в тренировку. И, как недавно с Джерри, окружающий мир пропал.

Вадик вернулся к реальности, увидев кровь на щеке Некроманта. Что за черт, это же просто тренировка! Да, Некромант чуть оступился, и Вадик не успел перевести удар ниже, он метил в шею, но в итоге край его тренировочного ножа рассадил Некроманту скулу. Впрочем, Некромант лишь усмехнулся:

— Доволен?

И Вадик честно ответил:

— Да.

— Вот и отлично, — хмыкнул Некромант, стирая кровь со щеки. — Чаю хочешь?

Некромант больше ни словом не упомянул, как Вадик бросился на него с ножом. Ни с ним самим, ни с другими. Птаха, разумеется, заметил рассеченную скулу, но все, что сказал по этому поводу Некромант — «Моя оплошность. Но если я отхватил от собственного ученика — значит, неплохо учу». Птаха рассмеялся, и на том вопрос был закрыт. Зато на тренировках Некромант стал держаться еще жестче, и от выражения, с которым он цедил сквозь зубы «Ур-рою!», Вадика порой реально становилось не по себе. Прямо как в самом начале. Тем более что теперь Некромант был не очень-то намерен поддаваться. Но, как и в самом начале, Вадик стал привыкать, на очередные угрозы отвечал «Хрен тебе!» и переходил в атаку. Получалось, правда, не очень.

— Да что ж такое! — возмутился Вадик, в очередной раз пропустив удар. — Что ж я торможу-то, как в первый раз!

Вместо ответа Некромант лишь коснулся отметины на скуле. Казалось бы, всего-то тренировка, но след остался заметный.

— Ты уже сумел меня достать, юный Скайуокер, — проговорил Некромант после некоторой паузы. — Между прочим, очень мало кому удавалось. А раз так — будем работать дальше.

На самом деле, Вадик был даже благодарен Некроманту за этот бешеный темп и отсутствие скидок. Так некогда было вспоминать.

А тут еще активизировался Прокси. Несколько дней после возвращения он не давал о себе знать, а когда все-таки позвал Вадика в гости, тот обратил внимание, что в узорах «Фольксвагена» появились новые обитатели. И это была группа щенков лайки, усевшаяся над задним колесом. Вадик не стал ни о чем спрашивать, а Прокси не заговаривал сам. Просто озадачил Вадика проектом росписи стен в одном баре — мол, не аэрографией единой, почему бы не попробовать что-то новое. За узорами и пропорциями лишним мыслям пролезть было некуда. Вадик, правда, несколько смущался, что никогда раньше не имел дела с интерьерами, но Прокси ничего такого и не просил — просто советовался по поводу орнаментов, просил эскиз мотоцикла или кактуса, потому что бар задумывался в духе кино про плохих мексиканцев. Вадик такое любил, так что скоро втянулся.

— И черепушку еще, — говорил Вадик, показывая на лист, где под кактусом явно белели какие-то кости.

— «И где у черепа в кустах всегда три глаза, и в каждом — пышный пучок травы!»[1] — пропел Прокси, дорисовывая череп. Разумеется, с дыркой посреди лба.

— А у байка на руле чтобы бахрома такая...

— И койот!

— Еще скажи «песец»!

— Климат не тот!

Они хохотали так, что Прокси стал опасаться за устойчивость «Фольксвагена». Вадик сам не вполне понимал, с чего так ржать, но его просто разбирало. Впрочем, определенно лучше так, чем как недавно... Он сосредоточился на затейливом индейском орнаменте, который должен был идти по краю стойки.

Прокси познакомил Вадика и с заказчиком. Он был не из Внешних, просто предприниматель из Верхнего города. Совершенно классический такой дядька в костюме и с

портфелем. «Когда-то мы уже работали вместе, по другому профилю, — подмигнул Прокси, — но он, разумеется, не в курсе, что это я и есть». Действительно, если судить по тем «землякам» Прокси, которых Вадик успел увидеть, вряд ли он до ухода к Внешним выглядел так же, как сейчас. Тогда, правда, странно было другое — заказчика, похоже, несколько не удивлял внешний вид Прокси, да и примкнувшего к нему Вадика тоже. С другой стороны, художники же, имеют полное право выглядеть как хотят.

На само оформление стен Прокси Вадика не взял — сроки поджимали, учиться новой технике уже некогда, а здесь у него были свои помощники. Зато радостно передавал все комплименты его орнаментам и кактусам. А также приглашение на открытие. Причем сам лично явился к ним с Птахой и сообщил, что отвезет туда Вадика прямо сейчас.

— Э... а можно? — удивился Вадик, оглядывая свой шкаф на предмет хоть чего-то условно цивильного. Прокси картинно взялся за голову:

— В который раз, юный Скайуокер, можно все, кроме того, что нельзя, а в моем обществе «нельзя» исчезающе мало. Так, — он оглядел Вадика с видом вдохновенного художника и бесцеремонно полез в шкаф, — вот так будет в самый раз.

Из шкафа Прокси выдернул футболку с символикой «Металлики» и кожаную жилетку. «Перчатки свои не забудь, это стиль!». Чтобы развеять последние сомнения, он широким жестом распахнул свою мотокуртку, из-под которой выглянула психоделическая фосфоресцирующая черепаха. Вадик махнул рукой и пошел вслед за Прокси к мотоциклу.

— Не понял! — сказал Вадик, подходя к двери. На фотографиях, которые приносил Прокси, была сияющая неонем вывеска — разумеется, стилизованная под простреленную в нескольких местах доску на цепочках. Вадик лично рисовал эскиз. А здесь — дверь как дверь, за такой вполне мог прятаться какой-нибудь унылый конференц-зал.

Прокси расплылся в улыбке:

— А вот теперь начинаем развлекаться. Смотри сюда.

Он навел на вход свой телефон — и на экране появилась классическая дверь киношного салуна с той самой вывеской. Вадик невольно отошел — судя по картинке, он чуть не вляпался в кактус. Вроде бы виртуальный, но уж очень правдоподобный.

— Типа дополненная реальность? — почему-то шепотом спросил он.

— Круче, — Прокси ухмыльнулся еще шире, хотя, казалось бы, уже некуда. — Это так называемое второе зрение. Любой приличный человек может напрямую подключиться к сети, а неприличным сюда и не надо. Сетевое отражение себя или помещения создать проще и дешевле, чем реально менять внешность и дизайн. Многие предпочитают, чтобы реальная и сетевая картинка соответствовали, а некоторым достаточно сети, тем более что обычным зрением все равно мало кто смотрит.

— А ты тогда...

— А я — Прокси, на меня ограничения не распространяются. У меня эти системы из рук едят и мурлыкают, что, правда, в свое время и создало мне проблемы, — он помрачнел. — Тут же все стоит на разграничениях уровня доступа, а у меня любимое занятие — залезать туда, куда нельзя. Благодаря чему, собственно, я все еще здесь. Но кое-куда оказалось совсем нельзя...

Прокси помолчал и резко потрянул зеленой челкой:

— Так, стоп, мрачные телеги оставим Некроманту, он по ним спец. В общем, я могу симитировать практически любой код доступа, а значит, попасть куда угодно и показаться в любом виде. На тебя это тоже распространяется, главное, от меня далеко не отходи, радиус

покрытия не очень большой.

— Ага, — на автомате кивнул Вадик, а потом поинтересовался уже совсем шепотом: — А это что же получается... и в банк какой-нибудь тоже?

— Разумеется, — невозмутимо пожал плечами Прокси. — Но это неинтересно. В банки ломится каждый первый хакер, это уже банальность, типа как Пентагон атаковать. Чего ты ржешь, одно время в новостях только и слышно было: хакерская атака на сервера Пентагона, хакерская атака на сервера Пентагона... У меня, знаешь ли, есть определенные принципы, хотя по мне не скажешь, и мне претит брать деньги из воздуха. В конце концов, я достаточно неплохой художник, чтобы зарабатывать честно. А вот система, когда твои возможности определяет не то, что ты можешь, а то, какими кодами с тобой поделился большой дядя и каких дядь ты знаешь, меня бесит, и в ней я буду лезть во все дыры, какие найду, а находить их я умею. На сем заканчиваю революционную речь, пошли внутрь.

Внутри оформление все-таки оказалось реальным. Пара горшков со здоровенными кактусами, во всю дальнюю стену нарисован мотоцикл, на седле которого удобно устроился койот, пустынные пейзажи с костями и черепами, орнамент на стойке, плакаты с кадрами из старого кино — все как было на фотографиях, только еще круче. Владелец бара радостно поздоровался с Прокси, рядом тут же возник официант с напитками. Вадик несовершеннолетний, Прокси за рулем, так что оба взяли по ананасовому соку. Немедленно материализовался еще один официант, на этот раз со всякими канапе и тарталетками. Вадик с удовольствием набрал полную тарелку — вроде мелочь, но вполне питательно. И все бы хорошо, но вот что было странно — он понял эту штуку про «второе зрение», хотя крыша от такого, конечно, немного ехала, но вроде как оно для того, чтобы в обычной жизни выглядеть как полагается, а в сети оттягиваться. А как же они с Прокси? Вроде бы их вид у всех этих типов в костюмах и дам в платьях не вызывал никаких вопросов. Как обычно, Прокси обо всем догадался раньше, чем Вадик смог сформулировать.

— А еще, юный Скайуокер, — шепнул он, — я очень люблю наводить путаницу. Во время оно виртуальные облики у меня менялись чаще, чем освещение на дискотеке. А еще можно немного побаловаться с системой «второго зрения», активировать ее у присутствующих в фоновом режиме и поменять местами виртуал и реал. Моя личная разработка, горжусь невероятно, — он приосанился. — В итоге человек уверен, что смотрит на тебя обычным зрением, а получает все равно виртуальную картинку. Так что все эти серьезные граждане видят нас вот так!

Он перевел камеру телефона во фронтальный режим, и Вадик чудом не заржал на весь бар — с экрана смотрели два таких типичных свободных художника в мешковатых блузах и беретах, Прокси себе еще и кисточку за ухо пристроил.

— Художник имеет право на милые причуды, — подмигнул он. — А наш реальный вид транслируется тем, кто смотрит через сеть, а уж там всем полная свобода. Одна проблема, долго такую штуку не продержат, особенно если народа много или все время меняется, но у нас же и нет планов торчать тут до последнего, правда?

— Ни малейших! — Вадик чувствовал, что у него самого скоро крыша поедет от этой реально-виртуальной чехарды. В компах он кое-что понимал, не в последнюю очередь спасибо тому же Прокси, но вот это все было уже из области научной фантастики. Ну и вообще, даже если Прокси традиционно выпендривается и на них просто не обращают внимания, потому что художник вправе выглядеть как угодно, в этом окружении он все равно чувствовал себя слегка не в своей тарелке. Прокси снова поймал волну:

— А теперь поехали куда-нибудь туда, где можно никому не морочить голову!

Но разговоры про «второе зрение» все равно не давали Вадику покоя. Уже в коридоре он спросил:

— Слушай, а в тот первый раз...

— Точно так же, — кивнул Прокси. — Точнее, там немного сложнее, для входа все равно нужно было браслет программировать, а внутри — да, мы выглядели немножко не так, как всегда. Но если я скажу тебе, как, ты меня прибьешь на месте.

Вадик только скорчил ему рожу. Прокси на секунду задумался и щелкнул пальцами:

— А поехали кофе с пирожными пить! В ту самую кондитерскую. Там хоть и ограниченный доступ, но морок наводить незачем, если уж кто пробился — значит, точно свой. А доступ — дело наживное, — он снова хитро подмигнул.

Кондитерская с доступом только для избранных пряталась еще хитрее, чем бар. В конце прозрачной галереи между двумя корпусами жилого комплекса красовались намертво заваренные металлические ворота с вездесущими граффити. Сама галерея была тоже изрядно обшарпанной и потускневшей, словно там давно никто не ходил. Но стоило Прокси навести телефон — все это расцветилось розовыми зефирными облачками и полосатыми карамельками. Тут Вадик все-таки заржал.

— Мы ехали развлекаться — мы и развлекаемся! — улыбнулся Прокси. — Пошли, там внутри реально красиво.

— Прямо, это, волшебная страна, — фыркнул в ответ Вадик. — Когда вроде место как место, а потом р-раз — и всякие чудеса.

— А я — волшебный проводник, все как полагается! Главное, случайно не застрять на сто лет, а то здесь это реально — слишком много всего вкусного!

— Кто там говорил, что мыслит в категориях питательных веществ? — поддразнил Вадик.

— Апгрейд никто не отменял! — парировал Прокси.

То ли Прокси все-таки опять развлекался со своим «морок», то ли персонал кафе действительно был ко всему привычен и считал, что уж если кто к ним попал, значит, имеет на это право, но байкеру с зеленой челкой и подростку-металлисту со шрамом через бровь лишь мило улыбнулись и предложили выбирать на бесчисленных витринах все, что нравится, отдельно сообщив, что на фисташковые эклеры сегодня скидка. Прокси заявил, что фисташковые эклеры подходят к его имиджу, чем очень насмешил девушку за прилавком, и набрал еще целый поднос всякого добра. Вадик половину вкусовых сочетаний видел впервые в жизни и откровенно не знал, что выбрать. Девушка ворковала про марципаны, суфле и муссы, Вадик запутался окончательно и просто ткнул в несколько самых ярких пирожных. Ну и фисташковый эклер, конечно. Кофе Вадик не любил и хотел привычно взять какао, но тут ему показали на экране кассы что-то невероятное, где молока было гораздо больше, чем кофе, и все это было посыпано шоколадом и украшено печеньем. Такую же конструкцию заказал и Прокси. Вадик устроился за белым ажурным столиком, думая только о том, как бы не подавиться со смеху — очень уж их вид контрастировал со всей этой зефирной карамельностью. А представить, как сюда явился за тортиком мокрый до нитки Прокси в полной байкерской экипировке...

— Обожаю «Металлику», — шепнула ему вторая девушка, подошедшая убрать лишние тарелочки из-под пирожных. Тут Вадик все-таки подавился. Прокси от души треснул его по спине, улыбаясь до ушей.

Вадику казалось, что ничего сладкого в ближайшие полгода он съесть точно не сможет, но все же из кондитерской они уехали еще и с корзиной марципановых фруктов, которую Прокси неизвестным науке образом ухитрился приладить позади Вадика. Как ни удивительно, все это даже доехало в целости.

— Надо же, все уже зеленое... — удивленно произнес Вадик, слезая с мотоцикла. Прокси обернулся к нему с дьявольской ухмылкой:

— Не ходите, дети, в волшебные холмы, век пролетит — не заметите!

— Кончай глумиться!

— И в мыслях не было! Над падаванами глумиться нельзя, они от этого портятся. Я просто радуюсь, что ты ожил.

— Ожил? — Вадик механически повторил за Прокси и вдруг понял, что так и есть. Да он вернулся к тренировкам, учебе и рисованию, ему было очень весело помогать Прокси с оформлением бара, но все это время он как будто не замечал ничего вокруг. Словно тот бесцветный дождливый мартовский день растянулся на пару месяцев. А на самом деле уже настала весна, и перед самым колесом мотоцикла выглядывал одуванчик. Вадик даже зажмурился — вернувшиеся краски мира выплеснулись на него все сразу, и это оказалось очень ярко.

— Перезагрузка завершена успешно! — радостно объявил Прокси. И Вадик улыбнулся в ответ.

И снова все было как всегда. На поляне горел костер, над ним висел закопченный чайник, который Некромант озабоченно оглядывал и говорил, что надо бы найти замену, а марципановые фрукты из корзины исчезали на глазах, и Вадик, к собственному удивлению, активно в этом участвовал, хотя вот только что смотреть не мог на сладости. Прокси задвинул очередную речь о глюкозе и активности мозга, на что Птаха запустил в него пустой корзиной, но не попал. Все как всегда. Только на шее у Вадика все так же висел серебряный олень. И на дороге, едва заметной теперь, когда листья полностью раскрылись, мелькнуло что-то белое и синее. Может быть, просто две случайных машины. И подумалось, что, где бы ни была сейчас Тундра — в конце концов, ее пожелание сбылось. Вадик встретился взглядом с Некромантом и не отвел глаза.

— Я вот тут думаю, — произнес Птаха, наливая себе очередную кружку чая. — Сейчас нам с Прокси грозит небольшой завал...

— Да только что же кончился! — удивился Прокси, но тут же хлопнул себя по лбу: — А, ты про тот уголок карманного экстрима?

— Ну про что же еще! Лазерный тир, — пояснил Птаха Вадику. — Я оборудование монтирую, Прокси виртуальные эффекты наводит. Чтоб, значит, его землякам было где поиграть в крутой спецназ. Глядишь, и мы с тобой сходим.

Вадику даже было жаль, что этот тир еще не существует. Во что-то такое они с Русом когда-то ходили, но Рус натащил толпу девчонок, которые только и умели, что визжать и восхищаться его крутизной. И обижаться на Вадика за попадания. Дуры. Но в городе Прокси такой тир, наверное, вообще должен выглядеть как настоящее сражение! Тем временем Птаха продолжал:

— Так вот, работы там много, но как закончим — я намерен отдыхать. И я кое-что тебе обещал.

Вадик непонимающе заморгал. Птаха развел руками, изображая плавание брассом. Точно, тогда на Байкале он говорил про поездку на море! С тех пор произошло столько

всего, что Вадик и забыл.

Странное дело — они с Прокси ездили в город всего на несколько часов, уехали днем, вернулись не самым поздним вечером. И уехали они, конечно, из совершенно такого же пейзажа. Но Вадику действительно казалось, что их не было много дней и за это время как раз и наступила весна. Он словно заново увидел гаражи, реку и лесок и все облазил с блокнотом. Птаха лишь добродушно улыбался и иногда напоминал про занятия. Иногда — потому что сам почти отсутствовал дома, с головой уйдя в проект вместе с Прокси. А даже если и не уезжал — в гости приходил тот же Прокси, и они с Птахой надолго заседали над чертежами, расчетами и эскизами. «У меня технических возможностей больше, — извиняющимся тоном говорил Прокси, — но этот питбуль-переросток в мой Фольц не влезет!». Птаха, естественно, за «питбуля-переростка» хватался за подручные предметы, но по сути Прокси был прав — в его микроавтобусе Вадик еще помещался, хотя по-прежнему не понимал, как, тем более что в последний визит все-таки вписался головой в полку с чаями, а у Птахи шансов просто не было.

В тир они отправились все втроем. Порой Вадику казалось, что огромная «Тахо» никак не пройдет по изгибам эстакад, но их создатели действительно все предусмотрели. А Птаха сам наслаждался «аттракционами» и с удовольствием пускал машину катиться вниз просто под собственным весом. Прокси регулярно интересовался с заднего сиденья «и кто там что говорил про релятивистские скорости?», но, конечно, в шутку — с его мотоциклом «Тахо» было не тягаться.

— Вообще, конечно, система заточена под нейроинтерфейс, — шепнул Прокси на входе. — Но я буду не я, если не оставлю лазейку для всяких отмороженных Внешних, так что идем веселиться. Чур я Терминатор!

Со шлемами виртуальной реальности Вадик уже встречался — в свое время они с Максом и тем же Русом любили поиграть после уроков. У Никитоса-то такого было не допроситься. Впрочем, Вадик и не очень хотел — в шлеме быстро начинала кружиться голова, и следующие пару часов он ходил как пыльным мешком стукнутый. Но здесь технологии были совсем другими. Шлем вообще не ощущался, а уж столько вариантов настройки виртуального облика тому клубу и не снились. Вадик решил побыть имперским штурмовиком, Птаха выбрал какого-то адского оборотня. Прокси немедленно проехался на тему «раскрыл свою истинную суть» и технично нырнул за укрытие, чтобы не получить сразу из двух стволов.

Как оно там у Прокси с реальной стрельбой — Вадик пока не знал, но «Терминатор» оказался очень грозным противником. Штурмовик «прожил» недолго — иллюзорный шлем вполне себе реально мешал обзору. «Ладно-ладно, кто вам тут Энакин?». «А что изменилось?» — съязвил Прокси, и тут уже ему пришлось менять персонажа — «Терминатор» увернуться не успел.

Они развлекались несколько часов, перепробовав кучу виртуальных обликов, пейзажей и стратегий — каждый за себя, двое на одного, вместе против другой компании... Это было, конечно, гораздо круче, чем тогда с Русом, но и в тот раз, и сейчас Вадику слегка мешало ощущение большой условности этого всего. То самое, из-за которого он не задержался в секции боевых искусств. У Патрика в тире, может, и не было таких крутых эффектов и нельзя было так вот поиграть в войнушку, но настоящее оружие... в общем, все равно что симулятор против настоящего вождения, пусть даже на симуляторе можно носиться по гоночному треку, а в реальности Вадик пока мог только неспешно катиться без особых

маневров. Ничего, он еще всему научится.

[1] Песня Александра Мирзаяна на стихи Иосифа Бродского.

Меж тем Птаха начал готовиться к отъезду на море. Разумеется, «Тахо» была в полном порядке, в багажнике снова поселились плитка, пенки и спальники, а Вадик перекапывал шкаф, собирая легкие рубашки, оставшиеся с прошлого жаркого лета. В плечах сходились далеко не все. «Никаких маек, — напоминал Птаха. — Все равно, подозреваю, зажаришься, но хоть как-то подстраховаться». Так что они в очередной раз прокатились в магазин, и Вадик сам, на собственные средства, чем был особенно горд, купил рубашек и белых футболок. Резинок для волос осталось много еще с того лета — Птаха сдержал слово. Хотя Вадик так и таскал ту, одолженную Некромантом. Ну и, разумеется, оба запаслись плавками и парой литров солнцезащитного крема на каждого.

Удивительное дело — в этот раз даже Некромант обошелся без вечного черного юмора и просто пожелал хорошо отдохнуть без его мрачной рожи. Это внушало оптимизм — в прошлый-то раз слова насчет регионов, которые расслабились, полностью сбылись... Прокси, конечно, трагически вздохнул, что остается один на один «с этим чудовищем», но делать скорбную физиономию ему быстро надоело, так что он тоже пожелал счастливого пути и отдельно попросил нафотографировать ему морских видов.

Словом, садиться бы да ехать, все давно было уложено, в гаражи заехали только потому, что уже на выходе Птаха нашел пачку маркеров, забытую Прокси, и решил вернуть. Но он не торопился за руль.

— Что-то не так? — напрягся Вадик. Птаха широко улыбнулся:

— Попрактикуешься?

— Э... вот так, в самом начале?

— А что? Как раз и маневрировать немного поучишься, у нас тут удобно.

Вадику было очень странно лезть за руль, когда они с Птахой были не одни. Хотя, с другой стороны, залез же он к Тундре тогда... Странно, но думать о Тундре уже получалось совершенно спокойно. Просто синий пикап опять занесло в какие-то очень далекие края какими-то странными дорогами. Но ведь действительно — уже не только Птаха видел его первые водительские опыты. И вообще, не в школе же, смеяться над тем, что не получается, никто не будет. Да, в конце концов, чего это «не получается»? Не первый раз уже! Вадик почувствовал уже знакомую злость, улыбнулся и полез на водительское сиденье. И заметил, как Прокси и Некромант переглянулись с видом заправских заговорщиков.

Больше всего его смущал тот проезд между деревьями — до сих пор он пробовал силы только на свободной дороге и все еще был не очень в ладах с траекторией движения. Но когда «Тахо» приблизилась к краю поляны, ветки словно расступились, и оказалось, что там на самом деле полно места. «А ты думал, — улыбнулся Птаха. — Тут который год все катаются, давно отрихтовали по максимальным габаритам!». Дальше дорога была шире, но изрядно разбита. Вадик понимал, что «Тахо» все это нипочем, но не мог не пытаться объезжать хотя бы самые большие ямы.

— Не верти так руль, не на треке, — советовал Птаха. — На треке, впрочем, тоже не стоит. Машина тяжелая, ей еще среагировать надо. Ага, вот, вполне достаточно. Поучу еще тебя препятствия объезжать. Все, дальше уже трафик, вылезай.

— Хочу попробовать, — уперся Вадик. — Сколько раз ездили, никакой полиции.

Птаха нахмурился, но почти тут же с улыбкой махнул рукой:

— Твоя правда, мелкий. Но тогда очень осторожно, смотри в зеркала и не особо разгоняйся.

В зеркалах, правда, высматривать было особо нечего, других машин почти не было, а кто и был — ехали себе своей дорогой. Мимо проплывали улицы, которые Вадик, конечно, видел уже раз сто, но сейчас не мог узнать, потому что все было иначе — он сам, лично, вел машину по городу! Ну, по пригороду, но все равно, это уже не пустой участок трассы, который все равно что просто учебная площадка, а настоящая дорога!

— Вправо не жмись, — говорил Птаха, — решетки на стоках не везде есть. Вот отлично, и курс уже нормально держишь. Поворот покажи, мы на главной, давай направо. Э-эй, не так резко! Ну, бывает, заскочили на бордюр, но вообще лучше так не делать. Колесам бесполезно.

— Ну вот, — расстроился Вадик, — надо было, наверное, тебя обратно пустить...

— Да ладно тебе! В начале все ездят черт знает как, я еще побольше косячил. Городские автошколы, к сожалению, неплохо объясняют правила, но ни черта не учат действовать в реальном потоке. Это уже каждый сам. Так, а вот дальше выходим на проспект, и тут поведу я, без вариантов.

На этот раз Вадик спорить не стал, тем более что уже успел изрядно вымотаться. Да и вообще, для первого раза в реальном дорожном движении и так очень круто! Стыдно было, что с бордюром так получилось, но Птаха только еще раз повторил, что такое бывает у всех, «и вообще, неприятный там выезд, опытные водители и то иногда цепляют». Полтора года прошло, а такие вещи не переставали Вадика радовать. Хотя, по большому счету, оно ведь так и должно быть...

— Ты о чем? — спросил Птаха. Он что, опять стал думать вслух? Или...

— Нет, реально, все Внешние мысли читать умеют или через одного?

— Все, — без тени улыбки отозвался Птаха. — Ты тоже, просто повода пока не было. Точнее, не то чтобы прямо мысли читать, мы не в фантастике, хотя по Прокси и не скажешь, но чувствовать настроения умеют, пожалуй, все. Так все-таки?

— Да просто подумал вот... Ты никогда не сердишься, даже если я фигню творю, вот как сейчас. Даже Некромант вон... — Вадик не стал договаривать.

— Слушай, братец, я и так понимаю, что от хорошей жизни шляться по Нижнему городу не уходят, но можно я не буду вдаваться в подробности, что я думаю про твоё семейство? С другой стороны, не было бы оно таким — мы бы не встретились, — он тепло улыбнулся. Вадик хотел что-то ответить, хотя и сам не знал, что, но Птаха продолжал: — А Некромант... ты же видел, он даже со Сталкером не сразу сцепился. Непростительных вещей, на самом деле, очень мало. И ошибки случаются с каждым. Тем более тебе неоткуда было знать, что происходит. Мой косяк, на самом деле, но я был практически уверен, что ты с этим не столкнешься. По крайней мере, до поры до времени. Дорога решила иначе.

Ровно теми же словами, что Некромант говорил про самого себя. Но Птаха неожиданно подмигнул:

— Да и вообще, в роли старого мудрого учителя, разъясняющего законы и обычаи, я выглядел бы на редкость нелепо!

Вадик облегченно рассмеялся. Правда, закралась мысль, что Птаха все-таки знает... не даже если и так, похоже, что каким-то негласным договором эту историю решили не вспоминать. И хорошо.

А дальше думать стало некогда — по сравнению с неспешной поездкой на Байкал

казалось, что пейзажи мелькают как-то неимоверно быстро. Вот они ехали, и вокруг был лес, а потом переночевали в мотеле — и утром оказалось, что лес уже успел смениться полями, и вроде как стало ощутимо теплее. А вечером «Тахо» уже стояла в кемпинге, поодаль белели домики пансионата, а в двух шагах было море.

— Пошли купаться! — предложил Птаха. Вадик скептически посмотрел на него — югом, а воздух был прохладным. Но вода, когда он все-таки решился зайти, оказалась теплой, даже не хотелось вылезать. Все это было совершенно не похоже на ту поездку в детстве, когда с закатом жизнь на пляже замирала и перемещалась на танцплощадки. Здесь не было дискотек и гуляющих допоздна компаний — только песчаный берег, темная вода и огромные звезды. Даже из пансионата ничего не было слышно. Кто-то тоже пошел купаться, вода слегка плеснула, кто-то перекинулся парой фраз — и, собственно, все. Совсем не так, как помнил Вадик. А значит, в этот раз все будет очень здорово.

На следующее утро Вадик проснулся со странным ощущением — вроде бы уже приехали на место, даже вон купаться ходили, а вроде бы дорога еще продолжалась. Наверное, это потому, что обитали они с Птахой по-прежнему в машине. «Пафосных пансионатов в детстве наелся выше крыши, — хмурился Птаха, — а в непафосных условия такие, что лучше уж я в родной машине». Вадик был с ним полностью солидарен, особенно в первой части. Когда кругом все выглаженное и вылизанное, да еще не преминут напомнить по десять раз на дню, как тебе повезло, что ты можешь этим всем пользоваться — уже и никакое море не в радость. То ли дело тут. В кемпинге было не очень много обитателей, в основном они приехали с автодомами. Машины стояли поодаль друг от друга, никто ни у кого не сидел на голове. Из одного автодома вылез заспанный обитатель, немолодой дядька в смешной панаме, помахал Птахе и Вадику и отправился готовить завтрак. Птаха, собственно, был занят тем же. Увидев, что Вадик проснулся, отправил его за водой для чая. Вода бралась в колонке на краю кемпинга, всякие душевые и прочее тоже были там. Еще наблюдалась кафешка и ларек с мороженым.

Когда Вадик принес канистру воды, Птаха уже снимал с плитки сковородку с яичницей. Стоп, яйца они вроде с собой не брали, не довести ведь...

— Пока ты спал, тут бабка из соседнего поселка проходила, яиц у нее купил и творога. Не кривись, сам знаю, что ты его не ешь, а я очень даже ем. Чем и намерен заняться.

Творог выглядел совсем не так, как обычно, и Вадик все-таки взял немного попробовать. До сих пор творог в его представлении был или кислой сухой невнятицей из столовой, или типа очень диетической субстанцией в баночках, взбитой до состояния детского питания и такой же кислой. А тут... белоснежный, жирный, даже как будто сладкий на вкус! Вадик сам не заметил, как слопал половину.

— Ой, ты же себе брал... — смутился он.

— Понравилось — ешь, — отрезал Птаха. — Думаю, эта бабка тут если не каждый день появляется, то очень часто, гарантированный заработок же. А в компенсацию я у тебя яичницы отъем.

— Да хоть всю забирай! — махнул рукой Вадик. Творог оказался не только вкусным, но еще и очень сытным.

После завтрака они отправились на пляж. На территории пансионата были всякие лежаки и зонтики, но Птаха предложил устроиться под раскидистой акацией, которая давала вполне неплохую тень. Некоторое время Вадик просто сидел, любуясь сияющим морем и белоснежными домиками пансионата. Как там внутри — ему было мало дела, а снаружи

смотрелось красиво. Тем более что у ближайшего к пляжу домика был припаркован такой же белоснежный мотоцикл. Хотя правильнее было бы назвать его диваном на двух колесах. Этот аппарат был как минимум в два раза больше байка Прокси, водительское и пассажирское сиденья — настоящие кресла. И все ослепительно белое. Вадик подумал, что вот это все здорово было бы нарисовать акварелью. Блики на воде, светлое небо, выгоревшая на солнце зелень, песок и эти белые домики... маркерами не передать.

— Ты посмотри, какой аппарат! — Птаха смотрел в ту же сторону. — Интересно, он или не он?

— Кто «он»?

— Да есть один Внешний, имени не знаю, отличительная примета — вот эта вот белая «Хонда Голдвинг». И сам всегда в белом. Мельком видел пару раз, не более того. Понятно, мотоцикл не уникальный, но забавно будет, если и правда он. По рассказам, парень неплохой. Хотя, конечно, за ним тоже тащится хвост стремных легенд — то он дорожный призрак, то вообще падший ангел, за грехи с небес выкинули. Собственно, то «посланцем», то «засланцем» периодически и зовут. А байкеры вообще рассказывают, что это сама смерть, кто увидит — долго не проживет.

Вадик как-то совершенно не был уверен, хочется ли ему знакомиться с владельцем «Хонды». С другой стороны, Птаха прав — такие легенды, похоже, тянутся за каждым Внешним, даже за мирным Форестером. Да что там, он сам вон еще Пассажир, а уже попал то ли в сатанисты, то ли в их жертвы! Тут дверь домика, у которого стояла «Хонда», открылась, и Вадик понял, что в версию про ангела готов поверить прямо сейчас.

Владелец белоснежной «Хонды» был невероятно красив. Такого бы нарисовать, а еще лучше — вылепить скульптуру. Аккуратно подстриженные белокурые волосы, тонкие черты лица, белая до прозрачности кожа — видно, тоже приехал совсем недавно — и безупречная мускулатура. Вадик даже застеснялся, что так пялится на незнакомого парня, но отвести глаза было выше его сил. Он постарался сделать вид, что зарисовывает берег и домики. Впрочем, «ангел» их вроде бы не заметил. Он прошел к воде, не стал, в отличие от большинства купающихся, жаться и ежиться, а решительно зашел по грудь и поплыл. Вадик не без зависти подумал, что этот точно не выдохнется на полдороге.

— В соленой воде, кстати, плавать проще, — заметил Птаха как будто в пространство. — И я намерен отправиться именно туда, что и тебе советую.

Вадик и сам чувствовал, что становится жарко. Хотя, казалось бы, еще утро. Но тем приятнее оказалось в прохладной воде. Птаха и сам, кажется, готов был плескаться хоть до вечера. Он предложил сплывать до буйков — как раз то расстояние, которое Вадик не осилил тогда на озере. И действительно, в морской воде все получилось гораздо проще. А потом подул ветер, появились небольшие волны, и на них было очень здорово качаться. Но, хотя Вадик и понимал, что никто ничего ему не скажет, он все-таки чувствовал, что для первого раза хватит, так что не без сожаления вернулся на берег.

Жару они переждали в кемпинге, где навесы и ветки деревьев вполне защищали от солнца, да еще Птаха извлек откуда-то из недр багажника тент и устроил рядом с машиной настоящую террасу. Когда жара немного спала, они опять пошли купаться. Белокурый владелец «Хонды» не появлялся, о чем Вадик даже немного пожалел. Правда, вечером ему стало не до того — при всех предосторожностях он все равно умудрился обгореть на солнце. Не то чтобы сильно, но неприятно. Птаха помог намазаться специальным лосьоном и посоветовал хотя бы следующую пару дней не снимать футболку, даже во время купания.

Досадно, но что делать.

Зато на следующее утро они с Птахой обнаружили под «своей» акацией вчерашнего «ангела». Ему досталось от солнца еще хуже, чем Вадику — все, что не под рубашкой, было откровенно малинового цвета. Вообще, что ли, без защиты на солнце сунулся? «Ангел» страдальчески улыбнулся и заговорил на языке, которого Вадик не понял.

— Э? — честно переспросил он.

— Прошу прощения, — ответил «ангел» уже по-русски. — Просто ты очень похож на поляка, вот и принял за соотечественника.

По-русски он при этом говорил без всякого акцента. Во всяком случае, Вадик в его речи ничего такого не заметил.

— Надо? — Птаху протянул флакон с лосьоном.

— Ой, да! — «ангел» благодарно кивнул, не без труда стащил рубашку, отчаянно морщась, и осторожно принялся втирать лосьон. Вадик опять не мог не смотреть во все глаза. Вот на ком практиковаться рисовать с натуры! И в то же время Вадик каким-то необъяснимым чутьем понимал, что это идеальное сложение родом скорее из тренажерного зала, чем из боевых искусств и тем более реальных драк. Потому что вот рядом Птаху, со всеми его старыми шрамами, а главное — совсем другой манерой двигаться. Вадик сам не смог бы описать, в чем эта разница, но она была. А еще он понимал — хотя очень не хотел думать в эту сторону — что Птаху, может, и не так эффектно выглядит, но в реальном столкновении у этого белокурого красавца шансов нет.

— Спасибо! — улыбнулся «ангел». — Просто-таки жизнь спасаете. Каждый год надеюсь, что обойдется, специально вот в начале лета приехал, запасся всеми средствами, но, видимо, не судьба.

— Я вот тоже не загораю, — сказал Вадик, кивнув на свою футболку. — Только позавчера приехали, и вот.

— Мы точно не родственники? — прищурился «ангел». — Хотя у меня их и так больше, чем хотелось бы. Да, с кем имею честь?

— Птаху.

— Вадик. Или еще Камаринский, — он впервые сам так назвался в разговоре.

— Заславский. Или Стас. Зовут меня так — Станислав Заславский, — в слове «Станислав» он сделал ударение на «и». — Главное, не Засланец, а то повадились некоторые.

«Точно он!» — шепнул Птаху. А вслух сказал:

— Стас так Стас. Я тебя вроде встречал пару раз, вот и познакомились.

— Я тебя тоже смутно помню, — кивнул Стас. — Но ты был один.

— Взял Пассажира. Почти два года назад.

— Здорово, — Стас искренне улыбнулся. Вообще он Вадику уже нравился. «Тоже мне, воплощение смерти». Так что Вадик решил не стесняться и прямо спросил:

— А почему ты так произносишь свое имя?

— Я же поляк. Наполовину. И вообще, Станиславов много, а Станиславов — я и Лем, — рассмеялся он. — А ты почему Камаринский, если не секрет?

— Мне «Шевроле Камаро» очень нравятся. Совсем еще мелкий был, в кино увидел и запал. Так-то я еще Пассажир, но... — Вадик почему-то смутился. Так с ходу рассказывать про свой паблик показалось неловко. Выручил Птаху:

— Но этот мелкий — талантливый аэрографист, хотя и прибедняется. Работает под

таким вот псевдонимом. Как знать, может, и дальше так зваться будет.

— А что, неплохое имя, — кивнул Стас. — Только длинное. По-любому сокращать начнут. Главное, чтобы до «Комара» какого-нибудь не досклоняли.

— Урою! — мгновенно выпалил Вадик. «Понабрался от Некроманта», — фыркнул в сторону Птаха. А Стас примирительно улыбнулся:

— Лично я — не собираюсь. Я сам, если на то пошло, жертва сокращений. Еще в школе повадились звать «дважды Славиком». Терпеть не могу эту форму, и вообще, какой я Славик? Полякам — Сташек, русским — Стас. Но привязалось. Не знал, куда деваться, пока «Тараса Бульбу» проходить не начали. Тут же стал «проклятым ляхом», но уж лучше Лях, чем Славик!

Рассмеялись все. А Стас продолжал, словно просто размышлял вслух:

— Камаринский, значит... А вообще, есть такое польское имя — Марек. Может, так? На поляка ты реально похож...

— Марек, — повторил за ним Вадик. До сих пор мысли о том, чтобы зваться как-то иначе, у него не задерживались — это фамилию свою он не любил, а против имени не имел ничего. На «Скайуокера» он откликался, но просто в шутку. «Камаринского» и то вон Алекс придумал. Но вот это «Марек» внезапно подошло. — А что, мне нравится.

— Заметано, — Стас протянул руку.

Так у Вадика появилось новое имя, а у них с Птахой — товарищ по отдыху. Стас прекрасно плавал, любил гулять по берегу (за что в первый же день и поплатился) и мог без конца рассказывать истории из своих путешествий. Обещал доехать и до столицы — только, наверное, в следующий сезон. Ему очень понравились рисунки Вадика, и он даже задумался, не украсить ли чем-нибудь свою «Хонду». По мнению самого Вадика, она и так была безупречна.

— Если только совсем что-то акварельное...

— Вот я в ту же сторону думаю, — закивал Стас. — Может, свечение какое-то...

— Крылышки ангельские! — сквозь смех выговорил Птах.

— Точно! — хором ответили Стас и Вадик.

А еще Вадик, ужасно стесняясь, попросил Стаса ему попозировать. Тот охотно согласился и живописно уселся в тени акации. Вадик делал набросок и отгонял от себя непрошеную мысль «и что, вот это вот — тоже Внешний?». В конце концов, знал же он Форестера. Алекс тоже, прямо скажем, не слишком походил на выходца из постапокалипсиса. Но Стас был какой-то чересчур безупречный. Как всегда, ответ пришел сам:

— Вот говорят, — задумчиво произнес Стас, — что во Внешние от безысходности подаются. Когда идти уже совсем некуда. Ну или просто, так сказать, по зову души. Я, наверное, единственный, кого во Внешние практически под зад коленом выпнули.

— Это как? — удивился Вадик. — А как же... это... никаких связей с прошлым...

— А их и нет, — Стас лучезарно улыбнулся. — Я ношу настоящую фамилию, но она, в общем, не из самых редких. А про мое семейство от меня не узнает никто и никогда, потому что обещание. Сами они, думаю, мое имя вообще торжественно вычеркнули из всех архивов. Да и пожалуйста. Жил, понимаешь, горя не знал, говорил себе на двух языках, ездил летом в гости к бабке... А тут вдруг выясняется, что бабка не просто бабка, а вокруг нее имеется древний и состоятельный род. Который, видите ли, я как полукровка своим существованием порчу и позорю.

— Это как? — повторил Вадик. Нет, Никитос любил что-нибудь высказать про семейные традиции, но Вадику всегда было смешно это слышать — тоже мне, аристократ нашелся. Видимо, физиономия у него была очень озадаченная, потому что Стас подмигнул:

— Вот я такую же рожу сделал. Главное, восемнадцать лет никому ничего не мешало, а тут вдруг вспомнили и забеспокоились, что я на какие-нибудь доли и привилегии начну претендовать. Я, естественно, разъяснил и по-польски, и по-русски, где я все эти привилегии видал, но дорогое семейство, кажется, не впечатлилось. Там народ такой... по-моему, они в принципе не могут поверить, что кому-то может быть от них ничего не нужно.

Вадик фыркнул — Никитос был ровно таким же. Его послушать, все вокруг только и ждут, как бы какую выгоду получить, просто так дружить и общаться никто не будет. Может, Стас прав насчет родственников?

— Короче, орали друг на друга битый час, тут вылезает дед, патриарх, так сказать, всей этой лавочки, и говорит: давай, дорогой потомок, условимся. Фамилия за тобой остается, вот тебе счет на твое имя, вот тебе мотоцикл, и уматывай на нем куда подальше, чтоб духу твоего здесь не было. Помянешь хоть где-нибудь родство с нами — из-под земли достанем, и больше тебя не найдет никто и никогда. Я, в общем, и так был согласен хоть вообще забыть об их существовании, в конце концов, я всю жизнь в России живу и дальше собираюсь, но раз у них просто так ничего не бывает — ну пусть считают, что откупились. Сел на этот самый мотоцикл и гордо уехал в закат, — Стас пафосно вскинул голову и изобразил откручивание ручки газа. Вадик покатился со смеху.

Через пару дней обгоревшие на солнце плечи поджили. Разумеется, ни намек на загар по-прежнему не осталось, впрочем, Вадику тот загар и не нужен был сто лет. Стас — тот, похоже, и правда расстраивался, что не может загореть, но ему тем более не светило. Птаха критически осмотрел Вадика и сообщил, что, по его мнению, продолжать тренировки ничто не мешает. Предложил Стасу присоединиться, но тот шарахнулся еще дальше, чем Алекс от Некроманта, аж на польский перешел в порыве эмоций. Но быстро поправился:

— Ой, нет, это не ко мне. Я человек мирный, ничего такого не умею и вообще. Хотя посмотрел бы, если вы не против.

— Свидетелей обычно не оставляю, но для Внешнего сделаю исключение, — ухмыльнулся Птаха. Стас поежился, но пошел с ними.

Птаха еще в первый день присмотрел участок на берегу, отгороженный от кемпинга и пансионата полуразрушенным волнорезом. С другой стороны незваных гостей тоже ждать не приходилось — песчаная коса вскоре заканчивалась большим лиманом. По вечерам там не было никого. Песок вместо травы или земли под ногами был непривычен, но постепенно Вадик приуспокоился и даже обнаружил, что у него есть преимущество — он намного легче Птахи и не так увязает даже у воды. Опять же, падать мягко. А вскоре он и вовсе перестал обращать внимание и на песок, и на Стаса, устроившегося на обломке волнореза, и на сам этот волнорез. И вот это было зря.

— Ах ты ж!..

От резкой боли Вадик пошатнулся, не удержался на ногах и шлепнулся в воду. Отступая от Птахи, он влез на мелководе и не заметил наполовину занесенный песком обломок, а тот то ли оброс ракушками, то ли был острым сам по себе. Шипя сквозь зубы, Вадик поднялся на ноги и собирался продолжить, но Птаха жестом остановил его и показал вниз. Вадик присвистнул — он располосовал голень аж в четырех местах, и порезы сразу наполнились кровью.

— Так, на ногах стоишь, уже хорошо, — кивнул Птаха. — Сейчас обработаю, у меня тут с собой было. Эй, Стас, ты живой?

Стас смотрел на все это широко распахнутыми глазами, а цвет его лица окончательно перестал отличаться от белой рубашки.

— У меня... это... кровь не выношу, — с трудом выговорил он. — Стыдобища, но вот так вот. Сейчас... отдышусь...

— Давай уж, — буркнул Птаха, — двоих я обратно точно не дотащу.

— А меня тащить и не надо, — отозвался Вадик, — сам дойду. Кровищи я, что ли, не видел? В том числе своей.

Стас только закатил глаза.

Счет дней опять потерялся, да и кому он был нужен. Было море, причем Вадик уже не боялся выдохнуться при заплыве, были прогулки по берегу и болтовня со Стасом. А еще была куча рисунков и фотографий, посиделки за чаем в кемпинге и невероятно вкусный деревенский творог. Бабка действительно появлялась почти каждый день и часто задерживалась поболтать. Звать себя просила «бабой Надей» и любила расспрашивать, кто откуда приехал и как оно там. «А то сижу здесь, ничего и не знаю, телевизор и тот сломался...». Птаха предложил помощь с ремонтом, чем привел «бабу Надю» в бурный восторг. В кемпинг он вернулся с ведром черешни, которой они с Вадиком объелись так, что смотреть не могли, и даже поделились с соседями. Денег за ремонт Птаха брать не стал, но отпускать его просто так «баба Надя» отказалась наотрез, еще и скидку на творог стала делать.

— Бери-бери, младшему твоему, вон, расти надо! Ох и издалека же вы к нам, и не боитесь?

— Не умеем, — коротко ответил Птаха. «Баба Надя» засмеялась:

— Да уж вижу! А вот рассказывали тут, что Москва совсем закрытым городом стала, на дорогах очень уж страшно...

— Пустоши и зомби, — встрял Вадик. «Баба Надя» только кивнула:

— Совсем, говорят, экологию испортили, позакрывались в высотках, как в бункерах — ну у кого деньги есть, до остальных-то какое дело, пусть хоть помирают, эх! — она махнула рукой. — Да только я смотрю — вы хоть и оттуда, а ребята здоровые...

— Всяко бывает, — дипломатично ответил Птаха. «Баба Надя» еще повздыхала о столичных нравах и ушла болтать с дядькой в панаме — тот был разговорчивее и охотно поддержал тему. Слышала «баба Надя» не очень хорошо, так что вскоре весь кемпинг был в курсе, как в далекой Москве шагу ступить нельзя, чтобы не наткнуться на террористов, сатанистов и прочих извращенцев. Ну и, разумеется, не обошлось без Внешних, террористов и сатанистов в одном лице, которые, видимо, и загнали все городское население в высотки, потому что кто выйдет — того немедленно похитят, принесут в жертву и разберут на органы. А полиция, как водится, бессильна. Особенно усердствовал в описаниях дядька в панаме, «баба Надя» только ахала и всплескивала руками.

— Как только вырвались-то оттуда! — кивнула она на Птаху и Вадика. — Ну старший-то здоровый парень, может, еще и побоялись связываться...

— Кто со мной свяжется — дня не проживет, — громко сказал Птаха. «Баба Надя» испуганно перекрестилась и продолжила:

— Ну да, вот такие вот, может, еще и прорвутся, да и то, говорят, их на заметку берут, выследят потом и все равно уведут. И не найдет потом никто. Наркоты или отравы какой

долго ли сыпануть! Ой, не знаю, как ребята обратно собираются...

Тут Вадик с Птахой не выдержали и все-таки расхохотались в голос. «Баба Надя» неодобрительно покосилась, махнула рукой — мол, что с безрассудной молодежи взять! — и ушла.

— В бабуле автор боевиков пропал! — с трудом проговорил Вадик, давась от смеха. Птаху кивнул:

— Посланником ада был, сектантом был, просто отморожком был, а жертвой отравителей еще не был! Хотя если вспомнить про чай Некроманта... А также про близкое его подобие, которое ты сотворил...

— Да ну тебя! Ну забыл, ну перестояло, что ж теперь...

— Не загоняйся... Марек. Хм, а тебе правда идет.

Вадик расплылся в улыбке.

И снова было сияющее море, кружевная тень акации и чай под тентом. Вадик уже мог держаться на воде столько же, сколько Стас и Птаха, чем был очень горд. Стас называл его исключительно Марекком, и это имя словно прирастало все больше с каждым повтором. Пользуясь моментом, когда местная нестабильная сеть все-таки работала неплохо, Вадик зашел в свой паблик и дописал к фразе в шапке «Меня зовут Камаринский» два слова: «Или Марек». Буквально через пять минут прилетело сообщение от подписчицы: «Вот как раз думала, как сокращенно обратиться». Она уже заказывала несколько рисунков на схемы для вышивки и теперь хотела еще. Вадик написал, что сейчас в отъезде, но как только вернется, так все и будет, и долго смотрел на ответ: «Спасибо, Марек, буду ждать!». У него было странное чувство, что это имя он взял... как будто авансом, что ли. Все-таки еще Пассажира. Он уже видел, что многие Внешние получили свои имена не только без всякой связи с машинами, а вообще еще до того, как стали Внешними, а кто-то, вроде Анны, Алекса или того же Стаса, и вовсе не стал морочиться и остался при прежнем имени. В общем, как обычно, никаких жутких и символических ритуалов перехода на самом деле не было. Но в то же время он ясно понимал, что по возвращении не будет просить Некроманта и Прокси звать его Марекком. Пока не будет.

Тем временем Стас уехал, обменявшись с Вадиком контактами и пообещав непременно наведаться в гости. Они с Птахой снова остались вдвоем. Все так же купались в море, обедали черешней и посмеивались над жуткими историями от «бабы Нади» — население кемпинга периодически менялось, а значит, у нее появлялись новые слушатели. Но все когда-нибудь заканчивается, и Птаха объявил, что пора собираться домой. Хотя «собираться» — это сильно сказано, все их вещи и так были в машине. Уложить все покомпактнее, запастись водой и, разумеется, черешней — и белая «Тахо» снова на дороге. Как будто и не останавливались. А точнее — как будто все время были дома.

— Как будто не мы едем, а просто обстановка меняется, — сказал Вадик вслух. Птаха улыбнулся:

— Для Внешнего машина — его дом, так ведь рассказывают?

— А это не так? — подмигнул Вадик.

— Быстро учишься! — рассмеялся Птаха. — Так, а это кто тут в чистом поле?

Вадик сначала напрягся, но в голосе Птахи не было ничего, кроме простого любопытства. Действительно, на обочине стоял маленький синий внедорожник. Вадик у него был смутно знаком. По ассоциации с цветом в памяти всплыла потрепанная джинсовка, а затем — угрюмый взгляд и голос с легким акцентом: «Так что я за помощью. Если не откажешь, конечно». Дальше полезли совсем ненужные ассоциации, Вадик мотнул головой и сказал:

— Это Джимми. Ну или у кого-то такая же машина.

— Машины все-таки совпадают редко, — задумчиво проговорил Птаха. — Это, значит, того нижегородского?

— Угу. А, тебя же не было тогда... он к Некроманту чиниться приезжал.

— Отчаянный, однако, парень... — присвистнул Птаха. Вадик удивился:

— Ну слушай, он же тогда не стал... И отдельно даже сказал, что у него претензий нет.

— Еще бы они были... Но я знаю многих Внешних, которые уж лучше любимыми

подручными средствами починятся, чем к Ликвидатору за помощью пойдут. А то очень уж интересные истории ходят про цену той помощи, не все рискуют проверять. Ладно, ко мне у Джимми еще тогда вроде вопросов не было, давай глянем, не нужно ли чего.

— А что за истории-то? — полушепотом спросил Вадик. Птаха подмигнул:

— У самого Некроманта спроси, когда вернемся. Смотри-ка, а Джимми не один!

Теперь Вадик уже точно видел, что это Джимми. Даже джинсовка та же. А с ним был парень примерно тех же лет, подозрительно оглянувшийся на «Тахо». Джимми хлопнул его по плечу и сказал, видимо, что-то успокаивающее. Чем-то этот парень был Вадику смутно знаком, хотя в то же время Вадик был совершенно уверен, что повстречаться раньше им было негде. Не так много он знает Внешних и не так часто путешествует, а Джимми вон в прошлый раз куда-то далеко собирался. Вроде бы парень немного напоминал Сталкера, только более худощавый и волосы темнее. «Тьфу, нашел кого вспомнить». Что-то нижегородская история лезла просто-таки со всех сторон. Тем временем парень подошел ближе, и Вадику окончательно стало не по себе. Нет, на Сталкера он был не особенно похож, это издали показалось. Черты лица поострее, другая манера двигаться — какая-то более хищная, что ли. Только и сходства, что короткая стрижка, ну так мало ли таких, вон хоть на Птаху посмотреть. Зато очень настойчиво вспоминался примерно такого же типажа парень... валяющийся на набережной у ног Вадика.

Птаха чуть настороженно обернулся к Вадику, но спросить ничего не успел — их заметил Джимми. В его глазах мелькнула смутная тревога, но он все же подошел и поздоровался.

— Привет-привет, — кивнул Птаха. — Все в порядке?

— В полнейшем, — голос Джимми по-прежнему звучал напряженно. В общем, не сказать, чтобы ему было не с чего, он и от Вадика-то старался держаться на расстоянии. — Так, перекусить остановились.

Второй парень молчал. У Вадика сложилось впечатление, что он никак не может решить, как ему себя вести. «Тоже Пассажир, что ли?». Ну да, если подумать, кто еще может быть в машине с Внешним, тем более таким, как Джимми.

— Я недавно Пассажира взял, — так Вадик и думал. — Сань, не шарахайся, все свои.

Саня подошел, глядя все так же исподлобья. Сходство с тем парнем на набережной было просто поразительным. Вадик взглянул на Птаху — тот едва заметно кивнул, явно думая о том же. Понятно, что выглядеть каждый вправе как угодно, один Некромант чего стоит, но что-то во всем этом было вот вообще неправильно. И дело даже не во внешности этого Сани. Вадик прекрасно помнил свои первые дни с Птахой — он же, когда понял, что никаких страшных испытаний не будет, только что на шею другим Внешним не кидался! Да и в целом все, кого он до сих пор встречал, видеть друг друга были скорее рады. Потому что Внешних немного. Сталкер (опять!) выглядел достаточно нелюдимым, но приютил же этого Ящера и охотно помог Птахе. А по виду Сани — он как минимум драки ждет. Но если он Пассажир Джимми — тот же должен был ему объяснить! Джимми, с его уважением к традициям, точно не станет рассказывать сказки про поединки насмерть и прочую лабуду — уж кому, как не ему, знать, чем заканчивается нападение на Внешнего. Ну и как это понимать тогда?

— Саню я недавно встретил, — как бы извиняясь, сказал Джимми. — Точнее, он сам меня нашел, уж не знаю, как, но опознал во мне Внешнего.

— Что тут опознавать, — впервые подал голос Саня. — Кто ж еще на машинах везде

гоняет. Кто из городских — те к нам не заезжают, боятся.

Вадик пометил для себя, что Саня, видимо, родом из тех же краев, что и он сам. И явно из Нижнего города. «Как и тот, на набережной». Собственно, и что с того? Мало ли из-за чего человек может уйти к Внешним, в Нижнем городе для этого ничуть не меньше поводов — даже, пожалуй, больше. Но с собственными ассоциациями сладить никак не удавалось. Ладно, в конце концов, с Джимми они не друзья и не враги, делать им вместе особо нечего, так что и черт бы с ним. Взял Пассажира — и отлично, ему, должно быть, очень надоело быть одному. Ну и пускай себе колесят вдвоем по стране и радуются. Хотя Птаха, кажется, так не думал. Пользуясь тем, что Саня полез в машину за продуктами, он тихо спросил Джимми:

— Уверен?

Почти как Некромант самого Птаху... Джимми так же тихо ответил:

— Я знаю правила.

И отвернулся — то ли в знак того, что продолжать разговор не намерен, то ли просто принять от Сани плитку и установить на ровном участке.

— Черешни хотите? — спросил Птаха, меняя тему к большому облегчению Вадика. — Боюсь, не довезем.

Тут даже Саня наконец улыбнулся и стал вполне похож на нормального человека, а не на шпану, неизвестно как забредшую к Внешним. Вадик мысленно выдохнул — в конце концов, его видом после той драки тоже можно было народ пугать. Ну, из Нижнего города, ну, судя по всему, из довольно неприятных районов, ну мало ли что бывает. Уж если попал к Джимми — со временем оттаит. Просто он у Внешних еще совсем недавно, скоро поймет, что тут и как.

И действительно, за черешней и чаем с травами вся эта напряженность и неправильность постепенно рассеялась. Джимми спокойно болтал с Вадиком и Птахой о своих маршрутах, Саня в основном отмалчивался, но изредка все же вставлял реплики, в общем, все было хорошо. Птаха переспросил название какого-то неизвестного ему городка на севере, Джимми рассказал, что там очень красиво, и показал пару фотографий на телефоне. Вадик успел увидеть заставку — там его маленький «Джимми» стоял рядом с огромным синим пикапом. Очень хорошо ему знакомым. На фоне «Тойоты» компактный внедорожник выглядел совсем игрушечным. Но Джимми ни словом не упомянул Тундру, и Вадик развивать тему не стал.

— Ладно, поедem мы, — сказал Птаха, вставая. — До темноты хочу до цивилизации добраться, не люблю в здешних местах в поле ночевать.

— Боишься, что ли? — хмыкнул Саня. И его тон Вадик у опять сильно не понравился.

— Я такого слова не знаю, — отрезал Птаха. — Просто ночью предпочитаю спать, а не гонять комаров и мутных типов, а тех и других здесь хватает.

Он задержал взгляд на Сане. Тот чуть отошел и натянуто усмехнулся:

— Ничего, мы полуночники! Правда, Джимми?

Джимми ответил еще более натянутым смешком. Вадик у все это окончательно разонравилось, но Птаха уже снова улыбался:

— В общем, мы поехали. Спасибо за чай!

Уже в машине Вадик увидел, как Джимми что-то энергично объясняет скептически ухмыляющемуся Сане, но что — его не слишком интересовало. В конце концов, взял Джимми этого гопника Пассажиром, пускай сам теперь и воспитывает. Птаха резко тронул с

места и не глядя ткнул в магнитолау. «Псы с городских окраин — есть такая порода...» — сообщила она. «Гав», — сказал Птаха и рассмеялся. И вот они ехали, подпевали «Чайфу» и радостно завывали на припеве. Совсем как в самый первый раз. И через пару километров Вадик и думать забыл обо всех на свете Джимми и Санях. А уж когда Птаха включил подборку «Металлики» — тем более. Вадик распустил волосы — наконец было не жарко! — и от души мотал головой в такт любимым песням, стараясь не думать о том, как потом расчесываться. В мотель — тот же, что на пути туда — они приехали в отличном настроении.

Второй день дороги прошел спокойно. Птаха опять пустил Вадика за руль, на привале была очередная тренировка, а вечером «Тахо» уже стояла в гараже — Птаха сказал, что не видит поводов что-то проверять, все работает отлично, и Вадика это очень обрадовало. А то уж очень явственно вспоминалось то пробитое колесо под Нижним и все, что было потом. А сейчас они просто спокойно вернулись домой. Вадик затащил сумку наверх, закинул вещи в стирку и, радуясь нормальной сети, отправился отвечать той подписчице, которая спрашивала, как называть его сокращенно. Она хотела что-нибудь на морскую тематику, и Вадик, у которого до сих пор в глазах стояли блики на морской воде и выгоревшая зелень, пообещал прямо завтра и взяться за рисунок. «Спасибо, Марек!» — прилетело в ответ со множеством смайликов. И Вадик снова долго не переключался с этой переписки.

На следующий день Вадик, вопреки своему новому обыкновению, проспал едва ли не до полудня. Он еще раздумывал, вставать или поваляться еще, когда завибрировал телефон. Некромант писал: «Если ожили с дороги — приходите чай пить, что ли». Вадик скатился с дивана и пошел звать Птаху.

— Рассказывайте, что ли, — усмехнулся Некромант, устраиваясь нога на ногу в кресле и взяв кружку с чаем. — Судя по всему, в кои веки и правда съездили спокойно.

— Угу, — после некоторой паузы ответил Птаха. Некромант пристально смотрел на него. Птаха не отводил взгляд. Некромант уже был готов махнуть рукой, когда Птаха сказал:

— На обратном пути Джимми встретили. Нижегородского.

— А, помню его. Шарахался от меня, как от огня, не могу сказать, что без повода. Скорее уж нормальная реакция для Внешнего. Ну и чего он теперь?

— Пассажира взял. Где добыл — не рассказывает, вроде как тот сам на него вышел...

Птаха осекся. Некромант на мгновение скривился, словно от боли, и проговорил: «Что ж им всем неймется-то...». Птаха хотел что-то ответить, но Некромант жестом остановил его. После некоторой паузы он заговорил снова:

— Ладно, время покажет. Джимми очень правильно все понимает, жаль только, Сталкера остановить не смог. Глядишь, этого воспитает. Что там за Пассажир-то?

— Из Нижнего города, судя по всему. Мутноватый, как по мне, тип, на чужих только что не кидается. Одна надежда — на Джимми с его правильностью.

Некромант помрачнел еще больше и долго молчал. Потом резко махнул рукой и стал повторно разливать чай.

— Ладно, — еще раз сказал Некромант, — хочется надеяться, что больше не пересечемся. Разве что по техническим делам.

— Кстати, — вспомнил Вадик, — а почему к тебе боятся обращаться за помощью? Птаха тут говорил...

Некромант хищно усмехнулся:

— А потому, юный Скайуокер, что я — Ликвидатор. А Внешний и его машина

неразрывно связаны. И кто обращается в мою мастерскую — над тем я получаю власть. Дальше версии немного расходятся. Одни говорят, что я, конечно, Внешним не отказываю, но потом, если будет нужно, сам кое о чем попрошу, и мне точно так же отказать не смогут. Хоть машину в ближайшую стену развернут, хоть глотку себе тупым ножом перережут. А другие утверждают, что мне и просить не надо, потому что жизнь того, с чьей машиной я работал, и так в моих руках. И в какой-то момент срок выйдет — и все, конец.

Вадик почувствовал, что его пробирает дрожь. Понятно, что легенды, но недобрая усмешка и бездонно-черные глаза Некроманта... Может, просто свет так падал, но смотрелось жутко, даром что Вадик давно ко всему привык. А Некромант продолжал уже с совсем другой интонацией:

— А вообще, есть у меня подозрение, откуда это пошло. Был один деятель, Михой звали. Вроде Ящера, только что не такой колоритный. Я неплохо его знал, он у меня чинился несколько раз и своих звал, кто не очень суеверный. Да только однажды решил, что со скоростной машиной и хорошими способностями ему все можно. Гонялся я за ним долго, одну из машин тогда и угробил. И боец был отличный, я сам от него отхватил. В общем, когда он все-таки свалился, я просто в пространство сказал: «Ну все, отъездился». А кто-то из его тусовки, видимо, сопоставил факты и пошел сочинять. Потом где-то на трассе мне же самому это в кафе рассказали — а вот, мол, есть такой механик... Так, кружки не ронять!

Некромант перехватил кружку за секунду до того, как покотившийся со смеху Вадик сшиб бы ее локтем. Птаха и сам окончательно развеселился и рассказал про «бабу Надю», а заодно про Стаса с его семейной историей. В конце концов, и правда ведь хорошо отдохнули. Про «Марека» Вадик пока упоминать не стал. Пусть Стас и подписчики обращаются к нему так, пусть его даже Птаха один раз так назвал, но... еще не время. Он сам не знал, когда это самое время будет, но точно не сейчас.

Лето выдалось во всех смыслах жарким. Во-первых, солнце припекало точно так же, как в прошлом году — впрочем, Вадик уже научился в этом жить, а многочисленные озера и вовсе спасали. Благо теперь он умел плавать гораздо лучше и уже не выдыхался. Во-вторых, на аэрографию желающих пока не было — и Вадик, при всей любви к процессу, был только рад, потому что слабо представлял, как работать в таком климате — зато много кто хотел рисунков, на схемы или просто так. Рисовать в прохладной комнате было одно удовольствие, но тренировки тоже никуда не делись — Некромант не слишком давал расслабляться. Зато потом было очень здорово уехать на очередное озеро и плюхнуться в воду. Некромант, как и в прошлом году, периодически ездил вместе с ними. Не очень часто — говорил, что не хочет распугивать своим видом мирное население. Вадик сам порой ежился, глядя на его шрамы. И не раз задавался вопросом, как Некромант вообще дожил до своих лет. Даже если он выглядит старше, чем на самом деле.

В самую жару внезапно явилась Джерри. На этот раз, конечно, не в кожаных штанах, а в камуфляжных шортах и высоких брезентовых кедах. Вадик решил, что это хороший случай попрактиковаться в портретах с натуры, и Джерри охотно согласилась позировать. Включив любимых «Кошек», она живописно устроилась боком на водительском сиденье своего «Паджеро».

— Спасибо, кстати, за наводку, — сказала Джерри. Вадик вопросительно поднял бровь.

— Ну кто мне про Форестера рассказал? Вроде ты. Отличный парень и отличный филин. Я же от вас на Питер и двинулась. Теперь дружим зверями. А какая у него коллекция старого рока!.. — Джерри восхищенно вздохнула. Вадик представил, как огненно-рыжая Джерри и Форестер, по обыкновению в черном, сидят в гостиной «усадыбы» и что-то слушают, и захотел это нарисовать.

— Кстати, — снова заговорила Джерри. — Ты художник, ты оценишь. Я не могла это не сфоткать!

На экране ее телефона Вадик увидел ровно то, о чем только что подумал. Форестер и Джерри сидели на том самом диване, где Вадик спал в поездке. Закатный свет из окна делал волосы Джерри просто-таки огненными, и тем резче был контраст с черными локонами Форестера.

— Пришли мне, а? — попросил Вадик. — Может, и это тоже нарисую.

— Да не вопрос! Та-ак, кого я вижу!

Из гаража высунулся Некромант — сегодня он, в виде исключения, работал без музыки. Точнее, выключил ее, как только Джерри запустила «Кошек» — хотя ее магнитола никак не могла бы пробиться через его мощнейшую аудиосистему.

— Кто ко мне взывал? — привычно поинтересовался Некромант.

— Пока не взывал, но была такая мысль, — рассмеялась Джерри. — Видимо, ее и уловил. Так, кто это тебя разукрасить успел?

— Он, — Некромант кивнул на Вадика. Джерри уважительно присвистнула.

— Ну, с таким наставником чего еще ожидать! В общем... — она выразительно размяла пальцы. — Реванш?

— К твоим услугам.

Вадика чуть передернуло — он далеко не первый раз слышал эти слова от Некроманта,

но сейчас это было сказано точно таким же тоном, как ему тогда. И пусть в его руке всего лишь тренировочный нож, прозвучало это как-то... Но Джерри лишь радостно кивнула, поймав на лету второй.

Вадик отложил в сторону блокнот и залюбовался. Назвать это реваншем было проблематично — Джерри совершенно очевидно проигрывала, но каждый раз поднималась и с азартом бросалась в атаку. Да и у самого Некроманта глаза горели характерным блеском — Джерри была интересным противником, с такой же стремительной и хищной манерой двигаться. В какой-то момент ее нож все же скользнул по боку Некроманта. «Ур-рою!» — процедил он сквозь зубы, так что Джерри на мгновение даже шарахнулась. Вадик понял, что дальше сидеть в стороне не может. Воспользовавшись замешательством Джерри, он вскочил на ноги, выдернул из валяющегося рядом рюкзака свой тренировочный нож и атаковал сбоку. «Ах ты ж диверсант!» — возмутилась Джерри, развернулась к нему и ожидаемо получила в спину от Некроманта. «Двое на одного, да?» — Джерри хмурилась, но в глазах светился азарт. А потом Вадик перестал что-либо замечать.

— Остынь, юный Скайуокер. Перерыв.

Вадик рефлекторно попытался вырваться, но хватка у Некроманта всегда была железная. Он перевел дыхание и огляделся. Джерри сидела на земле, мрачно оглядывая ссадину на плече.

— Э... извини, — Вадик потупился.

— Да это не ты, — махнула рукой Джерри. — Просто упала неудачно. Бывало и хуже.

Только сейчас Вадик обратил внимание, что через ключицу Джерри идет серьезный шрам. Позировала она в тонкой рубашке, а перед поединком сбросила ее, оставшись в майке на узких бретелях. «У Джерри в дороге случилось всякое», — говорил как-то Некромант... Тем временем этот самый Некромант уже успел полезть за аптечкой, обработать Джерри плечо и залепить пластырем.

— Хрен мне, видно, а не реванш, — подытожила Джерри. — Ну и ладно, зато отлично размялись! Еще повторим.

Некромант только молча кивнул, и вскоре «Паджеро» снова исчез, как и не было. Если бы не рисунок в блокноте — Вадик счел бы, что померещилось.

Жара закончилась внезапно, словно выключили — в середине августа полили дожди, а когда прекратились, погода установилась ясная, но совершенно осенняя. Вадик был только рад — наконец можно было не прятаться от солнца, ходить в черной футболке и не собирать волосы. Он решил, что сильно отращивать их не будет, длины до плеч вполне хватит. Прокси заявил, что с такой прической, действительно, до Энакина только светового меча не хватает. И на скорую руку сотворил коллаж из фотографии Вадика в кожаной жилетке и кадра из фильма с комментарием «близнецы-братья вообще!». Вадик посмеялся и сохранил коллаж себе.

Все было как всегда, хотя порой у Вадика все еще слегка шла кругом голова от мысли, что вот это все уже стало для него «как всегда» — интересные учебные курсы, видео по физической подготовке, паблик с рисунками, тренировки... А еще путешествия на машине. И лучший в мире старший брат. Порой Вадик готов был завидовать сам себе.

Тем временем дело дошло и до аэрографии. Заказчиком был один из постоянных клиентов Патрика, возжелавший крадущегося по дверям его внедорожника тигра. В гаражах он появлялся редко и все время нервно озирался, видимо, опасаясь попасть в лапы к страшным Внешним. Вадика сильно подмывало сообщить, что он и так, можно сказать, в

самом логове, но все же он сдерживался — мало ли, дядька нервный, а кобуру под пиджаком явно не для красоты носит. Отдельно Вадик хихикал про себя, что именно про Внешних рассказывают, мол, каждый первый со стволом ходит — а что в итоге получается? Пока с этими самыми стволами он видел только горожан. Впрочем, по большому счету, Вадику было довольно мало дела до страхов и привычек заказчика. Дело ему было в основном до тигра, а тот получался отлично — большой, яркий, настороженно приносящийся. «Прямо как хозяин», — опять развеселился Вадик.

Тигр был уже почти готов, нужно было в очередной раз подождать, пока высохнет краска. Вадик направился к выходу из гаража под многозначительным взглядом Некроманта, который еще с лаек так и взялся следить, когда Вадика пора выставлять, и вдруг услышал рокот мотоцикла. Первая мысль была о Прокси — но сам Прокси развалился на пока еще теплой земле у гаража, жуя травинку. И звук был явно другой. Через пару секунд на поляну въехала белоснежная «Хонда Голдвинг». Вся экипировка седока была такой же белоснежной, единственным относительно темным пятном был визор шлема. Кто под ним скрывается — можно было особо не гадать.

— Марек! — радостно воскликнул Стас (кто же еще), снимая шлем.

— Ты же в следующем сезоне только собирался? — удивился Вадик.

— А я соскучился! — Стас просиял еще более лучезарной улыбкой и кинулся к Вадику обниматься. Прокси озадаченно поднял бровь:

— Я чего-то не знаю?

— Это Стас меня прозвал, — почему-то смущаясь, сказал Вадик. — Типа как сокращение от Камаринского.

— А... — протянул Прокси и выдал длинную тираду, надо полагать, на польском. Стас, во всяком случае, благополучно ответил. Они обменялись еще несколькими репликами, но тут Вадик решил напомнить о себе:

— Если что, я все так же не понимаю польский!

— А жаль, — мгновенно среагировал Стас, а Прокси преувеличенно раскланялся:

— Прошу прощения, активировался не тот языковой пакет. Марек, значит... А что, тебе идет.

— Я пока не решил окончательно, — еще больше смутившись, сказал Вадик. Прокси ободряюще улыбнулся:

— Спешить некуда. Обычно оно само приходит. Но к тебе, кажется, уже и так практически пришло. Впрочем, не настаиваю.

И Вадик был ему крайне признателен. Хотя сам не объяснил бы, за что.

— А вы, ясновельможный пан, надолго ли к нам? — неожиданно вкрадчиво заговорил Прокси. Стас на автомате опять ответил по-польски, но тут же чертыхнулся и перешел на русский:

— На некоторое время точно. Мы с Марekom насчет аэрографии говорили, и я согласен с его мыслью.

— Такие контуры оперения, типа крылья, и свечение золотистое, — быстро пояснил Вадик, водя руками над «Хондой».

— «Этот парень был из тех, кто просто любит жизнь...» — затянул Прокси.

— Был и буду! — парировал Стас. — Но мысль верная.

— Вообще, это ты надолго застрял, — задумчиво проговорил Вадик. — Аэрография — в принципе штука небыстрая, а у меня сейчас еще машина в работе.

— Спешить мне некуда, — ослепительно улыбнулся Стас. — Если еще и со впиской поможете, так вообще идеально.

— С Птахой поговорю, — сказал Вадик. Прокси тем временем подкрался к Стасу почти вплотную и сказал еще более вкрадчиво:

— А если ясновельможный пан к нам надолго, то у меня на него есть коварные и почти непристойные планы! Такая красота в наши пустоши не каждый день заглядывает. Я же без моделей совсем зачахну, не на этом же чудовище тренироваться, — кивнул он в сторону Некроманта. Тот традиционно прикинулся тенью от гаража.

— Да я, в общем, не против, — улыбнулся Стас, — а что непристойного-то?

— А то, — хитро усмехнулся Прокси, — что из твоих ангельских одежд я тебя точно вытряхну, как минимум наполовину! И сопротивляться не советую. В моем логове есть скотч. И тот, что в бутылке, и тот, что канцелярский. Какой применить — зависит только от твоего желания сотрудничать!

Прокси скорчил злодейскую рожу, но тут же сам расхохотался при виде озадаченной физиономии Стаса.

— Вот и чего ты людей пугаешь? — снова выглянул из гаража Некромант.

— Я? Даже и близко не собираюсь, это твое амплуа! А я всего лишь обозначаю перспективы. Ты правда думаешь, что я с такого роскошества с живого слезу, раз само в руки идет? И вообще, — он снова повернулся к Стасу, — моему ученику, значит, позировал, а я чем хуже?

— Не хуже, — снова улыбнулся Стас, — да и я, в общем, не против, только ведь не лето уже...

— Скотч, — заговорщически прошептал Прокси. На этот раз рассмеялись оба.

Тем временем в гаражах как раз появился Птаха — выяснить, как там у Вадика дела и не пора ли его уже вытаскивать из мастерской. Хотя на этот раз его настолько не уносило — может, потому, что заказчик был из городских и не особо симпатичный, а может, просто уже знал, когда пора притормозить. Во всяком случае, Некроманту вмешиваться не приходилось еще ни разу. Птаха тоже удивился, обнаружив Стаса, и охотно согласился пустить его пожить. Так что белая «Хонда», пока до нее не дошла очередь, составила компанию «Тахо», а Стас поселился на том же диване, что и Алекс в свое время, и еще пламеннее заверял, что никого и ничем не побеспокоит. «Тем более что, если судить по взгляду Прокси, я из его «Фольксвагена» точно живым не выйду!». «Не того боишься», — хмыкнул Птаха. Стас опасливо покосился, явно вспомнив про «свидетелей обычно не оставляю», но ничего не сказал.

Опасения Стаса частично сбылись — Прокси действительно утащил его позировать. Куда они там в «Фольксвагене» помещались — Вадик не очень понимал, впрочем, у него давно были подозрения, что там дыра в подпространство. Но в особо теплый день Прокси таки расположился на воздухе, выдав Стасу стакан того самого скотча, который в бутылке. Вадик рискнул попробовать и пожалел — по ощущениям, это был просто жидкий огонь. «Успеешь еще плохому научиться», — ухмыльнулся Прокси и отпил прямо из бутылки, чокнувшись со Стасом.

Но вскоре Прокси заявил, что его художественные потребности вполне удовлетворены.

— Теперь у меня на тебя планы, причем совершенно приличные, — подмигнул Стас. — Ты упоминал, у тебя тоже мотоцикл? Может, покатаемся?

— Если тебя устроит вид зеленой точки на горизонте... — рассмеялся Прокси. —

Ладно, я глумлюсь, но все-таки в разумных пределах. Всегда за, только, чур, я ведущий!

— Да не вопрос, я все равно здешние края плохо знаю. Хочешь с нами, Марек?

Вадика, в общем, можно было и не спрашивать. Особенно когда Стас предложил ехать с ним. Потому что к мотоциклу Прокси он, конечно, уже стал привыкать, вон в бар и в кондитерскую тогда отлично съездили, но в этот раз поездка явно предстояла долгая, и ноги заныли от одной мысли. Зато на «Голдвинге» пассажирское место было самым натуральным креслом, где Вадик и угнезвился. Прокси еще побродил вокруг, восхищаясь живописным контрастом белоснежной мотокуртки Стаса и черной жилетки Вадика, наконец сказал, что это может запечатлеть позже и по памяти, и пошел выводить свой мотоцикл из гаража.

Насчет «зеленой точки на горизонте» Прокси, конечно, больше пугал, но все равно на трассе только что кругами вокруг «Хонды» не ездил, благо скорость позволяла — отставал, резко догонял, выписывал впереди зигзаги... Стас грозил кулаком, некоторое время Прокси ехал с ним точно вровень, но вскоре опять брался за свое. Где-то в пригородах — из наиболее приличных на вид — Прокси остановился настолько резко, что чуть не вылетел из седла, схватился за телефон и принялся судорожно копаться в карте.

— Что такое? — поинтересовался Стас, поравнявшись с ним. — Заблудился?

«А он это умеет?». Тут Вадик заметил ухмылку Прокси и все понял.

— Прощу прощения, — паясничая, расшаркался Прокси. — Историческая память, все такое... Только не надо меня убивать прямо тут! — быстро добавил он, отступая от грозно нахмурившегося Стаса.

— Не буду, — ухмыльнулся Стас. — Я крови боюсь.

— О, есть множество альтернативных способов... но, кажется, если я буду распространяться на эту тему, ко мне применят их все! Ладно, заканчиваю валять дурака, на самом деле, долго торчать тут не стоит.

На горизонте уже выростали знакомые небоскребы, когда Вадик задумался: а из какой версии реальности Стас? Что-то говорило ему, что вряд ли из той же, что и Прокси. Он говорил, что плохо знает здешние края, то есть он здесь бывал, но немного. А ведет их Прокси... Интересно, а с мотоколонной это работает? Похоже, да, потому что, чем выше заводили их изгибы эстакад, тем отчетливее Вадик ощущал удивление Стаса. Хотя, казалось бы, и видел от него только спину и шлем. Более того, это уловил и Прокси — он свернул на уже знакомую Вадику смотровую площадку.

— Слушай, — поспешно заговорил Стас, кое-как выколупавшись из шлема — от нетерпения руки не слушались, — это что, так все переменялось? Я здесь был всего-то лет пять назад...

— Сделай круг по кварталу без меня, — подмигнул Прокси, — увидишь.

Стас озадаченно почесал в затылке, но послушался. Вадик из любопытства поехал с ним — и, конечно, стоило им свернуть за угол, как разноцветные эстакады сменились тем городом, в котором прошло детство Вадика. Еще пара минут — и они снова на той же смотровой площадке, где Прокси ждал их, крайне рискованно разлегшись на парапете.

— Не понял! — Стас сказал это с точно такой же интонацией, как не раз говорил сам Вадик. Тот фыркнул в воротник — уж очень забавно выглядела растерянная физиономия Стаса. — Это что вообще за фокусы? Виртуальная реальность? Или у меня уже крыша едет?

— У кого она тут на месте, скажи на милость? — как можно беспечнее поинтересовался Прокси, принимая еще более небрежную позу. Вадик невольно отвел глаза — было совершенно непонятно, как он с этого парапета еще не навернулся.

— Прокси, — то ли угрожающе, то ли просяще сказал Стас, — кончай глумиться!

— И в мыслях не было, — Прокси изящным движением соскочил с парапета. Вадик перевел дыхание. — Скажи мне, пан Заславский, ты никогда не замечал, что какое-то знакомое место выглядит по-другому?

— Бывало, — Стас снова почесал в затылке. — Но я как-то всегда думал, что просто многое забыл, я очень плохо ориентируюсь на местности. Ну или реально что-то поменялось, я в основном на исторической родине сижу. Это ты к чему?

Прокси молчал и улыбался все ехиднее. Вадик отвернулся, чтобы совсем уж открыто не ржать. Стас подозрительно прищурился:

— Это ты мне хочешь сказать, что вот эти все истории про альтернативные реальности...

— Доперло! — одновременно сказали Прокси и Вадик, хлопнули друг друга по плечу и расхохотались. Стас надулся, но долго обижаться он, кажется, вообще был не способен — в его глазах загорелся азарт:

— Так! А тогда что же получается — могут быть и еще варианты?

— Да сколько угодно! — предельно небрежно бросил Прокси. — Я не самый лучший проводник, но кое-что показать могу. Только, чур, не отставать, зона действия моих чар не слишком велика!

— Я так поверю, что и правда морок наводишь! — рассмеялся Стас. Прокси только многозначительно подмигнул.

Они еще покатались по городу, меняющему облик едва ли не с каждым поворотом, хотя и не до такой степени, как тогда с Птахой. Наконец Прокси заявил, что у него процессоры закоротит столько времени держать контроль, и взял курс обратно.

— Спасибо! — пылко говорил Стас в гаражах. — Надо же... я думал, что о Внешних знаю если не все, но многое, а оказывается, все гораздо сложнее! И что... любой Внешний может вот так?

Вадик фыркнул, узнав себя. Но он-то Пассажир...

— Ну не любой, но многие, — дипломатично ответил Прокси. — Что можешь именно ты — сказать не возьмусь, но если до сих пор с ног не валишься под грузом впечатлений — есть перспективы.

Стас просиял ярче лакировки своей «Хонды» и отправился загонять мотоцикл во двор. Вадик пока остался.

— Ну и на кой? — хмуро поинтересовался Некромант. — Без тебя человеку плохо жилось? А ну сил не рассчитает?

Удивительно, но Прокси как-то сразу сник, даже не пытаясь отшучиваться или вступать в пикировку.

— Если честно, чистая импровизация. Просто стало интересно, на что человек способен и что будет. Накрыло бы при мне — решаемо.

— При тебе-то понятно. Но я повторяю: без тебя человеку плохо жилось? Ладно наш юный Скайуокер, тут уж судьба была такая — сразу с головой вляпаться, а Заславский вроде Форестера, живет себе и горя не знает. Чего тебя вдруг экспериментировать понесло?

— Не знаю, — совсем поник Прокси. — Как-то... почувствовал, что ли, что получится.

— Стасу вроде понравилось, — вступился Вадик. Некромант махнул рукой:

— Всем нравится, если сразу крышу не сшибло. Вопрос только в том, кто меру знает, а кто нет. Но... ладно, может, Прокси и прав. Не тот человек, чтобы совсем без удержу

приключаться, глядишь, все нормально будет.

— И вообще, — Прокси снова взял привычный тон, — у меня историческая память! Я знаю, что пан Заславский в сложных отношениях со своей польской частью, но это же невозможно так оставить!

— Удавлю я тебя когда-нибудь, — буркнул Некромант, уходя в гараж. Прокси сделал трагическую физиономию и тоже отправился к себе.

А между тем тигр был уже готов. Заказчик остался очень доволен, хотя нервно озираться так и не перестал (тем более что столкнулся нос к носу с Некромантом), а Вадику уже не терпелось сразу взяться за «Хонду» — эти золотистые контуры ему только что по ночам не снились. Птаха не меньше десяти раз переспросил, уверен ли Вадик, что потянет две работы подряд, Стас точно так же не меньше десяти раз заверил, что никуда не торопится, если, конечно, не стесняет хозяев, и этот обмен любезностями грозил весьма затянуться. В конце концов Вадик натурально треснул кулаком по столу и сообщил, что сам с собой разберется, так что теперь в мастерской вместо буйства красок и решительных мазков царили тонкие оттенки золота и перламутра.

Это оказалось еще сложнее, чем с «Импалой» и «Паджеро» — рисунок должен был вообще едва проступать и все же быть заметным. Казалось бы, все-таки золото по белому, а не огненное на желтом или черное на черном, но Вадик чувствовал — тут надо еще осторожнее. Прокси в этот раз вообще ни к чему не прикасался — валялся на травке у гаража или восседал на ящике с инструментами, регулярно затягивая «Беспечного ангела», пока Вадик и Некромант по разу не пообещали свернуть ему шею. Потому что не то чтобы у него плохо получалось, но сколько же можно. Прокси разразился тирадой про художника, которого всякий обидеть норовит, но петь перестал. По крайней мере, стал менять репертуар.

Работа шла медленно — вроде и объем небольшой, но уж очень все было тонко и хрупко, так что из гаража Вадик практически выпадал, причем даже раньше, чем Некромант или Птаха пытались его оттуда выудить. Но зато и результат его радовал — «Хонда» словно приобретала едва заметное золотистое свечение, как будто даже не от рисунка, а от самого мотоцикла. И хотя это было делом рук самого Вадика, он не раз вспомнил мельком упомянутые Птахой рассказы про выкинутого с небес ангела. Теперь, наверное, такие истории пойдут с удвоенной силой.

Стас, увидев готовую работу, надолго утратил дар речи, что для него было редкостью. А когда смог говорить, произнес:

— Я теперь осторожнее буду ездить. А то со всеми этими чудесами, — он выразительно посмотрел на Прокси, — того гляди, летать случайно научусь!

За его спиной Некромант жестами показал, что он в таком случае с этим самым Прокси сделает. Вадик заверил, что до сих пор его работы ни в чем сверхъестественном замечены не были. «Скажи это поселянам!» — немедленно встрял Прокси. Конечно, Стасу стало интересно, о чем речь, и он услышал и про Форестера с его филином, и про пантеру Джерри, а заодно и про собственную репутацию, над чем смеялся до слез. И согласился с Вадиком, что теперь слухов может пойти еще больше.

— Сам, главное, ни во что не влезь, — тихо сказал Некромант. Стас клятвенно заверил его, что и в мыслях ничего такого не было. Уехал он, сияя так, что видно было даже из-под шлема.

На этот раз Вадику не понадобилось напоминать об отдыхе — он и так еле добрался

домой, решительно отодвинул в сторону рисовальные принадлежности и засел, точнее, залег смотреть кино и играть. Хотя получалось не очень — в глазах до сих пор мерцали золотые блики. И все же Вадик не без удовольствия отметил, что восстанавливаться стал быстрее — уже на следующий день он почувствовал себя вполне дееспособным. Рисовать, правда, все равно пока что не хотелось.

Тут как раз зашел Прокси, еще с порога помахивая планшетом. Вадик давно сбился со счета, сколько у него разнообразных девайсов.

— У меня тут возникла мысль, как твой паблик доработать, — сообщил он. — «Камаро» — это прекрасно, но смотри-ка сюда.

На экране появился баннер, составленный из двух фотографий. Слева была пантера на капоте «Паджеро», справа — контуры крыльев на «Голдвинге».

— И дописать еще сюда что-нибудь в тему, — задумчиво сказал Прокси. — Типа, хоть в рай, хоть в ад...

— «Выбери свою сторону», — предложил Вадик. Прокси рассмеялся:

— Все-таки Энакин ты и есть! Но мне нравится.

Вот забавно — в школу Вадик не ходил уже два года, да и по возрасту школьником ему осталось быть всего ничего, но он продолжал воспринимать осень как начало очередных занятий. Даже если это было ехидной мысленной усмешкой «а мне вот никуда не надо!». Даже если летом он учился ничуть не меньше, а то и больше обычного — весной, например, ему было совершенно не до того, а после возвращения с моря он опять засел за историю, потому что после знакомства со Стасом ему стало интересно побольше узнать про Польшу. Но не думать про осень как про следующий класс он не мог.

Тем более что тот следующий класс и правда случился — Птаха плотно взялся учить его вождению. Уже не от случая к случаю и на пустой дороге, а по-взрослому, с правилами, маневрами и задачами, кому первым ехать. Если рядом случался Прокси, он неизменно говорил, что первым проедет байкер, даже если в задаче его не было — «а кто ж их знает, откуда они всегда берутся!». За что в него летела очередная подушка или что уж под руку попало. Зато было не скучно. Многие знаки Вадик помнил и так — машинами он интересовался с детства и как-то раз накопил в недрах шкафов старую книжку. Он думал, что с тех пор уже все сто раз поменялось, но Птаха сказал, что новые знаки появляются довольно редко и, как правило, вполне понятны. «А с половиной тебе вообще вряд ли придется встретиться». Вот с практикой было намного сложнее — но и намного увлекательнее. Когда огромная «Тахо» наконец вписалась в «гараж» из пластиковых бутылок и веточек, не сбив ни одной, Вадик вывалился из-за руля с радостными воплями. Рубашку можно было выжимать, как в первый опыт вождения, но оно того стоило. По окрестностям они с Птахой тоже ездили, и теперь уже никаких заездов на бордюр не случалось. «Быстро учишься, мелкий», — удовлетворенно кивал Птаха.

А ведь, кроме Птахи, был еще Прокси с его видеоуроками, бесчисленными проектами и просто посиделками в «Фольксвагене». И тренировки с Некромантом, хотя и чуть реже, чем обычно — во-первых, погода установилась исключительно пакостная, во-вторых, Некромант с концами пропал в гараже. Даже не звал Вадика помогать, а на все расспросы отмахнулся: «Большой проект, долго вводить в курс дела». Вадик, в общем, не особенно расстроился — надо полагать, Некромант раскопал какой-то особо редкий реликт, с таким он любил работать исключительно сам. «Это дело личное и даже, я бы сказал, интимное», — ухмылялся он, и даже Прокси не встречал с вечными шуточками. Ну и пускай себе копается, Вадику и без него было чем заняться. Не иначе, по случаю осени активизировались вышивальщицы, так что рисования в его жизни было сколько угодно. А что еще нужно для счастья. Так что осень проходила как-то незаметно.

— Ну что, братец, ты уже почти взрослый, — с какими-то непривычными интонациями сказал Птаха, входя утром в комнату Вадика. Точно, пятнадцатое! Вадику исполнилось шестнадцать лет. Как и в прошлый раз, Птаха вручил ему целый мешок всякой интересности, вроде пары новых блокнотов или огромных наушников. И Вадик, как тогда, с восторгом зарылся во все это по уши.

— На самом деле, — Птаха как будто немного смущался, — в этот раз так получается, что главные подарки не от меня...

— Да как это не от тебя! — от возмущения Вадик даже оторвался от своих сокровищ. — От тебя мне главный подарок достался раз и навсегда — что у меня этот день рождения

вообще есть! А то так и сдох бы в подворотне. И вообще...

Он не договорил, потому что и так же понятно — что тут мериться подарками, если благодаря Птахе у него есть дом и друзья, да вообще вся нынешняя жизнь! И, в конце концов, у него есть сам этот Птах! Чего еще желать. Птах коротко сгреб его за плечи, тоже явно пытался что-то сказать, но так ничего и не сформулировал. А оно и не надо.

Телефон высветил сообщение от Некроманта: «Приходи в гаражи, именинник». Разумеется, Вадика не пришлось просить дважды. Он сдернул с вешалки флиску (куртку решил не брать) и, влезая в нее на ходу, направился привычной дорогой. Но перед самым поворотом на поляну глаза ему закрыла чья-то жесткая ладонь. Вадик попытался вывернуться — не тут-то было.

— Спокойно, — ну понятно, с Некромантом ему не тягаться. Но что ж он такое задумал? Не в его стиле такие шуточки... Как бы то ни было, сопротивление бесполезно. Через несколько шагов Некромант убрал руку.

Сначала Вадик подумал, что с реальностями не только на дороге может происходить что-то не то. Или что Прокси опять развлекается с мороком. Потому что на поляне стояла ожившая фотография с того журнального разворота. «Шевроле Камаро». Редкого для этой модели ярко-алого цвета.

— Насколько я помню, тебе такое понравилось, — как можно небрежнее произнес Некромант.

Тут произошло то, во что Вадик сам бы не поверил, если бы увидел со стороны, но он сделал это сам — с визгом повис у Некроманта на шее.

— Удавишь к чертям собачьим! — отбивался Некромант, впрочем, не слишком активно. — Накачался с Птахиными тренировками!

Он все-таки отцепил от себя Вадика и аккуратно поставил на землю.

— Добро пожаловать в Водители... Марек.

Вот тут Вадик утратил дар речи еще сильнее, чем от вида «Камаро». Ну да, конечно, Птах с самого начала смеялся над рассказами про ритуалы вступления и всегда говорил, что ничего такого нет, но... вот он — и Водитель?

— А... э... но я же... мне же, в конце концов, только шестнадцать...

— Прокси! — позвал вместо ответа Некромант. — Кончай прятаться!

Прокси вылез откуда-то из кустов, застенчиво ковыряя землю носком стоптанного кеда.

— Ну... это... мы тут с Некромантом чего подумали... хотя этот самый Некромант, подозреваю, меня за такие решения в итоге удавит...

— Я тебя удавлю прямо здесь и сейчас, если будешь дальше тянуть резину!

— Слушаюсь и повинуюсь! — Прокси театрально раскланялся. — Короче, на моей исторической родине, которая тебе вроде как тоже очень нравится, за руль можно садиться в шестнадцать лет. Ну и... мне захотелось подарить тебе эту возможность. Абра... швабра... кадабра!

Эффектно крутанувшись вокруг своей оси, он словно из воздуха извлек небольшую пластиковую карточку с фотографией Вадика. Тот почувствовал, что сейчас где стоит, там и свалится.

— Не падать! — Некромант вовремя успел его подхватить.

— Э... не буду, — с трудом выговорил Вадик. А Прокси подмигнул:

— Вообще, в наших краях документация давно электронная. Но мне показалось, что с материальным воплощением будет круче.

— Да не то слово! — теперь Вадик повис уже на Прокси. Тот не без труда вывернулся и уже серьезнее проговорил:

— Только вот что, юный Скайуокер. Полиция нас обычно игнорирует, но лучше это не проверять. На мою историческую родину — сколько угодно, по другим вариантам — крайне осторожно. Даже я не могу бесконечно химичить с базами, так что все просторы далекого космоса откроются к твоим восемнадцати.

— И вопрос не столько даже в базах, — добавил Некромант, — сколько в твоих силах. У тебя прекрасный потенциал, но ты еще очень юн. Впрочем, насколько я помню, Птаха тебе объяснял.

Он пристально взглянул на Вадика. Ну да, про питерские эксперименты он ведь в курсе... Но Вадик спокойно выдержал его взгляд. В конце концов, ну было, ну он же еще тогда все понял. Некромант чуть улыбнулся:

— Я не собираюсь читать наставления. Как уже говорилось, я не Йода, я Палпатин. И, по большому счету, любой Внешний поначалу творит дурь, вопрос только в том, какую и с какими последствиями. Осторожнее.

Вадик энергично закивал. Потому что, в конце-то концов, что такое временные ограничения, если вот тут на поляне стоит его «Камаро», и можно хоть сейчас сесть за руль и... Но Вадик сел не за руль, а на землю. И просто разревелся.

— Я же говорил, что сегодня главные подарки не от меня, — улыбнулся Птаха, возникая откуда-то сзади. Наверное, он все это время там и был, но Вадик уже был не в состоянии смотреть по сторонам.

— Да ну тебя! — шмыгнул носом Вадик. — Если бы не ты, этого же ничего...

Он улыбался, но слезы просто лились сами. Потому что это все было настолько круче самых смелых его представлений и вообще всего. Потому что его назвали Водителем. Потому что это настоящее.

Прокси вмешался очень вовремя — Вадик чувствовал, что сейчас от переполняющих его эмоций просто лопнет.

— И да! — объявил он. — Это все, конечно, прекрасно, но без тортика день рождения неполон!

— Та самая кондитерская? — улыбнулся Вадик сквозь слезы.

— А то! Чай, между прочим, тоже уже готов!

И был уже привычный костер в прямоугольной яме, крепкий чай и торт в ослепительно-красной глянцеваы глазури. Вот только отсветы костра отражались в алом борту «Камаро». Его собственной. Настоящей. «А ведь я ушел к Внешним, чтобы хотя бы кино посмотреть никто не мешал». Вадику стало смешно и одновременно опять захотелось плакать. И он понимал, что никто ничего ему по этому поводу не скажет. Никогда. Он — Внешний.

— Опробуешь? — кивнул Птаха после чая. И Вадик не стал спрашивать «а можно?». Потому что, хотя никакого мистического ритуала и не произошло, в нем откуда-то поселилась твердая уверенность: можно. Все, кроме того, что нельзя, как говорит Прокси.

— Конечно! Хотя, честно говоря, боюсь немного.

— Кир? — начал было Птаха, но Некромант жестом оборвал его:

— Нет. Первый такой выезд — с тобой. Твой Пассажир, в конце концов.

— Уже не Пассажир, — чуть грустно улыбнулся Птаха. — Но... пожалуй, ты прав.

— Вот-вот, — проворчал Некромант. — Дальше уже я подключусь, не вопрос. Я такое водил, помогу приноровиться. А сейчас сам понимаешь.

Вадик мысленно перевел дыхание. Ну конечно, когда Птаха говорил, что осваивать «Камаро» Вадик будет уже не с ним, ничего такого он не имел в виду. Просто у Некроманта есть опыт вождения именно этой машины, а у Птахи нет, и он всего лишь хотел подстраховаться. Все просто. А сейчас... ну да, сейчас по-любому надо ехать с Птахой.

— Давай, — тихо проговорил Птаха, ободряюще улыбаясь. — Теперь ты — Водитель.

Вадику показалось, или его голос опять прозвучал немного грустно? Но, оказавшись на водительском сиденье, он забыл обо всем.

Если «Тахо», когда Птаха доверял ему руль, словно впускала его в себя, чуть подвигаясь и ужимаясь, «Камаро» как будто ждала именно его. Конечно, Некромант просто-напросто все предусмотрел заранее — с его глазомером не составит труда подогнать кресло под рост Вадика и поправить зеркала. Вадик прекрасно это понимал и был Некроманту крайне признателен. Но вместе с тем чувство, что машина сама ждала его, никуда не девалось. Потому что это его «Камаро».

Вадик повернул ключ и перестал понимать, чего он до сих пор боялся. Он ведь и должен быть здесь. На водительском сиденье ярко-алого мощного автомобиля. Может, причиной тому бесчисленные видео и фотографии, но в салоне все было ему знакомо. Казалось, протянуть руку — и где-нибудь в кармашке найдется маркер, который он второпях ткнул куда пришлось. Вадик тронул машину с места — сначала осторожно, потом увереннее. Все на своих местах. А главное — он сам на своем месте.

— Ты правильно выбрал имя, мелкий, — улыбнулся Птаха. — Вы совпали.

— А бывает иначе? — встревоженно спросил Вадик. Хотя, казалось бы, уж ему-то о чем сейчас тревожиться...

— Да как тебе сказать... Нет, никаких ужасов типа «сел не в свою машину и уехал в стену», а всякие там бунты машины против владельца оставь Стивену Кингу, но далеко не каждый так вырастает. Ну вон хоть на Некроманта посмотри, на чем он только не ездил, хотя последнее время окончательно на «Кадиллаки» перешел. А я себя, кроме как в «Тахо», вообще не представляю. Не скажу, что кто-то из нас прав, а кто-то нет, но мой подход у Внешних чаще.

И Вадик полностью с ним согласился. Он не проехал и километра, но уже не мог представить себя где-то еще. За рулем так точно.

— Хватит для первого раза или рискнешь до города? — поинтересовался Птаха через несколько кварталов.

Вадик задумался. Даже притормозил у обочины, чему была очень рада компания мальчишек, проходившая мимо. Только сейчас Вадик ощутил себя заметно старше их — где-то внутри он, хоть и чувствовал, что сильно изменился, продолжал думать о себе почти как о том же мелком пацане, который когда-то ушел к Внешним. А ведь он был уже чуть выше Прокси. И ему целых шестнадцать лет. И главное — он Водитель.

Так все-таки. Расстояние, по идее, не проблема, Птаха много раз объяснял, что по трассе вести машину намного легче. Да и в принципе Вадик уже не так уставал от вождения, тем более что кресло «Камаро», ну натурально, как под него и было сделано. А как, собственно говоря, попасть именно в город Прокси? Но не успев додумать эту мысль, Вадик вдруг понял, что и так это знает. Он просто мысленно увидел, как дорога приводит его именно к многоцветным эстакадам и небоскрегам, и почему-то был абсолютно уверен, что все получится. Но...

— А ты как думаешь? — спросил Вадик. И пожалел, что спросил, увидев грустнук

улыбку Птахи.

— Это твоя дорога... Марек. И теперь тебе решать, что на ней делать. Мой голос совещательный, но не более.

Вадик зажмурился. Он вспомнил разговор в кабине «Скании». «Я его выращу и выведу на дорогу», — говорил Птаха. А потом?

— Ну уж нет! — он даже стукнул кулаком по рулю. — Сам говорил, что меня ничего ни к чему не обязывает. Так вот, оно в обе стороны не обязывает. Может, я уже и не твой Пассажир, хотя, по-хорошему, еще два года осталось, но я все равно, в конце концов, твой младший брат! И никуда деваться не собираюсь!

«И тебе не дам», — закончил он про себя, хотя понятия не имел, что именно намерен «не дать» и как. Птаха лишь сжал его руку и надолго замолчал. А потом тихо произнес: «Спасибо».

— Я все-таки хочу попасть в город, — твердо произнес Вадик.

— Давай, — кивнул Птаха. — Только если что — не геройствуй. Я подстрахую.

Вадик только сжал зубы — он понимал, что даже Птахе руль не уступит. Лучше отдохнет, соберется с силами и доедет сам.

До сих пор он вел машину очень осторожно — и дороги разбитые, и надо было привыкнуть. Но на трассе рискнул уже как следует выжать педаль газа и не сдержал радостного вопля. Нет, никакие симуляторы и фильмы не могут сравниться с ощущением, когда «Камаро» — его «Камаро»! — рванула вперед. Он покосился на Птаху — тот улыбался. Своей обычной широкой улыбкой. «Вот то-то же!».

— Ага-а-а! — заорал Вадик, увидев впереди эстакаду, взмывающую куда-то под небеса, и расцвеченные огнями небоскребы. — Получилось!

Птаха лишь молча положил ему руку на плечо, но тут же убрал — не до того. Ох, не зря он выстраивал сложные фигуры на ближайшем пустыре! Вадик помнил, что тут проходит даже «Тахо», да что там — они с Прокси вон целый лимузин встречали, но ощущение, что машина еле-еле вписывается в тоннели, никак не желало отцепляться.

— Это нормально, — Птаха, конечно, и так все понимал. — Несколько дней — и привыкнешь к габаритам. Но реально, тут уже Некромант тренировать будет. У Патрика опять накрылась система кондиционирования, поеду спасать.

Вадик расплылся в улыбке. Все просто и понятно. Конечно, он и с Некромантом покатается с огромным удовольствием, тем более если тот действительно больше знает про такие машины, чем Птаха. И ничего это не значит. Они с Птахой в любом случае вместе, просто теперь Водителями стали оба. Это же даже еще круче! Значит, можно выбирать — куда-нибудь на дальние расстояния на «Тахо» или носиться как угорелые на «Камаро». Сейчас, конечно, его скорость нельзя было назвать «носиться как угорелые», но он же всему научится! Только, наверное, в следующий раз — Вадик чувствовал, что выдохся. Да и Птаха уже дважды предупреждал «осторожнее», «держи дистанцию».

— Обрати доедешь? Если что, я могу сменить, — предложил Птаха. Вадик упрямо замотал головой. Доехал он мокрый как мышь, но абсолютно счастливый.

— Что, псина, за руль тебя так и не пустили? — ухмыльнулся Некромант, встречая их на поляне. Они с Прокси так и сидели у костра.

— Куда там! — рассмеялся Птаха. — Да все мы, в общем, такими были. Я вон первое время тебя и то со скрипом пускал машину перегнать.

— Да, кстати, — задумался Некромант, — это все хорошо, но у тебя одно место во

дворе...

— Одно, — так же задумчиво ответил Птаха. — Надо бы что-нибудь придумать...

— Чего там придумывать! — вклинился Прокси. — Гараж у меня здоровенный, а много ли моему байку надо. Могу и потесниться. Ты как, не против ко мне вписаться?

Вадик, разумеется, был совершенно не против. От соседства ярко-алой «Камаро» и кислотно-зеленого мотоцикла, конечно, глаза вылезали на лоб, но, в конце концов, никто не собирается эту композицию часами разглядывать. Зато под крышей. А там, действительно, Птаха чего-нибудь придумает. А может, и так хорошо. Просто потому что в принципе все хорошо.

Некромант взялся за Вадика не менее плотно, чем с ножевými тренировками — а и они теперь, когда настала очередная бесснежная зима, возобновились в прежнем темпе. Так что домой Вадик приходил только спать, а остальное время почти безвылазно торчал у Некроманта или вместе с ним наматывал круги по окрестностям.

— И запомни, юный Скайуокер, — говорил Некромант, развалившись на пассажирском сиденье. «Марека» он помянул только один раз, и Вадик по-прежнему чувствовал, что это правильно. Пока — не пора. Когда и как наступит момент, когда пора, он не знал, но сейчас еще рано. — Что за рулем, что в бою условия не выбирают, а действуют в тех, что есть. Темнота, дождь, снег, гололед — это все просто разные декорации и разные задачи. Сможешь так — сможешь на дороге все.

В одной из поездок Некромант рассказал, как сам ездил на «Камаро». Вообще в первые годы после ухода к Внешним он перебрал довольно много разных машин — что-то перегонял из города в город, на чем-то ездил более-менее долго. Но в итоге пришел к «Кадиллакам» — их у него тоже сменилось несколько, но все серебристые и похожей модели.

— На «Камаро» мне нравилось, — задумчиво произнес он. — Моя, правда, желтая была, все по классике. Не помню уже, кстати, что с ней случилось, видимо, просто ее час пришел. Но все-таки «Кадиллак» мне ближе и роднее. Скоростные рекорды мне ставить незачем — куда надо, обычно и так успеваю.

Вадик покосился на него и быстро перевел взгляд обратно на дорогу. Да уж... он помнил стремительно исчезающий «Кадиллак», что в Нижнем, что здесь. И раз уж от той истории никуда не деться... Ящер с Некромантом впервые столкнулись в Ярославле. Тот пикап, конечно, тоже не самая стремительная машина на свете, но сколько ж от Ярославля до Нижнего? И Некромант тогда выглядел как угодно, но точно не как человек, только что проделавший несколько сотен километров за рулем. Понятно, что с его водительским опытом, возможно, это не расстояние...

— Кстати, о скоростных рекордах, — Некромант резко сменил тему, и Вадик был ему признателен. — Мне кажется, условия вполне позволяют. До города?

И снова «Камаро» рванулась вперед, и Вадик понял, что вот именно сейчас он настолько на своем месте, насколько это вообще возможно. Он даже не вспомнил бы, в каком вообще фильме ему попалась эта машина — но как будто все рисунки, обзоры и игры с тех пор вели его в одном направлении — сюда. За руль ярко-алой «Камаро», на трассу. Краем глаза он увидел одобрительный жест Некроманта и еще прибавил скорости.

Удивительное дело — это был всего второй самостоятельный выезд в город, но страх не вписаться в поворот исчез напрочь. То ли потому, что уж если Некромант предложил сюда поехать, значит, вообще не сомневается в его умении, то ли за прошлый раз привык, но

Вадик чувствовал себя вполне уверенно. И даже нашел ту смотровую площадку, где Прокси так рискованно валялся на парапете.

— Подзарядка нужна? — Некромант выудил откуда-то из-за сиденья термос. Вадик благодарно кивнул — все-таки немного устал. Некромант наполнил крышку термоса, а сам облокотился все на тот же парапет и проговорил в пространство:

— Даже не ожидал, что меня опять сюда занесет. Хотя в прошлый раз я здесь был очень относительно — как раз с Прокси повстречался.

Он сделал жест куда-то далеко вниз. Вадик проследил за его рукой, и его передернуло — в памяти всплыл собственный же рисунок. Даже два. Но Некромант уже снова сменил тему:

— А ты ведь как раз здесь отличился? На набережной?

Вадик рассеянно кивнул. Стоп. Так это же, действительно, получается, что они с Птахой были в тех самых кварталах, которых Вадик так боялся, глядя сверху! Ну и... ну и ничего. То есть не то чтобы «ничего», места оказались и правда неприятные, но на набережной-то валяться остались местные! Некромант явно понимал, о чем Вадик сейчас думает, поскольку удовлетворенно улыбнулся и налил ему еще чаю.

А потом настал день, когда Некромант сказал:

— Думаю, ты вряд ли нуждаешься в моем присутствии.

И добавил — видимо, на лице у Вадика все было написано:

— Птаха тебе уже, кажется, говорил: дело тут совершенно не в каких-то мистических материях. Если ты заметил, я уже некоторое время практически сплю на пассажирском сиденье, и не все ли тебе равно, если я продолжу дрыхнуть в своем логове? Не говоря уже о том, что, опять же без всяких мистических материй, и я, и Птаха не все время будем рядом. И ты можешь справиться сам.

И он практически подтолкнул Вадика к машине.

Впервые оказавшись за рулем один, Вадик поначалу опять стал осторожничать, как в самый первый раз. Было непривычно, что справа никого нет. Но стоило выбраться из гаражей на дорогу — и голос Птахи, разъясняющего про помеху справа, прозвучал в голове совершенно отчетливо. И комментарии Некроманта про удобное положение рук. Вадик счастливо рассмеялся: и правда, чего бояться? Он же и так все помнит! Словно они оба все время с ним. И «Камаро» уже привычно набрала скорость.

Когда на горизонте встали знакомые небоскребы, Вадик окончательно перестал понимать, что его до сих пор смущало. Ну да, он пока начинающий водитель, скорее всего, большинство соседей по потоку ездит лучше и увереннее — но все ж таки не новичок уже, которого только на пустой трассе можно временно пустить за руль! В нагрудном кармане лежала карточка водительских прав, пусть и с ограниченными пока возможностями, но самая настоящая, на руке удобно устроился браслет Прокси с доступом в несколько интересных мест, включая их любимую «секретную» кондитерскую, машина полностью настроена под него и слушается каждого движения — чего тут бояться? Чего ему вообще бояться?

В этот раз Вадик решил задержаться в городе подольше. Торопиться ему некуда, он уже успел убедиться, что может провезти за рулем довольно много времени, тем более с перерывами — значит, можно кататься в свое удовольствие. Не об этом ли он, в конце концов, мечтал? Хотя нет — о таком он и мечтать-то едва решался. Но все было настоящим — и его «Камаро», и город вокруг. Тут Вадика разобрал приступ хохота, пришлось съехать в

специальное расширение дороги, чтобы успокоиться. Только сейчас он осознал, что одет в такую же светло-бежевую кожаную куртку, которую когда-то заметил — или вообразил, что заметил — на том водителе «Камаро»! Птаха еще тогда смеялся насчет временных парадоксов. Да-да, светлые волосы до плеч, кожаная куртка нараспашку, клетчатая рубашка — та самая, которую ему после драки на набережной одолжил Некромант, да так и не забрал обратно... Вадик рухнул на руль, подвывая от смеха.

— С вами все в порядке? — голос раздался почему-то из браслета. Ну да, эти самые нейроинтерфейсы... У Вадика по-прежнему закипал мозг при попытке представить, как это все работает, ну да ладно. Он поднял голову — рядом с «Камаро» стоял полицейский мотоцикл. На мгновение ему стало тревожно. А, с другой стороны, какие к нему претензии? Права есть, останавливаться тут можно, он видел...

— Нормально все, — улыбнулся Вадик. — Просто отдыхал.

— Берегите себя, молодой человек.

Полицейский исчез, так и не поинтересовавшись его документами. А может, уже там у себя все просканировал, кто их разберет. Вадик отпил холодного чая и поехал дальше.

После того, как он перекусил в кондитерской — как выяснилось, кроме огромного выбора сладостей, там были отличные горячие бутерброды — жизнь вообще стала прекрасна. Вадик даже рискнул направиться в нижние районы, сказав себе, что, в конце концов, бегают он тоже неплохо. Впрочем, не пригодилось — какой-то пацан, на вид не старше самого Вадика, попытался выяснить, что это всякие чужие тут забыли, Вадик щелкнул ножом, и пацан исчез, откуда взялся. Проверять, сколько у него может быть приятелей, желающих продолжить разговор, Вадик не стал и вернулся к машине.

Внизу ездить было не слишком интересно — это в Верхнем городе эстакады поддерживали в идеальном порядке, а здесь дороги никто не ремонтировал, наверное, уже лет пятьдесят. И не разогнаться, и переулки попадаются настолько узкие, что не проехать, и еще вопрос, кто из этих переулков может появиться. Вадиду надоело постоянно оглядываться, и он собирался поискать дорогу наверх, но тут его посетила шальная мысль. «Вот станешь Водителем сам — и тебе полная свобода», — говорил Птаха. Ну что ж, он Водитель. Уж если это вслух произнес Некромант — так оно и есть. Да, его права действуют не везде — но кто и когда интересовался этими правами? Они с Птахой чуть не всю Россию проехали без единого вопроса. Тот полицейский и то подъехал только проверить, не стало ли водителю плохо. Понятно, не стоит на это полагаться, но... Вадик мысленно хлопнул себя по лбу: вот же она, та самая возможность попробовать силы в смене вариантов! Кто сказал, что город Прокси — вообще единственный, куда ему можно? И за следующим поворотом недружелюбно выглядящие постройки исчезли, а вместо них возникло темное озеро. Алая «Камаро» отражалась в его воде отблеском пламени.

У озера Вадик задерживаться не стал — проехать там было совсем трудно, это все-таки не «Тахо». Следующий вираж привел его вообще в чистое поле, да еще и занесенное снегом. «Еще того лучше!» — возмутился Вадик вслух. И, словно повинувшись его словам, снег исчез, вокруг снова встали обшарпанные стены и слепые окна Нижнего города. Это что же получается — для перехода можно просто настроиться на нужный лад? До сих пор Вадик казалось, что смена реальностей происходит только в движении. Ну и отлично, значит, из особо неприятной обстановки убраться будет еще проще. «А можно что-нибудь с нормальной дорогой?» — снова сказал он вслух и засмеялся. Но смех смехом, а пейзаж снова сменился — здесь вовсе не было никакого Нижнего города, только уходящие вверх

небоскребы и отличная широкая улица между ними. «Спасибо!» — сказал Вадик, сам не очень понимая, к кому обращается, и нажал на газ.

Он помнил предупреждение Некроманта и слова Птахи, что такие переходы в любом случае тратят силы. Впрочем, он не чувствовал себя уставшим — там, где было дорожное движение, он действовал четко и практически без ошибок, ну разве что среди разноцветных эстакад рановато высунулся перестраиваться и получил гневный гудок от неизвестного ему спортивного автомобиля. «А то сам таким не был!» — Вадик скорчил рожу ему вслед. По хорошему, можно бы и возвращаться... но хотелось еще немного посмотреть, каким может быть этот город. Или что может быть на его месте.

Вадик чертыхнулся и включил обогрев стекла, но густой туман и не думал никуда деваться. Впереди еще можно было что-то различить, но по бокам машины все заволкло непроницаемой пеленой. Кажется, это опять то снежное поле — но откуда туман? Вроде так бывает при резкой оттепели... В любом случае, ему здесь делать нечего, он и в снег-то не стал соваться, а если тут все раскиснет... Но сосредоточиться на чем-то другом не получалось. И небоскребы, и развалины, и знакомые с детства районы едва проступали сквозь туман и снова пропадали в нем. Вадик почувствовал, что его неудержимо клонит в сон. В то же время он четко понимал, что отключаться нельзя, хотя сам не объяснил бы, почему. Может быть, стоит выйти из машины, подышать воздухом, размяться... но сил подняться с места уже не осталось. Он все-таки увлекся сменой пейзажей и пропустил момент, когда стал выдыхаться. Может, позвонить Птахе или Прокси, связь ведь работает везде, они подскажут, что делать... Но связи не было. Туман становился все плотнее. Вадик обессиленно уронил голову на руль.

— Нет уж, рано тебе сюда лезть!

Вадик пришел в себя от резкой боли. Водительская дверь была открыта, и рядом стоял Некромант, запустив руку ему в волосы. Туман немного рассеялся, открыв силуэт «Кадиллака».

— За мной. Не отставать.

Вадик хотел сказать, что не в состоянии вести машину, что тут вообще не проехать — но Некромант, захлопнув его дверь, уже вернулся за руль. Только сейчас Вадик заметил, что обе машины стоят на обочине дороги — не лучшей, но вполне приличной. «Кадиллак» медленно тронулся с места, и «Камаро» последовала за ним.

Если перед машиной туман расступился, то вокруг он как будто стал еще гуще. Вадик не знал, день сейчас или ночь — он потерял счет времени. Была дорога, был серебристый «Кадиллак», а больше не было ничего. Только серое марево по обочинам, в котором то и дело вспыхивали отблески молний. Какие молнии, ведь сейчас зима? Но думать об этом было некогда — Некромант набрал скорость, и Вадик отчетливо понимал, что терять его из виду нельзя ни в коем случае. Он стиснул руль, боясь лишней раз моргнуть, чтобы опять не провалиться в это сонное оцепенение. Потому что откуда-то твердо знал — проснуться он уже не сможет.

Он не знал, как сумел добраться до гаражей. Как будто весь окружающий мир и правда на время перестал существовать, остался только этот туман, полоса дороги и задние фонари «Кадиллака». Но внезапно туман исчез, сменившись знакомой поляной.

Вадик с трудом выбрался из машины и хотел что-то сказать, но Некромант успел раньше. Коротко замахнувшись, он с такой силой врезал Вадика по скуле, что тот отлетел на пару шагов и шлепнулся на землю. Сразу встать не получилось, перед глазами все плыло то ли от удара, то ли от усталости. Вадик различил склонившегося над ним Птаху и поспешно отвел взгляд.

— Птах, — еще более хрипло, чем обычно, проговорил Некромант. — Урою.

Птаха поднял голову и долго смотрел на него, а потом едва слышно произнес:

— Если бы мелкий не вернулся, я бы сам тебя об этом попросил.

Вадику хотелось провалиться сквозь землю. Уж лучше бы Некромант врезал ему еще раз. Или вообще на месте прикончил.

Некромант смерил мрачным взглядом их обоих, отвернулся и направился в гараж. Вадик заметил, что его откровенно шатает. Даже после Нижнего он увереннее держался на ногах. У самого гаража Некромант оступися и упал бы, если бы не ухватился за стену. По которой и сполз, опустив голову на руки. Птаха шагнул было в его сторону, но Некромант молча поднял руку в запрещающем жесте.

Вадик не знал, куда себя девать.

— Птаха, — с трудом выговорил он, — я...

Птаха приложил палец к губам:

— Не надо. Пойдем домой.

И, помогая Вадику подняться, тихо добавил:

— Я так рад, что ты вернулся.

Вадик чуть не свалился обратно. Нет, он уже знал, что Птаха никогда на него не

сердится, но тут же такое... Он же минуту назад вообще не представлял, как Птахе в глаза смотреть — пусть он номинально уже не Пассажир, но все равно Птаха всему его научил, а он вот так его подвел...

— Ты правильно сказал недавно, мелкий, — проговорил Птаха словно бы в сторону. — Кто там Пассажир и Водитель — это у нас с тобой второй вопрос. А главное — что ты мой брат. И я не знаю, как благодарить Некроманта за то, что он тебя вытащил. Я бы не смог.

— Птаха... — Вадик чувствовал, что сейчас разревется. Птаха обнял его за плечи:

— Говорят тебе, не надо. Не трать силы. Тебе нужно отдохнуть.

Вадик не помнил, как дошел домой — точнее, Птаха почти дотащил его на себе. Только что на руках по лестнице не относил, как в тот первый день. Вадик не хотел засыпать, боясь опять провалиться в этот серый туман — но отключился, едва добравшись до дивана. Просыпаясь, он раз за разом видел сидящего рядом Птаху. Тот пододвигал что-нибудь попить, Вадик делал пару глотков или жестом отказывался — говорить не было сил — и снова проваливался в сон. По счастью, в обычный сон.

Наконец он почувствовал себя в состоянии отлипнуть от подушки на какое-то продолжительное время. В зеркале показывали неопишемую красоту — синяк пошел всеми цветами радуги, глаз не до конца открывался. Учítывая, что глаз был правый, и сверху еще через бровь шел шрам — хоть вообще из дома не выходи, пока синяк не пройдет. А проходить он будет долго — Некромант сил не пожалел. Но вот уж чего Вадик не собирался — это обижаться. «Прямо скажем, вломил за дело».

— Оклемался? — Птаха улыбался радостно и в то же время сочувственно. Вадик кивнул. — Пошли завтракать!

Только сейчас Вадик осознал, что голоден как волк.

— Это ж сколько я провалялся?

— Два дня. Для первого самостоятельного выхода на дорогу, в общем, неудивительно, да еще с такими приключениями. Знаешь... не ожидал.

Вадик потупился.

— Только извиняться не вздумай, — твердо сказал Птаха. — Ты вернулся, остальное неважно. По большому счету, это моя вина. Я должен был раньше научить тебя распознавать, когда пора остановиться. Но не ожидал, что ты будешь пробовать силы уже в первый выезд.

— Птаха! — возмутился Вадик, откуда только силы взялись. — При чем тут твоя вина вообще! Это я придурок, который поздно сообразил, что доигрался. А ведь есть же еще ты... Птах, ты сказал не извиняться — ладно, не буду. Но знаешь... до меня реально вот только сейчас дошло. Что тогда ты бы опять...

Он не смог договорить, но Птаха, кажется, понял и так. Во всяком случае, он сгреб Вадика в объятия и отвернулся.

— Мало мне, в общем, от Некроманта прилетело, — вздохнул Вадик. Птаха усмехнулся, снова становясь прежним собой:

— Да уж мало кому прилетало больше. Ты себя в зеркале-то видел? В потемках без фонаря ходить можешь!

Вадик представил и расхохотался. И больше не было чувства вины, не было грусти в улыбке Птахи — они просто сидели за чаем и ржали. И все было как всегда. Хотя нет — не все. Еще кое-что осталось.

— Эй, ты куда? — обеспокоенно поинтересовался Птаха. Неудивительно — Вадик всего несколько часов назад валялся пластом. Но он чувствовал, что вполне в состоянии одеться и

выйти наружу. И вообще — надо.

— К Некроманту. В конце концов, если бы не он...

Птаха только молча кивнул.

День был ясным и холодным, но это и к лучшему — от холода окончательно развеялся туман в голове. И видеть мир солнечным и четким было особенно приятно — так не возникало опасений, что все опять станет зыбким и нереальным. Вадик в очередной раз обругал себя придурком. Ну видел же уже эту полупрозрачность, которую помнил еще по Питеру! Нет, надо было дальше лезть. И куда вообще его под конец занесло? «Вот именно что под конец». В глазах опять начало мутиться, но Вадик сообразил, что это просто усталость. Уж если он два дня вообще не вставал — неудивительно, что на восстановление нужно время. Он присел на остатки крыльца выгоревшего изнутри дома, который так и торчал здесь все эти два года, поскольку никому до него не было дела. Дождался, пока очертания снова прояснятся, и отправился дальше.

Некромант сидел на крыльце, прислонившись к одной из опор и полуприкрыв глаза. Несмотря на холодную погоду, куртки на нем не было, только наброшенный на плечи свитер. Он не поднимал головы, но Вадик понимал, что Некромант его видит. Он подошел ближе.

— Вопросы? — коротко спросил Некромант.

— Ни малейших, — быстро ответил Вадик. — Понимаю, что сам придурок.

— Все мы тут придурки, и я больше всех, — отозвался Некромант. — Пошли в дом, что ли. Надо.

Уже вставая, он проговорил в пространство:

— Что вопросов нет — это хорошо. Сейчас я бы за себя не поручился.

Вадик хотел сказать «да я и сам...», но осекся. Во-первых, он-то, хоть и с передышкой, пришел сюда своими ногами, а Некромант кое-как добрался до дивана и рухнул на него, переводя дыхание. Черт, да он после Нижнего быстрее в себя пришел! А во-вторых, вот еще нашел что обсуждать! Так что Вадик просто спросил:

— Чаю сделать?

— Было бы неплохо, — наверное, выражение лица Некроманта надо было считать улыбкой. — В кои веки здесь будет человеческий чай.

Вадик возился с чаем, стараясь лишний раз не смотреть в сторону дивана. Потому что и стыдно до сих пор, и, главное, непонятно, почему так? И снова вспомнились слова Птахи: «Ну, Некромант — это вообще особый случай, ему первый переход чуть жизни не стоил». Очень захотелось провалиться прямо сквозь кафельный пол.

— Повторюсь, — крайне своевременно подал голос Некромант, — по большому счету, если тут кто и придурок, то я сам. В конце концов, я здесь старший. И это я отправил тебя одного. Я недооценил твои возможности. И, пожалуйста, не заводи про «я больше не буду». Будешь. Более того, сам же и прослежу.

Вот тут Вадик чуть не выронил чайник. С одной стороны, он уже видел, что Некромант не держит на него зла, а Птаха и подавно, но где-то в глубине души ему представлялось, что теперь его если и не выставят из Внешних — некуда выставлять — то уж точно никуда не пустят как минимум до совершеннолетия. И он даже, в общем-то, был к этому готов. А тут...

— У тебя огромный потенциал, юный Скайуокер, — снова заговорил Некромант. — И я не дам тебе спустить его в никуда, убившись раньше времени. Даже если ради этого придется попортить тебе физиономию. Надеюсь, сотряс я тебе не устроил?

— Да нет вроде... Я все это время дрых почти беспробудно.

— Если тебя это утешит, я тоже. Но, скажу тебе, раньше чем через неделю я тебя не ждал. Да и вообще, по большому счету, ты в принципе не должен был устроить такую карусель, тебе полагалось начать вырубаться после пары переходов! Как еще в призраков не влетел, не знаю — тут даже я уже мог не вытащить.

— Призраков? — переспросил Вадик. Перед глазами встал заволакивающий все вокруг туман. Ему тогда показалось, что порой он складывается в какие-то силуэты, но слишком зыбкие, чтобы их различить. Наверное, все-таки показалось. И он почти явственно услышал слова Некроманта: «Думал — все, опять силы не рассчитал, призраки дороги мерещатся. Навидался, пока сам на обочине подышал».

— Сложно сказать, что это вообще такое, — задумчиво произнес Некромант. — Сам понимаешь, многое я не помню, а еще больше сам не хочу вспоминать. С виду эта дрянь похожа на людей, и как назло — на людей знакомых. Друзья, враги, случайные попутчики... Самое поганое, что я не мог разобрать, где кто — тянуло то обниматься с редкостной падлой, то свернуть шею тем немногим, к которым я не боялся повернуться спиной. От такой чехарды с ума сойти — раз плюнуть. Может, и сошел, в итоге. Во всяком случае, тем, кто я сейчас, я стал именно тогда. Когда вот так кидает сорок раз за каких-то пять минут — тут или кого-то действительно прикончишь, или сам... Просто чтоб больше этого не видеть и не чувствовать. Кажется, меня спасло только то, что я уже мало что мог сделать. Но снова попасть в этот хоровод теней... врагу не пожелаю.

Вадика передернуло. Некромант как будто вовсе забыл о его присутствии — отрешенный голос, взгляд в никуда... Таким он был разве что весной, когда Тундра пришла к нему... Вадик выругался сквозь зубы, облившись горячим чаем. Все сложилось воедино.

— Так получается... это было...

— Дорога, которая никогда не свернет. По которой, так получилось, я могу пройти и провести другого. Обычно в один конец.

Вадик перевел взгляд на стену — просто чтобы не смотреть в глаза Некроманта, снова заполнившиеся бездонной чернотой. И наткнулся на собственный рисунок. Тот самый, где была рухнувшая на обочину высокая фигура, пустая дорога — а больше, собственно, не было ничего, кроме небрежной штриховки. Относительно живой прототип криво усмехнулся:

— Некромантом меня называли еще до Внешних — за то, что любую рухлядь могу поднять. Прозвище оказалось удачнее, чем все думали.

Вадик нашел тряпку, вытер пролитый чай и заново наполнил кружки. Некромант взял свою, слегка кивнул в знак благодарности, сделал глоток и погрузился в какие-то собственные мысли. Вадик опрокинул свою кружку залпом, надеясь, что в голове прояснится. Помогло не очень. Это что же... его занесло вот туда, где сейчас, наверное, Тундра? И Некромант, получается, вытащил Прокси не просто из городской заварушки, а вот из этого? Память услужливо подсунула тот второй рисунок, а воображение любезно дорисовало силуэт «Камаро», постепенно тающий в тумане. Вместе с фигурой водителя. Вадик помотал головой и сделал это зря — и синяк еще отзывался на резкие движения, и координация вернулась не полностью. Некромант, даже не глядя в его сторону, выставил руку и направил в сторону диванной подушки. Нет, ну что за дела? Такого не было с той самой подворотни, где ему собственный труп примерещился. Все-таки тогда к тому было ближе... Или нет?

— Спасибо тебе, что вытащил, — ничего более умного Вадик не придумал.

— Работа такая, — к счастью, Некромант опять не стал договаривать. — Извиняться только не вздумай. Во-первых, повторюсь, главный придурок здесь я сам. А во-вторых, то, что ты жив, сам пришел ко мне и при этом не хочешь меня прибить — более чем достаточно.

Он откинулся на спинку дивана и прикрыл глаза. Вадик и сам чувствовал, что устал, так что просто молча кивнул и вышел, оставив недопитый чай Некроманту. Домой он добрался без остановок, но ни на что большее его не хватило — он кое-как вскарабкался на второй этаж и снова рухнул спать.

В следующие несколько дней Вадик практически вспомнил свои первые дни у Птахи. Он отсыпался, бродил по двору, понемногу наводил порядок в вещах, потому что стало теплеть, а с осени он опять кое из чего вырос, смотрел кино и слушал музыку. Но постепенно жизнь вошла в прежнее русло. В пабlike опять активизировались вышивальщицы, а однажды незнакомый пользователь написал «Привет от Джерри!». Это был один из питерских Внешних, которому невероятно понравилась ее пантера, и он хотел в похожей стилистике себе дракона. Вадик взялся за голову: опять черное на черном, да еще дракон, по мысли его собеседника, должен был намотаться чуть не на всю машину! Такого размаха у него еще не было. Впрочем, тем интереснее. «Звать-то тебя как, драконовод?» — поинтересовался Вадик. И невольно поморщился, увидев на экране: «Змей я. Иногда Змеюка». «Развели рептилий», — буркнул Вадик вполголоса, как будто по ту сторону монитора его могли слышать. Впрочем, тут от Змея прилетела фотография его машины, где в кадр попал и он сам. Парень как парень — длинные темные волосы, выдавшая виды косуха, чуть ехидная улыбка. Мнение насчет прозвища Вадик оставил при себе и стал обсуждать рисунок.

Тем временем проявился Некромант, написав: «Если что, я давно пришел в себя». «Я тоже», — тут же ответил Вадик. Ответом было: «Ты меня понял». Вадик кивнул экрану телефона и направился привычным маршрутом.

Перед домом Некроманта он почти что столкнулся с Прокси. Тот попытался притвориться деталью пейзажа, но с его прической шансов не было.

— О, и этот перестал прятаться, — прокомментировал Некромант, появляясь в дверях. — Иди сюда, пособием будешь.

— А чего прятался-то? — поинтересовался Вадик. Прокси вместо очередной шуточки только оглядел их обоих с несчастным видом, и ответил за него Некромант:

— Надо полагать, наш электронный разум опасается, что за выданные тебе права я теперь откручу ему башку. Можно подумать, он не со мной же эту тему обсуждал. Так что если я ему что и откручу, то сугубо символически и в рамках тренировки. А ты тоже глаза не прячь. Я все сказал и претензий не имею.

— Ффух, — выдохнул Прокси, обретая привычную манеру держаться. — Это чудовище все-таки способно на гуманизм!

— А что это? — парировал Некромант с характерной ухмылкой. Вадик почувствовал, что расплывается в улыбке. Все по-прежнему.

Единственное, на что Вадик пока не решался — это снова сесть за руль. Вроде бы слабость и сонливость давно прошли, даже на тренировки вон вернулся и не сказал бы, что сильно просели результаты. Но стоило взглянуть на их с Прокси общий гараж — и только что колени не подгибались. В конце концов Вадик разозлился: какого черта! Его машина, в конце концов! Надо бы хоть посмотреть, как там и что. Тем более что тогда он, понятно, сам

загнать «Камаро» в гараж был не в состоянии. Или Прокси помог, или Птаха потом вернулся — на Некроманта явно надеяться не приходилось.

Вадик шел к гаражу, поминутно озираясь и поминутно же ругая себя за это последними словами. Все ведь уже по разу сказали, что все в порядке! Никаких наказаний и ограничений не будет, да и вообще, не маленький уже! Тем более он и ехать никуда не собирался — слишком уж живо вставал в памяти наползающий туман и та безумная гонка. Во всяком случае, так оно ощущалось — не исключено, что Некромант тогда ехал вообще с черепашьей скоростью, но Вадику и того хватило. Нет, конечно, он опять сядет за руль — но, наверное, не сейчас.

— Давно пора, — Некромант, не иначе, почуял его присутствие. Вадик непонимающе взглянул на него. Некромант подошел вплотную. Надо же, уже и не особо приходится задирать голову...

— Ты боишься, юный Скайуокер, — не вопросительно, а утвердительно проговорил Некромант. — Страх — не лучший путь на Темную сторону. Вспомни, откуда ты берешь силы.

«Я больше не хочу бояться», — услышал Вадик собственный голос, показавшийся ему удивительно детским. И в очередной раз обругал себя. Не маленький мальчик уже, чтобы дрожать, не будет ли чего! Уж если Некромант стоит тут рядом и ничего не происходит...

— Сядь за руль, — настойчиво сказал Некромант. — Тебе это нужно. Иначе так и будешь шарахаться. Вспомни, что ты можешь.

Он даже чуть подтолкнул Вадика к гаражу. Тот нерешительно, затем увереннее подошел и распахнул ворота. В пасмурный день «Камаро» смотрелась ослепительно яркой, и Вадик понял, что успел очень соскучиться. Он вывел машину из гаража... и резко притормозил. На поляне появился Птаха.

— Я... — начал было Вадик, открыв окно. Но Птаха лишь улыбнулся:

— Давай, мелкий. Тебе надо. Сам уже подумывал тебя обратно за руль загнать, Некромант успел раньше.

Вадик недоуменно заморгал. То есть, получается, он вот так вот боялся, а они все это время ничего не имели против? И чего он, спрашивается, шарахался по углам? Уже стала подкатывать знакомая злость, но некоторые сомнения еще остались. И Птаха, конечно, это заметил.

— Хочешь, я поеду с тобой? Или Некромант вон, он вроде не занят...

— Нет, — решительно сказал Вадик. — Если я влип, когда был один... значит, и исправлять надо тоже одному. Чтобы, это... перезаписалось.

Он вопросительно взглянул на Некроманта, тот кивнул:

— Именно так. Перезаписалось. Смотрю, понабрался ты от Прокси. Но по сути все верно.

— Пожалуй, ты прав, — сказал Птаха. — Осторожнее в дороге.

Еще недавно Вадик буркнул бы что-нибудь вроде «да помню я!», даром что прекрасно понимал — Птаха точно не собирается занудствовать и воспитывать. Но сейчас он лишь тихо сказал:

— Хорошо.

Птаха показал жестом «держись!» и отошел. Вадик тронулся с места и чуть не разревелся от облегчения. Потому что сейчас все опять стало правильно. Вот он за рулем своей «Камаро», его навыки, пусть пока небольшие, никуда не делись, вот знакомые улицы и

выезд на трассу, и вот ускорение и тот потрясающий момент, когда машина уже как будто не едет, а летит над асфальтом. Вадик еще прибавил скорости и рассмеялся. Просто от счастья. Все как надо.

Между тем город становился ближе, и Вадик почувствовал смутную тревогу. А ну как не получится? Или просто не хватит сил. Может, обратно повернуть, хватит для первого раза? «Ты боишься, юный Скайуокер», — Вадик даже бросил взгляд на пассажирское сиденье, но там, конечно, никого не было. Он сжал зубы. Нет уж. Бояться он больше не собирается. Тем более — бояться того, о чем столько мечтал. И «Камаро» взлетела по мозаичной эстакаде.

Вадик остановил машину в расширении дороги — как бы не том же, где в прошлый раз полицейский спрашивал о его самочувствии. «Слушать надо было, балбес!». Хотя на тот момент ему было более чем хорошо. Он прошелся вокруг машины, огляделся по сторонам, обнаружил выпавший или выбитый фрагмент ограждения как раз на высоте своего роста и выглянул в дыру. Вокруг был тот самый город, куда его когда-то привез Прокси. Все было ярким, знакомым и вполне материальным. Вадик облегченно выдохнул.

Перекусив в кондитерской и осторожно пристроив на пассажирское сиденье здоровенную коробку пирожных, Вадик задумался. Очень хотелось проверить, как оно там с другими версиями. Но что, если опять? Вспомнился потухший взгляд и бесцветный голос Птахи. Нет, так нельзя. В конце концов, если он смог попасть сюда — значит, ничего никуда не делось. Успеет еще насмотреться, а пока можно просто покататься.

Вадик направил машину вниз по эстакаде и вдруг резко затормозил. Сзади раздался недовольный гудок. «Иди ты!» — выругался Вадик. Насколько он видел сверху, до Нижнего города было еще ехать и ехать, а настолько разбитый асфальт разве что там. Он взглянул в зеркало — разноцветных небоскребов не было. Только несколько высоток самого унылого вида и расцветки. Вадик полностью остановил машину и помотал головой. Это как понимать вообще? Он же никуда не собирался! Хотя... если по-честному, он так и не смог решить, будет пробовать силы или нет. Видимо, дорога решила за него.

— Нет уж, давай обратно, — Вадик понятия не имел, с кем разговаривает и есть ли вообще этот кто-то, но как-то проще было представить это чьими-то происками. — Все проверено, все работает, а здесь мне не нравится!

Он свернул за угол, едва вписавшись между двумя провалами грунта, и удовлетворенно кивнул, снова обнаружив красочные эстакады. На всякий случай он сделал еще остановку — мир по-прежнему стоял на месте и был стабилен. «Все, хватит на сегодня», — не без сожаления решил Вадик и направил машину обратно домой.

— Ну как? — чуть обеспокоенно спросил Птаха. Похоже, он все это время так и ждал на поляне.

— Перезапись завершена успешно! — ответил Вадик, подражая механическому голосу Прокси, и оба рассмеялись.

В почти уже забытой жизни в Верхнем городе — неужели это было всего-то два с небольшим года назад? — Вадик не слишком различал времена года. Все равно в крытые галереи никакая погода не проникает, ну, небо поглубее, посерее или пожелтее, ну, климатическая система настроена на более теплый или более холодный воздух, ну, при выходах наружу иногда куртка нужна, а иногда нет, но в общем и вся разница. Лето — хорошо, не надо учиться, хотя школа все равно подкидывала задания на каникулы, и батя, а потом Никитос пытались делать вид, что следят за их выполнением. Осень — уныло, потому что опять в школу, с другой стороны, с ребятами можно встретиться. С третьей стороны, и так все живут в одном комплексе, в лагерь мало кто ездил, про другие города и говорить не приходится. Так что времен года у него было два — «надо в школу» и «не надо в школу». А теперь никакой школы не было, учеба хоть и продолжалась круглый год, но была в разы интереснее, а вокруг был настоящий живой мир, в котором, как оказалось, с временами года полный порядок. И вот после бесснежной, но довольно холодной зимы наступала весна, и Вадик с удивлением понял, что впервые видит ее приход. Хотя это была уже третья его весна среди Внешних. Но в первый год он ходил настолько ошалевшим от всего, что с неба могли хоть радужные единороги сыпаться, и это вполне вписалось бы в обстановку (он представил и долго смеялся). В начале второй весны случилась вся эта история с Тундрой, и Вадик более-менее пришел в себя, когда все уже зазеленело. А теперь он бродил по окрестностям, крошил берцами остатки ледяной корки над ручейками, отыскивал первые почки и просто вдыхал этот ни на что не похожий воздух. И, конечно, много ездил, открыв окно, чтобы ветер бил в лицо и как угодно трепал волосы. Некромант оказался прав — после той поездки все опасения исчезли. Вадик помнил о перерасходе сил и останавливался при первых признаках усталости, но с удовольствием замечал, что наступали эти признаки все позже. Словом, он был счастлив.

Для полного счастья с ним списался замолчавший было Змей. Он, как оказалось, сам немного рисовал, так что поделился примерным эскизом, как мог бы выглядеть дракон. Вадик предложил свой вариант, заменив оскаленную пасть на более спокойную и немного ехидную улыбку восточного дракона, Змей пришел в восторг и пообещал скоро приехать. Гараж Некроманта пока занимал Прокси, превращавший мирного «Жука» в рассадник явно ядовитых грибов самых психоделических расцветок, но он обещал скоро освободить территорию. «Хоть глаза отдохнут, — ворчал Некромант. — У меня голова кругом от твоих радиоактивных грибочков!». «А то ты меня первый день знаешь!» — парировал Прокси, любовно выводя очередной гриб. Некромант картинно закрывал глаза рукой и закапывался в инструменты.

«Жук» со всей грибницей уехал как раз вовремя — в тот же день на поляну въехал черный пикап. «Форд», как был и у Ящера... Вадик тряхнул головой — воспоминания были совершенно не к месту, тем более что спрыгнувший из-за руля Змей не походил на него вот вообще ничем, разве что общей комплекцией и быстрыми движениями. Но в его повадках не было ничего резкого и нервного, даже наоборот — он весь был какой-то текучий и плавный, даже из машины не спрыгнул, а мягко стек. Фотография, как выяснилось, была не самая удачная — в жизни Змей был гораздо симпатичнее и колоритнее. Хотя, опять же, в его облике не было никаких ярких красок. Черная косуха и джинсы, черная футболка с белым

контуром кобры, прямые темные волосы ниже плеч, чуть узковатый разрез глаз — явно в родне затесались какие-то азиаты. Он быстрым шагом подошел к Вадику и протянул руку:

— Всех шапочно знаю, тебя нет, значит, ты Марек и есть, так?

— Так, — подтвердил Вадик. Змей удовлетворенно кивнул, улыбаясь уголком рта. В этот момент прозвище подходило ему вообще идеально.

«Форд» отправился в гараж, где когда-то стояла «Тойота». Как выяснилось, Прокси то ли нашел запасной ключ, то ли попросту вскрыл замок. Вадик болезненно поморщился, но Прокси тихо сказал: «Знаешь, память — она не в этом». Вадик коснулся серебряного оленя. Прокси был совершенно прав.

Змей несколько тревожно поглядывал на гараж Некроманта, которому предстояло стать мастерской. Вадик усмехнулся про себя — видимо, Змей тоже наслушался историй про «цену помощи». «Ладно-ладно, сейчас здесь работаю в основном я, так что действовать будет мое колдунство». Ему стало смешно, и последние тягостные мысли по поводу бывшего гаража Тундры развеялись.

Вписываться Змей ни к кому не стал, сказав, что предпочитает отдельную территорию, так что просто снял номер в гостинице неподалеку. Вадику это было несколько странно — до сих пор, в общем, не было проблемой пустить пожить, и Змей на него произвел вполне хорошее впечатление. С другой стороны, на Птаху Змей поглядывал почти с той же опаской, что и на Некроманта — наверное, на одной территории и правда было бы неудобно. И хорошо, что про пустующий дом Тундры Прокси ни слова не сказал. Наверное, однажды он к кому-нибудь да перейдет или останется гостевым... но сейчас все-таки пока рано. Гараж — ладно, а тут все-таки другое. Отдельно Вадика позабавило, что в очередной раз те самые inferнальные Внешние благополучно бродят среди мирного населения, и никого это не смущает.

Наутро Змей появился в гаражах, давась от смеха. Как оказалось, администратор гостиницы, скучая без особого наплыва постояльцев, очень обрадовался новому лицу и долго рассказывал о местных нравах, не обращая внимания на заверения Змея, что в столице и окрестностях он далеко не первый раз.

— От здешних гаражей особо предостерегал — живым, мол, не выйдешь, их все за версту обходят, там логово террористов, сатанистов и черт знает еще каких — истов, что ни день, то трупы. Я уж про собственную репутацию промолчал.

Но от Вадика не ускользнуло, как он снова покосился на гараж Некроманта. Это заметил и сам Некромант. Он вышел из тени, и Змей чуть вздрогнул — похоже, не ожидал.

— Что, тоже историй про мою мастерскую наслушался? — усмехнулся Некромант. — Спокойно, пока что меня твоя жизнь, душа и прочие сущности мало интересуют.

Змей криво улыбнулся в ответ и перевел разговор на аэрографию. Вчера Вадик как раз еще немного доработал эскиз, и теперь дракон так же чуть ухмылялся уголком рта, как и его будущий обладатель. Змей, естественно, это заметил и очень развеселился. Даже на Некроманта коситься перестал.

Джерри с ее пантерой — это были еще цветочки. Пантера хоть «бродила» в пределах капота. А дракон был мало того, что огромный, так еще состоял из кучи деталей — тут и чешуя, и грива, и все это очень тонко и призрачно... В общем, выезды на «Камаро» стали жизненной необходимостью — нужно было переключиться хоть на что-то цветное. Прокси, конечно, паясничал как мог:

— Ты уверен, что можешь сразу без перехода воспринять это цветное безумие? — с

напускной тревогой спрашивал он, загораживая проход к гаражу. — Там ведь еще мой байк стоит! На меня, что ли, пока посмотри, хоть не так ярко!

Вадик в ответ только фыркал, отодвигал Прокси с дороги (это стало получаться довольно легко) и отправлялся развеяться. Однажды с ним напросился Змей. Вадик несколько замялся — вроде и сам он еще начинающий, и он помнил, что Некромант высказал Прокси за Стаса... Но Змей сказал прямым текстом:

— Я сам с вариантами особо не экспериментирую, сдыхаю быстро. Просто стало интересно, что у тебя. С кем-то другим оно проще проходит.

Вадик мысленно выдохнул. А когда Змей поинтересовался, давно ли он за рулем, и очень удивился, узнав, что всего с осени, так и вовсе мысленно задрал нос. Ненадолго — маневрировать мешало. А надо вернуться без приключений.

Раз уж Змею было интересно, Вадик вдоволь накатался по разноцветным эстакадам. В свой родной город заглянул буквально на несколько минут — и не тянуло проверять, насколько полиция игнорирует Внешних, и Змей на пассажирском сиденье состроил физиономию, ясно выражающую, что он бы тоже отсюда свалил при первой возможности. Сладкого Змей, как оказалось, не любил, так что в кондитерскую Вадик его тащить не стал. Зато по пути они разговорились о том, кто и когда влипал в разные неприятности, и Змей уважительно кивнул, когда Вадик рассказал о стычке на набережной.

— Как насчет помахатьсья? Все равно пока, я смотрю, перерыв... — предложил он, едва успев вылезти из машины. Вадик согласился, запоздало подумав, что сейчас его этот Змей разделает под орех — сразу после поездки-то. Хотя, как ни странно, особо уставшим он себя не чувствовал, а ведь переходов было несколько. От гаража, традиционно, за ними наблюдал Некромант.

— Давай, юный Скайуокер, покажи мощь Темной стороны! — усмехнулся он, извлекая с полки свой тренировочный арсенал, пока Змей собирал волосы в хвост.

— Мне бы сейчас не показали... — буркнул Вадик. Но вскоре с удивлением обнаружил, что держится вполне неплохо. Змей был быстрым и ловким, понятно, что в реальном бою он очень опасен, а реальных боев у него было много, судя по манере двигаться... но эту манеру Вадик уже знал на примере Некроманта. И да, силы после поездки вроде бы остались... Когда мир вернулся на место, Вадик обнаружил, что стоит над Змеем, припавшим на одно колено в знак поражения.

— Так, я не понял! — проговорил Змей. — Тебя кто так драться учил?

— Я, — подал голос Некромант. Змей снова криво улыбнулся:

— Знал бы — еще подумал бы, прежде чем лезть! Преемника себе готовишь?

Некромант ответил мгновенно и неожиданно резко:

— Своего места я врагу не пожелаю.

На пару секунд их со Змеем взгляды встретились. И в кои веки Змей не стал отводить глаза. Он медленно кивнул в ответ каким-то своим мыслям и уже с прежней улыбкой обернулся к Вадику:

— Реванш?

На этот раз победа осталась за Змеем. Что было совершенно не обидно — он старше и опытнее. Видимо, в первый раз сделал скидку на юный возраст Вадика. Но и сейчас Вадик отметил, что и Змею от него досталось не раз.

— На меня выйти рискнешь? — снова проявился Некромант. — На тренировках обычно не убиваю.

— Шуточки у тебя... — проворчал Змей. — Но раз уж сам предлагаешь... Возможность помахаться с Ликвидатором и выжить бывает нечасто.

— Он еще про мои шуточки что-то говорит! — ухмыльнулся Некромант.

Косуха Змея с самого начала валялась у гаража — точнее, почти стояла, потому что по прочности могла тягаться с бронежилетом. Теперь Змей аккуратно снял с шеи плоскую цепочку, напоминаящую своим плетением опять же змеиную чешую, и повесил на ближайший сучок. Туда же отправился браслет такого же плетения. Некромант наблюдал за его действиями с легкой усмешкой. Вадик невольно коснулся своего оленя — тоже ведь, если вдуматься, может быть помехой в драке... Но на эту мысль он даже разозлился. Снимать оленя он не собирался в принципе. А что до помехи... Он вспомнил, что Некромант говорил по поводу его длинных волос. «Сам понимаешь, времени на смену прически тебе никто не даст. А про уязвимость я тебе втирать не буду, потому что сам такой же и научу, чтобы это не было проблемой». Вадик сжал оленя в кулаке и улыбнулся.

А потом все мысли ушли, потому что поединок Змея и Некроманта — это было зрелище, достойное того, чтобы смотреть во все глаза. А ничего больше и не оставалось — Вадик попытался что-то заснять, получились какие-то размытые черные пятна. Оба рослые и худощавые, у обоих эта текучая, но стремительная манера передвижения — ну точно две кобры сцепились! Но тут круговорот распался, Змей рухнул навзничь, и Некромант, в точности как в Нижнем, нейтрализовал его руку с ножом и наметил добивающий удар. Вадика чуть передернуло.

— Жив? — поинтересовался Некромант, протягивая руку и помогая Змею встать. — Что-то я слегка увлекся. Давно вне нашей тусовки хороших оппонентов не встречал.

— Жив, — улыбнулся Змей, поднимаясь и вытряхивая из волос прошлогодние листья. — Чему сам удивляюсь.

Он прямо взглянул Некроманту в глаза и усмехнулся. Некромант ответил такой же усмешкой. Кажется, теперь Змея уже ничего не смущало.

Дракон постепенно «расползлся» по машине, и Змей замороженно наблюдал за каждым шагом. Вообще он проводил в гаражах столько времени, что Вадик порой даже забывал, где он остановился. Да и какая разница? Из разговоров он понял, что Змей по натуре одиночка, никогда не примыкал ни к какой тусовке и не слишком любит рассказывать о своем прошлом — разве что отдельные эпизоды. И так было понятно, что ушел он к Внешним при не самых простых обстоятельствах. Да от хорошей жизни туда обычно не уходят. С каждым новым знакомством в среде Внешних Вадик понимал это все яснее. Цепкий взгляд Патрика, шрам через ключицу Джерри, смутные упоминания Джимми о прошлой компании — или это он уже был Внешним? Теперь вот Змей, со своей ухмылкой на одну сторону и отличными боевыми навыками. Они с Вадиком еще не раз сходились в тренировочном поединке, и первый успех больше не повторялся — Змей понял, что имеет дело не с новичком, и дал себе волю. Впрочем, Вадик и так был доволен как слон, если удавалось его достать. Опытный Внешний, рослый сильный парень — и они почти что на равных!

Некромант тоже обрадовался интересному противнику, так что всем троим было чем заняться, пока сох очередной слой. Прокси бродил вокруг и обзывал их маньяками. На очередную тираду Некромант ответил особо дьявольской усмешкой и с возгласом «каждый за себя!» бросил Прокси тренировочный нож.

Вот такого у Вадика в практике еще не было. С одной стороны, вроде бы и хорошо —

оппоненты вряд ли объединятся. Но их трое, и учитывать надо всех. И то, что каждый из них в том же положении, слабо утешало. В общем, Вадик выбыл первым. К его удивлению, Змей «пережил» его ненамного. Зато Прокси, со всеми трагическими физиономиями, держался против Некроманта еще долго. Наконец и он картинно рухнул на кучу листьев и жалобно произнес:

— Вот так всегда! Я вообще-то сюда по делу, а меня, как обычно, втягивают в очередную смертоубийственную затею!

— Еще скажи, что ты против, — хмыкнул Некромант. — Чего хотел-то?

— Да вот была мысль немного отвлечь тебя от истребления себе подобных. От тебя никаких усилий не потребуется, кроме необходимости некоторое время созерцать мою глумливую физиономию!

— Только не говори, что я тебе в качестве модели понадобился.

— Не буду, потому что это сказал ты сам, — Прокси соорил рожу. — Ну мне такой эпик заказали, с демонами и прочим беспределом! Ну такая фактура!

Он сделал умоляющий вид. Некромант махнул рукой:

— Ладно, несчастье, будет тебе фактура, хоть прямо здесь. Вискарь есть? Не май месяц все-таки.

— За такую услугу — все что угодно! — пафосно раскланялся Прокси. Не дожидаясь его возвращения, Некромант распахнул рубашку. День был прохладный, но Вадик уже не раз видел, что Некроманту мало дела что до жары, что до холода. Змей, видя эту «фактуру», явственно поперхнулся. Не иначе, вспомнил недавний ответ Некроманта. Вадик по-прежнему совершенно не хотел знать, как Некромант стал тем, кто он есть сейчас. И так знал больше, чем хотелось.

Прокси вернулся с бутылкой виски и этюдником. Судя по тому, как быстро он все это провернул, а также по тому, как Некромант прислонился к березе и замер с отрешенным видом — что бы там Прокси ни говорил, дескать, «не на этом же чудовище тренироваться», а Некромант ему позирует далеко не в первый раз. Вадик хихикнул и вернулся к своему дракону. Змей еще раз опасно покосился на Некроманта и предпочел дальше наблюдать за аэрографией.

Наконец дракон стал таким, как и задумывалось. Мерцающий полупризрачный силуэт обвивался вокруг машины, рассыпая вокруг себя звезды (подсказка Прокси), морда на капоте чуть ухмылялась зрителю — точно как сам Змей, одним уголком рта. Змей в восторге носился вокруг собранного обратно «Форда», рассыпаясь в комплиментах и заявляя, что это теперь будет его тотемный зверь. Вадик сидел у гаража, глядя в весеннее небо, чтобы дать отдохнуть глазам — но с удивлением понимал, что, хотя и вымотался от такого объема работы, сейчас скорее отправился бы кататься, а не отлеживаться дома. Хотя, наверное, если Птаха скажет, что не стоит — он не будет спорить.

— Спасибо! — Прокси прочувственно жал руку несколько недоумевающему Змею. — Твой проект достаточно надолго занял мастерскую этого чудовища, чтобы мне наконец удалось воплотить все коварные планы! Электроника, сети, обходные пути и прочие махинации — все это прекрасно, но я, в конце концов, художник! Ох, как давно у меня не было случая вот так вдоволь порисовать!

— «Жука» тебе мало? — поинтересовался Некромант.

— Мне всегда мало! — парировал Прокси. — И вообще, абстракции абстракциями, а без моделей я чахну и дохну!

— Краше меня не нашлось, видимо, — фыркнул Некромант.

— Ничего ты не понимаешь в искусстве! Ангельскую красоту вроде давешнего ясновельможного пана, конечно, рисовать легко и приятно, да и полезно иногда вспомнить, как вообще людям полагается выглядеть, но, во-первых, мне был нужен именно такой типаж, а во-вторых, твоя неканоничная внешность — это же счастье для художника! Так что не надейся, я с тебя не слезу!

— Да мне с тобой давно все ясно, — Некромант говорил, как обычно, мрачно, но на его лице все же мелькнула едва заметная улыбка. Прокси счастливо ухмыльнулся до ушей и исчез в своем «Фольксвагене».

— И что это было? — озадаченно спросил Змей.

— Это Прокси, — давясь со смеху, ответил Вадик. — И у него вдохновение.

— Хорошо еще, на меня оно не распространяется! — Змей улыбался, но как-то неуверенно.

— Даже не надейся! — совершенно непонятно, как Прокси мог слышать их разговор, но его взъерошенная голова опять высунулась из двери. — Не волнуйся, долго доставать не буду, но ты мне тоже нужен! И учти, сопротивление бесполезно.

Из «Фольксвагена» традиционно донеслось крайне нелестное мнение о биологической оболочке, и Прокси появился снова, вооруженный все тем же этюдником. Змей страдальчески закатил глаза, но Прокси всего лишь попросил его какое-то время посидеть на одном месте, сделал быстрый набросок и остался доволен.

— Как насчет злобным демоном побыть? — подмигнул он. Тут уже и Змей усмехнулся:

— Да кем я только не был! Хотя Некромант, мне кажется, больше подходит.

— Вот еще! — картинно возмутился Прокси. — Это у нас будет воплощенное древнее зло... Впрочем, он по жизни оно и есть! Вот, полюбуйте!

Он показал на экране телефона уже цветную зарисовку с очень узнаваемой худощавой фигурой на фоне закатных облаков самого зловещего вида.

— Да-да, как раз закат был, — ухмыльнулся Некромант, подходя сзади. — Но крови на дороге было побольше.

— Иди ты! — возмутился Прокси. — Как там, все лица и обстоятельства вымышлены!

— А я бы не сказал... — задумчиво произнес Некромант и скрылся в гараже раньше, чем Прокси успел ответить.

Почти сразу же после отъезда Змея зарядили дожди. Впрочем, Вадика это не сильно смущало — дождь был не уныло-холодным, а настоящим весенним, после которого изумительно пахло свежестью. Он завел себе ветровку, которую дождь не брал, так что попасть в гаражи или немного пройтись по окрестностям совершенно не было проблемой.

За ветровкой он, кстати, впервые отправился один — Птаха опять с головой увяз в большом проекте, да и, в конце концов, не маленький уже, чтобы все время ходить с сопровождением. Шпана с ним связываться не рисковала, окрестные улицы он знал, продуктами давно закупался сам, ну и в чем проблема? «Да просто привык», — ответил он сам себе. Он действительно привык, что всем рулит Птаха, и не то чтобы хотел отвыкать. Потому что как-то это было... неправильно. Да, Птаха миллион раз говорил ему, что это его дом, что он здесь решает ровно в той же мере, в конце концов, он сам уже Водитель... но он — младший. В любом случае. Пусть он стал взрослее, Птаха всегда будет старше, опытнее и вообще. И Вадика очень не нравилось, когда в разговорах с Птахой проскальзывало что-то вроде «меня может и не быть рядом», «мне бы уже не стоило», «тебе пора решать самому». Оно, конечно, понятно — ему шестнадцать лет, в этом году семнадцать исполнится, практически взрослый. Да что «практически» — он уже вполне себе художник (по совету Прокси, Вадик решил «не прибедняться»), уверенно водит машину, неплохо держался против Змея. И, так если посмотреть, Птаха прав. Но почему-то от этой его правоты становилось уныло и не хотелось обсуждать эту тему. Взрослый или нет, Вадик — его младший брат. Так есть и так будет.

Впрочем, как бы то ни было, ему все больше нравилось бродить одному. Он окончательно свыкся с тем, что здесь его дом, что кругом либо свои, либо те, кто не представляет для него угрозы — вон, в очередной визит к «дяде Вене» кто-то попытался к нему сунуться, так сунувшегося свои же утащили под руки с приглушенным шипением «ты куда, это же этот, ну который тогда...». Вадика даже было жаль, что он не услышал, что же было «тогда» и какое «тогда» вообще имелось в виду. Хотя рассказы про юного отморозка, который за косой взгляд прирежет, до него долетали.

А еще внезапно оказалось очень круто просто вот так взять и пойти выбирать себе куртку. Или художественные принадлежности. Или новую игру. А может быть, посидеть в кофейне. Да что угодно. В глубине души Вадик все равно казался себе мальчишкой, играющим во взрослого — ну что ж, эта игра ему очень нравилась. Продавцы обращались к нему на «вы», он выбирал, что больше по душе, расплачивался своей картой... «Прямо как по-настоящему!» — смеялся он про себя. Хотя это и было по-настоящему.

И все же Вадик внезапно обнаружил, что чертовски соскучился по поездкам на «Тахо». Конечно, с его «Камаро», повинующейся каждому его движению, не могло сравниться ничего — но если что и могло, то «Тахо». Чтобы ехать себе по трассе, болтать с Птахой о всяком и слушать его подборку музыки. Вадик чувствовал, что ему это нужно. Как будто подтверждение, что все по-прежнему и все как надо.

Птаха чувствовал ровно то же самое, судя по тому, как он обрадовался предложению Вадика. Все стало ясно и с его мрачными настроениями, и с этими фразочками. Ему действительно немного грустно от того, что Вадик уже сам стал Водителем и вроде как чуть отдалился. Но, в конце концов, Птаха сам его учил! И братьями они от этого быть не

перестают! Вадик все это высказал Птахе и был несказанно рад увидеть его обычную улыбку. Потому что, ну действительно, мало что изменилось.

В этот раз им не хотелось в город. Просто проехаться, посмотреть на ходящие над полями тучи, а если дождь перестанет — выйти пройтись. Они даже взяли с собой бутербродов и термос с чаем — вроде как в поход, даром что на один день. И снова из магнитолы звучала «Металлика», за окном мелькали залитые дождем пейзажи, и Птаха улыбался, уверенно положив одну руку на руль.

Дождь почти прекратился — так, водяная пыль в воздухе, можно даже не надевать капюшон. Птаха остановился около обветшалой церквушки. Вадик сделал несколько снимков — может, пригодится Прокси в его иллюстрации, вроде бы что-то такое ему было нужно. Проселочная дорога вела в небольшую деревеньку, которая выглядела полностью заброшенной. Ну, может, пара стариков еще где-то и доживала свой век, но в пределах видимости все было тихо и пусто, дома стояли заколоченные и покосившиеся. Вадик опять защелкал камерой телефона — ну точно, как рассказывал Прокси, селение из книжки, опустошенное вторжением демонов! Он вспомнил, что одним из демонов должен стать Змей, и рассмеялся. Но через несколько шагов ему резко стало не до смеха.

За поворотом дороги, скрытым в разросшихся кустах, стоял васильковый «Судзуки Джимни». Совсем как тогда, по дороге с юга. Только вот стоял он здесь уже долго. Двигатель давно успел остыть. Как и тело водителя.

Птаха и Вадик молча переглянулись. Оба явно вспоминали одно и то же — прошлую встречу на трассе, как оказалось, последнюю, мутные повадки и реплики Сани и застывший взгляд Некроманта.

— Джимми не потому на меня не полез, что боялся проиграть, — негромко проговорил Птаха. — Может быть, я бы с ним и справился, но это я. Нижегородские все были способны постоять за себя. Но его застали врасплох.

Вадик молча кивнул, глядя на расплывшееся бурое пятно на пробитой джинсовке. И пробита она была со спины.

— Вопрос, кто, — Птаха продолжал рассуждать вслух. — Насколько я видел Джимми, он всегда был парнем подозрительным и осторожным. Этот его Саня — еще хлеще. Так, а не Санина ли это работа?

— Его, — с неожиданной уверенностью сказал Вадик. — Кто еще мог Джимми врасплох застать. И...

Он осекся. Внезапно он понял, что совершенно точно знает, как все было. Как будто видел своими глазами. Он и сейчас это видел — отчетливо, как наяву. И в следующую секунду он почувствовал, как на него накатывает ярость. Теперь он как никогда понимал слова Птахи насчет упавшей красной пелены. Это что же — Джимми, выше всего ставивший законы Внешних, назвал Саню своим Пассажиром, больше чем братом, и Саня же поднял на него руку?

— Я его убью, — неожиданно севшим голосом произнес Вадик. Мелькнула запоздалая мысль — а вправе он вообще так заявлять? Но где-то на фоне отчетливо прозвучал спокойный голос: «Но тот, кто пошел против наших законов — уже не Внешний, не Водитель». Да. Саня — уже не Внешний. Да и не был Внешним.

— Значит, так тому и быть, — сказал Птаха. — Если увидел именно ты — то и действовать тебе.

Вадик недоуменно взглянул на него. Это что же — Птахино чутье ему изменило? Так

вообще бывает?

— Я же говорил, что ты меня превзойдешь, мелкий, — усмехнулся Птаха, но усмешка вышла невеселой. — В этот раз, похоже, мое участие не требуется.

— Но послушай... мне все еще нет восемнадцати... и я не знаю, где это будет...

— А это уже неважно, — теперь Птаха говорил уже своим обычным твердым голосом. — Это дело между ним, тобой и дорогой, а больше никого не касается. Возьмешь «Камаро»?

— Да! — Вадик снова осекся: — Если ты не против, конечно...

— Брат, — Птаха смотрел ему в глаза, — это твой выход на дорогу. И, кажется, твоя дальнейшая судьба. Я не могу быть против.

Дождь полил сильнее, но Вадику было все равно — не надевая капюшон, он почти бегом направился к «Тахо». Птаха чувствовал его нетерпение и без единого слова вдавил педаль чуть ли не в пол. Хотя Вадику и это казалось слишком медленно. Он проверил пояс — подарок Некроманта был при нем. Это хорошо. Он не хотел тратить ни одной лишней минуты.

«Тахо» выкатилась на поляну, стряхнув с веток целый водопад. Вадик спрыгнул с сиденья и почти налетел на Некроманта.

— Какие демоны ада за вами гнались? У меня вроде никто из пентаграммы не сбегал!

Тут Некромант встретился взглядом с Птахой, и его ухмылка исчезла.

— Джимми из Нижнего погиб, — проговорил Птаха. — Судя по всему, убит своим Пассажиром.

Некромант закусил губу, словно от боли. Вадик увидел каплю крови.

— Я ненавижу терять наших, — глухо и с расстановкой произнес Некромант, сжимая кулаки. Сейчас Вадику хотелось порвать этого Саню в клочья и размазать по асфальту. Ну или того, кто на самом деле убил Джимми, если он все-таки ошибся. Но чем дальше, тем больше он был уверен — не ошибся. И дело сейчас даже не в Джимми — он Вадику был, по большому счету, никто, они друг друга даже несколько опасались. «Он еще сказал, что не хотел бы оказаться моим противником... Не того боялся!». Дело вот в этой гримасе боли на лице Некроманта и в том, что такого не должно быть, потому что не должно быть никогда. И не будет.

— Мелкий вызвался разобраться, — сказал Птаха. — Учуйл. Да ты сам видишь.

Некромант шагнул к Вадику и долго смотрел ему в глаза. Только бы не сказал, что это его дело! Понятно, что Некромант точно разберется, но...

— Доброй охоты, — сказал наконец Некромант, освобождая проход к гаражу.

Больше всего Вадик жалел о том, что нельзя прямо сейчас рвануть с места — не позволяет дорога. Он пробирался по улицам, чертыхаясь сквозь зубы на каждую задержку и объезд. Но наконец впереди показалась трасса, и Вадик от души нажал на газ. В других обстоятельствах он бы сто раз подумал, стоит ли так разгоняться — дорога мокрая, видимость плохая. Но сейчас он был абсолютно уверен: ни с ним, ни с машиной не будет ничего. В принципе. Он даже встречи с Саней не боялся — сейчас он не знал, что значит это слово. Да и нет никакого Сани. Есть тот, кто нарушил законы Внешних. Остальное неважно.

Он еще увеличил скорость, перекрывая собственные рекорды. Хотя, если по-честному, не так уж он до сих пор и гонял. «Камаро» может намного больше. Пожалуй, только сейчас Вадик понял, насколько. Пейзаж по обочинам трассы слился в неразличимую серую пелену, машина летела, как будто не касаясь асфальта, в зеркалах свистел ветер, впереди была лента

дороги и больше ничего.

Мир вернулся на место, когда «Камаро» оказалась среди городской застройки. Странно, по ощущениям Вадика, до города было раза в два дольше, даже на такой скорости. Впрочем, удивляться, да и вообще смотреть по сторонам, было некогда. Дождь почти прекратился, но вода была повсюду, колеса «Камаро» поднимали настоящие волны, хотя сейчас Вадик ехал медленно, чтобы не пропустить нужный момент. Некромант был прав, настаивая на тренировках почти в любую погоду. Вадик знал: он не оступится, берцы не подведут. Нож не подведет тем более.

Конечно, ярко-алую «Камаро» было просто невозможно припарковать незаметно, но Вадик остановил машину, не доезжая примерно квартала до места, куда его так настойчиво вело внезапно проснувшееся чутье. Потому что то самое чутье говорило, что светить своей машиной не нужно. «Подожди тут», — шепнул Вадик, чуть проведя ладонью по двери. Еще раз проверил нож и пошел вперед.

Свернув за угол, Вадик презрительно скривился — у парапета, которым заканчивался тупик, стоял серый «Кадиллак». Ну да, ну да, вот за кого-то такого Сталкер, видимо, и принял Некроманта — дескать, строит из себя Ликвидатора, а на деле просто сводит счеты. Понятно, что «Кадиллак» угнанный, Саня (а на парапете сидел нога на ногу именно он) и в Пассажирах-то без году неделя, свою машину ему взять было неоткуда. И ладно еще, если просто угнанный — у Вадика было отчетливое ощущение, что прошлый владелец разделил судьбу Джимми. Хотелось сейчас же броситься вперед и попросту скинуть Саню с парапета... но это было бы слишком просто.

Рядом отиралось несколько подростков — похоже, еще младше Вадика. Именно им Саня сейчас и вещал:

— Про Внешних слышали когда-нибудь? Ну так вот я из них. И порядки там — вам и в страшном сне не снилось. Внешним, ребятки, можно стать, только убив предшественника. Собственными руками, в поединке, всякие там аварии не в счет. Да, разумеется, так я и стал Внешним. Иначе никак. А поскольку на твое место тоже будут претендовать — ну, сами понимаете, не маленькие. Кто сильнее, тот и прав.

У Вадика от ярости потемнело в глазах. Он, значит, еще и хвастается! А ведь, наверное, он и сам во Внешние подался как раз воплощать такие истории! Присмотрелся, значит, выждал момент и... Вадик уже готовился атаковать, но Саня его заметил.

— Что, тоже послушать пришел? — небрежно бросил он. — Давай, Пассажир, просвещайся.

Ну конечно, Саня-то его помнит исключительно Пассажиром Птахи...

— Никакой я не Пассажир, — с расстановкой проговорил Вадик. — Сюда иди.

Саня мгновенно сориентировался и бросился в атаку. Для своей комплекции — примерно одного роста с Вадиком, но шире в плечах — он был очень быстрым, а главное, он привык и умел драться. От первой атаки Вадик увернулся, но сразу же последовала вторая, третья — отдавать инициативу Саня не собирался. Дрался он яростно, пытаясь отеснить Вадика к парапету, где уже можно сбить с ног и приложить головой об бетон. Только вот последний раз подобный фокус даже у Некроманта не прошел. Вадик резко метнулся в сторону, и теперь уже Сане приходилось следить, как не впечататься в парапет. «Стал Внешним, значит? В поединке?». На какое-то мгновение мир снова исчез, а когда вернулся — Вадик словно со стороны увидел свой нож, уже не в первый раз вонзившийся в руку Сани. Тот выпустил оружие.

— Эй, я же Внешний! — хрипло выговорил Саня. — Меня же нельзя...

Нож Вадика по рукоять вошел ему в горло.

— Можно.

Убедившись, что больше здесь ждать нечего, Вадик вытер клинок и обернулся. Санины слушатели все еще были здесь, глядя на него остекленевшими глазами.

— Вопросы? — бросил Вадик.

— Н-нет... — робко проговорил один из подростков. — В-вы кто?

Над ответом раздумывать не пришлось.

— Меня зовут Марек. И я — Внешний. В отличие от этой крысы.

И сейчас Вадик не сомневался, что надо было представиться именно так.

Обратно он ехал медленно — если сравнивать с недавней гонкой. Вроде бы Саня его так и не достал, но он чувствовал, что вымотался, так что лучше не тратить остаток сил. И так, выбравшись из машины, он понял, что сейчас не хуже Некроманта сползет по стенке гаража. Не сполз только потому, что там не было ни одного сухого места.

— Моими дорогами ходишь, юный Скайуокер? — Некромант возник как будто из ниоткуда. — Не ожидал.

Вадик непонимающе взглянул на него. Это же была просто завеса дождя... Дождь. Совершенно непроглядный — но дорога была видна отчетливо. Но ведь не было никаких переходов реальности, вообще ничего такого... Некромант усмехнулся:

— Один раз за мной прошел — значит, сможешь и сам. Птах, забирай это юное дарование, пока не пришлось из лужи доставать!

Предупреждение было очень своевременным — Вадик был близок к тому, чтобы все-таки свалиться. То ли от усталости, то ли от осознания слов Некроманта. Но, когда Птах поддержал его под локоть, стало немного лучше.

— Ты отлично справился... Марек, — проговорил Птах.

Вадик помотал головой. Сделал он это зря, но удержаться на ногах все-таки получилось.

— Знаешь, Птах... ты меня пока так не называй.

— В прошлом году тебе вроде нравилось? — удивился Птах.

— Да и сейчас нравится, но это... я не знаю, как объяснить. Просто... ну вот Камаринский — это я как художник, а Марек — я сам еще не понял, кто. А твоего младшего брата все-таки зовут Вадим.

— Договорились, — улыбнулся Птах.

К собственному удивлению, уже к вечеру Вадик чувствовал себя вполне нормально. Это при том, что, как обнаружилось дома, Саня все-таки зацепил его по руке. Вскользь, ненамного сильнее, чем когда-то полоснул Птаха. Ну, одним шрамом больше, явно не в последний раз. Даже по-своему символично. Вадик поначалу отмахнулся от предложения Птахи помочь обработать, но тот пригрозил, что зафиксирует силой. Пришлось подчиниться — вырасти-то Вадик вырос, но Птаха все равно оставался крупнее как минимум раза в два.

На следующий день в гости зашел Некромант. И явственно был удивлен, когда Вадик выглянул его встречать.

— Откровенно говоря, — усмехнулся он, — я зашел выяснить, не нужна ли помощь и на что ты вообще похож после всех этих дел. Потому что подозревал, что не похож ни на что.

— Да вот еще! — хмыкнул Вадик. — В первый раз, вон, хуже было, и вообще...

— Я не о драке, — перебил его Некромант. — Хотя, смотрю, тебя все-таки приложили.

Он кивнул на повязку на руке Вадика. Тот небрежно махнул этой же рукой:

— Да так, я сам только дома и заметил.

— Ожидаемо. Так вот, я не о драке, про нее ты мне вскоре сам и расскажешь, и покажешь. А вот что ты дорогу срезаешь моими методами и после этого еще стоишь на ногах — вот это куда интереснее.

— А с этого момента поподробнее! — вмешался Птаха.

— А что тут поподробнее, — с наигранным равнодушием бросил Некромант. — Наш юный Скайуокер рванул наводить порядок ровно через те края, откуда я его не так давно доставал.

Птаха нахмурился. Вадик уже хотел сказать, что у него самого и в мыслях ничего такого не было и он вообще не понял, как оно получилось, но Птаха смотрел не на него.

— Кир, — проговорил он, — ты знаешь кто?

— Гад и сволочь, а что?

— Такими темпами у нас тут твое подобие будет!

— Птах, я тебя не узнаю. Ладно еще Прокси мне втирает про гуманизм — хоть бы раз, кстати, объяснил, что это вообще такое! Меня одного этому миру вполне достаточно, учу я ровно тому, чему попросили. Но тебе ли не знать, что такие вещи приходят сами. Вариантов у меня не было — или вытаскивать как есть, или отдать, а хрен я отдам того, кто сам не просил, — его лицо ожесточилось. — Как минимум, чтобы тебя потом туда же не провожать.

Вадику опять очень захотелось куда-нибудь провалиться. Но Некромант улыбнулся:

— В общем, Птах, поверь мне — этому я точно не учил. Но и ты не учил листать реальности. Так что, юный Скайуокер, — он снова обратился к Вадику, — кажется, благодаря твоим приключениям у тебя появилась возможность попасть куда-то несколько быстрее, чем планировалось. Собственно, Ящера я так и достал, потому что из Ярославля он рванул, как будто за ним все демоны ада гнались.

— А это не так? — фыркнул Птаха. Некромант ответил абсолютно серьезно:

— Нет, гнался за ним один я, ему, как помнишь, хватило. Обрато, по большому счету, необходимости уже не было, но я понимал, что обычным путем просто не доеду.

Вадику снова очень живо вспомнилась уделанная кровью рубашка Некроманта. Что за

черт, ну не смогли ему нижегородские ничего сделать! А если смогли — как он через два дня уже был в норме? От размышлений Вадика отвлек голос Прокси:

— Граждане отморозки, пустите погреться!

— Где тебя носило в такую погоду? — поинтересовался Некромант с лестницы, когда Прокси возник в прихожей. Совершенно резонно — дождь и не думал прекращаться, и с мотозкипировки Прокси откровенно текло.

— Где носило, там меня уж нет, — ухмыльнулся Прокси, ставя шлем на полку и принимая от Птахи швабру. — Ну что, я так понимаю, у нас теперь еще один оживший кошмар мирных горожан? Вот что вы из ребенка сделали?

— Кто тут ребенок? — парировал Вадик.

— На себя посмотри, призрак в доспехах! — одновременно с ним отозвался Некромант. — Как будто не знаешь, что про тебя самого рассказывают!

— Я вообще мирный художник! Катаюсь себе по делам, никого не трогаю...

— ...только вот кто тебя в сети попытается проследить, или мгновенно с ума сойдет, или скопытится от инсульта, — закончил за него Некромант. — Это если еще встречу с твоим бешеным байком переживет.

— Кошмар! — трагически возгласил Прокси. — Что за репутация! Аж не верится, что придумана лично мной. Хотя про байк — гнусные домыслы!

Тут он уже сам расхохотался. А Птаха позвал всех пить чай.

Казалось бы, день был самый обыкновенный — ну да, вчера случилась вся эта история с Саней, но Вадик уже думал о ней как о далеком прошлом. Обидно было за Джимми и за погибшего владельца серого «Кадиллака», кем бы он ни был, но в остальном произошло ровно то, что должно было произойти. Вадик отчетливо понимал, что, случись еще такой вот Саня, строящий из себя Внешнего — он лично точно так же сорвется за ним и сделает ровно то же, что вчера. Может, даже рискнет опять «срезать дорогу», хотя теперь, когда он понял, что это было, повторять опыт не слишком тянуло. Но в целом — он на своем месте. То же чувство, как когда он впервые сел за руль «Камаро». Или когда освоился в доме у Птахи. Он там, где ему и надо быть.

В общем, день как день, даже о вчерашних событиях напоминала только повязка на руке, да и та не мешала и вообще никак не ощущалась. Но почему-то Вадик чувствовал себя... как в тот свой первый день рождения, который отмечал у Внешних. И вообще первый за невесть сколько лет, который как-то отмечал. Когда Некромант подарил ему тот самый нож, что и сейчас висел на поясе. И Прокси, так же мокрый чуть ли не насквозь, так же ввалился в прихожую. За окном лило все сильнее, а они пили чай с «походным тортиком», который Птаха намешал из сгущенки и печенья, и болтали обо всем на свете. Историю с Саней больше не вспоминали.

Через несколько дней дожди прекратились, заодно и рука вроде успела зажить, так что можно было возвращаться к обычным занятиям. Проведать «Камаро» (на сей раз в гараж ее любезно загнал Некромант), покататься по окрестностям, убедиться, что рука работает нормально, и снова взяться за рисование и за тренировки. Правда, что касается тренировок — через пять минут Вадик задумался, не поторопился ли. Потому что слушаться-то рука слушалась, а вот при внезапном захвате за нее он чуть не взвыл в голос. Естественно, на долю секунды отвлекся и тут же обнаружил нож Некроманта у своей шеи.

— Жить будешь, — констатировал Некромант, мельком взглянув на его руку. — Продолжаем.

Он не стал ничего пояснять, а Вадик и так понимал: Саня или тот парень с набережной, естественно, воспользовались бы моментом. А это могла бы быть и не только что зажившая царапина, а и что-то посерьезнее. Теперь Вадик пристальнее следил за попытками Некроманта подобраться с этой стороны, а когда это все-таки произошло — был готов. А вроде не так и больно.

— Ты все понял, юный Скайуокер, — кивнул Некромант. — А теперь расскажи, как оно было с этим... Пассажиром.

Он сплюнул это слово, как ругательство. Вадик лишь небрежно ответил:

— Да примерно как у тебя с Ящером, только чуть дольше.

И сам удивился — ему стало уже совсем просто об этом думать. Некромант чуть усмехнулся. Он понимал.

Постепенно все вернулось в привычное русло. Хотя Вадик по-прежнему сам порой удивлялся, что вот это все стало для него привычным. Два года назад он был по уши счастлив изображению «Камаро» на кружке, а теперь самая настоящая «Камаро» стояла в гараже, и в любой момент можно было отправиться наворачивать круги по разноцветным эстакадам. Хоть одному, хоть с Птахой или Прокси — Некромант опять с головой пропал в недрах очередного реликта. Тренировкам это, правда, не мешало, тем более что рука у Вадика зажила полностью. Шрам, конечно, остался, да и черт бы с ним.

В одну из поездок Вадик снова ощутил знакомое нетерпение — ему надо оказаться в определенном месте. Недалеко, но в самых недрах Нижнего города. Перед глазами настойчиво стоял его собственный рисунок по мотивам рассказов Прокси. Узкие темные переулки все чем-то похожи друг на друга, но этот район как будто сам вылез из бумажного листа. А когда, повинувшись все тому же порыву, Вадик оставил машину на более-менее освещенной улице и углубился во дворы, сходство стало поразительным. Вплоть до трех темных фигур, отделившихся от стены.

Вадик понимал, что у этих троих есть все шансы банально задавить его массой. Снова, как наяву, увиделась сцена из рисунка. Понятно, что это никак не могли быть те же типы, что приходили по душу Прокси — тех, наверное, давно и в живых-то нет, да и мало ли в этих районах всяких отмороженных! Но почему-то Вадику хотелось думать, что это кто-то из них. Потому что ему, в отличие от тогдашнего Прокси, есть чем ответить.

Дежурный вопрос, кто это сюда пожаловал и по какому праву, Вадик проигнорировал. Зато первый же, кто на него бросился, нарвался на нож. Понятное дело, остальные двое только больше обозлились, но Вадика это уже мало беспокоило. Его привела сюда дорога. Он не может проиграть.

Когда реальность вернулась — или когда в нее вернулся Вадик — один из нападавших валялся под стеной без признаков жизни. Второй вроде бы был жив, но уже точно ничего от Вадика не хотел. Третий либо уполз куда-то в сторону, либо вовсе сбежал. Но выискивать его по подворотням Вадик не собирался. Все то же странное чувство говорило ему, что разговор закончен и пора уезжать. Он быстрым шагом вернулся к «Камаро» и дал газу.

— Я смотрю, уже сам на охоту выходишь? — Птаха выглянул из комнаты, как раз когда Вадик запикивал футболку в стиральную машину.

— Гав, — ответил Вадик, и оба рассмеялись. Но Птаха быстро спросил:

— Сам цел?

— Как видишь, — Вадик стоял перед ним в одних джинсах. — На самом деле, я даже сам удивляюсь. То есть оно, конечно, хорошо, лишний раз огреть я не сильно хочу, но там

все-таки было три взрослых лба, а я так-то мелкий еще...

— Ну, во-первых, — улыбнулся Птаха, — ты на себя посмотри, «мелкий», меня вон практически догнал. Во-вторых, этого «мелкого» учил драться Некромант, ну и я еще немного.

— Ничего себе «немного»! Кто меня с физухой гонял, как... — Вадик не смог подобрать нужное слово и осекся. Так если подумать — он действительно уже не то чтобы начинающий. Птаха, как всегда, уловил его размышления:

— Ага, осознал! Может, тебе и шестнадцать, но у тебя это, на минуточку, третий реальный бой. Это еще не считая, сколько народа от тебя заранее шарахнулось. Все еще мелкий?

— Не очень, — честно ответил Вадик. Птаха хлопнул его по плечу.

— А вообще, ты молодец, — тихо сказал он. — В одиночку против троих... я сам не ожидал, что ты будешь готов так рано.

Что-то в его интонациях Вадику не понравилось, но Птаха уже снова улыбнулся и позвал его пить чай.

Вообще, единственное, что во всем происходящем Вадику не нравилось — это такие вот интонации в голосе Птахи. Опять «ты уже готов», «ты можешь сам» — и взгляд, как тогда в кабине «Скании». В конце концов Вадик уже просто припер Птаху к стенке. Не буквально, конечно — встал перед ним, отметив, что уже не задирает голову, чтобы посмотреть ему в глаза, и проговорил:

— Птах, ты к чему тут вообще клонишь? Не ты ли мне в самом начале рассказывал, что чушь это все, что Внешние только на чье-то место приходят, и от того, что я стану Водителем, ничего не изменится? Это как понимать вообще?

Птаха долго смотрел на него. Обычно он быстро менял настроение и как-то отшучивался, но сейчас вот этот самый взгляд никуда не делся.

— Понимаешь, брат, — тихо сказал он, — до сих пор мне с собой все было понятно. Вот есть у меня ты, надо обучить всему, подготовить, помочь выйти на дорогу. А потом...

— Суп с котом! — Вадик начал злиться. — Птах, опять же, сам говорил, что я после этого не обязан ни сваливать от тебя, ни еще что такое делать, в конце концов, мы братья или как? Я здесь и буду здесь! Если уж на то пошло, ты меня еще дофига чему научить можешь, и съездить мы еще много куда хотели, и вообще...

Он даже почувствовал, как подкатывают слезы. Потому что, реально, ну что за дела! Птаха улыбнулся, но и улыбка была такой... он решил не вспоминать.

— В конце концов, — не сдавался Вадик, — кто там что говорил про нашу роль на дороге? Что пока мы здесь, она не закончена? Так вот, ты здесь, и хрен там что закончится!

— Да... — задумчиво произнес Птаха, — пока здесь.

Вадик прекрасно понимал Анну, пообещавшую его стукнуть. Он сам был к тому близок.

— Ладно, — сказал наконец Птаха, — и то правда, что-то на меня накатило. Видно, никак не привыкну, что ты уже взрослый. И по-прежнему тут.

— Птах, — Вадик все-таки не совладал с голосом, — я никогда и никуда от тебя не денусь. Даже не надейся.

— Договорились, не буду, — наконец это был прежний Птаха. — Так оно, пожалуй, лучше.

И снова все было так, как и должно. Все те же тренировки с Некромантом и Птахой, где Вадик уже сам чувствовал: если ему и поддаются — то самую малость, чисто показать

технику в замедленном темпе. Все те же занятия с Прокси, которые уже больше походили на обмен опытом двух художников. Та же учеба — оказалось, если книги просто читать и искать в сети непонятное, а не выкапывать из них строго такой ответ на вопрос, который нужен на уроке, то не так уж все и скучно. Хотя фантастику Вадик все равно любил больше. А «Ведьмака» купил себе в бумаге, найдя такое же издание, как у Форестера, и с удовольствием перечитывал, валяясь на диване. А вот играть он стал гораздо меньше — во всяком случае, гонки и файтинги забросил совсем. Неинтересно. Чего тыкать в кнопки контроллера, когда в двух шагах — родной гараж? Захотелось скорости — весь город и трасса к его услугам. «Да и файтинг найти нетрудно», — усмехался Вадик, вспоминая тех троих. А еще никто не отменял поездки в тир к Патрику. Где еще можно не только пострелять, но и от души повеселиться!

— Я помру с этими городскими! — фыркнул Патрик в кружку пива, благо тир уже официально был закрыт. — На самом деле, я еще с тех пор, как Внешним не был, диву даюсь: кругом, значит, страшно таинственные правительственные заговоры, секретные технологии и тайные общества, только вот почему-то их каждая собака знает! Я тут одного прямо спросил, благо давний знакомый: вот ты, говорю, такой весь из себя законопослушный гражданин, ну и откуда ты в таких подробностях знаешь, что творится у всяких беспредельщиков? Если с твоих же слов даже на попытку издали сфотографировать камеру тебе же в глотку запихают, и это ты еще легко отделаешься!

— А он чего? — весело поинтересовался Птаха.

— А он как всегда — вот, друг брата свата знакомого сам видел, еле ноги унес, и вообще, он вот прямо сейчас ужасно рискует даже тем, что мне это рассказывает!

— «Первое правило Бойцовского клуба...» — ухмыльнулся Птаха.

— Да-да-да! Нет, он действительно ужасно рисковал — что я свалюсь под стол от смеха и уроню ему на ногу тяжелую табуретку! И смотрит еще так неодобрительно, мол, такими вещами не шутят, вот был в Питере один, полез было фотографировать, так потом только карту памяти и нашли, а кадры на ней были такие, что аж следователям плохело! Птаха, я напоминаю, у этого стола ножки хлипкие!

Птаха только махнул на Патрика рукой, хлопнул Вадика по плечу, и оба покатались со смеху. Про кого история — можно было особо не гадать.

— И это ладно, — продолжал Патрик, — это все я уже не по разу слышал. Отдельно, конечно, весело, что все такие просвещенные и нравы Внешних насквозь знают, а что перед ними тот самый Внешний сидит — ни сном ни духом! Но недавно мне кое-что новенькое принесли. Забрела тут компания крутых выживальщиков, пострелять и байки потравить. Ну, что большинство в ворота сарая не попадет — это понятно, а байки интересные. Что Внешним можно стать, только победив в поединке или на гонке — это уже банальность, это типа все знают. Но тут подробностей привалило. Дескать, если кто даже просто в разговоре ляпнет — я, мол, Внешний — так кто-то из них прямо здесь из-под земли вырастет и потребует за такие слова ответить. Поскольку они и не люди вовсе, и нечего такими словами бросаться. Птах, ты чем под стол падать, скажи лучше — опять твоя работа? По стилю вроде на тебя не похоже...

— На этот раз не моя, — хмыкнул Птаха. — А вот этого мелкого.

— Хорош себе мелкий, с тебя ростом! — возразил Патрик. — Это получается, ты уже Водитель?

Вадик кивнул. Нет, Патрика он тоже не будет просить называть его иначе. Заказчики

вроде Змея — это ладно, Стас — тоже, он сам это имя и придумал... Рано. Пока рано. Марек — это для города. Тем временем Птаха рассказал Патрику про Саню, и Патрик уважительно пожал Вадику руку. «Сам бы шею свернул», — неожиданно жестко сказал он. Определенно, веселому администратору тира лучше было не переходить дорогу.

— Патрик — уникальный персонаж, — задумчиво сказал Птаха по дороге домой. — В свое время зажигал немногим меньше меня или даже Некроманта. Спроси его как-нибудь, какие легенды ходят о нем самом, очень увлекательно. Только большинство либо на этом и заканчивается, либо устает и уходит. А он засел себе в тире и фольклор собирает. Иногда жалею, что сам так не могу.

Вадик заранее нахмурился, предчувствуя очередной виток мрачного настроения, но Птаха улыбнулся:

— Хотя в тире я бы со скуки помер. А непуганых крыс еще много, — его улыбка перешла в оскал.

«А те, что становятся старше, незаметно уходят...» — сообщила магнитола. Птаха переключил трек, и Вадик был этому очень рад. Песня хорошая, но сейчас как-то не в тему.

Тем временем снова появилась активность в пабlike. Вадик когда-то выложил туда фотографию страницы своего блокнота, сплошь покрытой силуэтами упитанных щенков — одной из тех, что изрисовывал в первые дни после ухода Тундры. Сам не понял, зачем — просто щенки вышли симпатичные. Внезапно ему написала уже знакомая вышивальщица — та самая, что хотела знать, как его называть сокращенно. Очень хотела этих щенков на орнамент. Вадик подумал и согласился. Щенки действительно милые, а обстоятельства их появления знать необязательно. Так что он немного похимичил с фотографией, призвал на помощь Прокси со сканером и «рассадил» щенков ровными рядами. Вышивальщица была в восторге.

А однажды проявилась Джерри. «До меня тут ветром донесло, — писала она, — что ты уже Водитель. А приезжай ко мне в Нижний! Сам или с Птахой, всех рада видеть. А то что это я вам на голову сваливаюсь, а вы ко мне нет. Вписка есть, народ у нас вменяемый».

Вадик подпер голову рукой и задумался. С одной стороны, было бы очень круто взять и самому доехать до Нижнего, не так уж и далеко, тем более со скоростями «Камаро». С другой, хотя он и знал, что Джерри не имеет никакого отношения к тусовке Сталкера, при мысли о Нижнем ему все равно было тревожно. А еще... а еще он вдруг понял, что одному ехать просто нельзя. Нельзя оставлять Птаху с этими его настроениями. «Надо, чтобы все как всегда».

«Кстати, Форестера я тоже позвала, он согласился», — добавила Джерри. Вадик решительно встал и пошел к Птахе.

— Джерри в гости зовет, — сказал он. — Нижегородская, которой я пантеру рисовал.

— А, помню-помню, это же она Некроманту грозила начистить физиономию?

— Ну! Птах, я тут подумал... Давай вместе поедем? И... давай на «Тахо»?

— А сам погонять не хочешь? — Птаха прищурился.

— Хочу, — честно ответил Вадик. — Но мне почему-то кажется, что как-то оно неправильно.

— До сих пор чутье тебя не подводило... — задумчиво произнес Птаха.

— Да тут даже не в чутье дело, — Вадик смутился. — Я сам еще не знаю, чутье там или что... Но я не хочу ехать без тебя. Это... неправильно, говорю же, другого слова нет. И вообще — я, может, соскучился.

Птаха лишь тепло улыбнулся в ответ и сжал руку Вадика:

— Поехали, братец. Все как всегда.

— Все как всегда, — эхом отозвался Вадик, улыбаясь до ушей.

Вадик говорил, что соскучился по поездкам на «Тахо», но только сейчас сам понял, насколько. Нет, поездки к Патрику и по окрестным поселкам никуда не делись, хотя к Патрику они несколько раз приезжали и на «Камаро», но, оказывается, ему очень надо было вот так вот оказаться на пассажирском сиденье белоснежной «Тахо». Потому что «Камаро» — это невероятно круто, ему, наверное, жизни не хватит, чтобы вдоволь на ней накататься, но «Тахо» — это другое. Пусть уже мало что напоминало о том мелком пацане, который терялся в недрах огромного кресла, «Тахо» была... каким-то символом, что ли. Главной темой их с Птахой знакомства. А значит, если они вот так вот едут по трассе, и рука Птахи привычным небрежным жестом лежит на руле — все идет именно так, как и должно.

Да, пожалуй, именно этого Вадику и не хватало — долгой поездки по трассе вдвоем с Птахой. Даже не хотелось пересаживаться на водительское место — дома накачается. И было немного жаль, что до Нижнего так близко. Вадику стало смешно — в той поездке на Байкал первый день, как раз до Нижнего, казался ему бесконечным. Да и на обратном пути... нет, вот это вспоминать ни к чему. Давно уже нет того Сталкера и его тусовки, а едут они совсем в другое место, к жизнерадостной и боевой Джерри. И все же хотелось, чтобы дорога продлилась немного дольше.

Джерри не уточняла, когда точно их ждет — просто обозначила период, в который она будет в Нижнем, а не сорвется еще куда-нибудь. Судя по всему, колесила она чуть ли не по всей стране самыми непредсказуемыми путями. Взять и съездить в Питер, чтобы посмотреть на филина на капоте Форестера, было для нее вполне нормальной ситуацией. Где-то происходит что-то интересное — Джерри прыгала за руль и отправлялась туда. Но сейчас она намеревалась побыть дома. И так получилось, что белая «Тахо» и черный праворульный «Субару» возникли в ее дворе практически одновременно.

— М-да, — сказала Джерри, оглядывая оставшееся пространство. — Правильно вы сделали, что одной машиной приехали. Иначе вообще непонятно, куда кого ставить! А на твое авто еще посмотрю, не последний раз.

Обстановка у Джерри внезапно напомнила Вадику дом Некроманта — те же белые стены, та же лаконичная обстановка и вездесущие постеры, только вместо блэк-металлистов на них были персонажи «Кошек» и, как пояснил просвещенный Форестер, других известных мюзиклов. Одна из стен была полностью занята полками с дисками и даже виниловыми пластинками. Вадик вытаращил глаза — он был уверен, что вот уж это осталось где-то во временах молодости «дяди Вени»! Но все тот же Форестер задвинул длинную речь о качестве записи и звука, из которой Вадик понял только то, что самые чокнутые ценители очень даже слушают винил. Лично ему звука в телефоне вполне хватало, ну да ладно.

— Так, — рассуждала Джерри вслух, — вам двоим точно не привыкать делить территорию, так что вот прямо тут можете гнездиться. Форестер, а ты у меня в соседях, гостевая спальня рядом с моей. Если придет кот, не обращайтесь внимания, он тут по всей округе гуляет. А вот и он.

Действительно, в открытое окно запрыгнул черно-белый кот, огляделся, потерялся о Джерри и ушел обратно.

— Сама не знаю, чей он, — улыбнулась Джерри. — Себе бы забрала, да слишком много езжу везде. Ладно, давайте отдыхать, коварные планы строить будем завтра.

— Не знаю, как вы, — сказал Форестер, когда Джерри ушла, — а я как-то спать пока не собираюсь.

— Псих, — резюмировал Птаха. — Это нам ехать было всего ничего, а тебе из Питера...

— С Байкала, — поправил Форестер. И, видя выражение лица Птахи, быстро добавил — Ну не напрямую, конечно. Короче, давайте я чаю сделаю? Как раз оттуда и привез, оно, строго говоря, не чай, но тоже очень вкусно.

Вадика неприятно дернуло упоминание Байкала. Нет, он до сих пор помнил, как там красиво... но, наверное, пройдет еще немало времени, прежде чем ему снова захочется там побывать. А Форестер ведь, наверное, ничего не знает... Но Форестер был Внешним. И он умел отвечать на незаданные вопросы.

— На самом деле, — задумчиво проговорил он, колдуя над чаем, — это у меня уже вторая поездка за год. Первый раз я туда собрался зимой. Хотел на байкальский лед посмотреть. Как я ехал — это отдельная история, психом меня обозвали по разу все Внешние, кого довелось встретить. В Листвянке, кстати, отличные ребята. Ворона этого неуловимого хоть увидел, интересный парень, жалко, поговорить удалось совсем немного.

— Насколько я помню, Ворон он по той же логике, что я Птаха? — усмехнулся этот самый Птаха, показывая пальцами что-то очень маленькое. Форестер кивнул:

— Ага, он платиновый блондин. Но, в общем, Ворон унесся куда-то дальше, а я, значит, пошел снимать. Ночь уже была, холод невероятный, зато небо ясное и огромная луна, красота. Иду и вижу что-то знакомое. Огромный пикап, а на борту — та самая собачья упряжка. А я же Тундру последний раз видел, когда она вместе с вами у меня в гостях была! На радостях рванул вперед — а там лед. Чуть камеру не разбил, сам не знаю, как перегруппировался. Встаю, в глазах плывет немного, все-таки сильно навернулся — а машины уже нет. Ни звука мотора, ничего не было. И потом уже подумал — лед-то не так давно встал, кто туда соваться будет!

Вадик не знал, что сказать. Он как наяву видел то, что рассказывал Форестер. Только вот он четко различал еще одну деталь — салон «Тойоты» был пуст.

— И знаешь, — теперь Форестер смотрел только на него, — может, это мне просто в трещинах льда померещилось, воображение у меня богатое и не всегда здоровое... Но у меня отчетливое ощущение, что Тундры больше нет. А это... как будто прощание. Я прав?

Вадик ошарашенно кивнул. Вот вам и Форестер, который конца света не заметит и не вникает ни во что, кроме своих фотографий! Он увидел, что в дверях стоит Джерри. Она жестом позвала его в коридор.

— Я знала Тундру, — тихо сказала она. — Не то чтобы близко, но все же. Но слушай, она не из тех, кто стал бы искать приключений. Это я могу нарваться, ты, Птаха... но не она. Как так-то?

Сейчас Джерри была не похожа сама на себя — ее лицо стало серьезным и даже грустным. Было понятно, что придется ответить. Правду.

— Тундра потеряла своего Пассажира, — резко севшим голосом проговорил Вадик. — Я видел... как она пришла к Некроманту.

Джерри опустила голову.

— Вот почему я одна, — сказала она. — Может, я и безбашенная... но я боюсь.

И снова Вадик не мог придумать никакого подходящего ответа. Да и что тут скажешь. Джерри долго смотрела на него, потом тряхнула головой и ушла к себе.

— Эни, куда пропал? — окликнул Форестер. — Чай готов!

Вадик не стал ничего говорить. Ему почему-то казалось, что Форестер и так в курсе. Но больше о Байкале не было ни слова.

— Отличные новости! — сообщила с утра Джерри. Птаха сонно буркнул, что до полудня не то что отличных, а и хороших новостей не бывает. Джерри показала ему язык и продолжила: — Я же вас не просто так на эти даты позвала. Здесь, в отличие от вас или от всяких Сталкеров — не кривись, все знаю — единой коммуны нет, шарится сколько-то народу, иногда пересекаемся. Мне, честно говоря, так больше нравится. То есть я понимаю, что вас всего четверо и вы друзья, тут все логично, а Сталкеры порядки... тоже мне, один за всех и все за одного. И все на одного, ага.

Ее лицо ожесточилось. Вадик мысленно выдохнул.

— Короче, к черту Сталкера и всех прочих, я вообще о другом. У нас тут проходит такой музыкальный междусобойчик — фестивалем это слишком громко называть. Все свои, берег Волги, можно с палаткой встать, можно приезжать и уезжать, короче, все как у больших, только без толкучки и нудежа охраны. Так вот, питерский Алекс буквально только что подтвердил участие! Так что все даже еще круче, чем я думала!

Вадик с радостным воплем подскочил с кресла — он, в отличие от Птахи, давно уже встал и угнезвился читать, на этот раз с телефона, поскольку бумажные книги Джерри не жаловала.

— У меня даже мысль была, — продолжила Джерри, — не поехать ли каждому на своей машине. Прямо выставка твоих работ будет, если Алекс на «Импале». С другой стороны, чего кортеж городить...

— Когда в «Тахо» все поместятся, — подал голос Птаха. И Вадик был рад, когда Джерри кивнула в ответ.

— Но в любом случае, — продолжила она, — это только завтра. А пока давайте есть, у меня тут вишневый пирог. Форестер, можно тебя попросить заняться чаем? Я при тебе стесняюсь!

И словно не было ничего вчерашнего — ни рассказа Форестера о видении на байкальском льду, которое Вадик представлял так четко, словно видел сам, ни внезапно застывшего лица Джерри. Но почему-то Вадик чувствовал — это правильно. Он коснулся серебряного оленя. Сама Тундра точно не хотела бы, чтобы жизнь остальных без нее замерла. Почему и пришла тогда, никому ничего не сообщая. Другой вопрос, что Вадик случайно оказался там, а остальные, так или иначе, все равно почувствовали. Или же Тундра просто не хотела, чтобы пытались отговаривать? Но ведь Птаха сказал — от такого не отговаривают. Она ведь пришла, уже твердо все решив, и так уже почти растворившись в этом дожде... Вадик поперхнулся чаем. Слишком явно увиделся начавший таять невысокий силуэт. И слишком явно вспомнился тот туман.

Вадик заметил, что на него пристально смотрит Птаха.

— Порядок, — сказал он. — Так... вспомнилось.

И он снова сжал в кулаке оленя. Странное дело — как будто сам этот жест рассеял ненужные воспоминания. «Потому что Тундра бы такого не хотела». Мысль пришла только что, но Вадик вдруг понял — конечно, только так оно и может быть. И он улыбнулся.

И было обычное летнее утро (даром что уже близящееся к полудню). Форестер со своим вечным самурайским пучком возился с чаем, ворча, что если совсем по правилам, то чайник должен быть меньше раза в три, Джерри обзывала его недобитым эстетом, но чай очень оценила. А после завтрака Птаха вытащил Вадика тренироваться, и Джерри, конечно же,

присоединилась, прокомментировав: «Только не пришибите случайно, а то я этого юного дарования уже боюсь!». И, разумеется, Форестер снова защелкал фотоаппаратом, но в этот раз «пал жертвой» Джерри, подкравшейся сзади.

— Вот уж от тебя не ожидал! — возмутился Форестер, вставая и отряхиваясь (но предварительно убедившись, что фотоаппарат уцелел). — Ну я еще понимаю, эти двое отмороженные...

— А я, думаешь, лучше? — усмехнулась Джерри. Ее рубашка распахнулась, открывая шрам через ключицу. Форестер обозвал всех маньяками и ушел в дом. Но вечером Вадик застал его за сортировкой фотографий и привычным «это в ч/б и в ту серию, к галерее портретов, эх, жаль, рука дрогнула...». Последнее, видимо, относилось к кадру, снятому, когда Форестер покатился по земле от атаки Джерри. Зато Птаха там вышел очень неплохо. Форестер, видимо, был того же мнения, поскольку, покрутив головой и камерой, удалять кадр не стал.

На следующий день белая «Тахо» взяла всех на борт и двинулась к месту фестиваля. Вадик предложил пустить Джерри вперед, поскольку дорогу знала только она, но Джерри заявила, что на чужое место не претендует, и нырнула на заднее сиденье следом за Форестером. «Можно подумать, я при таком обзоре и сзади штурманить не смогу!». Вадик пожал плечами и занял привычное место. Так даже лучше. И даже, как всегда, было немного жаль, что ехать совсем недолго — не прошло и получаса, как «Тахо» остановилась на высоком берегу Волги.

Эта поляна, как и гаражи Сталкера и компании, словно вышла из Валеркиных рассказов про Внешних. Все как полагается — старые мощные машины, неформального вида парни и девушки... Ну разве что постапокалиптических пустошей вокруг не хватало, пейзаж был совсем не в тему ярким и зеленым, а вода Волги — идеально голубой. Да и народ оказался куда разношерстнее, чем на первый взгляд. Из-за руля крутейшего спортивного «Понтиака» выскользнула изящная девушка с белокурыми косичками и кинулась обниматься с Джерри. А рядом с худошавым длинноволосым парнем в кожаной жилетке, вроде как у самого Вадика, обнаружился совсем еще мелкий пацан — наверное, не старше, чем был Вадик, когда ушел из дома. «Это что, я на всех вот так же таранился?». Хотя, что скрывать, Вадик и сейчас с тем же восторгом смотрел во все глаза — если на то пошло, он до сих пор не так уж много Внешних знал лично. А любоваться крутыми машинами он не уставал никогда. Так что пацана он отлично понимал. Да они даже были чем-то похожи — наверное, общим восторженным выражением, внешне-то различались. Пацан был коренастым шатеном с непослушными вихрами, и его Водитель явно вытащил его из истории еще похуже, чем у Вадика — нос, вон, явно перебит и сросся неправильно. Вадик поморщился. Не то чтобы он сильно трясся за свою внешность, хотя и знал, что недурен собой, но все же был рад, что та драка не оставила следов, кроме рассеченной брови.

— Сумрак, привет! — Джерри обнялась с парнем в жилетке. — Что, Пассажира взял?

— Ага, — словно речь шла о чем-то вполне обычном. — Обживается вот.

И никаких тревожных взглядов и вопросов. Все нормально, все так и должно быть. Вот этот Сумрак взял парнишку к себе Пассажиром, и все у них будет хорошо, этот пацан вырастет и в свою очередь станет Водителем... Вадик сам не понимал, почему он в этом так уверен, но чем-то от этих двоих веяло таким... спокойным. Правда, пацан несколько нервно поглядывал на «Тахо», а когда Птаха наконец вылез наружу — он замешкался, что-то перекладывая в салоне — так вообще попытался спрятаться за Сумрака.

— Спокойно, — Птаха ухмыльнулся в фирменном стиле «плохого парня», — убиваю я не так уж часто, а других Внешних не трогаю в принципе.

— А как же эта история про Сталкера? — спросил пацан.

— А что история про Сталкера? — в тон ему ответил Птаха. — Такого я про себя еще не слышал!

Пацан смутился — в точности как сам Вадик, когда развеивалась очередная легенда.

— Ну... рассказывали, что это ты его... потому что не может быть двух одинаковых машин... — он смутился окончательно и все-таки убрался за спину Сумрака. Птаха лишь выразительно взялся за голову, и ответил сам Сумрак:

— Мих, ну говорят тебе — чушь это все и детские сказочки. Вроде черной руки и прочих гробов на колесиках. Машины почти никогда не совпадают, потому что нас в принципе немного, вкусы у всех разные. Я вот, если увижу кого на таком же «Додже», только порадуюсь — классные машины человеку нравятся.

Миха не выглядел впечатленным, и Сумрак обратился к Птахе:

— А реально, что было-то? У нас тут все сами по себе, инфа доходит очень странными дорогами. Но Сталкера реально на тебя вешают. И действительно регулярно поминают одинаковые машины.

— Типа Темная и Светлая стороны? — хмыкнул Птаха. Сумрак кивнул. — Ну-ну... может, еще и символизм какой приписывают?

— Ну а то! Погиб-то Сталкер, который на черной «Тахо», а ты здесь.

— Пока здесь, — проговорил Птаха тоном, который не понравился Вадиду больше, чем все, что он в этом духе говорил до сих пор, но тут же снова усмехнулся: — Кем-кем, а светлым паладином я еще не был! Но все же это не моих рук дело. Сталкер вписал у себя парня, за которым охотился Некромант.

— Понятно, — коротко кивнул Сумрак.

Миха, понятное дело, тут же принялся расспрашивать, что и как, но Вадик уже не слушал — на поляну въехала желтая «Импала». А присутствие Алекса, так уж получалось, само собой развеивало все неправильные настроения. Даже если он толком ни с кем не заговаривал, а возился с аппаратурой.

Все происходящее действительно совершенно не походило на рок-фестиваль, как Вадик их себе представлял. В Верхнем городе, конечно, были концерты, но для большинства он был слишком мелким, чтобы ходить самому, а уговорить Никитоса пойти с ним... даже не смешно. Пару раз выбрался с ребятами на квартирники, и то половину кайфа портил разрывающийся от сообщений телефон — где, да как, да когда придешь... В общем, концерты Вадик смотрел на видео, тихо вздыхая, что вряд ли доведется посетить самому. О фестивалях под открытым небом и говорить не приходится — кто ж под тем открытым небом по доброй воле будет столько времени торчать! Но какое-никакое представление о том, как все это выглядит, у него было. И здесь все было совершенно не так. «У Внешних и не должно быть все как у людей», — рассмеялся про себя Вадик. В кои веки это было правдой.

Здесь не было деления на музыкантов и зрителей. Тот же Алекс уже увлеченно болтал о музыке с Михой, точнее, увлеченно вещал Михе о своей гастрольной жизни, а тот напрочь утратил дар речи. Не то чтобы Вадик его не понимал. Тем временем компания, приехавшая на древнем белом микроавтобусе со знакомым широким крестом на радиаторе, уже успела перевоплотиться в рок-группу и подняться на сцену. А потом кто-то из

организаторов пришел позвать Алекса, и тот отправился готовиться к выступлению. Никакой толкучки перед сценой, ничего такого — кто хотел, тот перебирался ближе, кто-то уже успел раскочегарить мангал, при жизни бывший корпусом от системника, и благополучно жарил колбаски на решетке, поглядывая на сцену. Правда, когда оттуда донеслись первые звуки гитары Алекса, вся прочая деятельность на поляне замерла. Это нельзя было слушать вполуха. Почти все сползли к сцене, а Вадик, естественно, прихватил блокнот. Потому что если что-то и делать под эту музыку — то рисовать. Музыку, скорость и пламя. Вадик почти не смотрел на лист, где возникала заходящая в крутой вираж «Импала», контур гитары, языки пламени, крылья — просто все, что в голову взбредет. Но все это складывалось в какую-то странную композицию. Может, потом в цвете станет каким-нибудь панно, а может, частично пойдет еще на какую-нибудь аэрографию...

Вадик заметил, что через плечо ему смотрит Миха. Тот засмутился и попытался отползти.

— Сиди уж, я не кусаюсь, — усмехнулся Вадик. — Ты, часом, сам не рисуешь?

— Нет, — зачем-то потупился Миха. — Я немного на гитаре играю... играл. У меня инструмента больше нет. Разбили... тогда.

Он помрачнел. Сумрак возник рядом и положил ему руку на плечо:

— Хочешь — будет тебе гитара. Я играть не умею, но найду, кто научит. Да хоть с Алексом вон пообщаюсь, сам не возьмется, так подскажет.

— А... можно? — глаза Михи загорелись тем блеском, который Вадик регулярно видел в зеркале. И он ответил за Сумрака:

— Можно все, кроме того, что нельзя.

Краем глаза он увидел одобрительную улыбку Птахи.

Фестиваль продолжался три дня, точнее, три вечера — участников все-таки было не так уж много, даже с учетом того, что многие приехали из других регионов. Кто-то действительно поставил палатки и обитал в них, кто-то, как они с Джерри и Форестером, на ночь уезжал и потом возвращался. Сумрак с Михой, хотя и были сами из Нижнего, окопались на все три дня, тем более что, как оказалось, Сумрак был фотографом и активно снимал все происходящее. Конечно, Форестер пришел обмениваться опытом, контактами и координатами площадок. Вадик посмеивался в стороне, глядя на огромные глаза Михи — кажется, ему еще только предстояло узнать, что Внешние не так уж оторваны от всей остальной цивилизации. Ну да, в Нижнем-то убеждены, что у них вообще никаких Внешних нет...

В эти три дня Вадику не раз и не два вспомнилась их поездка на Байкал. Даже странно было, что они возвращаются ночевать под крышу, а не устраиваются прямо тут, в багажнике «Тахо». Потому что все было как тогда — вот это голубое небо и яркая зелень, и чай на переносной плитке, и жареные колбаски или еще какие походные вкусности, и подслушанные краем уха истории... А главное, прежним был Птаха. Те же ухмылки «плохого парня», те же повадки старшего брата. Как будто Вадик — все еще Пассажир... Да, черт возьми, он и есть Пассажир Птахи и всегда им будет! Хотя он и начинал немного скучать по своей «Камаро». Но сейчас все было настолько правильно, как только могло.

Но вот поляна стала понемногу пустеть. Алекс отправился обратно в Питер, снабдив абсолютно счастливого Миху целой горой информации, где найти и инструмент, и преподавателя. Форестер не без сожаления расстался с Сумраком, впрочем, ненадолго — буквально через пару дней они договорились поехать поснимать волжские пейзажи,

разумеется, вместе с Михой. Джерри и сама вскоре собиралась в очередное путешествие. Так что Птаха с Вадиком снова оказались вдвоем.

— Покатаемся? — улыбнулся Птаха. Вадик энергично закивал — сам хотел предложить, но не знал, что Птаха на это скажет.

— У Нижнего вариантов немного, — рассуждал Птаха в пространство, — но в принципе можно что-нибудь попробовать...

— Да ну его, — с неожиданной убежденностью сказал Вадик. — Сам же говорил, тяжело переходить. Давай просто так, по городу, я все равно тут никогда не был, мы стороной же прошли и туда, и обратно.

— Слушай, мелкий, — и сказал это Птаха совсем так же, как всегда, без всяких оговорок, — мне реально не проблема. Так что если хочешь поприключаться — не стесняйся.

Вадик расплылся в улыбке — ну действительно, все как в их первые поездки! Но все же повторил:

— Да ну. И так все круто.

— Согласен, — Птаха подмигнул. И Вадик уже готов был подумать, что все непонятные реплики ему просто померещились. Ну или, как сам же Птаха и говорил, мало ли какие настроения бывают. Но теперь Птаха был самим собой, и это просто невероятно радовало.

В тот день они долго катались по городу, полюбовались теплоходами на пристани, купили большой пакет невероятно вкусных пряников с орехами и ели их просто в машине. «Прямо как те пончики», — сказал Вадик, и Птаха с улыбкой кивнул. Странное ощущение — вроде бы и совсем все как тогда, но в глубине души Вадик отдавал себе отчет, что он как будто играет в того мелкого Вадика. Потому что, конечно, белая «Тахо» давно стала ему родным домом, ее пассажирское сиденье было самым уютным креслом на свете, и вообще как будто ничего никогда и не менялось... но все же справа от Птахи сейчас сидел парень ростом с него самого, сам уже Водитель, которого ждала в гараже алая «Камаро». И когда с ним познакомились на фестивале, он представлялся Камаринским — в конце концов, вон одна из его работ красуется в кустах на капоте «Импаль»! Вадик улыбнулся — не так давно ему, наоборот, казалось, что он играет во взрослого Водителя, а так еще мелкий. «Вырос ты, братец», — неизменным эхом его мыслей улыбнулся Птаха, но в этой улыбке не было грусти.

Уже ближе к вечеру они собрались домой. Получалось, что приедут они уже ночью, но кого и когда это смущало? Птаха регулярно ездил по ночам, да и Вадик, если что, был готов сменить его за рулем. И была уже знакомая трасса и привычный плейлист из магнитолы.

— «Нас ненавидели те, кто труслив в темноте, они считали — мы мешаем им жить...», — вполголоса подпевал Вадик, глядя в окно. Но тут трек оборвался. Вадик недоуменно поднял бровь — любимая песня, сто раз прослушанная! Или со связью проблемы? Так вроде тут цивилизация... Он повернулся к Птахе спросить, что случилось, и едва узнал его. Конечно, он уже не раз видел это превращение в бойцового пса, но, пожалуй, таким Птаха не был еще никогда. И никогда не сжимал руль с такой силой — до побелевших костяшек. Вадик почти физически чувствовал его злость, но к ней примешивалась тревога. Или даже... страх? Он по-прежнему не был уверен, что Птаха знает это слово.

— Надо проехать через город, — проговорил Птаха. — Что-то там очень неладно.

И голос у него был тревожный и напряженный. Хотя обычно Птаха говорил об очередных городских неприятностях даже с каким-то веселым азартом — вот, мол, совсем в

Нижнем городе страх потеряли. Сейчас же... Вадик вспомнил, как однажды на школьной экскурсии встретил большого злющего пса, невесть откуда вылезшего посреди города. Тот не лаял и даже не рычал — просто где-то внутри него на пределе слышимости раздалось глухое ворчание, и этого хватило, чтобы Вадика захотелось убраться как можно дальше. Сейчас, правда, у него было прямо противоположное желание — не убираться никуда и ни за что.

— Зря я все-таки согласился одной машиной ехать... — бесцветным голосом произнес Птаха. — Так бы хоть ты в это не встречал.

До Вадика дошло не сразу, а когда дошло — от желания врезать Птахе как следует удержало только то, что Птаха за рулем.

— Птах, мы когда на фесте купались, ты случайно башкой о камень не стукнулся? Какое к чертям «не встречал»? Я твой Пассажир или как? Больше того, я твой брат! Ты серьезно думаешь, что я от тебя могу куда-то деться? Если я вообще в это все полез, чтобы с тобой... рядом... — Вадик чувствовал, что сейчас или разревется от злости, или все-таки Птаху стукнет.

— Значит, так тому и быть... — все тем же бесцветным голосом отозвался Птаха. И все-таки получил от Вадика по затылку. Несильно. Но, по крайней мере, в ответ он хоть криво, но улыбнулся.

Когда на горизонте возникли небоскребы Верхнего города, Птаха стал хоть немного похож на себя. Он по-прежнему гнал машину быстрее обычного и сжимал руль так, что у Вадика от одного вида пальцы сводило, но хотя бы не было этого угасшего голоса и взгляда — осталась только решимость найти это «неладно», чем бы оно ни было, и вкатать в асфальт. И Вадик был с ним солидарен как никогда. Потому что, если с Птахой такое творится — что же это там происходит? И он очень надеялся, что вместе с «неладным» исчезнет и это настроение, потому что видеть Птаху таким было совершенно невозможно.

— Здесь, — отрывисто бросил Птаха, резко затормозив у тротуара. — И пожалуйста... осторожнее.

Вадик коротко кивнул, проверяя нож. Уже на тротуаре он осознал, что блокнот так и лежит во внутреннем кармане ветровки, но возвращаться не хотелось просто до отвращения. Ладно, там карман как раз по размеру того блокнота, помешать не должно.

Свернув за угол, Вадик в полной мере осознал, чем был так взбешен Птаха. Да что там ему самому застилала глаза та самая красная пелена. Группа мутных типов, уже от присутствия которых у Вадика заныл старый шрам через бровь, окружила двух парней, на вид примерно возраста Джимми. Вроде бы драка еще не началась, но оба в пыли и грязи, старший вытирает с лица кровь. Вадик сам не мог бы сказать, откуда он это знает, но он знал — это Внешние. Водитель и Пассажир. И шансов против этих ребят у них просто нет. Слишком неравные силы, да и в принципе они не производили впечатления серьезных оппонентов. «Потому и...». А вот их противники были настроены более чем серьезно. Все в том же непонятном озарении Вадик понял: это не просто шпана, докопавшаяся до двух запоздалых прохожих. Недаром от них веяло ровно такой же угрозой, что и от пригородов, которые они проезжали с Прокси. Они прекрасно знали, что перед ними Внешние. И намеревались отыграть за все.

Старший из Внешних затравленно озирался, пытаясь найти путь к отступлению или хотя бы заслонить своего Пассажира собой. На поясе у него был нож, но Вадик отчетливо понимал: он не успеет пустить его в ход. Просто потому, что не привык драться. А эти — привыкли. И даже не драться — убивать.

— Марек, давай! — шепнул Птаха, и сейчас это было абсолютно правильно. На ближайшего из нападавших прыгнул из переулка именно Марек, взрослый Внешний, на чьем счету была уже не одна жертва. Птаха снес еще двоих, встретив ножом третьего, который уже успел сообразить, что происходит.

— Брысь отсюда! — скомандовал Птаха двоим Внешним. Старший пытался что-то возразить, но Птаха рявкнул: — Валите быстро! Сами разберемся!

Старший быстро кивнул, схватил за руку младшего и практически поволок за собой. Кто-то из нападавших сообразил, что добыча уходит, и рванул следом, но Вадик тут был не для красоты. И мир уже привычно исчез.

В реальность Вадика вернула резкая боль в правой руке. Противников оказалось больше, чем он помнил — обсчитался в сумерках или пришла подмога? Но, как бы то ни было, от Птахи его оттеснили, и рассчитывать оставалось только на себя. До сих пор удавалось держаться, несколько человек уже валялось на земле без шансов встать, но сумел же какой-то гад дотянуться! Рука вроде бы цела, но приложили чем-то твердым. Плохо дело, ему сейчас нужна вся его подвижность, иначе не справиться... Секундное замешательство оказалось фатальным — Вадик не успел развернуться, и его оглушил удар по голове. Он пошатнулся, и на него накинудись уже скопом. В глазах плыло — кроме первого удара, добавилось еще и падение, сгруппироваться уже не было возможности. «Что, опять?!». На чистой злости Вадик еще сумел приподняться, но сильнейший пинок заставил его рухнуть на асфальт, удары посыпались градом. Правую руку снова пронзила боль, и Вадик понимал, что ни перебросить нож, ни заслониться уже не успеет.

— Нет уж, второй раз вам это не пройдет! — голос Птахи сорвался в хриплый рык. Цветные пятна перед глазами собрались в более-менее внятную картину, и этой картиной был Птах, закрывающий его своей широкой спиной. Кто-то попытался сунуться и полетел на асфальт, под армейским ботинком Птахи раздался характерный хруст. Вадик даже порадовался, что зрение вернулось не до конца. Но, во всяком случае, он смог встать. На мгновение голова снова закружилась, Птах быстро подставил руку. Вадик благодарно кивнул — что говорить, Птах в который раз спасает ему жизнь. Рука все еще болела — это ж надо было так съездить, чудо, что вообще не перебили! По счастью, нож он не выронил, а драться мог и левой. Прочий урон подсчитывать было некогда — противников осталось еще много. Да и если к тем первым пришла помощь, кто знает, сколько их там еще? По большому счету, расчистить бы себе дорогу и вернуться к «Тахо», свое дело они сделали...

— Птах, — бросил через плечо Вадик, — может, пошли отсюда? Пока еще кто не вылез...

Птах не ответил. Вадик развернулся к нему, благо за спиной вроде никто не маячил. Точно в тот момент, когда Птах, зажимая бок ладонью — между пальцами была кровь — медленно осел на асфальт.

— Ну наконец-то, — ухмыльнулся один из нападавших. Вадик — нет, теперь уже окончательно и бесповоротно Марек — впечатал эту ухмылку ему в глотку. И, когда тот рухнул, добавил сверху ботинком. Еще и еще раз. Мальчик, которого от таких методов все еще передергивало, погиб вместе с Птахой. А в том, что Птах мертв, Марек не сомневался. В памяти всплыл спокойный голос: «Громилу типа меня ты, может, даже и достанешь. Но если не сразу насмерть — он до тебя дойдет, вывернет наизнанку, а потом сам свалится рядом от потери крови. Но тебя это мало утешит». Инструкции Птахи были пророческими...

Противники сначала шарахнулись — похоже, они не ожидали, что Марек еще способен встать. Или что без Птахи он представляет из себя что-то серьезное. Но Марек сам был Внешним и не зря столько времени тренировался с Некромантом и искал приключений в разных версиях Нижнего города. Он уже не замечал боли в руке, мир стал предельно ясным, и в нем осталось только одно: вот эта кучка крыс, которую нужно уничтожить. Не напугать, не разогнать — уничтожить. Потому что они убили Птаху и едва не убили самого Марек. Их не должно быть. Остальное заволкло красной пеленой.

Когда реальность снова обрела привычные очертания, Марек стоял в переулке один. Костяшки были сбиты в хлам — эх, зря не стал брать в эту поездку свои перчатки, впрочем, они бы его вряд ли сильно спасли. С правой рукой творилось что-то не то, точнее, вполне определенное не то, судя по пробитому рукаву с расползшимся по нему темным пятном. На боку обнаружилась еще одна дыра, но боли Марек не чувствовал. Он вспомнил, что когда-то — в другой жизни — у него остался в кармане блокнот. Видимо, он и остановил удар, иначе валяться бы ему рядом с Птахой.

С Птахой... Марек медленно обернулся и в первое мгновение подумал, что по голове его приложили даже сильнее, чем казалось. Он же ясно помнил, как Птах рухнул у той стены, вон и кровь на асфальте, и упавшая бандана — но тела Птахи там не было. Игра теней в свете тусклого фонаря. Или нет? Вот же такой знакомый силуэт... «Сотряс, однозначно — в глазах вон двоится». Марек посмотрел в ту сторону, где осталась «Тахо» — и увидел, что

Птаха стоит рядом с машиной.

Марек забыл про боль и радостно, по-детски рассмеялся. Ну конечно! Разве же Птаха, Внешний, мог умереть по-настоящему? Сколько раз ведь уже разминулся с последним ударом буквально на полшага! Вот и сейчас. Ну да, одежда в крови, наверное, все-таки зацепили, но это же Птаха, он не мог так просто взять и умереть! Уж если сам Марек сейчас встал... Птаха ведь намного сильнее, конечно, он жив! Марек почувствовал, что в нем снова берет верх мальчик Вадик, который готов броситься к своему Водителю и с визгом повиснуть на шее.

И он действительно бросился к Птахе. Но через несколько шагов понял, что дальше не пройти. Слово его не пускало невидимое препятствие — а может, собственное неведение откуда взявшееся ощущение, что ему туда нельзя. Странно знакомое. И он вспомнил, откуда. Там, в туманном поле, он с такой же ясностью понимал, что не должен засыпать. На секунду ему показалось, что вокруг поднимается туман — или это у него мутится в глазах? Марек попытался окликнуть Птаху, но голос не слушался. Он стоял и смотрел, как мальчишка, очень похожий на Птаху, только младше раза в два, обнял старшего брата и запрыгнул на пассажирское сиденье «Тахо». Птаха открыл водительскую дверь, но, прежде чем сесть за руль, обернулся к Мареку и улыбнулся. Не своей обычной ухмылкой плохого парня из боевика, а широкой мальчишеской улыбкой, которой Марек не видел у него еще никогда. «Тахо» тронулась с места и исчезла в наползающем тумане. А может быть, это слезы застилали глаза? Марек моргнул — белой «Тахо» в переулке больше не было.

Марек почувствовал, что у него подкашиваются ноги. Он опустился на одно колено, пытаясь то ли не разрыдаться, то ли не заорать на весь квартал. Он понял все.

...Широкоплечий парень расшвыривает, как кегли, шпану, ради забавы избивавшую подростка, и бессильно застывает, понимая, что опоздал. Светловолосый мальчишка с разбитым в кровь лицом валяется тряпичной куклой на груди кирпича. Нет — все тот же парень протягивает руку, и мальчишка с трудом поднимается.

...Поток воздуха от проносящегося экспресса подхватывает фигуру на краю платформы и швыряет под колеса. Нет — мощным рывком парень все же выдергивает худощавого подростка из опасной зоны.

...Переулок Нижнего города. «Тахо» никак не может вписаться в этот поворот, но вписывается, из-за руля вылетает разъяренный водитель и слишком поздно замечает атаку сзади. Массивная фигура оседает на асфальт, на спине расплывается темное пятно... Нет — в последний момент водитель успевает увернуться и выбить нож.

...Ярко-алая «Камаро» неловко приткнулась на обочине дороги. Светловолосый юноша за рулем бессильно закрывает глаза, и его силуэт начинает постепенно растворяться в тумане. Нет — жесткий рывок за волосы возвращает водителя к реальности.

...Израненный длинноволосый парень в светлой ветровке, давно уже до неузнаваемости уделанной кровью, пытается уклониться от добивающего удара, но сил уже осталось слишком мало... Нет — противник отлетает в сторону, и парень в ветровке поднимается, опираясь на протянутую руку. Как в первый раз.

Перед глазами словно замелькал обезумевший проектор, показывающий два фильма одновременно. Вот коротко стриженный парень остервенело бьет оппонента обломком кирпича в висок, и полуседая голова бессильно падает — но в то же время Марек видел удар, прошедший мимо, и ответную атаку. Вот то ли изящный юноша, то ли девчонка в мужской толстовке из последних сил пытается дотянуться до своего планшета, хотя это явно не самая

нужная вещь, когда истекаешь кровью — и вот в тот же момент, когда на планшете все-таки удастся что-то нажать, совсем уж непонятного пола существо у стены подворотни открывает неожиданно осмысленные глаза. Вот девушка азиатской внешности безжизненно обмякла на руках у парня, слишком поздно отбившего ее у решивших покуражиться ребят — и она же со слезами облегчения обнимает его.

А потом эта круговерть распалась, и осталась только фигура Птахи. Сейчас Марек с кристальной ясностью понимал — в той давней драке в Нижнем городе погибли оба брата. Но Внешний может умереть, только если сам так решил — или от руки другого Внешнего. И Птаха вернулся. Один. Он искренне привязался к мелкому Вадику, но забыть брата так и не смог. И теперь, когда ситуация была критической, Птаха вытащил Марека, как вытаскивал уже много раз — а на себя то ли не хватило сил, то ли сознательно не стал возвращаться.

Все собралось воедино. Все странные расхождения между тем, что Марек помнил, и тем, что появлялось в сети. Все обмолвки и недоговорки. Все то, что мелкий Вадик считал черным юмором. И снова и снова перед глазами вставал Птаха. Которого больше нет. Да и того мелкого Вадика больше нет. Мареку только что казалось, что заплакать он больше не способен, но сейчас он почувствовал, как неудержимо накатывают слезы. По Птахе. По самому себе. Он рухнул на асфальт и разрыдался.

Когда Марек немного успокоился, он скорее даже почувствовал, чем увидел, что рядом кто-то есть. Рука дернулась к ножу — кого еще могло сюда принести?

— Свои, — проговорил механический голос. Сквозь застилавшие глаза слезы Марек различил Прокси — и едва узнал его. Привычная черно-зеленая мотокуртка была расплосована в нескольких местах и перепачкана кровью, но главное даже не это. Он встретился с Прокси взглядом и надеялся, что больше такого не увидит.

— Жизненные показатели в порядке? — все тем же механическим голосом спросил Прокси. Марек медленно поднялся.

— Прокси... — невпопад ответил он. — А у тебя ведь серые глаза?

То ли холодный свет фонарей так сыграл, то ли дело в зеленом цвете мотокуртки, но глаза Прокси сейчас отливали изумрудно-зеленым, как у кошки. А может, просто показалось. Прокси тяжело вздохнул и помахал рукой у него перед лицом. Марек не двинулся с места.

— Реакции объекта неадекватны. Необходима эвакуация.

И, не дожидаясь ответа, Прокси подставил Мареку плечо.

Марек не помнил, как они доехали до гаражей, и не мог понять, как вообще не свалился с мотоцикла. Он ведь был уже выше Прокси, да и досталось ему все-таки сильно. Прокси, конечно, в этот раз не пытался ставить рекорды скорости, но его мотоцикл был точно не лучшим средством, чтобы перевозить пассажира почти без сознания. Во всяком случае, на поляне Прокси решительно заявил «домой не дойдешь» и практически затащил Марека в «Фольксваген». Марек сполз на колени у койки, зарывшись в нее лицом.

— Если хочешь — плачь, — сказал Прокси уже с обычной интонацией. — Я же вижу, тебе надо. Меня можешь не стесняться. В конце концов, я просто искусственный интеллект. Вроде твоего ноута. Можешь считать, что перед тобой именно он.

Марек с трудом поднял голову и даже нашел в себе силы криво усмехнуться:

— А что ж ты тогда сам плачешь?

Глаза Прокси — все-таки серые — были полны слез.

— Моя прошивка предусматривает очень высокий уровень моделирования эмоций, —

срывающимся голосом ответил Прокси и уронил голову на клавиатуру.

Следующие несколько дней — или даже недель — Марек почти не помнил. Прорывавшись у Прокси, он то ли все-таки отключился, то ли попросту заснул. Потом откуда-то издали послышался хриплый голос: «Так, гений эргономики, сам затащил, сам теперь и выволакивай, я у тебя тут все твоё хозяйство снесу!». Каким-то образом, надо полагать, Марека все же извлекли наружу, и он почувствовал, как с него стаскивают ветровку, точнее, то, что от нее осталось. Дальше он обнаружил себя повисшим на плече у Некроманта и даже пытающимся как-то идти. Он хотел было заговорить, но Некромант лишь коротко приказал: «Тихо!». Спорить не было ни сил, ни желания. Потом он как-то оказался у себя в комнате, и все смешалось окончательно.

Он не знал, день или ночь стояли на дворе, когда он просыпался — плотные шторы были закрыты, а встать он был почти не в состоянии, разве что кое-как дотащиться до ванной. Иногда в полудреме он замечал рядом Некроманта, но тот не заговаривал с ним и пресекал все его попытки что-то сказать. Просто осматривал, менял повязку на руке, оставлял бутылку воды и, со временем, небольшой перекус и снова исчезал. Пару раз вроде бы появлялся Прокси, но Марек в принципе не мог с уверенностью сказать, что было на самом деле, а что приснилось. Он понимал только одно: если видел Птаху — значит, это точно сон. Потому что Птахи больше нет. Слез по этому поводу уже не осталось. Марек снова засыпал, одновременно и надеясь увидеть еще один такой сон, и мечтая, чтобы они уже прекратились.

Но однажды он проснулся с неожиданно ясной головой. Он сел на диване, удивляясь, как легко это далось. Но в следующую секунду чуть не взвыл в голос, и совсем не от того, что оперся на правую руку — с ней как раз все было в порядке. Ну, почти — слушалась она еще плохо, и шрам, конечно, остался здоровенный. Как только в нерв или еще куда не попали. Да черт бы с ним со шрамом. Все, абсолютно все было таким, как в первый день, когда мелкий Вадик проснулся на этом диване. А вот Птахи — не было.

Марек встал и прошелся по комнате, на каждом шаге морщась, словно от боли. Все, на что падал взгляд, было либо подарено Птахой, либо еще как-то напоминало о нем. Он поднял шторы и выглянул в окно. Двор, где они тренировались. И гараж, где стояла белая «Тахо».

«А ведь до Некроманта не так и далеко», — мысль пришла отстраненно, словно это сказал кто-то другой. Марек снова сел на диван, закрыл глаза и задумался. Да, все это время он пытался заговорить с Некромантом ровно по одной причине. Он ведь уже понимал, как это будет. Больше не видеть этих снов. Не вспоминать. Не чувствовать. Все так просто. И именно поэтому Некромант избегал любых разговоров. Он знал, что Марек намерен ему сказать.

Нет. Внезапно Марек осознал: он этого не сделает. И не только потому, что настроения настроениями, а знать, что все закончится вот именно сейчас... Он помнил ту улыбку Птахи. И понимал: их дороги разошлись. Это очень не хотелось признавать, но Птаху сдержал свое обещание — и ушел, когда Марек вырос. Дурацкая детская сказка сбылась, хоть и совсем иначе, чем он когда-то представлял. А значит, даже если он решится — Птаху ему не встретить. Его дорога в любом случае пойдет иначе.

Но была и еще одна причина. Перед глазами встало искаженное болью лицо

Некроманта. Тот едва слышный шепот, когда к нему пришла Тундра. Прокушенная до крови губа при известии о гибели Джимми. И как Некромант сорвался вытаскивать самого Марека — чтобы потом не пришлось провожать еще и Птаху. Не пришлось. Но от этого не легче. И с каждой секундой Марек все отчетливее понимал: он не пойдет к Некроманту. Нельзя. Вот просто потому что нельзя.

Внезапно он понял, что зверски проголодался. И нет, фрукты и всякое такое на табуретке у дивана не годились. Хотелось нормальной пищи. Он пошел умываться, по-прежнему удивляясь, что это больше не требует таких усилий. Оглядел себя в зеркале. Даже не очень похож на выходца с того света, хотя чувствовал себя именно так. Ну да, по ребрам расползся неимоверно красочный синяк, на боку ссадина — все, что осталось от удара, который вообще-то задумывался как смертельный. Спасибо блокноту. Ну и шрам на руке, тут все понятно — нож чуть ли не насквозь прошел. Головой он в падении тоже приложился серьезно, но под длинными волосами на косой пробор незаметно. В общем, могло быть и хуже.

Марек вернулся в комнату. Странное дело — сейчас осматриваться было уже не так тоскливо. Горечь никуда не делась, но теперь скорее хотелось вспоминать все хорошее, что было. Вот хотя бы этот самый диван, как мелкий Вадик проснулся и не мог понять, где он вообще. И как копался в вещах с чердака — теперь он уже знал, чьи они на самом деле. А вот его ноутбук — это его первый день рождения среди Внешних. Подаренный Птахой нож. Куча всяких мелочей на столе — тоже подарки Птахи. Марек снова зашел в ванную. Футболку, кажется, проще было выкинуть, чем отстирать, а вот у джинсов еще есть шансы. Удивительно, но телефон уцелел. Тоже — от Птахи. И «Металлика» на звонке, чтобы как у него.

Марек запустил стирку. Обращаться с машинкой его, опять же, научил Птаху. И накупил резинок для волос, извиняясь, что не додумался раньше. Хотя Марек опять привычно ухватил ту серую, от Некроманта. А то распущенные волосы — это хорошо, но готовить лучше все-таки с хвостом.

Мимо комнаты Птахи Марек прошел, ускорив шаг, оступись и чуть не полетел с лестницы. И такое с ним было в первые дни. А вот и плита, с которой он не сразу научился обращаться и устроил небольшую газовую атаку. А Птаху несколько не рассердился. Потому что это и его дом тоже.

Марек ухватился за столешницу, чтобы не упасть. Не от того, что недавно вернувшиеся силы вдруг изменили, а от внезапного понимания: Птаху всегда будет с ним. Просто потому, что весь этот дом, все привычки Марека — это от Птахи. Вот сейчас Марек готовил себе яичницу с колбасой — точно такую же, как делал Птаху. И заваривал их любимый чай. Так, как научил Птаху. Он вспомнил свою первую самостоятельную поездку на «Камаро», когда все советы Некроманта и все того же Птахи всплывали в памяти так ясно, словно кто-то из них и сейчас сидел рядом. И впервые за все эти дни Марек улыбнулся.

Прошло еще несколько дней, прежде чем он решился выбраться в гаражи. И не был уверен, что дойдет, и... пожалуй, боялся. Хотя сам не сформулировал бы, чего. Но бояться он не любил, а потому отправился привычным маршрутом.

Казалось бы, к Внешним он пришел в ноябре, а сейчас было лето, но его не покидало ощущение, что повторяется тот самый первый раз. Вплоть до небритой физиономии, высунувшейся из полузаброшенного дома и быстро спрятавшейся обратно. Только вот спугнул обладателя физиономии уже не здоровяк с короткой стрижкой, а высокий

длинноволосый юноша с рассеченной бровью.

Гараж Некроманта привычно сотрясался от бронебойных ударных и перегруженной гитары. Но как только Марек подошел ближе, музыка смолкла. Некромант выбрался наружу и смерил его изучающим взглядом. Марек не знал, с чего начать. Все слова казались лишними, а потом и вообще куда-то делись.

Наконец Некромант тихо спросил:

— Вернулся?

И Марек ответил:

— Да.

Жизнь постепенно возвращалась в свое русло. И просто возвращалась. Хотя это и казалось почти невообразимым. Как вообще что-то может быть по-прежнему, если их теперь только трое? Но их было трое. И их жизнь, так или иначе, продолжалась.

В тот первый день Некромант жестом пригласил Марека сесть у гаража и коротко, очень тихо произнес:

— Хочешь — рассказывай.

И Марек стал говорить. Хотя еще недавно ему казалось, что даже думать на эту тему он не в состоянии. Но под взглядом темных глаз Некроманта почему-то становилось легче. Неужели когда-то ему этот взгляд казался пугающим? Нет, не ему — тому мальчику, которым он когда-то был. И которого уже давно нет.

Марек рассказывал о дороге из Нижнего, о двух Внешних, за которых вступились они с Птахой, о схватке, о том, как едва не погиб сам, о безумной круговерти видений, даже о последней улыбке Птахи. Его голос срывался, но слез не было — словно все иссякли тогда в «Фольксвагене». Некромант слушал молча — лишь чернота в его глазах становилась все глубже. И когда Марек окончательно выдохся, впервые за все время их знакомства Некромант коротким движением обнял его за плечи.

Больше они с Некромантом о Птахе не заговаривали. И, конечно, Марек ни словом не упомянул мысли, которые посещали его, пока он приходил в себя. Тем более что Некромант, кажется, и так все знал. Словно они как-то негласно договорились: ни слова больше. И от этого тоже было немного спокойнее. Конечно, Мареку по-прежнему было запредельно тоскливо, но за те настроения становилось стыдно. Потому что нельзя, чтобы потеряли еще и его. «Назло этим крысам останусь жить», — говорил когда-то Птаха. Нет, это тоже не вариант. Хотя, конечно, когда силы вернутся, Марек собирался еще навестить в те края и выяснить подробнее, кто это там такой борзый, что на Внешних охоту объявляет. Даже привычным движением (опять же подхваченным у Птахи) размял пальцы и поморщился — сбитые костяшки еще давали о себе знать, да и правая рука слушалась по-прежнему плохо. Но это мелочи. Он с удивлением поймал себя на том, что впервые думает хоть о каком-то будущем. И оно не кончится, когда удастся свести счета. Во-первых, те красавцы явно не единственные, а во-вторых... Марек сам не мог сформулировать, но понимал: он жив не «назло» каким-то отморозкам из Нижнего города, даже если они еще пожалеют, что он остался в живых. Он жив... да просто потому, что жив. «Потому что иначе получается, что все это зря». Он встретился взглядом с Некромантом — и тот едва заметно кивнул. Он понимал.

Зато с Прокси Марек болтал часами. Вроде бы все началось с чисто деловой темы — тот иллюстраторский проект, начатый для одной книги, разросся на целую серию, поскольку автор, по собственному признанию, уже и сам видел своих персонажей только такими, как их нарисовал Прокси. Фотографии Марека очень пригодились, но Прокси попросил его еще раз съездить в ту заброшенную деревню, уже вдвоем. «Я запарюсь на пальцах разьяснить, какие виды мне нужны!». Марек болезненно скривился — ведь в прошлый раз они ездили туда на «Тахо», неужели Прокси не понимает? Он хотел сказать это вслух, но наткнулся, как на стену, на сочувственную улыбку Прокси. Он как раз все понимал лучше, чем сам Марек.

— Если с рукой еще не все в порядке, — нарочито беспечно сказал Прокси, — можем

на байке метнуться. Сейчас ты хоть не будешь так на мне висеть, а держаться и левой достаточно, я не буду гонять.

— Нет... — тихо произнес Марек. — Я... надо, чтобы я сам, ведь так?

Прокси не ответил.

— Да, — уже тверже сказал Марек. — Я понял. Перезапись. А рулю я в основном левой. Прокси показал одобрителный жест и пошел открывать гараж.

За рулем «Камаро» можно было почти поверить, что все как раньше. Просто еще одна самостоятельная поездка, как было уже много раз, и в памяти привычно всплыли советы Птахи... Но ведь это закончится. И придется возвращаться.

— А как вас в те края занесло вообще? Ну, куда мы сейчас едем? — все тем же подчеркнuto непринужденным тоном спросил Прокси. — Ты вроде уже давно в основном один катаешься...

Марек стиснул руль. А ведь почти удалось отвлечься... Но он чувствовал, что Прокси прав. Если вот так прятаться и воображать, что ничего не было — уж лучше сразу к Некроманту, быстрее и проще будет.

— На самом деле, мы просто катались... — начал он, едва узнавая собственный голос. Но постепенно он сам увлекся — ведь он прекрасно помнил тот дождливый день, свои мысли о том, что деревня выглядит как будто опустошенной демонами, яркое пятно маленького синего внедорожника... Конечно, при этом воспоминании он перескочил на историю Джимми и Сани, и неважно, что Прокси, скорее всего, в курсе — в конце концов, Марек лично ему об этом не рассказывал. Прокси задавал вопросы, уточнял детали, предполагал, что было дальше — и вот Марек обнаружил, что давно уже взахлеб рассказывает о нижегородском музыкальном фестивале и даже о той последней поездке по городу. Все ведь было хорошо... Было.

— А что Джерри, больше не мечтает пришибить Некроманта? — Прокси очень вовремя не дал ему развить мысль. Марек невольно улыбнулся:

— Кажется, нет. А все-таки немного жаль, что ее пантерой на фестивале не похвастались. Но, наверное, не последний раз.

С Джерри разговор как-то перешел на Нижний Новгород в целом, Марек вспомнил даже ту компанию в кафе, над которой они с Птахой так хохотали. Байки о посланниках ада потянули за собой Патрика, тренировки, летние купания в карьерах... Марек очнулся, когда Прокси аккуратно ткнул его в плечо:

— Смотри-ка, а это не та ли церковь?

Марек ошарашенно помотал головой. Он вообще не был уверен, что сам найдет эту деревню! Но под разговор они как-то незаметно приехали именно туда. Сейчас дождя не было, и деревня выглядела даже вполне симпатично. «Главное, чтобы в этот раз без сюрпризов», — криво усмехнулся про себя Марек. Но что-то говорило ему — все спокойно. А главное — спокойно было ему самому. И мысль о том, что поездка закончится, уже не пугала.

— Страна Яблок, — продекламировал Прокси, — дарует забвение и исцеление.

И эффектно повел рукой, словно сам все это и сотворил. «Да ну тебя!» — фыркнул было Марек и снова удивился — все это вышло совершенно естественно. Он невольно проследил за жестом Прокси и только сейчас осознал, что через все заборы, действительно, свешиваются ветви, усыпанные яблоками.

Прокси решительно подошел к ближайшему забору, сорвал одно яблоко и протянул

Мареку.

— Ешь, не отравленное. Даже наоборот. Тебе надо.

Яблоко оказалось невероятно кислым — то ли не дозрело, то ли за то время, что здесь никто не жил, яблони успели одичать. Но это было даже приятно. Марек замер, держа в руке откушенное яблоко. Выглядел, наверное, на редкость по-идиотски, но вот уж до этого ему было меньше всего дела. Просто ему вдруг показалось, что вкуснее этого кислого яблока он в жизни не пробовал. В последнее время он, конечно, чем-то питался и даже готовил нормальные блюда, не обходясь бутербродами, но все это в основном происходило на автопилоте, не считая самого первого раза. И вдруг у дурацкого кислого яблока обнаружился вкус. А вслед за ним как будто стало проявляться все остальное — голубое небо, неожиданно яркий розовый кирпич церкви, которую Марек помнил почти бесцветной, запах осыпавшихся яблок... Даже стоящая на обочине «Камаро» словно стала ярче.

— Работает! — радостно заявил Прокси. Марек запустил в него недоеденным яблоком и мгновенно пригнулся, уворачиваясь от ответного снаряда. Под руку попался изрядно подгнивший экземпляр, но и Прокси в долгу не остался. Правда, от такой перестрелки немедленно занял шрам, и Марек, показав «я в домике», присел на подвернувшееся бревно.

— Прокси, — растерянно спросил он, — это как вообще?

— Ну я же говорю, — Прокси улыбался до ушей, — Страна Яблок. Еще не забыл, кого к себе в машину взял? Не ходите, дети, в волшебные холмы!

— А кто тут дети? — парировал Марек. Прокси хлопнул его по плечу:

— Верно! Поэтому тебе — можно. И нужно.

Они остались в деревне до самого вечера — бродили между домами, фотографировали, даже нашли действительно вкусные яблоки и набрали в бандану Марека, а Прокси просто набил полные карманы. А потом Прокси заявил, что не может ждать до дома, и занялся зарисовками. Марек, глядя на него, тоже полез за блокнотом — он не рисовал с самого Нижнего. Блокнот, конечно, был другой — тот, спасший ему жизнь, лежал дома, и Марек чувствовал, что еще не готов разбирать, что там из рисунков уцелело. Хотелось надеяться, что тот, с «Импалой», не слишком попорчен... хотя это же можно исправить уже в электронном виде... Марек снова застыл — в кои веки у него появились планы, не связанные с теми отморозками. Прокси, как будто бы с головой ушедший в рисование, хитро подмигнул.

— А я занятную тему придумал, может, где в аэрографии пригодится, — сказал Марек. Прокси жестом показал «продолжай», и он стал рассказывать про «Импалу» и пламя. А где «Импала» — там и их поездка в Питер, и первые эксперименты с реальностями, пусть и неудачные... А еще дворы-колодцы, неожиданная смелость Форестера и те четверо, сбежавшие от них с Птахой. И, конечно, в каждой истории — Птаха, Птаха и Птаха. Но что бы Прокси ни шутил про Страну Яблок — вспоминать действительно было уже не так больно. Зато хотелось рассказывать еще и еще.

Солнце уже заходило, когда Прокси объявил, что все нужное зарисовал и сфотографировал. Марек тем более давно хрустел яблоками — все-таки пока его надолго не хватало. Впрочем, он чувствовал, что скоро придет в норму.

— Ну как тебе Страна Яблок? — тихо спросил Прокси, садясь рядом.

— Насчет исцеления ты был прав, — признал Марек. — С забвением... похуже.

— А это и не надо, — Прокси повел рукой у него перед грудью. Марек все понял верно и сжал в кулаке серебряного оленя. А Прокси сказал едва слышно: — Боль забывается.

Память остается.

И резко отвернулся, глядя в небо. Марек не стал ничего отвечать. Лишнее.

— Имею сказать, — сообщил Прокси уже с обычной интонацией, — что после заката здесь лучше не оставаться. Кто знает, какие силы бродят здесь ночью, над ними нет моей власти. Короче, поехали, что ли?

Марек сел за руль с четким пониманием — конечно, здесь не отделаться разовой «перезаписью», еще не раз накатит тоска, еще не раз он будет наткаться на воспоминания о том, чего больше нет... но что-то в этих заросших яблонево садах определенно произошло. Что-то такое, от чего было не страшно думать о возвращении.

— А ты без музыки обычно едешь? — спросил Прокси. Марек задумался. Только сейчас он осознал, что, действительно, до сих пор не включал в машине музыку. Сначала было не до того, с управлением бы освоиться, а потом сам звук мотора и шин стоил любой музыки. Но, действительно, а почему бы и нет. Есть телефон, есть куча музыки на нем, есть, в конце концов, сеть.

— «Я уличный пес...» — сообщила магнитола. Марек закусил губу. Надо же было из всего собрания выпасть именно этому треку! Но вслед за горечью нахлынули воспоминания. Вот они с Птахой только познакомились, но стоят у машины и горланят эту песню, как два психа, и кажется, что знакомы они уже тысячу лет. А вот белая «Тахо» летит по трассе, а вокруг ночь, а впереди совершенно другая жизнь... Голос срывался, но Марек не мог не подпевать:

— «Мой первый педагог отдавал мне все, что мог, он был героем уличных драк...» — ну разумеется, это не могло быть ни про кого, кроме Птахи! И где-то на фоне подумалось: а ведь вся песня в прошедшем времени...

— «Он твердил мне, что лишь тот побеждает, в ком живет...» — подключился Прокси.

— «Блюз бродячих собак»! — проорали оба. Марек прибавил скорость, «Камаро» легко откликнулась. Да, он не скоро сможет слушать эту песню спокойно — если вообще сможет — но здесь и сейчас это было правильно. Марек чуть поморщился — приближался тот самый третий куплет. Но переключать не хотелось.

— «И лишь с учетом того, что десять против одного, нас в результате смогли победить...» — доносилось из динамиков.

— Хрен им, — процедил сквозь зубы Марек.

— Ага, не люблю этот финал, — кивнул Прокси. — А вот сейчас...

— «Удача за нас, мы уберем их на раз!» — «Камаро» неслась по трассе, а они с Прокси во все горло орал этот припев. И в финале Марек показал в открытое окно победный жест.

— Пока у меня будешь ставиться или как? — деловито спросил Прокси, когда они приехали.

Марек хотел спросить, а какие у него, собственно, варианты, но осекся. Да, ведь гараж, где стояла «Тахо», пуст... Он знал, где лежит еще один ключ, но до сих пор к гаражу не хотелось даже подходить. Но Прокси опять прав: нельзя все вокруг позакрывать на замок. Комната Птахи пусть стоит закрытой, он еще не скоро решится туда войти, да ему одному и так достаточно места. А гараж — это просто гараж.

— Знаешь, я, наверное, к себе переберусь. Надо осваиваться. И вообще... давай, что ли, чаю выпьем?

Прокси охотно согласился. И вот они сидели у камина и пили чай. И так легко было опять вообразить, что все по-прежнему... но не нужно. Все, что случилось — случилось.

Марек даже решился показать тот самый блокнот. Прокси присвистнул — удар был нанесен со всей ненавистью к Внешним, накопившейся в Нижнем городе. Бурые пятна на обложке напомнили Мареку его самый первый здешний блокнот, который они точно так же рассматривали с Прокси. И тогда, и сейчас его целенаправленно убивали. «А хрен им», — мысленно повторил он.

Как ни странно, рисунки даже не так уж сильно пострадали. Да, посреди силуэта гитары рядом с «Импалой» была дыра с побуревшими краями, но, в конце концов, никто не отменял сканер и доработку изображения. «Импала» вот отлично вышла, и почему бы в принципе не сделать серию на тему старых машин? Ту же «Камаро» добавить, а то и «Кадиллак»... И к каждой машине еще что-нибудь по ассоциации — вот у «Импалы» гитара и пламя, у «Камаро», скажем, небоскребы... Марек даже чуть улыбнулся: теперь он отлично понимал Форестера с его выставками, зрители которых и не подозревали, что источником вдохновения послужили те самые Внешние. Тем временем Прокси уже успел завладеть блокнотом и изобразил на свободной странице «Камаро», а сверху — почти легшую на крышу ветку с яблоками. Дыра на странице как раз вписалась в рельеф коры.

И они снова сидели и разговаривали. О рисунках, о планах и снова о Птахе. Только о схватке в Нижнем городе не было ни слова. Словно тоже своего рода молчаливая договоренность. Когда Прокси ушел, небо уже начинало светлеть. Марек поднялся к себе, но спать не хотелось. То ли чай был слишком крепким — хотя обычно ему даже зелье Некроманта спать не мешало — то ли просто слишком много всего произошло. Он посмотрел на гараж — теперь там стояла «Камаро». Теперь это его дом, его территория... и его жизнь. И на мгновение в утреннем тумане как будто мелькнул белый внедорожник. И Марек знал — в салоне двое.

Посиделки у камина с Прокси повторялись еще не раз — в «Фольксвагене» Мареку с его нынешним ростом было уже совсем не развернуться. Он с трудом понимал, как Прокси в ту ночь вообще смог его туда затащить. Но обсуждать это он точно не собирался. Вообще как-то незаметно их разговоры свернули с воспоминаний на творческие планы и обмен заказчиками — теперь, когда есть Марек, Прокси хотел полностью сосредоточиться на своих любимых сюрреалистических сюжетах, фантастике и хайтеке, а желающих реализма перенаправлять к нему. Марек, в свою очередь, «подарил» Прокси фаната «Матрицы», желающего украсить свою машину характерными ядовито-зелеными строками кода. Судя по тому, как Прокси довольно потирал руки — в коде будет зашифровано что-нибудь глумливое или, наоборот, предельно дурацкое вроде детского стишка. И Марек каждый раз, как впервые, удивлялся вернувшейся способности смеяться.

Постепенно возобновились и тренировки с Некромантом, причем он не стал ждать, пока рука у Марека полностью восстановится. «Насколько я помню, — прищуривался он, — кто-то вполне может драться и левой». С одной стороны, это было даже в чем-то проще, потому что Некромант сам левша. С другой... Марек практически вспоминал времена первых тренировок. Одно дело — перекинуть нож на один-два удара, другое — постоянно действовать с непривычной руки. Хотя... ту схватку он почти не помнил, но, кажется, под конец он только левой и пользовался. Перед глазами встал тот переулочек в неверном свете фонаря. И, похоже, его тело все помнило лучше, чем казалось ему самому... В реальность его вернул Некромант, железной хваткой заблокировавший его руку.

— Спокойно, юный Скайуокер, — Некромант по-прежнему называл его так, тем более что на Энакина Марек теперь был похож еще больше, чем в детстве. — Все свои. А

действовал очень грамотно. Продолжаем.

Марек рассеянно кивнул, сам не понимая, почему его так радуют эти слова. Ведь и эффективность пока, откровенно говоря, не очень, и не дело все-таки, чтобы так крышу срывало — хотя Некромант опять прав, он иначе просто не умеет. Все равно, тренировка же, не говоря о том, что отметина на скуле у Некроманта до сих пор была видна, хоть и слабее. Но зато как-то незаметно та схватка в Нижнем городе стала распадаться на конкретные атаки, уклонения и ошибки, и сквозь всю горечь Марек чувствовал: все от него зависящее он сделал. И так, в общем-то, шансов уцелеть было мало.

По пути с тренировки его поймал Прокси.

— У тебя телефон с собой?

— Конечно, — чуть недоуменно ответил Марек. — А что такое?

— Да возникла у меня тут мысль. Мы с тобой часто стали вместе работать, может, и большой проект вроде того бара повторится. Давай я тебе мою сигналку поставлю?

Марек хотел уже спросить, что за сигналка, но вспомнил зеленый значок биологической опасности на экране телефона Птахи. Прокси кивнул и показал свой экран. Значок был серым.

— Свой я перенастрою, а тебе установлю. Оно вроде мессенджера, но для двоих, на нескольких устройствах уже нестабильно работает. Зато никак не перехватывается, а еще видеть друг друга позволяет.

— Ты поэтому тогда приехал? — тихо спросил Марек.

— Да, — коротко ответил Прокси и опустил глаза. «Но опоздал», — мысленно закончил Марек его реплику. Он шагнул ближе:

— Без тебя меня бы точно прикончили, я же никакой был. Да... давай у меня тоже такая штука будет.

Прокси уже занялся манипуляциями с двумя телефонами, и через пару минут «биологическая опасность» на обоих экранах загорелась кислотно-зеленым.

— Если меняется на желтый — это просто сообщение, — пояснил Прокси. — Красный — тревога.

Про серый он упоминать не стал. И так понятно.

— А вообще, — Прокси уже снова улыбался, словно возня с приложением помогала ему восстановить душевное равновесие, — у меня созрел коварный план.

— Непристойный? — улыбнулся Марек, вспомнив Стаса.

— И это тоже, но потом. А пока предлагаю как-нибудь на днях заняться тем, чем мы, по некоторым версиям, занимаемся вообще всегда!

— В смысле? — не понял Марек.

— Ну как же — смертельными гонками прямо по городу, как истинные отмороженные Внешние! Ставка... что бы пострашнее придумать... ну, допустим, проигравший угощает победителя в той кондитерской. Хотя нет... мы же жестокие бездушные отморозки, поэтому — победитель выбирает торт, а проигравший должен сожрать его целиком!

Прокси скорчил страшную рожу. Марек расхохотался, в который раз мельком удивившись, как легко это стало получаться.

— Ну ты изверг!

— Надо же оправдывать репутацию! — Прокси уже сам смеялся. — На самом деле, просто охота на твой болид со стороны посмотреть. Ну что, не боишься?

— А это что такое? — парировал Марек. Прокси схватился за голову:

— Понабрался от Некроманта! Кажется, мне конец.

Хотя его широкая ухмылка с этим утверждением как-то не вязалась.

В следующие несколько дней осень вспомнила, какой ей полагается быть, и зарядили дожди. Но это даже к лучшему — рука была уже почти в норме, как раз пару дней в покое — и можно вообще не обращать внимания. Да и Прокси пропал в очередных радиоактивных грибах, да таких, что Некромант выдворил его из гаража, сказав, что больше не может выносить это непотребство, и вообще у Прокси свой гараж есть, пусть там их и разводит. Но грибам нужно было высохнуть, и в первый же солнечный день Прокси возник на пороге у Марека.

— Ну что, готов рискнуть жизнью и здоровьем?

— И зрением! — усмехнулся Марек. Черно-зеленая куртка Прокси, видимо, восстановлению не подлежала, потому что он сменил ее на новую. Эта была полностью зеленого цвета, причем еще более термоядерного оттенка, хотя, казалось бы, куда уж больше. Прокси состроил рожу и жестом позвал Марека на выход.

После выезда на трассу Прокси некоторое время выпендривался, отставая от Марека и снова догоняя, потом припал к рулю, окончательно слившись с мотоциклом, и ушел вперед. Марек скрипнул зубами. Понятно, что Прокси, скорее всего, выиграет, его байк способен на огромные скорости, но так просто сдаваться он не намерен! С Прокси ведь станется выполнить угрозу, да еще и тортик выбрать с какой-нибудь извращенной начинкой. «Я тебе его на голову надену!». Педаль газа ушла в пол. Но вот за что Марек был Прокси искренне благодарен — на такой скорости думать было некогда. Смотреть по сторонам — тоже, особенно когда вокруг замелькали разноцветные эстакады. Марек, конечно, пытался разглядеть зеленый байк, но тот так и не попадался. Он уже морально готовился наблюдать глумливую ухмылку Прокси... но на площадке перед кондитерской он был один.

Что за дела? Марек уже полез проверить «сигналку», но тут зеленый байк вылетел из-за поворота.

— Мне конец, — констатировал Прокси, снимая шлем. Правда, опять же слишком ехидно ухмыляясь для такого заявления. Марек скрестил руки на груди:

— Признавайся, ты поддался! Учти, про торт я помню!

Прокси принялся нарочито фальшиво насвистывать какой-то мотив. Марек взялся за голову и направился ко входу.

В кондитерской Прокси с максимально обреченным видом уселся у окна. Марек вежливо пресек тираду девушки за кассой о спецпредложениях и десертах дня и с мстительной ухмылкой пошел выбирать торт. В крайней правой витрине красовалось такое зефирное облако самых приторных оттенков розового и малинового, еще и в блестках. «У кого там работа процессоров требует глюкозы?».

— Благодарю за проявленный гуманизм! — картинно раскланялся Прокси. — Ты это слово знаешь, не прикидывайся.

— Э... ты всерьез собрался это целиком жрать?

— Договор надо соблюдать! — с набитым ртом ответил Прокси. Что характерно, торт исчезал на глазах. Мареку самому стало любопытно, и он стащил кусок. Это сиропное непотребство было реально вкусным, но запредельно сладким, так что он немедленно отправился за большим чайником чая. А вернувшись, обнаружил, что остальное Прокси действительно сожрал.

— Чаю хоть возьми, слипнется же что-нибудь! — фыркнул Марек. Прокси лишь

довольно облизнулся, но чаю себе действительно налил. Одну чашку. Хотя самому Мареку понадобилось три.

Обратно ехать решили по отдельности и в своем темпе — в конце концов, «смертельная гонка» завершилась, сразу затевать еще одну настроения не было. Хотя Прокси уже предложил при случае повторить, и желательно ночью, «чтобы круче и страшнее».

— Давай я тебя просто еще раз тортом накормлю? — улыбнулся Марек.

— Не, так неинтересно! На следующий раз надо что-нибудь другое придумать! Но пока не буду выдавать коварные планы, — и Прокси многозначительно подмигнул.

Марек вел машину без лишней спешки — не то чтобы устал, просто хотелось полюбоваться на огни города. Но внезапно его посетило уже хорошо знакомое чувство: ему нужно немедленно попасть в конкретный район. Совершенно не по пути и даже, как он понимал, в другой версии, но сопротивляться этому зову было невозможно. Сейчас он прекрасно понимал Птаху, срывавшегося хоть среди ночи и резко менявшего курс. Несмотря на разгорающееся нетерпение, Марек удивленно притормозил: кажется, впервые он подумал о Птахе почти спокойно. Его по-прежнему отчаянно не хватало, но... пожалуй, это все-таки было неизбежно. Тот первый приступ откровенности, разговор с Анной, все проскальзывающие намеки... рано или поздно это все равно бы произошло. Мелкий Вадик не хотел в это верить и ничего не хотел об этом знать, но их дороги пересеклись только на время. Прекрасное время — но оно закончилось. А еще Марек с той же ясностью понимал, что его цель имеет к Птахе и его гибели самое прямое отношение.

Здесь почти не было фонарей — какие-то разбиты, какие-то в принципе не работают. Ничего. Не привыкать драться в темноте. Он развернулся на звук — рядом с «Камаро» остановился зеленый байк.

— Ты здесь откуда? — удивился Марек.

— Да так... — с напускной беспечностью ответил Прокси. — Разнообразие маршрутов захотелось.

— Слушай, Прокси, — Марек почувствовал, что голос внезапно сел, — ты бы не совался, а? С этой твоей прошивкой гуманности...

Еще не договорив, он явственно вспомнил заляпанную кровью куртку Прокси. Понятно, что тогда вариантов вообще не оставалось, но... Мысль остановилась, натолкнувшись на механический голос:

— Имитация личности отключена.

И то ли это свет так странно упал, хотя откуда бы ему тут взяться под таким углом, то ли что, но глаза Прокси опять блеснули кошачье-зеленым.

А дальше обдумывать странные явления стало некогда — Марек почти физически почувствовал спиной глухую угрозу. Мысли этих парней о треклятых Внешних, от которых нормальным людям житья нет, и хорошо бы с этим что-то сделать, вот хотя бы разделаться с этими двумя отморозками, как будто вполне материально висели в воздухе. Теперь понятно, почему мелкому Вадиду отвечали на незаданный вопрос... Марек развернулся навстречу бросившемуся из переулка темному силуэту, и размышления закончились.

Конечно, он никого не помнил в лицо — ту ночь он предпочел бы в принципе забыть. Но то самое чувство, которое привело его сюда, говорило, что перед ним уцелевшие участники той схватки. Его самого, кажется, узнали и обрадовались было возможности свести счеты. Ненадолго. Мальчик Вадик давно остался где-то в этих переулках, а Марек не собирался повторять его ошибок. И он знал, что у него получится.

Марек перевел дыхание. Реальность постепенно возвращалась на место. В этой самой реальности обнаружилась снова напомнившая о себе правая рука — но, похоже, ничего нового, просто от нагрузки. По бедру вот действительно задела, хорошо еще, поверхностно. Ладно, машину вести не помешает. Еще в реальности обнаружился Прокси, и лучше бы пока не обнаруживался — Марек надеялся такого больше не видеть, а пришлось.

— Прокси, — шепотом окликнул Марек, даром что подслушивать было некому, — ты меня слышишь?

— Контакт установлен.

— Прокси, блин, включай эти свои настройки гуманности обратно, а то даже я боюсь!

— Режим имитации личности активирован, — отозвался Прокси уже нормальным голосом.

— Тьфу на тебя! Но... спасибо, что помог.

— Моего участия тут минимум. Тебе спасибо... что здесь такое не повторится.

— А как иначе. Птаха был моим братом.

Прокси ничего не ответил, а потом привычно усмехнулся:

— Но вообще, даже немного жаль, что, согласно моим сенсорам, никого не осталось.

Такая отличная страшная история должна получиться!

— Ничего, надо будет — повторю, — и Марек торжествующе рассмеялся.

...Марек сидел на террасе кафе. Террасой, конечно, это было весьма условно — просто часть зала с панорамным остеклением высоко в Верхнем городе. Зато отсюда открывался потрясающий вид на его любимые разноцветные эстакады. В эту часть города он еще не заезжал, а зря — здесь было здорово, и кормили очень вкусно. А уж когда, как по заказу, из колонок зазвучала «Металлика», Марек понял, что лучше подарка самому себе на день рождения и придумать нельзя.

После гибели Птахи прошло уже три года. Как и предсказывал Прокси, со временем боль притупилась, осталась память — и благодарность за то время, что они провели вместе. Да, Марек до сих пор скучал по Птахе и не раз кидался догонять мелькнувший белый внедорожник, хотя и сам прекрасно знал, что это не может быть та самая «Тахо». И снова оставалось лишь грустно вздохнуть — конечно, это была не она. Как-то раз он увидел знакомый широкий крест, сердце чуть не выскочило из груди — но нет, это оказалась другая модель, более округлая. Постепенно и эти погони прекратились. Мареку и сейчас случалось грустить, хотя черная тоска первых месяцев больше не возвращалась. Но ведь были же эти два с половиной года, был его Водитель и лучший в мире старший брат! И Марек был благодарен Птахе за это.

Сам он изменился мало. Еще немного подрос, стал чуть шире в плечах, отпустил волосы немного длиннее — но манера одеваться осталась той же, и все так же на шее у него висел серебряный олень. Вот и сейчас, вспоминая о Птахе, Марек сжал кулон в ладони — и, как всегда, стало немного спокойнее. Те, кто ушел, все равно будут с ним.

В гаражах тоже все шло своим чередом. Некромант так же целыми днями пропадал в гараже под бронебойный блэк-метал, Прокси рисовал очередное безумие или настраивал очередную сеть, а сам Марек — точнее, в этом случае Камаринский — обзавелся целой сетью заказчиков, всегда готовой повесить его рисунки на стену, вышить, поместить на кружке или футболке, а может, использовать в оформлении книги или обложки диска. Ну и, конечно, украсить свою машину. Аэрографии Марека теперь мелькали в самых разных городах и, разумеется, то и дело попадали в очередную историю про Внешних. Джерри когда-то в шутку пообещала пугать обидчиков, что за ними придет пантера с ее капота и утащит в ад — видимо, и правда кому-то она это сказала, потому что Мареку принесло историю, как один парень стал было заигрывать с девчонкой из Внешних, так потом только окровавленные опметки и нашли. Впрочем, Джерри и сама могла справиться.

А вот Змея уже не было в живых. Прекрасный боец погиб совершенно глупо — поругались с другим Внешним, началась потасовка, наполовину в шутку, но Змея угораздило неудачно упасть и приложиться виском о бордюр. Эту историю Мареку рассказал Некромант, пока приходил в себя после того, как метнулся разбираться. Обычно он не вдавался в подробности, но иногда выговориться было нужно даже ему. «Тот парень даже с места не сдвинулся, — говорил он, и его голос звучал еще более хрипло, чем обычно. — Все, говорит, понимаю, пощады просить не стану, сопротивляться не намерен. А я вижу — он уже не здесь. Даже если я не трону — убьется все равно. Ну и...». Он не договорил, за что Марек был ему крайне признателен. Он снова коснулся оленя — вот и еще одна дорога ушла в сторону. И еще один рисунок в его паблике получил пометку «не повторяю».

Но что не могло не радовать — тех, у кого все хорошо, было определенно больше.

Джерри все так же колесила по стране под «Кошек», Форестер все так же фотографировал и проводил выставки, Алекс ездил с гастрольями и даже выпустил собственный инструментальный альбом. А с полгода назад Марек повстречал Сумрака с Михой — и у этих двоих, как оказалось, тоже все было прекрасно. Миха обзавелся крутейшей электрогитарой и активно занимался, даже уже налаживал связи с начинающей нижегородской группой. Короткая стрижка сменилась выбритыми висками и полосой длинных волос посередине — у большинства парней это выглядело по-дурацки, но Миха со своим перебитым носом стал похож на эдакого викинга. Учитывая, что его группа и играла всякое про драккары и северных богов — самое то.

И, конечно, все так же были разнообразные учебные курсы, уже не столько по школьной программе, тем более что та школа давно осталась позади, сколько просто на темы, по которым было интересно что-то узнать, обычно в связи все с тем же рисованием. Были ножевые тренировки, точнее, вполне равноправные тренировочные поединки. И все чаще Некромант задерживал на нем взгляд и говорил: «А ведь я за себя не поручусь, юный Скайуокер». Марек в ответ обзывался «Палпатином хреновым» и менял тему, потому что думать в эту сторону совершенно не хотелось. Хотя и было лестно, что Некромант так высоко его оценивает.

И были многочисленные выезды в город. В восемнадцать лет, как и обещал Прокси, Мареку открылись «просторы далекого космоса», и можно было не задумываться, в каких версиях его права действительны, а в каких нет. Его любимым направлением по-прежнему оставался город Прокси с его безумными эстакадами, где можно было дать себе волю и гонять, словно на треке, но Мареку нравилось и просто кататься, наблюдая, как меняется пейзаж за окнами машины. Дикую круговерть первого выезда он больше не повторял, хотя сейчас, пожалуй, вполне был бы в состоянии так сделать. Но зачем, если все версии ему и так открыты, а торопиться некуда? Тем более в такой день, как сейчас.

Строго говоря, день рождения у Марека был позавчера. Ему исполнилось двадцать лет. После гибели Птахи он хотел было вообще ничего не отмечать, но все получилось само собой — просто он пришел в гаражи и обнаружил костер и мангал из старого системника, прямо как на фестивале в Нижнем. И они с Прокси и Некромантом до глубокой ночи ели шашлыки и разговаривали. На следующий год Марек сам предложил повторить. Дома ему не давало бы покоя сравнение с тем, как было раньше, а такие посиделки у костра, идеально лежащиеся во все рассказы о Внешних, оказались самым удачным вариантом. Так и повелось. Позавчера был такой же костер с шашлыками, тем более что и погода стояла не по-ноябрьски теплая. Но еще Мареку хотелось отметить этот день рождения, так сказать, самому с собой. Вот так приехать одному в кафе, заказать всякой вкуснятины, сидеть и смотреть на город. Чем он сейчас и занимался.

— Что-нибудь еще? — любезно поинтересовался возникший у столика официант. Марек усмехнулся про себя — вот же выучка! Со своими длинными волосами, кожаной курткой и шрамом через бровь Марек, конечно, сильно выделялся на фоне посетителей этого кафе, и с ним не было Прокси, чтобы «навести морок». Или этот браслет для платежей и прочего и такое умеет? Да нет, Марек вон смотрел через «умный объектив», который ему установил все тот же Прокси — никаких фокусов, он для всех так выглядел. Однако же официант и бровью не повел, принимая заказ, и сейчас улыбался Мареку так же, как и всем остальным.

— Вишневый чай и безе, — немного подумав, ответил Марек. То и другое прилетело

словно по воздуху, и Марек снова повернулся к стеклу, дожидаясь, пока чай настоится как следует. Теперь его взгляд привлекла глухая темнота Нижнего города. Только теперь она уже не пугала. Его самого там боялись больше.

Марек сам не мог бы описать, что движет им, когда он в очередной раз срывается на знакомый зов. Он не назвал бы это мстью, хотя ему часто думалось, что среди его противников есть кто-то из убийц Птахи. Но с той бандой они с Прокси вроде бы покончили. Впрочем, не в ней дело. В Нижнем городе, во всех его проявлениях, было множество тех, кто ненавидел «этих Внешних», да и просто агрессивной шпаны, вроде компании, избивавшей на камеру мелкого Вадика. Марек умел их чувствовать. И в такие моменты его накрывала волна ледяной ярости: этого быть не должно. И не будет. Почему-то подумалось — наверное, много лет назад таким был Некромант. «Своего места я врагу не пожелаю», — сказал он Змею, которого уже нет. Но в то же время Марек знал: пусть Некромант — его наставник, но у него другая задача. «Я тоже пес. Крыс гоняю». Марек недобро усмехнулся.

Чай закончился, да и сидеть на одном месте немного надоело. Марек подозвал официанта, уже привычно рассчитался браслетом и отправился на парковку, где среди черных, бежевых и серебристых представительских авто ярким пятном выделялась его алая «Камаро». «Не рассыплется на пандусе?» — хмыкнул какой-то прилизанный парнишка, точь-в-точь Никитос, только помладше. Марек молча развернулся к нему, положив руку на нож. Парнишка что-то пискнул про охрану и предпочел исчезнуть. И правильно. Не то чтобы Марек сильно смущала та охрана, просто не хотелось портить хороший день. Если этот юморист и пошел кого-то звать, к их возвращению никакой «Камаро» на парковке уже не было — она неслась вниз по серпантину, и Марек довольно улыбался.

Понимал бы чего этот прилизанный. Оно понятно, что даже по меркам родного города Марек машины, у кого они были, устаревали за три-пять лет, что говорить о здешних краях — для них «Камаро» была седой древностью. Но сейчас по эстакаде несся не кое-как отполированный и подкрашенный своими силами реликт, а машина, которую довел до ума Некромант, лучший механик среди Внешних. Марек даже не пробовал вникать, из какого состояния он ее поднимал и сколько это потребовало сил — воображения не хватало. Оставалось только в лучших традициях мелкого Вадика восхищенно вытаращить глаза.

Марек немного прокатился вдоль купола, накрывающего Старый город, и понял, что нужно перебираться куда-нибудь еще. Где можно заехать в центр. Здесь, конечно, все сохранилось куда лучше, чем в его родном городе, но выглядело совершенно неживым. Все равно что макет. Дорога, как всегда, откликнулась, и вот уже никакого купола не было. А был тот город, который помнил мелкий Вадик. Не то чтобы Марек по нему так уж скучал, но где-то внутри возникло знакомое чувство: он именно там, где и должен оказаться. Правда, Марек пока не мог понять, в чем дело — это не было похоже на привычный зов, он не ощущал угрозы, но где-то здесь происходило что-то, касающееся именно его. Или должно было произойти. Ладно, вариант не хуже прочих, можно подождать, пока станет понятнее, а пока, например, немного пройтись. День выдался из хороших, ранний вечер окрасил небо в красивый сиреневый оттенок, и почему бы, собственно, немного не прогуляться по Старому городу? Марек вышел из машины, отметив, что фары несколько запылились, надо бы протереть — дело к вечеру. Так что он полез за тряпкой и спреем. Пока он приводил фары в подобающий вид, откуда-то сбоку послышался детский голос:

— Ух ты, смотрите, машина как в том кино!

— Точно! — ответил другой. — Ребят, погодите, я сфоткать хочу!

— Ты что! — испуганно воскликнула, судя по всему, девчонка. — Нельзя же!

— Ирка, не дури! Ну не он же это на самом деле!

— А кто? — не сдавалась Ирка. — Таких машин вообще больше нет!

— Бу, — сказал Марек, оборачиваясь в сторону тротуара. Группу школьников как ветром сдуло, он еще успел услышать возглас «Говорю же, он!». Марек посмеялся про себя, но вместе с тем его разобрало любопытство. Конечно, он давно был в курсе, что попал в городские легенды, как почти любой Внешний, но ничего связанного с его машиной пока не слышал. Интересно, что эти мелкие имели в виду и кто он, по их мнению, такой? Они еще и какое-то кино упоминали... Держась на расстоянии, чтобы не пугать детей лишним раз, Марек пошел за ними. Ребячество, конечно, но почему бы и нет. Тем более что у него крепло ощущение, что это почему-то важно.

По большому счету, совершенно ничего не говорило о том, что эта мелюзга куда-то идет вместе. «Ага, мелюзга», — усмехнулся Марек. Им было лет по четырнадцать — столько же, сколько мелкому Вадику, когда он ушел к Внешним. Но это было неизмеримо давно. В общем, они вполне могли возвращаться с экскурсии или даже просто из школы и потом разбежаться по домам. Но он откуда-то знал, что это не так. И действительно, свернув за угол, он увидел, как вся эта компания скрылась за дверью кинотеатра.

Марек зашел в фойе. И даже сам удивился ощущению некоторой скуки. Мелкий Вадик за возможность вырваться в кино без нудежа брата про дурацкие фильмы и позднее время сеансов душу бы продал, потому что фильмы на компе — это неплохо (к дорогущему телеку Никитос его не подпускал), но огромный экран и звук, мягкие кресла и неизменное ведро попкорна — это же совсем другое дело! Но у Марека и реальная жизнь не уступала иному кино. Нет, любимые фильмы он по-прежнему с удовольствием пересматривал, но вот так пойти в кинотеатр просто ради процесса уже было неинтересно. Он огляделся — ну да, десятая часть какого-то очередного комикса, вариация на тему какой-то очередной классики, пара полнометражных мультиков и что-то задуманное как комедия, судя по исключительно тупым физиономиям. Марек уже повернулся, чтобы уйти, но резко прирос к месту.

На афише красовалась лихо затормозившая после крутого виража красная «Камаро». Точно такая же, что была припаркована в квартале отсюда. А перед ней в пафосной позе стоял... ну, с поправкой на художественные условности, это был сам Марек. Хотя с тем же успехом мог бы быть Энакин Скайуокер. Сзади кто-то проворчал: «Совсем у киношников типажи кончились? Нельзя же настолько из «Мести ситхов» драть!». Марек хотел повторить номер и внезапно оглянуться, но ворчун уже ушел. Да и не факт, что сопоставил бы. Такого кожаного прикида в черно-красных тонах у Марека сроду не было, он вообще черный цвет не очень любил и носил редко. И его длинные волосы могли бы лежать такими аккуратными локонами разве что после пары часов в парикмахерской, а дорогу туда он забыл еще до ухода к Внешним. В общем, на афише красовался типичный такой герой боевика, чью красоту не в силах испортить даже лужа крови у ног и точно рассчитанные пятна той же крови и дорожной пыли. Крупный серебристый шрифт гласил: «Призрак трассы». И ниже, чуть мельче: «Городские легенды не лгут».

— А что за легенды-то такие? — спросил кто-то за спиной у Марека. То ли из давешней компании, то ли еще кто-то. Ну правильно, если судить по афише — самое то для подростков.

— Ну ты даешь! — удивился второй голос. — Ты что, про Гонщика никогда не слышал? Чего тогда вообще в кино пошел? Про Внешних ты хоть знаешь?

— Ну кто ж про них не знает! — обиделся первый. — Только, по-моему, сказки все это.

— Может, сказки, а может, и нет. Короче, — рассказчик заговорщически понизил голос, — есть такой Гонщик, красавец невероятный, ездит на такой вот красной «Камаро». Да, древняя, но Внешним какая разница. У них машины заговоренные, им повредить невозможно, и водителю ничего не сделаешь, пока машина цела. Короче, Внешние и так-то не пойми кто, они не люди вообще, а Гонщик — так и совсем. Он потому и красив, как дьявол, что он дьявол и есть. Ну, демон, точнее. Встретишь кого из Внешних — просто уберись с дороги и не заговаривай с ними, тогда в живых останешься. А Гонщику даже в глаза смотреть нельзя. Потому что один раз посмотришь — и все. Уйдешь за ним и не вернешься.

— Сказки, — пацан старался говорить скептически, но в голосе звучал испуг. Марек почти уткнулся носом в афишу, стараясь не ржать.

— Может, сказки, а может, и нет, — повторил рассказчик. — Трупы-то находят, и везде красную «Камаро» видели. И просто люди пропадают. Вообще, я слышал, что Гонщика когда-то самого так же забрали. Ну то есть был он обычным пацаном, вот как ты или я, и этот самый демон в него вселился, ему новое тело нужно было. А значит, тот, кого он заберет, сам им станет.

— Фигня это все, — подключился третий голос. — Я вообще другое слышал. Никакой он не демон и не всякая такая жуть. Он приходит за теми, кому в городе плохо. Так, собственно, Внешние и появляются.

— А разница-то, — рассказчик стоял на своем. — Что так, что так уходят и не возвращаются. Пошли, народ, сейчас начнется уже.

Тут Марек все-таки обернулся от афиши. Один из пацанов — видимо, тот, что рассказывал — ойкнул и шарахнулся в сторону, второй проговорил «да ну, просто похож», но без особой уверенности. Тем временем к компании присоединился еще один, закупавший на всех попкорн, и они двинулись в зал. Марек проводил их взглядом и рухнул на подвернувшийся диванчик, давась от смеха. Нет, он всегда любил боевики, даже тупые, но угораздило же оказаться главным героем! «Это они еще Птаху не застали». Хотя тогда фильм был бы точно не для школьников. Марек включил фронтальную камеру, заснял собственную растрепанную физиономию на фоне афиши и отправил Прокси. От того пришло пол-экрана ржущих смайликов.

Но смех смехом, а кое о чем эти мелкие правильно догадывались. И про то, что Марек самого когда-то забрали из города, и про бессмертие Внешних. Только вот с машинами оно никак не связано. Марек невольно коснулся своей кожаной куртки там, где она была пробита на груди.

Впервые это случилось около года назад. Повторилась почти та же история, в которой погиб Птах — Марек вступился за другого Внешнего. Тот парень успел уйти, а Марек остался один против разъяренных «нижних». Он ясно помнил, как пропустил удар, и мир начал заволакиваться слишком знакомым туманом — но внезапно реальность раздвоилась, словно неудачное трехмерное изображение. В одном «измерении» Марек, схватившись за грудь, медленно осел на колени и завалился набок — но он же твердо стоял на ногах и был готов продолжать бой. Правда, было уже не с кем. Через секунду раздвоенность исчезла. Марек был жив, хотя и понимал, что его задели, и задели серьезно. И с той же ясностью он

понимал — для своих противников он так и остался валяться на асфальте. Потому они и ушли, сочтя, что дело сделано. Он с трудом добрался до дома, отлеживался еще несколько дней — но по сравнению с тем, что могло бы быть, конечно, полная ерунда. На память остался еще один шрам и дыра на кожаной куртке.

Марек не рассказывал эту историю Некроманту и Прокси — те, похоже, и так все знали. «Моими дорогами ходишь, юный Скайуокер», — повторил тогда Некромант. Марек сначала не понял его, потом вспомнил, как возвращался — конечно, обычным путем он бы просто не доехал. Было еще два таких эпизода, и каждый раз Марек долго приходил в себя. Дело было даже не в его состоянии — удар, который должен был стать смертельным, мог вообще пройти мимо. Но каждый раз в такие моменты слишком отчетливо вспоминалась та «развилка», по которой ушел Птаха. Собственно, поэтому Мареку и не хотелось связываться с охраной того бизнес-центра — уж очень неприятно «уходить на перезагрузку», говоря словами Прокси. Даром что у того самого Прокси, конечно, все было гораздо жестче.

Марек встряхнулся. Куда-то он совсем не туда стал думать, да и персонал кинотеатра поглядывал на парня, так похожего на персонажа с афиши, который как будто прирос к дивану в фойе. «Посмотреть этот шедевр, что ли?» — усмехнулся про себя Марек. Нет, настроения определенно не было. Может, потом с Прокси приедут повеселиться. Надо будет, что ли, все-таки косухой обзавестись, для соответствия. А пока Марек встал, напугав резким движением уборщицу, и вышел на улицу. Смутное ощущение чего-то важного снова вернулось и звало дальше.

— Что, под киношку косим? — поинтересовался категорически недружелюбного вида парень, возникая из переулка. Говорил, что характерно, нарочито громко, явно на публику. Марек быстро глянул по сторонам — да, там точно маячит группа поддержки, но пока держится в тени. Серьезной угрозы не представляют, разве что их там много. Так что он ничего не стал отвечать и двинулся дальше.

— Киногерой, тоже мне... — все так же нарочито громко продолжал парень, добавив заковыристое ругательство. Марек демонстративно повернулся к нему спиной и чуть ускорил шаг. Парень поравнялся с ним и как будто невзначай толкнул в плечо. Это стало знаком — в переулке нарисовалась «группа поддержки». Правда, немного поздно — их лидер уже валялся на тротуаре. Без шансов встать.

— Да ты!.. — один из парней рванул к Мареку. Внезапно его попытался удержать кто-то из своих:

— Эй, а может, это тот самый?

— Какой «тот самый», блин! Ряженный, туда его... — он оттолкнул приятеля, на ходу выхватывая нож. Марек скривился — вот хотелось же спокойно провести день! Видимо, не судьба. Но вот уж чего он точно не собирался — это доводить до очередной «перезагрузки». Хватит с него. Это была последняя отчетливая мысль, прежде чем окружающий мир опять куда-то ушел.

Реальность вернулась, и Марек почувствовал, что улыбается. По большому счету, он не испытывал злости на этих деятелей. Он вообще ничего к ним не испытывал, кроме некоторой досады — точно не они были тем важным, что привело его сюда. Зато не скоро здесь в следующий раз кто-то полезет к прохожим. Просто потому, что лезть особо некому. Вон, первого нападавшего Марек просто смахнул и даже не заметил. С остальными было немного сложнее из-за количества, но, в общем, ничего особенного. Он еще раз оглядел переулок и ушел.

Волосы неприятно липли ко лбу. Марек откинул лезущую в глаза прядь и увидел на пальцах кровь. Странно, сам он при этом ничего не чувствовал. То ли адреналин еще не схлынул, то ли кровь все-таки не его. Надо бы умыться. В машине оставалась бутылка воды, но возвращаться не хотелось. Вот вообще. Ему не понравилось это ощущение — в прошлый раз так было, когда погиб Птаха. Впрочем, Марек с детства не любил возвращаться за забытым. Так что, возможно, все это ничего не значит. А вода... что-нибудь найдется. Марек хлопнул себя по лбу, еще сильнее перепачкал руку и выругался. Практически в прямой видимости была станция электрички. А там точно будет или питьевой фонтанчик, или кран в туалете. Марек ускорил шаг — но, дойдя до лестницы на платформу, забыл, зачем шел.

Это была та самая станция, где когда-то закончилась жизнь мелкого Вадика. Одна из жизней. Как и следовало ожидать, несмотря на весь шум в сети, никто так и не озаботился ни ограждениями, ни сносом станции, где давно уже ничего не останавливалось. Предупреждающий знак еще больше проржавел, но оцепеневший силуэт и фара поезда были еще видны. И совершенно такой же силуэт, только черный, стоял у выхода на платформу.

Сам не вполне понимая, что и зачем он делает, Марек быстро поднялся по ступенькам. Невысокий подросток обернулся на звук шагов, и Марек даже зажмурился — на него смотрел Валерка.

Что за черт? Неужели в разных версиях и время идет по-разному? Нет, Птаха был праг — тогда ничего бы не случилось. Ни с его братом, ни с мелким Вадиком, ни с ним самим. И, конечно, тому Валерке сейчас ровно те же двадцать лет, что и самому Мареку, а этому пацану было от силы четырнадцать. Но до чего же похож! Те же мягкие, совершенно девчоночьи темные локоны и челка до бровей — сколько Валерку дразнили за эту прическу, а мелкий Вадик его защищал! Та же черная водолазка и джинсы, совершенно не по погоде, ведь уже ноябрь, а к ночи холодает. И главное — те же огромные печальные темно-карие глаза. Под взглядом которых Мареку, взрослому Внешнему, только что убившему нескольких человек, было неуютно.

— Я знаю, кто ты такой, — проговорил подросток. Черт, и голос точь-в-точь Валеркин! — Там, в кино — это все так, ерунда. Ты и есть Гонщик, я знаю.

— Допустим, — Марек сам не узнал собственный голос. Подросток подошел ближе и взглянул на него снизу вверх:

— Говорят, ты можешь увести с собой. Навсегда. Еще говорят, что тех, кто ушел с тобой, ты просто убиваешь — ничего, я готов. Возьми меня с собой.

Марек опустился на одно колено. Не столько чтобы оказаться на одном уровне, сколько потому, что ноги его не держали. «Я тебе, блин, кто?». Перед глазами встал дождливый мартовский день, отрешенный взгляд Тундры и темный клинок в руке Некроманта. Марек закусил губу и почувствовал привкус крови.

— Как тебя зовут? — голос окончательно отказался повиноваться, получился какой-то хриплый шепот. Но подросток слышал его.

— Валера. Но обычно Вэл.

Все-таки не он. Валерка не признавал никаких других сокращений от своего имени. Но это неважно. Марек смотрел в огромные темные глаза и с той же кристальной ясностью, что и в ночь гибели Птахи, понимал, что уже все про этого Вэла знает. Эхом его мыслей Вэл начал говорить — совпадало решительно все. Мальчик-отличник, надежда семьи и школы, призер всех возможных олимпиад, блестящая карьера расписана на двадцать лет вперед... и отчаянное желание быть просто обычным мальчишкой, который может и повалить дурака, и

побеситься с друзьями. Только вот этих самых друзей у Вэла не было. Был один лучший друг — но его не стало. И Вэл принял отчаянное решение.

— Я так больше не могу, — сказал он. — Тут ходит экспресс... но если я встретил тебя, так даже лучше. Ты ведь сможешь... чтобы не больно?

Его глаза выглядели абсолютно черными. Марек скрипнул зубами. Наверное, он не должен так делать, он сам еще слишком молод и уже дважды видел, что из этого получилось... но поступить иначе он просто не мог. Он взял руки Вэла в свои. Черт, кровь он так и не отмыл — да и ладно. Вэл даже не обратил внимания.

— Я действительно могу увести с собой, — заговорил Марек. — И действительно навсегда, хотя и не так, как ты думаешь. Я не демон, не падший ангел и не прочая нечисть, но я Внешний. Ты, наверное, знаешь, что это значит.

— Конечно! — глаза Вэла блеснули. Всего на долю секунды, но все лучше, чем эта бездонная чернота и потухший голос. — Это же... за городом, на крутых машинах... И ты правда можешь взять меня туда? Но я ничего такого не умею...

— Научим, — улыбка вышла очень кривой, но Марек был рад, видя, что Вэл улыбнулся в ответ. — Вот лично я и научу. Но только при одном условии. Я могу взять к себе только того, кто назовет себя моим Пассажем. Это даже больше, чем ученик — это, пожалуй, названный брат.

— То есть... ты как бы станешь моим старшим братом? И... я больше не буду один?

В глазах Вэла выступили слезы. Марек лишь молча кивнул — и Вэл бросился ему на шею. Совершенно не смущаясь тем, что лицо и куртка Марека уделаны кровью. В этот момент у Марека исчезли последние сомнения. Он собирался сделать единственно правильную вещь.

— Послушай... брат, — как давно Марека так не называли... — вопрос безумно своевременный, но как тебя зовут?

— Камаринский. От «Шевроле Камаро». А сокращенно — Марек. Будем знакомы?

— Да! — Вэл снова повис у него на шее. Марек аккуратно отцепил его — еще не все было сказано.

— И еще. Это действительно дорога в один конец. И если ты идешь со мной — отныне я за тебя отвечаю жизнью. У нас можно все, кроме того, что нельзя, — он усмехнулся, вспомнив Прокси, — но уж что нельзя — то нельзя.

— Я всему научусь, — твердо сказал Вэл. — Мне незачем здесь оставаться. Я готов идти с тобой и стать Внешним, как ты.

И тогда Марек протянул Вэлу руку и с расстановкой произнес:

— Будь моим Пассажем.

Конец первой книги

Больше книг на сайте - Knigoed.net